

Фестиваль
НАСЛЕДИЕ

ЗВС-18

Стратегии
империи

2018 / 57

прекариат / precariat

проект
байкал /
project
baikal

12+

ALFRESCO™

НАРУЖНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ
www.allfresco.ru

Компания ALFRESCO
Москва, ул. Верхняя Первомайская д.43/24, оф. 27
+7 495 290-31-30, +7 495 290-31-32
E-mail: info@allfresco.ru
www.allfresco.ru

Тема нынешнего номера – из самых сложных и спорных тем нашего непростого времени. Рождение нового класса, названного прекариатом, было зафиксировано буквально только что: новый термин введен в обращение семь лет назад англичанином Г. Стендингом. Прекариатом (по аналогии с «пролетариатом»); от латинского *precarium* – ненадежный, нестабильный) он назвал новый класс, зарождающийся на наших глазах и несущий в себе огромный разрушительный потенциал.

Узел проблем, объединенных понятием «прекариат», включает экономику, робототехнику, социологию, демографию. Тут и проблема мигрантов, затопивших богатые страны. И жутковатый вопрос: куда девать людей, для которых больше нет работы ни в промышленности, ни даже в сфере услуг? Перспективы пространственного развития России и имперский подход. Реновация (реанимация?) малых городов, оказавшихся в положении прекариатов. В России будущее пока лучает дополнительный заряд неопределенности из-за того, что неясны стратегии геополитического развития.

Порожденные вызовами нового тысячелетия, процессы под общим названием «прекариат» сложны и многообразны. Мы попробовали дать обзор мнений и высказываний на эту тему самых разных людей – ученых, теоретиков архитектуры и ее признанных мастеров-практиков.

Елена Григорьева

The topic of the current issue is one of the most complicated and contentious issues of our uneasy time. The emergence of a new class called precariats has been identified just recently: this new term was introduced by G. Stending from Great Britain seven years ago. He called the new class currently emerging and bearing a huge devastating potential “precariat” (similar to “proletariat”, from Latin *precarium* – unreliable, unstable).

The tangle of problems united by the term “precariat” includes economics, robotics, sociology and demography. It embraces the problem of migrants flooding rich countries, as well as an ominous question: where to place people who no longer have an opportunity to work in industry or services? The prospects of space development of Russia and the imperial approach. Renovation (reanimation?) of small cities, which found themselves in precarious situation. In Russia, the future gets an additional charge of uncertainty because the strategies of its geopolitical development are ambiguous.

Triggered by the challenges of the new millennium, the processes generally called “precariat” are complicated and diverse. We have tried to do a review of opinions and thoughts on this subject expressed by different people – scientists, architectural theoreticians and renowned architectural practitioners.

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала издателю Барту Голдхоорну, издательству **А-Фонд**, а также Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007

учредитель, главный редактор
Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

**корректор,
литературный редактор**
Марина Ткачева

верстка
Татьяна Анненкова

перевод
Анна Григорьева

редактор раздела «Дайджест»
Наталья Коваль

адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3952 33-28-39
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

На обложке
актуальные работы стрит-арт художника
Бэнкси

адрес типографии
000 «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 3/4
Тираж 300 экз. Заказ
Подписано в печать 17.09.18
Журнал №57 от 21.09.2018

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Периодичность 4 раза в год
Цена свободная
12+

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture "Interarch-2009" in "Periodicals" category

57
прекариат /
precariat

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс Академии Google (**Google Scholar**)
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich's Periodicals Directory

- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCs**
- проект **SHERPA/RoMEO**
- база данных **PKP index**
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
	Константин Лидин	Заметки научно мыслящего культуролога по поводу фестиваля «Архитектурное наследие 2018».....	6
	Тимофей Багнетов	Современность в гармонии с традициями	8
зодчество в сибире	Елена Григорьева	Хроника	14
		Впечатления участников	22
		Каталог.....	26
		Постройки.....	26
		Проекты.....	30
		Пропаганда архитектуры (научные труды, издания, публикации)	37
		Творчество молодых архитекторов и студентов	38
		Детское архитектурно-художественное творчество.....	41
		Список участников фестиваля	43
	Татьяна Дьякова	Гран-при ЗВС-18. Храм Иверской иконы Божией Матери в Ижевске.....	44
	Сергей Зыков	Гран-при «Алтай». Архитектурная концепция административного комплекса АЦЗ Промышленно-металлургического холдинга в Туле	46
	Евгений Зайцев	Второй в России.....	48
объект номера		Тэнери значит Небо	57
	Виктор Малафеев	Комментарий автора.....	61
	Валентина Казакова	Комментарий проезжего архитектора	65
	Константин Лидин	Комментарий культуролога.....	67

Special thanks to Bart Goldhoorn and to A-Fond publishing house for their help and support in creating the journal; and to Frank van der Hoeven for his support and website development

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief
E.I. Grigoryeva
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a, Irkutsk, Russia
proofreader,
literary editor
Marina Tkacheva
upmaking
Tatyana Annenkova
translation
Anna Grigorieva
editor of the digest
Natalia Koval
address of the publisher
and the editorial board
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839,

email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

Cover image:
challenging street artworks by Banksy

printed by
000 "Типография Print Line"
Sergeeva Street 3/4 Irkutsk
print run 300

Passed for printing: 17.09.18
Issue 57 as of 21.09.2018

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors

quarterly publication
free price

The journal is registered in the following international databases:

- Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
- **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- **Google Scholar**
- **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (**OAI**)
- **JournalTOCs**
- **SHERPA/RoMEO**
- **PKP index**
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database

12+

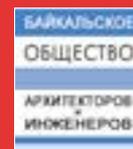
Журнал является медиа-партнером международных конкурсов: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID и Kaira Logo, архитектурного фестиваля «Зодчество» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID and Kaira Logo, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

спонсоры номера

Иркутская
организация САР

прекариат	.....	69
Константин Лидин	Города Прекариатов	70
Леонид Салмин	Архитектура – с корнями и без корней	76
Максим Привалов	«Лишние люди» XXI века как проблема урбанистики и не только	87
Елена Багина	Путь от Дома, или «человек-ящик».....	94
Ольга Смирнова	О приключениях мексиканцев в Америке	98
Франк ван дер Хувен	Woonschool. Еще одна попытка голландских муниципалитетов привить достойный образ жизни антисоциальным и нестабильным семьям	100
стратегии империи	.....	101
Елена Григорьева	.....	101
Александр Кузьмин	Архитектура, градостроительство, строительство – вызовы современности	106
Андрей Боков	О стратегии пространственного развития	112
прекариатство малых	.....	125
Елена Григорьева	.....	125
Артём Черников	Осташков. Возможность возрождения.....	126
Артём Черников	Осташков. Бульвар	128
Михаил Разумовский	Суздаль. Зарядье. Активация. Концепция развития и благоустройства территории Зарядья в городе Суздаль Владимирской области	130
Кристиан Хорн	Городские центры на территории парижской метрополии.....	132
креативный класс	.....	145
Константин Лидин	.....	145
Александр Раппапорт	Суд Линча над архитектурой	146
Александр Раппапорт	Недооценка архитектуры.....	147
Константин Лидин	Преодоление прекариатства.	150
Елена Булгакова	Архитекторы для экономики переживаний.....	
Георги Станишев	«Плавающий» модернизм	153
авторы	.....	165

news	Anna Grigoryeva	International Architecture News	5
	Konstantin Lidin	Notes on the Festival “Architectural Heritage 2016” Made by a Scientifically-Minded Culturologist	6
	Timofei Bagnetov	Contemporaneity in Harmony with Traditions	8
zodchestvo in Siberia		.....	11
	Elena Grigoryeva	Chronicle	14
		Impressions of the Participants	22
		Catalogue	26
		Constructions	26
		Projects.....	30
		Propaganda of Architecture (Scientific Articles; Issues; Publications)	37
		Creative Works by Young Architects and Students.....	38
		Children's Architectural and Art Creativity	41
		The List of Participants of the Festival	43
	Tatyana Dyakova	Grand Prix of the “Zodchestvo in Siberia 2018”. The Temple of the Iverskaya Icon of the Mother of God in Izhevsk.....	44
	Sergey Zykov	Grand Prix “Altai”. The Architectural Concept for the Office Complex of the Asphalt-Cement Plant of the Industrial Metallurgical Holding in Tula.....	46
	Evgeny Zaitsev	The Second in Russia	48
object of the issue		Teneri Means the Sky	57
	Victor Malafeev	The Author's Comments	61
	Valentina Kazakova	The Comments of the Architect Passing By.....	65
	Konstantin Lidin	The Culturologist's Comments.....	67
		.....	69
4 precariats	Konstantin Lidin	Cities of the Precariat	70
	Leonid Salmin	Architecture, Rooted and Unrooted.....	76
	Maxim Privalov	“Needless People” of the 21st Century as a Problem of Urban Studies and not Only.....	87
	Elena Bagina	The Way from Home, or the “Box Man”	94
	Olga Smirnova	Adventures of Mexicans in America.....	98
	Frank van der Hoeven	Woonschool. Dutch cities try once more to school anti- and weak social families to live like decent citizens	100
the imperial strategies	Elena Grigoryeva	.....	101
	Alexander Kuzmin	Architecture, Town Planning, Construction – Contemporary Challenges	106
	Andrey Bokov	On the Spatial Development Strategy	112
precarity of small towns	Elena Grigoryeva	.....	125
	Artem Chernikov	Ostashkov. The Possibility of Rebirth	126
	Artem Chernikov	Ostashkov. The Boulevard	128
	Mikhail Razumovsky	Suzdal. Zaryadye. Activation. The concept for development and improvement of Zaryadye territory in Suzdal, Vladimirskaya oblast	130
	Christian Horn	City Centres in the Paris Metropolitan Area	132
the creative class	Konstantin Lidin	.....	145
	Alexander Rappaport	The Lynching of Architecture	146
	Alexander Rappaport	Undervalued Architecture	147
	Konstantin Lidin	To Overcome the Precarity. Architects for the Experience Economy	.....
	Elena Bulgakova	.....	150
	Georgi Stanishev	“Floating” Modernism	153
authors		.....	165

Regional Winners of the 8th Edition of the International VELUX Awards – Student Ideas Competition

The International VELUX Award has announced its Regional Winners for the 2018 Edition. The IVA is a biannual international student ideas competition organised around the theme, «Light of Tomorrow». Participants were asked to examine the future of daylight in the built environment, a topic that lends itself to imaginative, inventive and experimental approaches to the question of the role daylight plays in our daily lives.

The winners from the «Daylight in Buildings» category are:

– Western Europe: «Reaching the Light» by Joana Robalo, João Umbelino, Ana Azar, António Lopes and Miguel Pedro from Universidade de Évora in Portugal

– Eastern Europe and the Middle East:

«Light Forms Jugglers» by Anastasia Maslova from Kazan State University of Architecture and Engineering in Russia

– The Americas: «Light Liquefaction» by Ziqi Chen, Shuaizhong Wang and Zeyu Liu from University of Virginia in the United States

– Asia and Oceania: «My Dead Relative in the Light» by Qi Wang, Jingkai Chen and Peilin Yin from Qingdao University of Technology in China

– Africa: «Light Pavilion» by Fatai Osundiji and Emmanuel Ayo-loto from Obafemi Awolowo University in Nigeria

The winners from the «Daylight Investigations» category are:

– Western Europe: «Cover to Reveal» by Brice Lemaire, Xiaolan Vandendries and Julien Obedia from Université Catholique de Louvain in Belgium

– Eastern Europe and the Middle East: «Cloud of the Polar Light» by Anna Borisova and Kamilla Akhmetova from Kazan State University of Architecture and Engineering in Russia

– The Americas: «Daylight to Water» by Stephen Baik, Abubakr Bajaman and John Nguyen from University of Toronto in Canada

– Asia and Oceania: «Road to Light» by Yuhuan Luo, Di Lan and Yusong Liu from Tianjin University in China

The winners will compete for the title of Global Winner at the World Architecture Festival in November 2018 in Amsterdam, The Netherlands.

More information:

<https://www.uia-architectes.org>

ITS LIQUID Contest

ITS LIQUID Group, a communication platform for contemporary art, architecture

and design, is proud to present a new edition of ITS LIQUID International Contest. The Contest is composed by ten categories: painting, photography, video-art, sculpture and installation, performing art, architecture, product design, fashion design, computer graphic, illustration and drawing.

ITS LIQUID International Contest winners will be selected by professional Jurors» vote (which will award 1 year of participation in International Art Exhibitions all over the world, 9 Contemporary Art exhibitions, 30 featured articles on the ITS LIQUID platform) and by Public vote (which will award a featured article on the international magazine ArtStyle).

The deadline for registration is January 28, 2019.

More information:

www.itслиquid.com/contest/

Международные новости архитектуры / International Architecture News

Региональные победители конкурса студенческих идей Международной премии VELUX-2018

Группа компаний VELUX объявила региональных победителей Международного архитектурного студенческого конкурса, который проходит раз в два года и в 2019 году состоится в восьмой раз. Главная тема конкурса – «Свет завтрашнего дня». Участникам было предложено исследовать перспективы использования дневного света в городской среде, применить творческие, инновационные и экспериментальные подходы к решению вопроса о роли дневного света в повседневной жизни.

Победителями в категории «Дневной свет в строительстве» стали:

– Западная Европа: «Достижение света» Джоаны Робало, Жоау Умбелино, Аны Азар, Антонио Лопеса и Мигеля Педро из Университета Эворы (Португалия);

– Восточная Европа и Ближний Восток: «Волшебство света» Анастасии Масловой из Казанского государственного архитектурно-строительного университета (Россия);

– Северная и Южная Америка: «Разжижение света» Цзици Чена, Шуайжун Ванга и Цзеуй Лю из Университета Вирджинии (США);

– Азиатско-Тихоокеанский регион: «Свет в память об ушедших близких» Ци Ванга, Чжинкай Чена и Пейлин Инь из Технологического университета Циндао (Китай);

– Африка: «Павильон света» Фатай Осунджи и Эммануэля

Айо-лото из Университета Обафемы Аволово (Нигерия).

Победителями в категории «Исследования дневного света» стали:

– Западная Европа: «Приоткрывающая завесу» Брайса Лемера, Сяоланя Вандендриса и Жюльена Обедья из Левенского католического университета (Бельгия);

– Восточная Европа и Ближний Восток: «Облако северного сияния» Анны Борисовой и Камиллы Ахметовой из Казанского государственного архитектурно-строительного университета (Россия);

– Северная и Южная Америка: «Дневной свет для полива» Стивена Бейка, Абубакра Баджамана и Джоану Нгуена из Университета Торонто (Канада);

– Азиатско-Тихоокеанский регион: «Путь к свету» Юйхана Луо, Ди Лана и Юйсуня Лю из Тяньцзиньского Университета (Китай).

Региональные победители будут состязаться за звание мирового победителя на Всемирном фестивале архитектуры, который пройдет в ноябре 2018 года в Амстердаме (Нидерланды).

Дополнительная информация:
www.uia-architectes.org

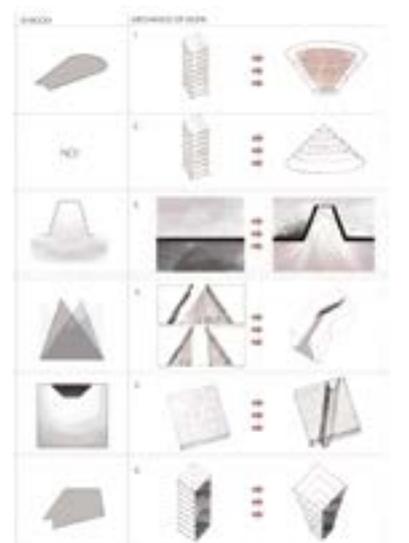
Конкурс ITS LIQUID

Информационная платформа ITS LIQUID Group, охватывающая сферы современного искусства, архитектуры и дизайна, приглашает к участию в очередном международном конкурсе ITS LIQUID. Конкурс включает в себя десять категорий: изобразительное искусство, фотография, видео-арт, скульптура и инсталляция, зрелищное искусство, архитектура, дизайн продукта, дизайн одежды, компьютерная графика, иллюстрация и рисунок.

Победители конкурса ITS LIQUID будут отобраны профессиональным жюри (в награду они получат один год участия в международных художественных выставках во всем мире и девяти выставках современного искусства, а также 30 статей, опубликованных в рамках платформы ITS LIQUID), и общественным голосованием (наградой станет публикация в международном журнале ArtStyle).

Конечный срок подачи заявок: 28 января 2019 г.

Дополнительная информация:
www.itслиquid.com/contest/

Автор делится впечатлениями о Первом московском фестивале, посвященном охране и реставрации объектов культурно-исторического наследия. Сделан вывод о недостаточном методологическом осмыслении проблемы объекта охраны. Нечеткие дефиниции сущности объекта культурного наследия мешают развитию данного направления, затрудняют взаимодействие органов охраны памятников с деловыми кругами и с общественными организациями.

Ключевые слова: архитектура; культурно-историческое наследие; фестиваль. /

The author shares his impressions on the First Moscow Festival devoted to preservation and restoration of the cultural and historical heritage sites. He makes a conclusion on insufficient methodological comprehension of the subject. Unclear definitions of the cultural heritage site hinder development of this sector and obstruct cooperation of the monument protection agencies with business communities and public organizations.

Keywords: architecture; cultural and historical heritage; festival.

< Золотой диплом проекту "Иркутские кварталы" от имени авторского коллектива получила архитектор Дарья Кремлева

Заметки научно мыслящего культуролога по поводу фестиваля «Архитектурное наследие 2018» /

Впервые в отечественной истории на престижной и обширной площадке Центрального выставочного зала Манеж прошел Всероссийский фестиваль с международным участием «Архитектурное наследие».

Такое не может не радовать. Престижность места и масштаб события – убедительное свидетельство того, насколько серьезно воспринимается сегодня благородное дело охраны и сохранения культурного (архитектурного) наследия. И на этом светлом фоне как-то неожиданно выглядела малолюдность фестивальных мероприятий. Совсем рядом кипела бурная, насыщенная яркими эмоциями жизнь футбольного чемпионата, а в манежных просторах одиноко бродили несколько десятков докладчиков и экспонентов. Вряд ли причиной была неопытность организаторов; скорее, отсутствие посетителей имело корни глубокие, идейно-методологические.

В программе фестиваля параллельно проходили два потока событий. Один поток образовался из докладов представителей самых разных областей и регионов – от Хабаровска до Архангельска. Вторым потоком шел обмен опытом авторитетных и заслуженных экспертов, теоретиков и практиков, архитекторов и реставраторов.

Несмотря на богатое разнообразие докладов, в обоих потоках постепенно начала мерещиться некая повторяющаяся схема. «Посмотрите, – говорили докладчики, – какие замечательные памятники

архитектуры находятся в нашем регионе, какие они уникальные и прекрасные. Но им грозят страшные опасности: они разрушаются, их надо срочно защитить от вандалов, жадных бизнесменов и даже от неквалифицированных или продажных реставраторов. А денег нет или, по крайней мере, их совершенно недостаточно для охраны таких ценных, уникальных и прекрасных памятников».

И все это очень искренне, правдиво, с душой и сердцем.

Три тезиса (памятники прекрасны – они разрушаются – а денег на охрану не дают) выглядели как замкнутый треугольник, внутри которого и циркулирует методологическая мысль.

В докладах европейских коллег прослеживается немного иная схема. На первый взгляд могло показаться, что европейский стиль включает некую открытость новым идеям. Докладчики из Италии, Германии, Нидерландов задавали аудитории много вопросов и постоянно подчеркивали незавершенный, поисковый характер своих работ. Но плотный регламент не оставлял шансов выслушать хоть какие-то ответы слушателей. Доклады следовали один за другим без малейшей паузы, и вопросы оставались риторическими. В итоге получался почти такой же замкнутый треугольник, что и у отечественных коллег. Только европейцы в основном жаловались на собственников объектов наследия, которые, в угоду своим коммерческим интересам,

перестраивают исторические здания, перекрашивают их и вообще всячески трансформируют, уничтожая при этом драгоценные стилеобразующие элементы. Так происходит потому, что эти самые элементы, придающие зданию культурно-историческую ценность, не видны простым глазом. Их различает только эксперт, причем единой методики выявления стилеобразующих признаков не существует, отчего взгляды различных экспертов категорически не совпадают. Пока речь идет о памятниках далеких эпох, некое общее мнение еще можно выделить. Готических соборов осталось мало, так что поставить их на одну стилистическую полочку все-таки удастся. Памятников XX века слишком много и они слишком разнообразны – никак не получается однозначно определить, в чем заключается «формула» стиля конструктивизм и какие именно детали придают зданию свойства «конструктивисткости» и, следовательно, подлежат охране.

Свежо и смело, по-европейски прозвучали выступления Никиты Игоревича Явейна. Его проекты как раз отличаются тем, что почти всегда обращены к негосударственным источникам денег. Вместо того, чтобы просить средства у правительственных структур (у которых, как известно, много не выпросишь), «Студия 44» находит способы привлечь инвесторов совершенно коммерческого свойства.

Среди проектов, о которых шла речь в докладе и на мастер-классе

Никиты Игоревича, были совсем удивительные – например, трансформация торфяной ТЭЦ в жилое здание. Это поражает воображение и внушает уважение. Это остроумно и талантливо. Методология здесь тоже довольно простая и понятная. Внутри памятника выделяется несколько элементов, в которых и сосредотачивается вся ценность, как культурная, так и историческая. Выделенные элементы фиксируются, иногда буквально повисают в воздухе на системе временных опор. Вокруг них все перестраивается и застраивается новыми материалами и новыми смыслами, имеющими коммерческую составляющую.

Эти самые выделенные элементы, разумеется, в процессе реставрации тоже меняют свои смыслы. Например, в уже упомянутой ТЭЦ сохранены огромные контейнеры для загрузки торфа, но теперь они являются такими необычными украшениями общественной зоны внутри здания. Как их будут воспринимать будущие жильцы – вопрос открытый. Но уж точно не в том смысле, в каком они были задуманы и изготовлены почти сто лет назад. И что при этом будет происходить с тем самым архитектурным наследием, которое, собственно, и подлежит охране?

Проекты «Студии 44» в предельной форме обостряют основной вопрос святого дела охраны памятников – вопрос объекта охраны.

Что такое культурно-историческая ценность, как ее измерить

^ Лауреаты первого фестиваля "Архитектурное наследие"

Notes on the Festival "Architectural Heritage 2016" Made by a Scientifically-Minded Culturologist

и где именно она сосредоточена? Об этот вопрос «спотыкается» большинство попыток договориться с коммерсантами; этот же вопрос образует почву для большинства споров и разночтений между практиками-реставраторами, он же мешает развиваться общественным движениям и работе с общественным мнением в нашем общем деле охраны архитектурного наследия.

Ситуация усугубляется тем, что в экспертной среде сама проблема идентификации сущности объекта охраны воспринимается с острым отторжением. Вопрос о том, что же именно мы охраняем, выглядит неприлично и даже святотатственно. Как это – что охраняем? Вы что, не понимаете, в чем заключается культурно-историческая ценность объекта? Ну и о чем тогда с вами вообще разговаривать?

В результате тема приобретает совершенно неуместную окраску, скорее характерную для проявлений религиозного фетишизма.

Поклонение неживым предметам имеет длинную историю. В росписях палеолита – только звери и люди, но неолитическая революция принесла и новые идеи воплощения божества в камень, древесину, кость и металл. Жители Оркнейских островов и египтяне, культуры ведические и друидические, черный камень Каабы и айфон-восемь-плюс – вот уже пятьдесят веков большинство человеческих фетишей сделаны самими же людьми. Их таинственную силу ведают жрецы. У них свои

проблемы: амулеты и идолы полны силы, но на уход за ними все время не хватает денег. Вопрос же о сущности таинственной силы просто неприличен и еретичен для каждого нормального человека.

Древняя традиция жреческого, мистического отношения к объектам культуры жива, прекрасно себя чувствует и продолжает конкурентную борьбу с научным мировоззрением. Отличие вполне очевидное – сектантский подход держится на нескольких запретных вопросах, которые нельзя задавать. В них следует просто верить по завету

Тертуллиана «Credo quia absurdum est». В научном методе запретных вопросов нет и быть не может.

Работа с архитектурным наследием, конечно же, дело святое. Но не в буквальном смысле.

**Константин Лидин /
Konstantin Lidin**

v Обладатели Гран-при фестиваля

Современность в гармонии с традициями / Contemporaneity in Harmony with Traditions

FUNDERMAX®

Стратегический партнер FunderMax в России – компания Декотек Инжиниринг www.dekotech.ru

Современный офисный центр часто ассоциируется с образами, созданными Норманом Фостером или Захой Хадид. Формирующиеся стереотипы и шаблоны накладываются друг на друга, и воображение рисует здание из стекла и бетона, упирающееся крышей в облака. В результате современные бизнес-центры возвышаются над узкими улицами, в том числе и над исторической застройкой, меняя сложившийся за века облик города.

В 2014 году перед архитектором Иваном Логиновым (BURO 2+2; www.ab2p2.ru) встала довольно сложная задача. Он должен был построить новый, современный бизнес-центр на одной из старых улиц Москвы, в Большом Саввинском переулке.

Большой и Малый Саввинские переулки, а также Саввинская набережная получили названия

во второй половине XIX века по находившейся здесь в XV–XVII веках Патриаршей слободе Саввина (Саввинского) монастыря и церкви Святого Саввы (известна с 1454 года, снесена в 1931 году). Большой Саввинский переулок частично застроен современными зданиями, но остались и старые особняки, имеющие деревянные фасады XIX века.

С давних времен дерево в России являлось основным строительным материалом. И сейчас оно выделяет здания в застройке мегаполиса.

Новый бизнес-центр планировалось разместить напротив особняка помещика Котова (постройка XIX века) с наличниками и фасадом из натурального дерева. Архитектору предстояло интегрировать бизнес-центр в существующую застройку и архитектурную среду.

Идея архитектора состояла в использовании современных дол-

говечных материалов. При этом они должны были создать образ здания, вписывающегося в историческую застройку, и – одновременно – имеющего современные черты.

Применение натурального дерева на фасадах зданий небезопасно по причине его горючести и сопряжено с дополнительным уходом, и, соответственно, расходами по регулярной защите от выцветания, рассыхания и гниения.

Для создания фасада были выбраны экстерьерные HPL-панели **FunderMax** (Австрия) коллекции Nature с имитацией декоров под дерево и контрастного интенсивного однотонного декора 0725 Yellowish Green серии Colour.

Панели **Max Exterior** от компании **FunderMax** применяются на российском рынке вентилируемых фасадов с конца XX века. На сегодняшний день **FunderMax GmbH** является одним из лидеров

в создании экстерьеров за счет безупречного качества, уникальной коллекции непревзойденных декоров, а также инновативных запатентованных решений, в том числе по защите от ультрафиолета. Деятельность компании отмечена многочисленными наградами и премиями.

В системе вентилируемых фасадов панели **Max Exterior** имеют класс пожарной опасности строительных конструкций К0, что позволяет монтировать панели **FunderMax** на фасады жилых и общественных зданий высотой до 75 м.

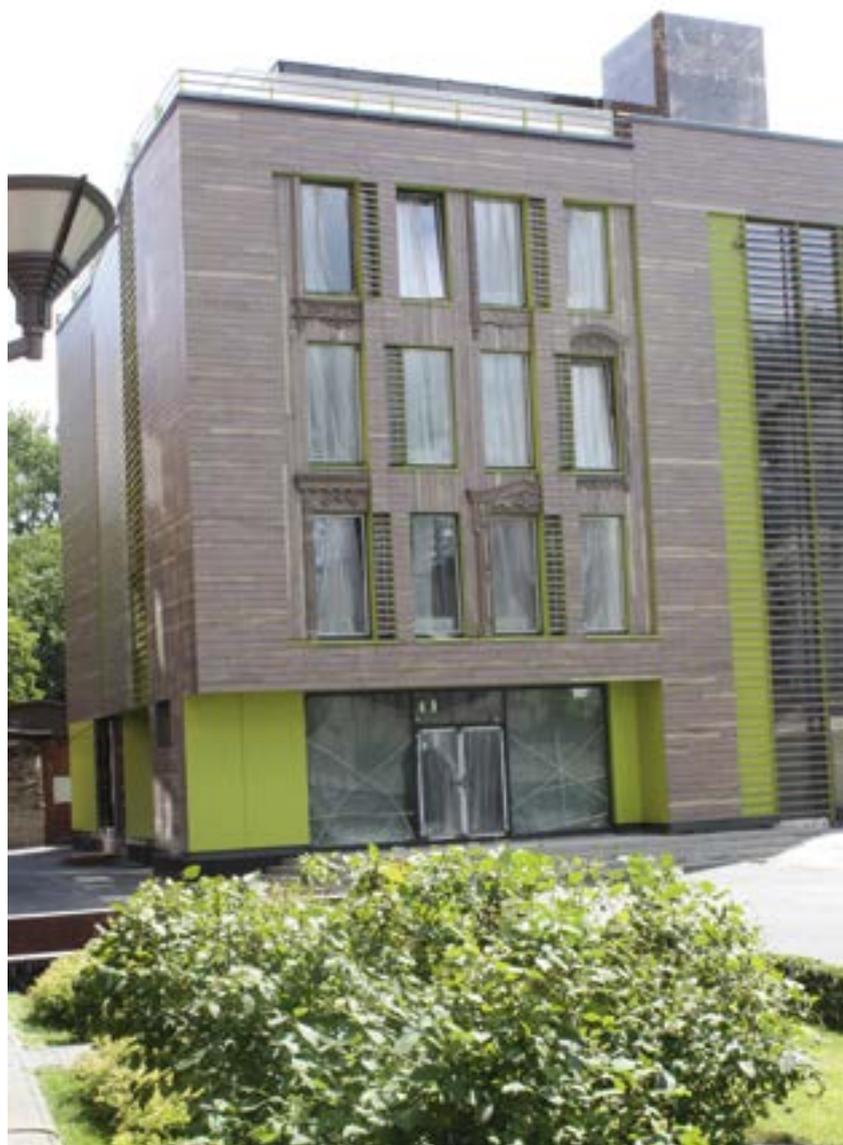
Рандомное миксование двух экстерьерных декоров **FunderMax** коллекции Nature, нарезанных в ламели, дало эффект натурального деревянного фасада, в соотношении декоров 0801 и 5171 соответственно дало дополнительный эффект «старения». Яркий декор

0725, примененный на внешних откосах и первом этаже, усилил эффект.

Одним из эффектных способов интеграции бизнес-центра в историческую среду стало применение архитектором элементов наличников на фасаде. Использовались формы и рисунки наличников, образцы которых взяты из разных регионов России: Омска, Томска, Костромы, Воронежа и Рязани. Цвет наличников подбирался под декоры панелей **FunderMax**.

Интересное решение применено Иваном Логиновым, чтобы спрятать наружные блоки кондиционеров: предварительно спроектированная ниша для наружных блоков была задекорирована после установки оборудования тонко нарезанными ламелями из панелей **FunderMax**.

**Тимофей Багнетов /
Timofei Bagnetov**

Прогрессивным и смелым,
талантливым и фееричным,
творцам и создателям Посвящается...

Во всем мире, в первый понедельник октября празднуется день архитектуры. В этом году он приходится на 1 октября.

Безусловно, в этот день мы чествуем архитекторов и всех, кто причастен к этому искусству: инженеров, проектировщиков, строителей... Ваш труд велик и уникален! Это и безграничный полет фантазии, и точность инженерных расчетов, оптимальные конструкторские решения и инновационный подход!

Желаем вам вдохновения и радости, сил и возможностей для творчества, исполнения всего задуманного и пусть самые смелые архитектурные фантазии будут вами воплощены!

Двери группы компаний ProStore всегда открыты для вас! Мы готовы помочь в реализации самых нестандартных идей и задач, поддержать на любом этапе работы: от проектирования и поставки материалов до монтажа.

И даже если вы захотите фасад дома украсить породами инопланетных камней, группа компаний ProStore постарается решить эту задачу☺! Учтем все особенности проекта, не забудем про специфику материала, на высокопрофессиональном уровне произведем монтаж!

Каждый день мы ждем вас в нашем шоу-руме по адресу:
Иркутск, Ф Энгельса 8, оф. 101

ГК ProStore. Проектируем. Поставляем материалы. Монтируем.

Ген. директор ГК ProStore А. А. Ефимов

А

рхитектура
Всемирный день архитектуры

ОКНА/ЛОДЖИИ/ДВЕРИ/ПЕРЕГОРОДКИ
Тел.: (3952) **258-235**
OKNA.IRK.RU

ПРОЕКТИРОВАНИЕ/СТРОИТЕЛЬСТВО/МОНТАЖ
Тел.: (3952) **484-184**
FASDOM.RU

КРОВЛИ/ФАСАДЫ/ВОДОСТОКИ
Тел.: (3952) **484-199**
PROSTORE.GURU

fasad.irkutsk
demetra.irkutsk
yafasad.ru Fasdom.ru
Prostore.guru Demetra38.ru
okna.irk.ru

Фестиваль ЗВС был учрежден на стыке тысячелетий. Впервые он состоялся в 2001 году в Иркутском Сибэкспоцентре и практически сразу получил широкий резонанс среди архитектурной общественности и в Сибири, и в стране. С годами фестиваль «Зодчество Восточной Сибири» вошел в число важнейших ежегодных архитектурных событий России. Первыми участниками фестиваля были архитекторы Восточной Сибири (города Иркутск, Ангарск, Братск, Чита, Красноярск, республика Бурятия, Тыва, Хакасия, Усть-Ордынский и Агинский бурятские национальные округа). С 2007 года к ним присоединяются архитекторы Западной Сибири (Омск и Барнаул), и фестиваль начинает превращаться в ЗВС – open.

В дискуссионном клубе ЗВС обсуждаются самые актуальные темы; в Иркутск, а затем и в Красноярск прилетают и приходят авторитетные эксперты – А. Раппапорт, О. Вендина, Л. Коган, А. Высоковский, А. Гимельштейн, А. Кафтанов, М. Рожанский, В. Дятлов, А. Иванов, Д. Фесенко, А. Сирина, А. Финогенов. Особой популярностью пользуются мастер-классы выдающихся российских архитекторов. За семнадцать лет благодаря Фестивалю архитекторы Сибири встретились со столичными мастерами Ю. Гнедовским, А. Асадовым, С. Киселевым, А. Скоканом, А. Бавыкиным, В. Плоткиным, А. Савиным, А. Цельцовым, А. Павловой, С. Скуратовым, Н. Явейном, Т. Кузембаевым, М. Мамошиным, Ю. Земцовым, А. Боковым, Т. Башкаевым, С. Гнедовским, А. Черниковым, В. Кузьминым, зарубежными архитекторами М. Драховски, Д. Дендра, Г. Станисhev, сибиряками И. Поповским, А. Мякотой, П. Анисифоровым, А. Дерингом и еще многими другими своими коллегами. Фестиваль рассматривается организаторами как этап подготовки к международному фестивалю «Зодчество» в Москве. Традиционно ЗВС проводится в Иркутске; впервые он поменял площадку на Красноярск в 2014, а в 2017 году Красноярск принял ЗВС во второй раз. В том же году от архитекторов Алтая мы получили предложение провести следующий фестиваль в Барнауле. Было решено сохранить привычную аббревиатуру, наполнив ее новым географическим смыслом. Итак, представляем фестиваль «Зодчество в Сибири – 2018».

**Елена Григорьева,
вице-президент СА России,
основатель фестиваля**

The Festival "Zodchestvo of Eastern Siberia" was founded at the turn of the millennium. The first Festival was held in 2001 at Irkutsk Sibexpo center and caused a massive outcry among the architectural community in Siberia and throughout the country. Later the Festival "Zodchestvo of Eastern Siberia" became one of the most important annual architectural events in Russia. The first participants of the Festival were the architects from Eastern Siberia (such cities as Irkutsk, Angarsk, Bratsk, Chita and Krasnoyarsk, republics of Buryatia, Tyva, Khakassia, as well as Ust-Ordynsky and Aginsky national districts of Buryatia). Since 2007 architects from Western Siberia (Omsk and Barnaul) have also participated in the Festival. The Festival becomes open.

The most topical issues are discussed at the Discussion Club. Among the competent experts who visited Irkutsk and then Krasnoyarsk were A. Rappaport, O. Vendina, L. Kogan, A. Vysokovsky, A. Gimmelstein, A. Kaftanov, M. Rozhansky, V. Dyatlov, A. Ivanov, D. Fesenko, A. Sirina, A. Finogenov. Prominent Russian architects give master classes, which enjoy great popularity. Within 16 years, with the help of the Festival, Siberian architects have met with masters from the capitals: Y. Gnedovsky, A. Asadov, S. Kiselev, A. Skokan, A. Bavykin, V. Plotkin, A. Savin, A. Cheltsov, A. Pavlova, S. Skuratov, N. Yavein, T. Kuzenbaev, M. Mamoshin, Yu. Zemtsov, A. Bokov, T. Bashkaev, S. Gnedovsky, A. Chernikhov, V. Kuzmin, foreign architects M. Drahovski, D. Dendra, G. Stanishev, as well as Siberian experts I. Popovsky, A. Myakota, P. Anisiforov, A. Dering and many other colleagues. The organizers consider the Festival to be a preparation stage for the International Festival "Zodchestvo" in Moscow. "Zodchestvo of Eastern Siberia" is traditionally held in Irkutsk. In 2014 it was held in Krasnoyarsk, and in 2017 Krasnoyarsk housed the Festival for the second time. In 2017, Altai architects proposed to hold the next festival in Barnaul. We decided to leave the name of the Festival, filling it with a new geographical meaning. And so we present the Festival "Zodchestvo in Siberia 2018".

**Elena Grigoryeva
Vice-president of the Union of
Architects of Russia
Founder of the Festival**

XVIII Межрегиональный
архитектурный фестиваль

**ЗОДЧЕСТВО
В СИБИРИ**

2018 18 - 22 июля
Барнаул

XVIII межрегиональный фестиваль «Зодчество в Сибири – 2018» / The XVIII Interregional Festival «Zodchestvo in Siberia 2018»

Партнеры

1. **НОПРИЗ**, Национальное объединение проектировщиков и изыскателей; президент объединения Михаил Посохин
2. Компания **«АЛЬКОН»**; генеральный директор Олег Трубников
3. **«Уральский гранит»**, ООО «ЗКС»; директор Евгений Белошицкий
4. **«Керамика будущего»**, ООО «Фрилайт»; председатель совета директоров Валерий Железковский
5. Компания **«FunderMax»** (Австрия), компания «Декотек Инжиниринг», стратегический партнер «FunderMax» в России; генеральный директор Игорь Лившиц
6. Компания **«ALFRESCO»**, ООО «Свет 2000»; генеральный директор Яна Новикова
7. Барнаульская проектная фирма **«АРХИГРУПП»**; руководитель Андрей Суртаев
8. **АКТО**, ООО «Венталь»; директор строительного направления Александр Зайцев

ОРГАНИЗАТОРЫ ФЕСТИВАЛЯ

Алтайская организация Союза архитекторов России

Иркутская организация Союза архитекторов России

ВостокСибАкадемЦентр РААСН

Сопредседатели оргкомитета вице-президенты СА России Петр Анисифоров и Елена Григорьева

Состав жюри

Раздел «Постройки»

Председатель **Чурилов Виктор Алексеевич**, вице-президент Союза архитекторов России, член-корреспондент РААСН, лауреат государственной премии Кабардино-Балкарской республики в области искусства, заслуженный архитектор России (Москва)

Секретарь **Тен Вера Васильевна**, почетный архитектор России (Новокузнецк)

Члены жюри **Поморов Сергей Борисович**, доктор архитектуры, профессор, советник РААСН, директор Института архитектуры и дизайна АлтГТУ им. И. И. Ползунова (Барнаул)

Бадула Олег Борисович, лауреат премии губернатора Иркутской области, главный архитектор ООО Архитектурно-проектная фирма «ГАБР» (Иркутск)

Зыков Сергей Николаевич, почетный архитектор России, председатель правления Кемеровской региональной организации СА России, профессор МААМ

Козак Игорь Владимирович, заслуженный архитектор России, председатель правления Иркутской региональной организации СА России

Крейдун Юрий Александрович, доктор искусствоведения, протоиерей, профессор Института архитектуры и дизайна АлтГТУ (Барнаул)

Хусаинов Сакен Шайхислямович, почетный архитектор России, член центрального правления СА России, профессор МААМ (Омск)

Тен Антон Анатольевич, почетный архитектор России, председатель правления Новокузнецкой городской организации СА России, профессор МААМ

Раздел «Проекты»

Председатель **Ульянов Владимир Иванович**, заслуженный архитектор России, главный архитектор «Красноярскгражданпроект»

Секретарь **Тюрина Нина Михайловна**, ассоциированный член Екатеринбургской региональной организации САР

Члены жюри **Гайкова Людмила Валентиновна**, кандидат архитектуры, доцент ИАиД СФУ (Красноярск)

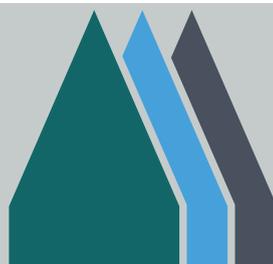
Седиков Александр Павлович, почетный архитектор России, региональный представитель НОП в Томской области

Худяков Сергей Юрьевич, председатель правления Томской областной организации СА России

Кондратьева Инна Анатольевна, заместитель главного архитектора Иркутской области

Раздел «Пропаганда архитектуры (научные труды, издания, публикации)»

Председатель **Исмаил Халед Д. Альдин**, кандидат архитектуры, доцент Мосульского государственного университета (Ирак)

XVIII Межрегиональный
архитектурный фестиваль

ЗОДЧЕСТВО В СИБИРИ

2018 18 - 22 июля
Барнаул

Заместитель председателя Сергеева Наталья Владимировна,
кандидат архитектуры, доцент Института архитектуры и
дизайна АлтГТУ

Секретарь Зайкова Елена Георгиевна

Члены жюри Шишин Михаил Юрьевич,
академик Российской академии художеств, доктор
философских наук, профессор

Прохоров Сергей Анатольевич,
доктор искусствоведения, профессор Института архитектуры
и дизайна АлтГТУ

Блянкинштейн Ольга Николаевна,
кандидат архитектуры, доцент ИАиД СФУ

Раменская Юлия Владимировна,
кандидат архитектуры, доцент Института архитектуры и
дизайна АлтГТУ, председатель Союза дизайнеров Алтайского
края

Ревякин Виктор Семенович,
академик РАЕН, доктор географических наук, профессор,
почетный член Русского географического общества

Раздел «Творчество молодых архитекторов и студентов»

Председатель Четошников Виктор Дмитриевич,
заслуженный архитектор России, главный архитектор
Алтайского края (Барнаул)

Секретарь Воробьева Валентина Ивановна,
архитектор (Барнаул)

Члены жюри Бутаков Владимир Анатольевич,
архитектор, директор муниципального казенного учреждения
«Архитектура города Барнаула» (Барнаул)

Зенков Станислав Федорович,
почетный архитектор России, генеральный директор
ООО «Проектная компания» (Барнаул)

Лихачев Олег Валентинович,
архитектор (Новокузнецк)

Хотулев Руслан Анатольевич,
градостроитель, ответственный секретарь правления
Иркутской региональной организации СА России

Раздел «Детское архитектурно-художественное творчество»

Председатель Раменская Юлия Владимировна,
доцент Института архитектуры и дизайна АлтГТУ,
председатель дизайнеров Алтайского края (Барнаул)

Секретарь Ростовцева Евгения Петровна,
директор СОАНО «Будь в искусстве» (Барнаул)

Члены жюри Бурова Ольга Геннадьевна,
старший преподаватель ИАиД СФУ (Красноярск)

Крейдун Юрий Александрович,
профессор кафедры Института архитектуры и дизайна
АлтГТУ, доктор искусствоведения, протоиерей (Барнаул)

Рамазанова Татьяна Вячеславовна,
руководитель ПТМ «АРХИСИДЕК» (Барнаул)

Шадрин Сергей Григорьевич,
исполнительный директор СРО А «САПЗС», член правления
Алтайской организации СА России (Барнаул)

Зайцев Евгений Павлович,
член правления Алтайской организации СА России (Барнаул)

> Институт культуры - место проведения главных мероприятий ЗВС-18, фото Ольги Блянкинштейн

v Дом архитектора, фото Валентины Казаковой

Хроника / Chronicle

Барнаул встретил участников ЗВС – 2018 солнцем и жарой. Сразу вспомнился осенний разговор в Москве о выборе дат проведения фестиваля. Петр Иванович Анисифоров, предложивший провести 18-й фестиваль на Алтае, именно с 18 по 22 июля гарантировал ясные дни. Председатель правления Алтайской организации Союза архитекторов России не ошибся: хорошая погода сопровождала нас до последнего дня.

День первый, 18 июля

Церемония открытия отличалась от семнадцати предыдущих мизансценой: дело происходило не на основной конкурсной экспозиции, а в зале института культуры; она была наполнена искусством. Открывали фестиваль сам Акинфий Демидов и ее императорское величество государыня Елизавета Петровна; Добрыня Сирич потряс архитектурную публику горловым пением на фоне алтайских пейзажей, а представление Гран-при «Алтай» сопровождалось танцами детей. Первый заместитель главы администрации Барнаула Вячеслав Франк передал Фестивалю напутственное слово от мэра города, отметив важность намеченных к обсуждению тем сохранения наследия именно в момент создания нового генерального плана Барнаула. Вице-президент Союза архитекторов России Виктор Чурилов передал поздравление от Президента СА России Н. И. Шумакова. Протоиерей отец Георгий

(Крейдун), основатель фестиваля ЗВС Елена Григорьева и главный организатор 18-го фестиваля Петр Анисифоров пожелали Фестивалю успешной работы, а участникам – высоких наград в смотрах-конкурсах и плодотворного общения. И оно последовало в тот же день – сначала на основной экспозиции, затем за круглым столом **«МИР В МАСШТАБЕ»** и на **мастер-классе о 130 квартале в Иркутске**.

Основная конкурсная экспозиция разместилась в выставочном зале «Музей Город» на проспекте Ленина. Всего на фестиваль «Зодчество в Сибири» в этом году было представлено 110 работ от 200 участников из 15 городов, среди них – Иркутск, Ангарск, Братск, Красноярск, Кемерово, Новокузнецк, Барнаул, Томск, Новосибирск, Омск, Тюмень и другие. География объектов проектирования не ограничивалась Сибирью, распространялась на европейскую часть России и на Дальний Восток.

За круглым столом под емким названием «Мир в масштабе», как и было намечено, обсуждались актуальные темы: значение Проекта на всех этапах его существования – создания, согласования, реализации и дальнейшей жизни в период эксплуатации. Говорили о недопустимости искажения проектных решений при реализации, необходимости авторского надзора и возвращения авторов в процедуру приемки объекта в эксплуатацию, о необходимости запрета

на самовольную перепланировку в здании в процессе эксплуатации, которая приводит к трагическим последствиям.

Был затронут и вопрос о масштабе жилой застройки. Очевидно, что мечта девелопера, застройщика – максимальное количество квадратных метров с единицы площади участка – не совпадает с представлением народа об идеальном образе жизни и никак не соответствует масштабу нашей богатой пространством страны. Может быть, пора уже повышать качество жизни населения по-настоящему, отдавая приоритет малоэтажному строительству, развивать и всячески поощрять индивидуальное жилище, приветствовать человекоразмерный масштаб жилья, характерный для России, а не заикливаться на многоэтажном высотном, так любимом девелопментом и упорно насаждаемым им даже в исторических городах? Именно таким – гуманным – образом решать поставленную Президентом России цель достижения 120 млн. кв. м в год.

Тема реализации проекта комплексной регенерации исторической застройки на примере квартала 130 в Иркутске оказалась, судя по реакции участников фестиваля и резонансу в СМИ Алтая, актуальной для всех без исключения региональных центров Сибири. За два часа последовательно и подробно были рассмотрены стадии проектирования, реализации и нынешней жизни в недавнем прошлом

трущобного, а теперь знаменитого и модного квартала.

Вечер завершился душевной встречей в Доме архитектора – прекрасном деревянном памятнике архитектуры в стиле модерн. Хозяева угощали гостей деликатесами Алтая; до полуночи не затихали начатые днем разговоры, профессиональные споры, просто воспоминания и песни.

^ Панорама Барнаула, фото Валентины Казаковой

v После церемонии открытия, фото Олега Милосердова

Хроника / Chronicle

День второй, 19 июля

«Русское градостроительство, древнерусская архитектура, народное деревянное зодчество были и будут всегда источником вдохновения для нас и наших потомков. Вскрыть суть этого источника, понять душу русской архитектуры нам помог Евгений Андреевич Ащепков».

Г. Н. Туманик, заслуженный архитектор РСФСР, профессор

Утро началось с классической музыки. Струнный квартет сопровождал открытие **выставки «Архитектор Евгений Ащепков. Наследие мастера»**. Это музыкальное сопровождение было приятно, уместно и тонко: первые уроки игры на скрипке будущий патриарх сибирской архитектуры получил еще в дошкольном возрасте

и по первому своему образованию был альтистом, причем педагоги прочили ему блестящую музыкальную карьеру. В выставочном зале Музея Города на ул. Льва Толстого были размещены проекты, исследования, рисунки и акварели доктора искусствоведения, заслуженного архитектора РСФСР Е. А. Ащепкова. Особое место в экспозиции было отведено азиатской теме в исследовательской работе первого в Сибири члена-корреспондента Академии архитектуры СССР, его китайским зарисовкам. Интерес архитектора к Китаю неудивителен: место рождения Евгения Ащепкова – Харбин. Однако внимание архитекторов разных краев и областей Сибири в большей степени привлекали наброски и рисунки народной деревянной архитектуры их родных мест. Как известно, Евгений Ащепков объездил всю Сибирь

и по материалам своих экспедиций издал два фундаментальных труда – «Русская народная архитектура в Восточной Сибири» и «Русская народная архитектура в Западной Сибири». Организаторы выставки планируют ее экспонирование и в других региональных столицах Сибирского федерального округа, в том числе в Иркутске.

Логичным продолжением утренней темы стал **круглый стол по архитектурному наследию**. Здесь продолжился разговор о выгодном наследии, начатый на лекции об иркутском квартале 130, обсуждалась важность участия архитекторов в конкурсе «Городская среда малых городов и исторических поселений» и другие актуальные вопросы сохранения идентичности сибирских городов. И даже разыгрались страсти: схватились историк Даниил Дегтярев, представлявший

перед началом круглого стола выставку промышленного наследия края, и Екатерина Шаповаленко, автор проекта реконструкции винного завода. Жаль, что члены жюри не участвовали в круглом столе и не слышали этой полемики, хотя и по уважительной причине: как раз в это время они оценивали работы участников смотров-конкурсов. Возможно, места в номинации «реставрация» раздела «проекты» могли бы распределиться иначе.

Даниил Дегтярев, кандидат исторических наук, считает, что «человек, который в силу выбранной профессии должен защищать и восстанавливать памятники истории и культуры, создает проекты, прямо предполагающие ликвидацию этих самых памятников и создание на их месте даже не копий, а совершенно других зданий, не имеющих отношения к сносимым постройкам».

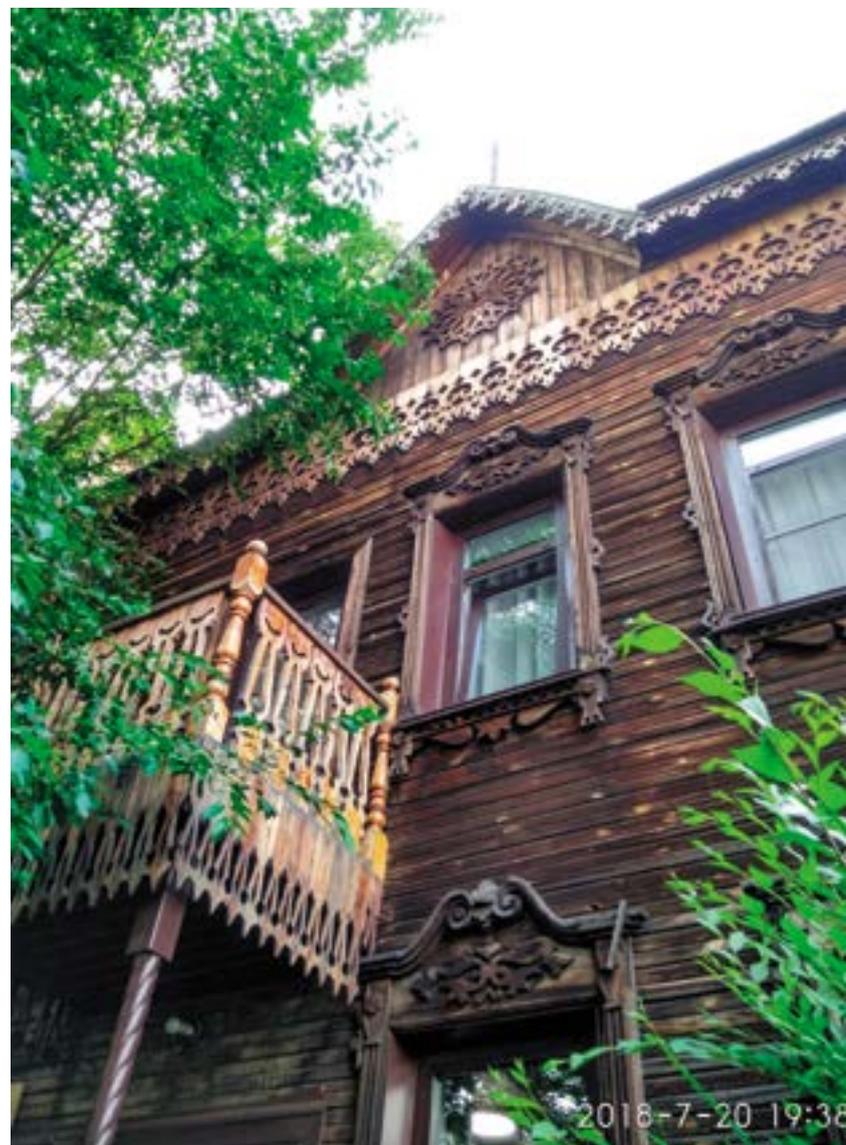
Более того, все это делается внутри целостного комплекса, в результате ансамбль тоже рушится. Считаю, подобного рода действия должны заканчиваться отзывом лицензии, иначе где гарантия, что то же самое не произойдет с другими памятниками». Рамблер. https://news.rambler.ru/other/40469879/?utm_content=news&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

На мастер-классе практикующего архитектора **Виктора Чурилова** была продемонстрирована архитектура спортивных и общественных зданий, отличающаяся чистотой современного архитектурного языка. По признанию Виктора Алексеевича, любимые им выразительные консоли и лаконизм форм уходят своими корнями в конструктивизм. Работы мастера заинтересовали сибирских архитекторов, было задано

много вопросов по организации процесса проектирования внутри мастерской, по взаимоотношению генпроектировщика с субподрядчиками, по применяемым новым материалам и технологиям.

Лекция архитектора, писателя и художника **Эдуарда Кубенского** называлась «Город между строк. Опыт издательских интервенций в городское пространство». Сибирские архитекторы, давно заочно знакомые с Кубенским как создателем и руководителем крупнейшего в России архитектурного издательства «Татлин», благодаря фестивалю ЗВС уже несколько лет имеют удовольствие общаться с ним лично – в Иркутске, Красноярске и вот теперь в Барнауле.

> ^ Фото Ольги Блянкинштейн
v День 3, лекция Кристалль Руссель,
фото Владимира Авксентюка

события / ЗВС

> Вера Тэн, Новокузнецк (слева) и Ольга Оголь, Кемерово (справа) беседуют с французским искусствоведом Кристаль Руссель (вторая справа)

Хроника / Chronicle

^ День 3, экскурсия, фото Татьяны Голубевой

^ Награждение Сергея Зыкова, фото Елены Григорьевой

^ Иркутяне Андрей Красильников и Валентина Казакова с наградами ЗВС-18

День третий, 20 июля

Экскурсия по городу стартовала от памятника Ленину на площади Советов, проследовала через новую часть города, задев знаменитый ленточный бор, перешла на крутой берег Оби и завершилась посещением участниками и гостями фестиваля исторического центра и территории бывшего Барнаульского сереброплавильного завода. Этому заводу, давшему начало городу Барнаулу, а после закрытия ставшему спичечной фабрикой, наш журнал уже уделял внимание в специальном выпуске «КОНВЕРСИЯ» (ПРОЕКТ БАЙКАЛ № 55, с. 58–61). Силами энтузиастов-волонтеров фрагменты территории приводятся в порядок, а в городе ведутся бурные дебаты о будущем этой уникальной территории с богатой историей, архитектурой и ландшафтом.

Восемнадцатый фестиваль отличался от предыдущих некоей программной нестолочностью: нестолочные практики представляли именно нестолочные архитекторы. И от этого диалог мастеров с аудиторией отличался особой доверительностью и откровенностью, выстраивался вокруг региональных проблем и достижений. Вот и французская гостья **Кристалль Руссель** (Cristal Rousel) прилетела в Барнаул не из Парижа, а из региона Бургундия – Франш-Конте, провинции у границы Франции и Швейцарии. Кристалль Руссель – хранительница культурного наследия, член Археологического комитета по информационным связям Министерства

культуры Франции, член Ассоциации изучения и оценки промышленного наследия (CILAC).

Еще одной особенностью восемнадцатого, совершеннолетнего, по выражению журналистов, фестиваля ЗВС стала междисциплинарность ключевых участников. Специалисты из смежных и не очень смежных областей и раньше встречались на наших фестивальных площадках, однако на этот раз это были яркие личности, отличавшиеся отношением к архитектуре и градостроительству внимательным, неслучайным, глубоким и, что немаловажно, доброжелательным. В дискуссиях за круглым столом, в вечерних и культурных беседах и даже во время работы жюри интересно было слышать квалифицированное мнение академика РАН, доктора географических наук, профессора, депутата ВС РСФСР в 1990–1993 гг., почетного члена Русского Географического общества **Виктора Семеновича Ревякина** и **Юрия Александровича Крейдуну**, доктора искусствоведения, протоиерея, профессора кафедры Алтайского государственного университета. Вот и следующий по программе третьего дня лектор не был дипломированным архитектором.

Название его лекции звучало интригующе и привлекло в конференц-зал Алтайского государственного института культуры не только архитекторов, но и горожан, хорошо знакомых с его творчеством. «Исповедь архитектора Констан-

тина Мельникова» оказалась документальным рассказом о встречах К. С. Мельникова, В. М. Шукшина и А. Д. Заболоцкого Рассказчиком был сам **Анатолий Дмитриевич Заболоцкий** – заслуженный деятель искусств РСФСР, кинооператор-постановщик, писатель.

Вечер третьего дня, как и два предыдущих, завершился душевной встречей в Доме архитектора, где заодно состоялся и Совет председателей региональных отделений Союза архитекторов России с участием вице-президента Союза архитекторов России, члена президиума СА В. А. Чурилова.

День четвертый, 21 июля

Церемония награждения прошла, как и открытие, в несколько нетрадиционном формате – в сопровождении виртуоза-скрипача. Музыка смягчила разочарование тех, кто не был отмечен наградами и удвоила торжество победителей. **Приз Алтая** был вручен за лучшую работу в разделе «Проекты» и достался он кемеровскому архитектору Сергею Зыкову, автору концепции административного комплекса АЦЗ Промышленно-металлургического холдинга в г. Тула.

В этом году Иркутской региональной организацией Союза архитекторов России при финансовой поддержке Правительства Иркутской области был учрежден Гран-при архитектурного фестиваля «Зодчество в Сибири» (ранее – «Зодчество Восточной Сибири»). Автор статуэтки и наградного

знака – архитектор Сергей Демков. Награда выполнена из сибирского кедра с элементами из бронзы.

Гран-при фестиваля «Зодчество в Сибири – 2018» был презентован архитектурной общественности на церемонии награждения заместителем главного архитектора Иркутской области Инной Кондратьевой. Первыми обладателями Гран-при стали барнаульские архитекторы – авторы постройки «Храм Иверской Божией Матери в Ижевске» во главе с Татьяной Дьяковой.

Стоит напомнить, что всем лауреатам фестиваля ЗВС при подаче заявки на участие в ежегодном Международном фестивале «Зодчество», который пройдет в этом году в конце ноября в Москве, полагается существенная льгота.

^ Катунь. Фото Валентины Казаковой

^ Спускаемый аппарат. Музей Титова. Фото Валентины Казаковой

Хроника / Chronicle

Дни пятый-восьмой, 22–25 июля Пленэр ЗВС–18 Горный Алтай. Алтай – Алтарь – Альтаир

Традиционный пленэр, который в Иркутске воплощается обычно в поездке на Байкал с прогулкой по озеру на корабле, а в Красноярске на корабле по Енисею, на этот раз стал настоящим путешестви-

ем – на автобусе в верховья Оби и дальше в горы вдоль Катунь. Четырехдневный вояж по Алтаю проходил, конечно же, по знаменитому **Чуйскому тракту**, одной из красивейших дорог мира (входит в десятку по рейтингу).

Для начала архитекторы посетили **музей Германа Титова** в селе Полковниково, созданный

несколько лет назад по проекту обладательницы Гран-при ЗВС–18 Татьяны Дьяковой.

Следующей остановкой были знаменитые **Сростки**, которые готовились к проведению традиционных шукшинских чтений. Памятник любимому народом актеру, кинорежиссеру и писателю выполнен скульптором Клыковым, вдохновленным последним кадром из кинофильма «Печки-лавочки» (режиссер и исполнитель главной роли Василий Шукшин, оператор Анатолий Заболоцкий). Очень удачно выбрано место для размещения памятника – на вершине холма Пикет, откуда открывается круговая панорама села Сростки и его окрестностей.

Остановились на отдых у **озера Ая**. Прекрасная погода позволила купаться в бассейне, заплывать в озеро до Змеиного острова и обратно и прогуляться к ревущей Катунь. А вечером были песни, гитара, батл Олега и Никиты, изящная подтанцовка и звездное небо. В ответ на музыку в не по-городскому высоком небе открылся Большой летний треугольник – Вега, Денеб и Альтаир.

Продолжилось путешествие к дальней точке – **острову Патмос**, месту паломничества всех, кто путешествует по Горному Алтаю. Известно, что первый миссионер в окрестностях Чемала появился еще до середины XIX века. Храм, построенный и освященный еще в XIX веке, а в начале

v Озеро Ая, фото Елены Григорьевой

^ Памятник Шукшину, фото Елены Григорьевой

века двадцатого перенесенный на скалистый остров, сгорел в 1926, но в 2000 году был воссоздан московскими миссионерами супругами Павловыми. Как и монастырь на греческом острове Патмос (греч. Πάτμος – скала), храм посвящен Иоанну Богослову. Путь к скалисто-му острову лежит по новому вися-чему пешеходному мосту с южной стороны, с территории воссоздан-ного женского скита.

По пути к острову и обратно несколько раз останавливались для осмотра архитектуры и планировки достопримечательных турбаз. Ценителей современной деревянной архитектуры покорила **турбаза Тэнери**. Заехали и в усадь-бу алтайского живописца **Г. И. Чо-росса-Гуркина**, автора известных картин «Корона Катунь» и «Хан-Ал-тай». Одна из его картин дала название рассказу фантаста Ивана Ефремова «Озеро горных духов», а сам художник выведен в этом рассказе под фамилией Чоросов.

Во время путешествия при-шло известие о том, что третий иностранный участник ЗВС–18 (еще двое – это уже упомянутая француженка Кристаль Руссель и член жюри Исмаил Халед Д. Аль-дин, кандидат архитектуры, доцент Мосульского государственного университета из Ирака) американи-нец Стивен Гриффит (Dr. Stephen Griffith, Portland, Oregon, USA) успешно завершил свое восхожде-ние на вершину горы Белуха, выс-

шую точку Алтайских гор (4509 м), венчающую Катунский хребет.

Участники фестиваля из Ир-кутска, Красноярска, Кемерово, Новокузнецка, Омска, столичный спонсор, представлявший фирму «Уральский гранит», да и сами барнаульские архитекторы – ор-ганизаторы фестиваля, получили от поездки заряд энергии для даль-нейшей работы, вдохновение, неза-бываемые впечатления о природе Алтая и общения с коллегами. Небо прояснилось, и снова открылся Большой летний треугольник. Впе-чатления от природы и людей Алтая воплотились в метафору: Альтаир, самая яркая звезда в созвездии Орла – небесное отражение Алтая, ярчайшей звезды имперского дву-главого орла...

**Елена Григорьева /
Elena Grigoryeva**

^ Мост на о. Патмос, фото Елены Григорьевой

v Катунь. Иркутяне Ева, Руслан и Вера Хотулевы, фото Елены Григорьевой

^ Мост на остров Патмос.
Фото Валентины Казаковой

^ Награда Епархии вручается красноярским архитекторам. Фото Ольги Блянкинштейн

Впечатления участников / Impressions of the Participants

Валентина Казакова, архитектор, Сибирская лаборатория урбанистики, Иркутск

Благодаря инициативе архитекторов Барнаула, принявших у себя ЗВС в этом году, мне удалось познакомиться с этим городом – воротами Алтайского края. Запомнится он зелеными проспектами, непривычно широкими после родного Иркутска, но очень ухоженными; и дружелюбными горожанами, искренне любящими свой город. Чувствовалось это сразу после прилета, когда встретивший нас Петр Иванович обращал взоры то направо, то налево, с гордостью и невероятной душевностью рассказывая о былых годах города и его современных достижениях.

Фестиваль был насыщен обсуждениями на злободневные темы, вдохновляющими мастер-классами, прогулками по переживающим метаморфозы историческим местам и вечерними посиделками с тонким и звучным названием «Архитектура вкуса». Хочется поблагодарить каждого причастного к этому событию за впечатления и новые открытия!

Прекрасным эпилогом «Зодчества в Сибири» стало путешествие по Алтайским просторам: к спокойному и невозмутимому озеру Ая, к могучей и стремительной Катунь, к живописному Патмосу и райскому цветущему саду. Побывали и музее великого советского космонавта Германа Степановича Титова, в его родном селе. Еще раз убедились, что достояние горного края – не только природные богатства, но и талантливые и героические личности! А горы еще предстоит покорить; значит – до встречи, Барнаул!

Ольга Блянкинштейн, кандидат архитектуры, доцент, зав. кафедрой основ архитектурного проектирования Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, Красноярск

Непосредственное участие в фестивале принимала впервые. Это стало возможным благодаря времени его проведения во второй половине июля.

Мероприятие очень важное для понимания процессов, происходящих в архитектурном проектировании и совершенствовании архитектурной среды сибирских городов. После великолепных лекций, мастер-классов и обсуждений на круглых столах, еще раз убедились, что Архитектура с большой буквы возникает там и тогда, где и когда в одном деле объединяются замыслы и усилия проектировщиков, строителей, общественности, бизнеса и власти.

Барнаул покорила своей историей, архитектурной классикой, сохранившимися деревянными домиками, украшенными виртуозной резьбой.

Алтайский край и Горный Алтай впечатлили историческими

местами, благодатными полями, завораживающими горами и реками, чарующей природой и очень неплохими дорогами.

Осталось некоторое недопонимание принципов судейства студенческого конкурса. По условиям конкурса фестиваля внутри каждого раздела были заявлены номинации. Соответственно, заявки подавались по номинациям. Однако раздел «Творчество молодых архитекторов и студентов» жюри судило без учета номинаций (на весь раздел всего три диплома). Почему был ущемлен этот раздел? Очевидно, что подведение итогов должно осуществляться в соответствии с общими условиями конкурса.

Зато приятным бонусом стали дипломы Союза архитекторов, РААСН и другие грамоты.

Спасибо организаторам, огромная благодарность барнаульцам за радушный прием.

^ Коллекция ретро-автомобилей – визитная карточка одной из достопримечательных турбаз

Владимир Авксентюк, заслуженный архитектор Российской Федерации, лауреат премии Ленинского комсомола, лауреат Государственной премии России, Новосибирск

Все еще под сильным впечатлением от замечательного фестиваля и от общения с коллегами. Самое яркое впечатление от фестиваля – это сообщение Елены Григорьевой о 130 квартале в Иркутске. Настолько оно злободневно и необходимо нам сейчас и как инструмент, и как призыв для действия, и как Надежда на его успех. Сохранение деревянного зодчества – значительного пласта самобытной русской архитектуры, который во многом определяет нашу идентичность, – не терпит отлагательства, в ином случае скоро нечего будет сохранять. Это касается как крупных городов – таких, как мой родной Новосибирск, так и малых русских поселений, как Кольвань, над которыми нависла эта опасность. Это наша с вами задача, и бездействия история нам не простит.

Сергей Зыков, председатель правления Кемеровской региональной организации СА России

Наиболее важные впечатления в тезисах:

1. Теплые встречи старых друзей-коллег и новые приятные знакомства.
2. Радушие и гостеприимство хозяев. «Архитектура вкуса» в Доме архитектора. Неформальное общение с коллегами и партнерами.
3. Экскурсия на «Спичку». Общение с архитекторами-энтузиастами/подвижниками.
4. Интриги при вручении наград.
5. Поездка в Горный Алтай в хорошей компании.

Инна Кондратьева, заместитель главного архитектора Иркутской области

Фестиваль ЗВС стал совершеннолетним: ему исполнилось 18 лет. И он, как взрослый человек, стал путешествовать. Барнаул – скромный, приветливый, интеллигентный город. Было уютно и комфортно. Первый опыт проведения межрегионального фестиваля Союзу архитекторов Алтайского края, можно сказать, удался.

Организаторы фестиваля всегда находят актуальные темы для обсуждения в рамках дискуссионного клуба, но в этом году новшеством была встреча с писателем-сценаристом Дмитрием Заболоцким, который был оператором-постановщиком фильмов Василия Шукшина «Калина красная», «Печки-лавочки». Он также был знаком с русским и советским архитектором, худож-

ником и педагогом Константином Мельниковым и мечтал снять фильм о его жизни. Общение на площадке фестиваля с Дмитрием Заболоцким как опыт взгляда на архитектора и его творчество со стороны – это необычный и свежий подход.

Еще одним ярким впечатлением для меня оказался мастер-класс Эдуарда Кубенского. Необыкновенно эмоциональный, вовлекающий аудиторию в свой мир, он продемонстрировал нестандартный подход к профессии и жизни. Он просто заражает своей энергетикой и оптимизмом!

Фестиваль – это площадка, где архитекторы могут общаться как в формате круглых столов, так и в неформальной обстановке, обсуждая профессиональные проблемы.

Впечатления участников / Impressions of the Participants

Ольга Оголь, архитектор,
Кемерово

Фестиваль прошел. Запомнилась атмосфера плотно сжатого воздуха – времени, наполненного яркими событиями, разворачивающимися в уникальном пространстве города Барнаула.

Прежде всего, это встречи с удивительными людьми, посвятившими себя архитектуре. Открытие выставки работ историка архитектуры профессора Евгения Андреевича Ащепкова – встреча с человеком, оставившим после себя огромное наследие. Его акварельные рисунки, этюды маслом, зарисовки архитектурных деталей очень музыкальны и поэтичны, они выстраиваются в лейтмотив всей его жизни, показывая стопроцентное погружение в гармонию, в профессию. Воспоминания о Евгении Андреевиче его современников и организаторов экспозиции – еще

одно впечатление о цельности и полезности его жизни.

Экскурсия в горный Алтай – отдельная масса впечатлений. Во время экскурсии мы посетили замечательные туристические места!

Гора Пикет в селе Сростки поражает вольным ветром и простором, здесь верится, что люди летают... А памятник кинематографисту Василию Шукшину на вершине горы удивляет масштабностью и естественностью формы. Мысли погружаются в сюжеты фильмов нашего знаменитого земляка – «Живет такой парень», «Калина красная». Хочется жить, любить, творить добро!

Парк-отель «Озеро Ая» расположен в уникальной природной акватории. Теплое озеро моего детства – когда-то давно я отдыхала здесь с родителями. Многие изменилось с тех пор. Теперь это место – великолепно организованная территория с инфраструктурой, благооро-

Евгений Зайцев, член правления Алтайской организации СА России, член оргкомитета ЗВС-2018, Барнаул

женная ландшафтным дизайном. Здесь за один день отдыха, купания и загорания на солнце, как по волшебству, заряжаешься энергией, детскими ощущениями беззаботности и чистоты.

Город Бийск – ровесник Санкт-Петербурга. Здесь есть великолепные по красоте памятники архитектуры России. Исторический музей в стиле модерн, музей Чуйского тракта в купеческом стиле (является нулевым километром известной автомагистрали в Монголию), Успенский собор, Бийский городской драматический театр – все эти сооружения имеют хозяев, их содержание финансируется. Но один из выдающихся объектов архитектуры находится в плачевном состоянии. Это дом купца Второва, горевший в 2007 году, опустевший, обветшавший. Больно смотреть на руины некогда выдающейся красоты. По ком же звонит колокол? Что делать?

Фестиваль. В сознание мгновенно врывается красочный фейерверк образов и звуков – ошеломляющая «Самба» барабанов и труб, магическая ритмика танцующих тел, белозубые улыбки красавиц... Праздник и абсолютная радость.

А пот? А ежедневное напряжение? Никогда! Это же на плантации. А у нас – фестиваль.

И хорошо, когда в душе остается праздник и добрые эмоции, если даже сам фестиваль уже позади. Пусть он не искристо-танцевальный, а вдумчиво-спокойный, профессиональный. Архитектурный фестиваль – скоротечная карусель ярких, интересных событий, незабываемых встреч, полезного общения. У каждого неравнодушного участника он оставил свои воспоминания и ассоциации.

Мне, которому посчастливилось быть внутри подготовительного процесса, фестиваль подарил уверенность. Уверенность в том, что прекрасная профессия, умное, талантливое сообщество ее приверженцев имеют плодотворное будущее.

Наблюдая за еще юными коллегами – студентами, молодыми архитекторами, что откликнулись на призыв организаторов и кого мы между собой с теплотой называли модным словом «волонтеры», я с родительской гордостью восхищался ими.

Первая настороженная реакция и внутреннее брюзжание, вызванные кажущейся инфантильностью молодых людей, исчезли, когда я увидел, как они умеют работать в команде. Ловил себя на мысли, что

их азарт, развитое обучением природное стремление к творчеству, зрелая ответственность, практические сметка и умения невольно превращали их в команду архитекторов, как будто работавших над конкурсным проектом. Мешать и подсказывать уже не надо. Слово один девиз двигал всеми – «лучше, интереснее, быстрее».

Как член оргкомитета отметил то, что можно было бы сделать лучше. Прошел первый фестиваль на Алтае. Благодарен такту и мудрости съехавшихся на форум архитекторов, по ходу мероприятий нейтрализовавших наши недоработки.

Благодарен тем гостям, кто добровольно подключался и помогал, не считаясь со временем.

И, конечно же, благодарен молодым коллегам. Так держать, ребята!

1

2

3

4

5

номинация «ЗДАНИЯ ЖИЛЫЕ МНОГОВКВАРТИРНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЖИЛЫЕ ДОМА»

1. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ

Многоквартирный жилой дом в исторической среде.

Авторы: А. В. Поликарпочкин, Л. А. Захарова, А. И. Трапезникова, Е. А. Кузнецова, М. П. Кобылина, А. П. Ксенофонтов, А. М. Кибальник

2. ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ

Загородный дом «ОРИГАМИ».

Авторы: М. В. Тигунцев, А. В. Тигунцев

3. ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ

Жилой дом «Пилот».

Авторы: С. В. Черепанов, А. Г. Суртаев

4. Многоквартирный дом со встроенными помещениями общественного назначения, автостоянкой по ул. Байкальская в Новосибирске

Авторы: А. Ю. Баранов, О. И. Долганова, А. А. Кладов, Д. К. Ощепков, Л. А. Ющук

5. Жилой дом «Кукурузник»

Авторы: С. В. Черепанов, А. Г. Суртаев

1

2

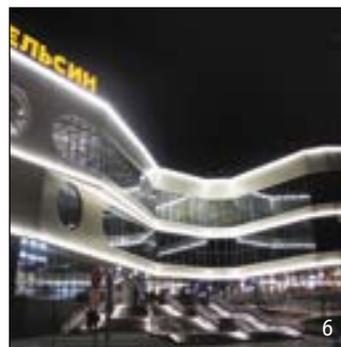
3

4

5

6

номинация «ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

1. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ
 Многофункциональное общественно-административное здание, пристроенное к жилому дому в пер. Инструментальный, 51а в Томске.
 Авторы: С. Ю. Худяков, А. Б. Лоскутников, А. Ю. Гончаров, Т. А. Раков

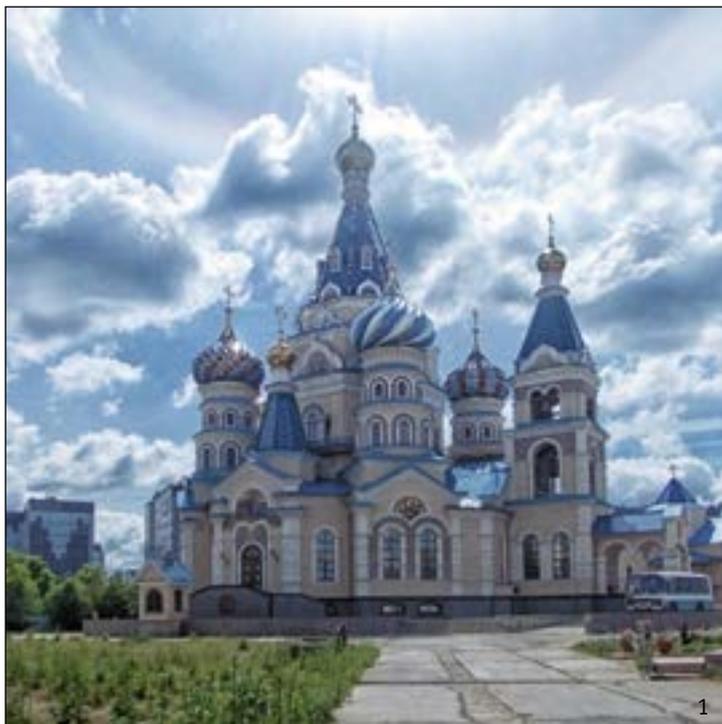
2. ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ
 Школа на 1275 учащихся в п. Молодежный Иркутского муниципального образования.
 Авторы: С. В. Муллаяров, Ю. А. Лисовая, А. А. Власов, Л. В. Фадюшина, Д. С. Готовский

3. ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
 Лодочная станция, склад оборудования и снаряжения в Первомайском районе Новосибирска.
 Авторы: А. Ю. Баранов, О. И. Долганова, Д. К. Ощепков, Е. В. Плаксин, Л. А. Ющук

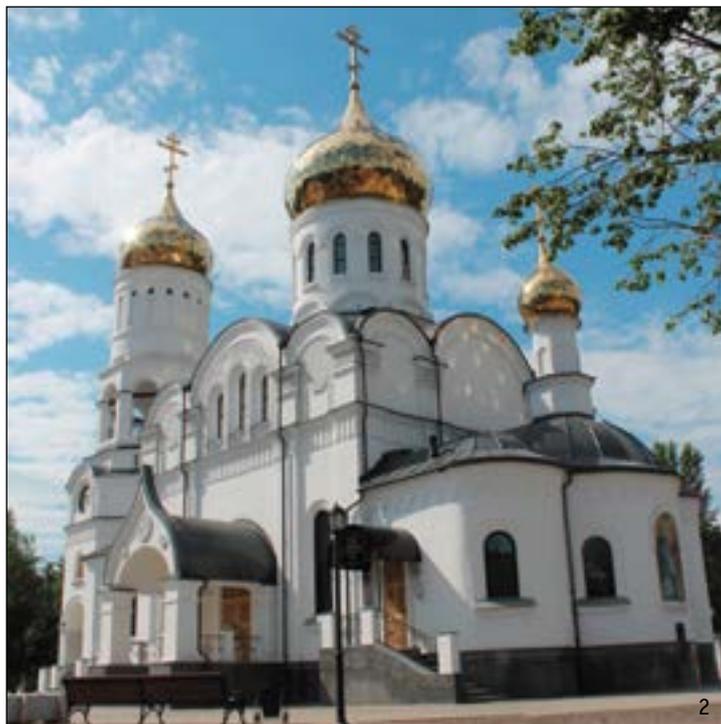
4. Торгово-развлекательный центр «GALAXY» в г. Барнауле по пр. Строителей, 117.
 Авторы: М. И. Шмидт, В. Л. Коротаев, Л. А. Санаров, Ю. А. Малетин

5. Общественное здание административного назначения по ул. 9 Ноября в Октябрьском районе Новосибирска.
 Авторы: А. Ю. Баранов, А. В. Вишняк, О. И. Долганова, Д. К. Ощепков, Л. А. Ющук

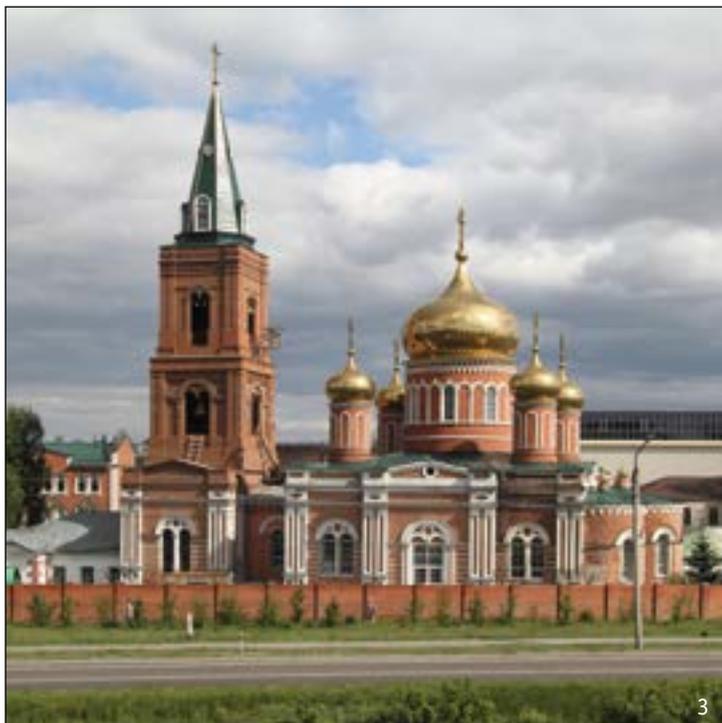
6. Торговый центр «Апельсин» на пл. Гарина-Михайловского, Новосибирск.
 Авторы: В. П. Авксентюк, Д. В. Авксентюк-Каменская, О. Л. Чернышева, А. В. Ковалев

1

2

3

4

номинация «КУЛЬТОВЫЕ ЗДАНИЯ»

1. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ
Храм Иверской иконы Божией Матери
в Ижевске.
Авторы: Т. Ф. Дьякова, Д. А. Попов,
А. В. Гончарова, Е. А. Бердников

2. ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ
Храм во имя святых благоверных
князя Петра и княгини Февронии.
Авторы: П. Г. Тиманов,
В. А. Афанасьева, И. А. Сизова,
С. В. Тиманова, Л. И. Ключников

3. ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
Знаменская церковь
по ул. Б. Олонская, 24/пер.
Знаменский в г. Барнауле.
Авторы: Л. А. Никитина, Н. М. Тюкова,
Е. Н. Шаповаленко, А. А. Ситникова

4. Церковь Иоанна Предтечи
по ул. Гвардейская, 1 в г. Барнауле.
Авторы: Л. А. Никитина, Н. М. Тюкова,
Е. Н. Шаповаленко, А. А. Ситникова

5

номинация «КОМФОРТНАЯ СРЕДА»

5. ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
Реконструкция Иерусалимской
лестницы в Иркутске.
Авторы: Е. И. Григорьева,
П. А. Заславская

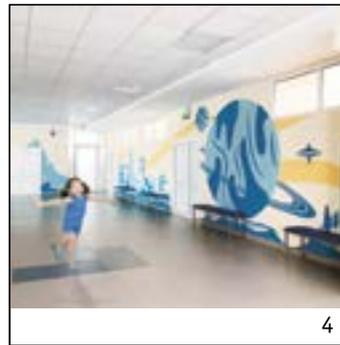
1

2

3

4

номинация «ИНТЕРЬЕРЫ»

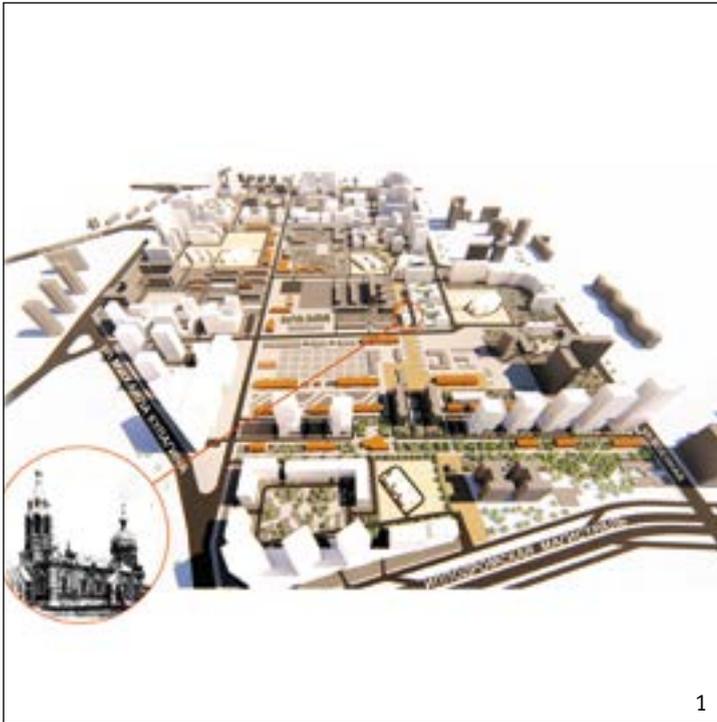
1. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ
 Центр сценического искусства «LA SCENE» в ЖК «Театральный квартал» в Иркутске.
 Авторы: Е. Г. Жижченко, Е. А. Михайлик

2. ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ
 Интерьеры офисных помещений группы компаний «Тиннер-В».
 Авторы: А. Я. Крутухина, Ю. Козловская, Н. Лукашева

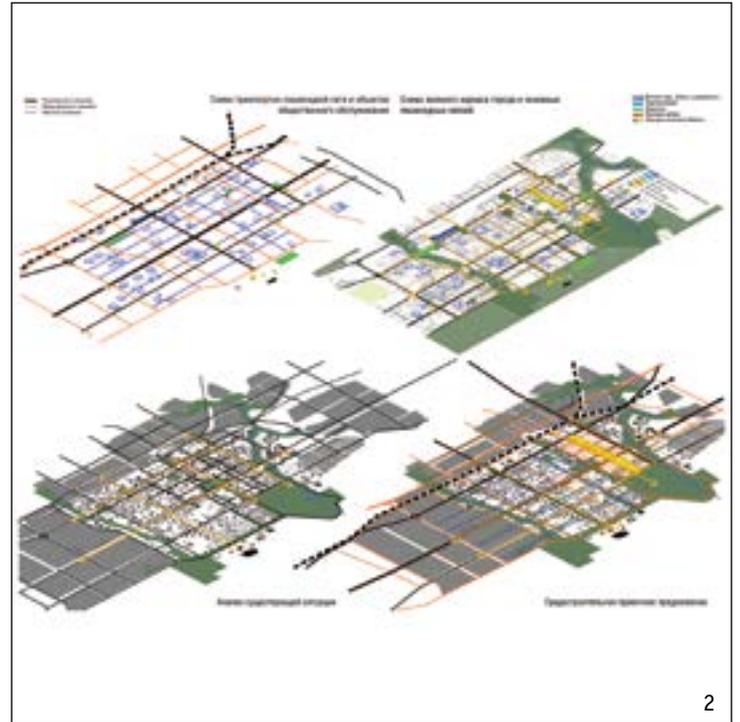
3. ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
 Мемориальный музей Валерия Золотухина в селе Быстрый Исток Алтайского края. Интерьер и экспозиция.
 Авторы: Д. А. Индюков, М. А. Максименко

4. Family Академия. Центр здоровья и семьи в 30 микрорайоне, 4 Ангарска.
 Авторы: А. В. Ветлов, П. В. Крюков, И. А. Малкин

5. Школа на 1275 учащихся в п. Молодежный Иркутского муниципального образования
 Авторы: А. Г. Красильников, А. А. Ковалева, Е. А. Красильников, В. Б. Цоктоев

1

2

3

номинация «ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ АНСАМБЛИ И КОМПЛЕКСЫ»

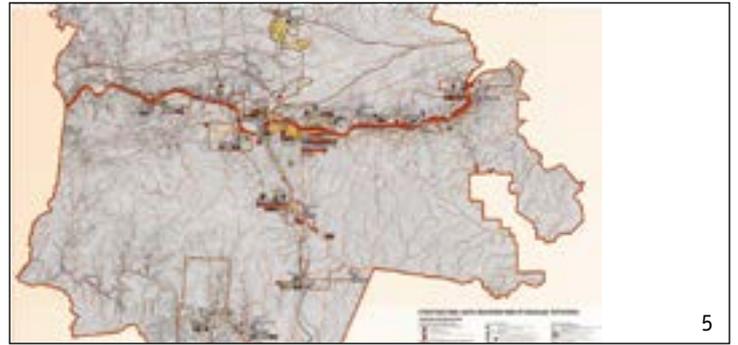
1. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ
 Проект реновации территории военного городка в Новосибирске.
 Авторы: П. А. Долнаков, Б. Е. Павлючик, Д. В. Малюженко, К. В. Чернявский, В. М. Кириенко.

2. ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ
 Концепция пространственного развития фрагмента центральной части города Южно-Сахалинска.
 Авторы: И. В. Козак, А. Б. Цыбенков, Е. Н. Чупарин

3. ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
 Проект «Старообрядческий духовный центр» во Владивостоке.
 Авторы: П. А. Долнаков, П. П. Зыбайло, К. В. Чернявский, Г. С. Шашель, В. М. Кириенко

4

5

6

7

4. Развитие застроенных территорий в Иркутске.
 Авторы: Р. А. Хотулев, В. А. Хотулева, А. И. Московская, К. С. Ковшарова, И. В. Сенотрусов

5. Проект внесения изменений в схему территориального планирования Богучанского района Красноярского края.
 Авторы: А. С. Мельникова, А. И. Московская, Д. В. Маргеева, Р. Б. Елшин, Е. И. Наговицина

6. Проект планировки и проект межевания группы кварталов «Строитель», ограниченной ул. Молодежной, ул. Челюскинцев, ул. Папанинцев и пер. Ядринцева в Барнауле.
 Авторы: М. В. Горячая, С. О. Заславский, В. В. Башкова, О. В. Фролова, А. С. Кольган, М. В. Протасова, О. А. Собенникова

7. Проект планировки территории планировочного элемента с-01-01, расположенного в северной части Свердловского округа Иркутска.
 Авторы: С. А. Александров, Д. В. Маргеева, В. В. Яворская, А. А. Семиусова

8. Туристско-рекреационный кластер «Барнаул – горнозаводской город» на территории Барнаула.
 Авторы: С. Б. Поморов, С. А. Боженко, Н. Ф. Вдовин, В. И. Золотов, В. Д. Четошников

9. Туристско-рекреационный кластер «Златоуст – столица мастеров Южного Урала» на территории Златоустовского городского округа.
 Авторы: С. Б. Поморов, Л. В. Ларина, М. П. Диндиенко

8

9

1

2

3

4

номинация «ГОРОДСКАЯ СРЕДА»

1. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ
 Проект благоустройства улицы Подгорная в Иркутске.
 Авторы: А. Г. Красильников, Е. И. Григорьева, П. А. Заславская, С. О. Соколов, Д. М. Кремлева, В. И. Казакова, А. В. Репина, А. М. Лобаева

2. ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ
 Концепция «Парк Хрустальный» в Ушаковском муниципальном образовании Иркутской области.
 Авторы: С. Ю. Маяренко, А. Г. Красильников, А. В. Репина, П. А. Заславская, Д. М. Кремлёва, В. И. Казакова

3. ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
 Проект «Благоустройство набережной реки Тепятка между ул. Ленина и ул. Свердлова» в Ачинске.
 Авторы: главный архитектор О. В. Бахошко, П. В. Устюжанин

4. ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
 Проект «Памятные знаки российско-монгольской дружбы в годы Великой Отечественной войны на Чуйском тракте» (Триптих «Дружба – Найрамдал»)
 Авторы: С. Б. Поморов, М. Ю. Шишин, М. А. Кульгачёв, Д. Гантулга

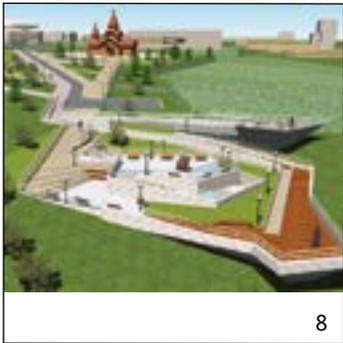
5

6

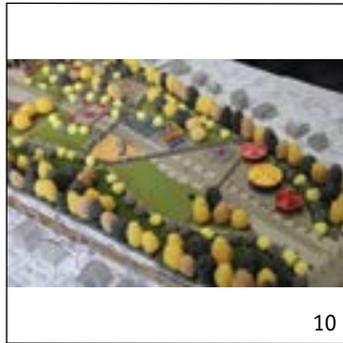
7

8

9

10

5. Реконструкция Иерусалимского кладбища в Иркутске.
Авторы: О. Б. Бадула, А. О. Бадула
Т. В. Щербин

6. Ансамбль Стелы Победы в городе Шарыпово Красноярского края.
Авторы: Н. В. Рыжков, Ю. Н. Рыжкова

7. Лисихинский парк. Мемориальная зона в Иркутске.
Авторы: А. Г. Красильников,
А. А. Ковалева, Е. А. Красильников,
В. Б. Цоктоев

8. Разработка дизайн-проекта благоустройства общественного пространства Игарки, Туруханского р-на, Красноярского края.
Авторы: О. В. Бахошко, Е. А. Юдина,
П. В. Устюжанин, А. Есина,
Ю. А. Пичин

9. Благоустройство сквера в районе ТКЦ «Братск-Арт» в Братске.
Авторы: В. В. Пуляев,
И. В. Бусурманова

10. Реконструкция Детского парка по ул. Парковой в Братске.
Авторы: В. В. Пуляев, Д. М. Арбатский

11. Благоустройство парка «Центральный» в р. п. Степное Озеро
Авторы: В. В. Кулик, Т. Л. Струцкая

12. Концепция формирования новой городской площади на ул. Мало-Тобольская в районе Центрального рынка Барнаула.
Авторы: Д. А. Индюков,
М. А. Максименко

13. Концепция создания общественно-рекреационного пространства Барнаула на месте санитарно-защитной зоны вдоль проспекта Космонавтов в створе ТЦ «Алтай».
Авторы: Д. А. Индюков,
М. А. Максименко

11

12

13

1

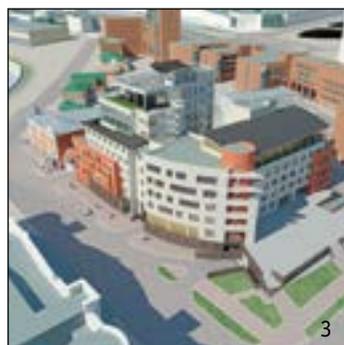
4

5

2

3

6

НОМИНАЦИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

1. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ

Архитектурная концепция административного комплекса АЦЗ Промышленно-металлургического холдинга в Туле.

Авторы: С. Н. Зыков, В. В. Адаев

2. Деловой центр «Екатеринбург-Сити» в Екатеринбурге. Проектное предложение.

Авторы: О. Б. Бадула, А. О. Бадула

3. Административное здание по ул. Пушкина-Думская в ЦАО Омска.

Авторы: С. Ш. Хусаинов, А. А. Орешков, А. А. Сергеев, В. Ю. Носова, Т. Н. Воронина

НОМИНАЦИЯ «КУЛЬТОВЫЕ ЗДАНИЯ»

4. Воссоздание церковного комплекса на Соборной площади (ныне пл. Свободы) Барнаула.

Проект часовни «Достойно есть». Авторы: Ю. А. Крейдун (протоиерей Георгий), М. М. Ошкин, О. А. Найман, А. И. Савенкова

5. Воссоздание церковного комплекса на Соборной площади (ныне пл. Свободы) Барнаула.

Вариант реконструкции Петропавловского Собора в русском стиле. Авторы: Ю. А. Крейдун (протоиерей Георгий), авторский коллектив творческой мастерской «Классика» (руководитель мастерской – А. Ф. Деринг)

6. Воссоздание церковного комплекса на Соборной площади (ныне пл. Свободы) Барнаула.

Вариант реконструкции Петропавловского Собора в стиле сибирского барокко.

Авторы: Ю. А. Крейдун (протоиерей Георгий), авторский коллектив творческой мастерской «Царьград» (Художественный руководитель Д. А. Трофимов)

1

8

2

3

9

4

5

6

7

**номинация «ЗДАНИЯ ЖИЛЫЕ
МНОГОКВАРТИРНЫЕ»**

1. ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
Проект «Жилой комплекс «Красная
площадь» в Ижевске.
Авторы: О. Б. Бадула, А. О. Бадула

2. ЖК «Две Эпохи».
Авторы: Е. В. Новикова,
О. В. Мяких3. ЖК «AVALMANPARK».
Авторы: Е. В. Новикова, О. В. Мяких

4. ЖК «Крылья».
Авторы: М. О. Плотников,
А. А. Пасечник, В. С. Ишков

5. Жилой дом «Титан».
Авторы: А. А. Пасечник, В. С. Ишков
6. Эскизный проект 16-этажных блок-
секций в конструкциях безригельного
каркаса серии 1.120с с шагом колонн
4,2 м для строительства в районах
с сейсмичностью 7 баллов.
Авторы: Ю. А. Бержинский,
О. И. Саландаева, Н. Д. Наумова

7. Жилой дом по ул. Короленко, 118
в Барнауле.
Авторы: П. И. Анисифоров,
Т. Ф. Дьякова, С. П. Анисифоров,
А. В. Гончарова

**номинация «ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ
ЖИЛЫЕ ДОМА»**

8. ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
Концепция коттеджного поселка
самостоятельной застройки
«Ласточки».
Авторы: И. В. Логванов,
Е. И. Логванова, А. В. Щенникова,
С. Чашин

9. Понтонные дома. Система
наземного понтонного подъема
здания при наводнениях.
Автор: А. В. Кузьминых

1

2

3

4

номинация «РЕСТАВРАЦИЯ»

1. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ

Проект «Казённые винные склады»
по пр. Комсомольский, 122
в Барнауле.

Авторы: Е. Н. Шаповаленко,
А. А. Ситникова, А. Ю. Павлышко,
И. О. Кругликова

2. ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ

Проект реконструкции памятника
архитектуры Церкви Знамения
и благоустройства центральной части
с. Курья.

Авторы: П. И. Анисифоров,
Т. Ф. Дьякова, С. П. Анисифоров,
Е. Г. Федорова

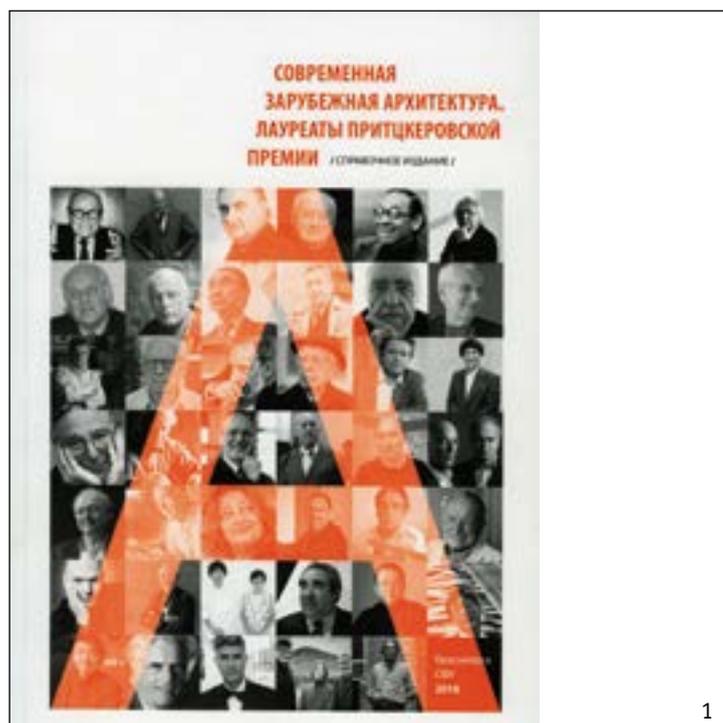
3. ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ

Проект «Воссоздание культовых
зданий «Костел» и «Мечеть»
на территории переселенческой зоны
в АЭМ «Тальцы».

Авторы: А. В. Поликарпочкин,
Л. А. Захарова, Л. Г. Басина,
И. В. Калинина, Е. А. Кузнецова,
М. П. Кобылина, А. П. Ксенофонтов,
А. М. Кибальник

4. Объект культурного наследия
регионального значения «Здание,
где в 1913–1915годах находилось
культурно-просветительное общество
"Знание"», по ул. Подгорной в
Иркутске.

Авторы: А. В. Поликарпочкин,
Л. А. Захарова, Л. Г. Басина,
Е. А. Кузнецова, М. П. Кобылина,
А. П. Ксенофонтов, А. М. Кибальник

1

номинация «УЧЕБНИКИ, УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ»

1. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ
Современная зарубежная архитектура. Лауреаты притцкеровской премии.
Автор: С. М. Геращенко

2. ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ
Проектная и исследовательская деятельность в сфере территориального планирования, градостроительного зонирования, в области планировки территории.
Авторы: И. В. Кукина, Н. А. Унагаева, И. Г. Федченко, Я. В. Чуй

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
Рисунок тушью.
Автор: Е. Г. Назимко

История науки и техники.
Автор: В. Н. Смирнов

Социальные и экологические основы проектирования.
Автор: В. В. Крылов

Урбанизационная безопасность.
Автор: В. В. Крылов, Е. В. Мальцева

Проблемы современной архитектуры и градостроительства.
Автор: В. В. Крылов

Номинация «МОНОГРАФИИ»

3. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ
Храмы, станы и монастыри Алтайской духовной миссии: чертежи, панорамы, 3D-модели (Барнаул).
Автор: Ю. А. Крейдун

ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ
Жилые планировочные единицы города середины XX – начала XXI в.
Автор: И. Г. Федченко.

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
Архитектурно-градостроительная морфология Новосибирска.
Автор: А. Е. Гашенко

Электроизоляционный бетон.
Автор: А. Ф. Бернацкий

Архитектурно-градостроительная культура Сибири.
Автор: Н. В. Вольская

Погружение в профессию.
Архитектор Анатолий Кондратьев.
Авторы: А. П. Долнаков, Е. А. Долнакова

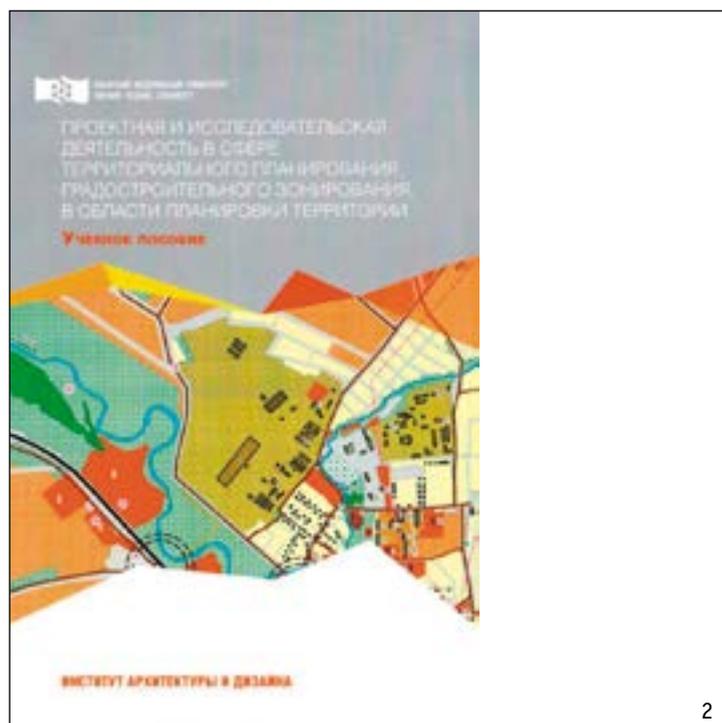
Храмы, станы и монастыри Алтайской духовной миссии: чертежи, панорамы, 3D-модели.
Автор: Ю. А. Крейдун

Святая Земля в пространстве храма: Новая церковь Святых Вифлеемских Младенцев в Барнауле.
Авторы: Ю. А. Крейдун, А. М. Лидов

Жилые планировочные единицы города середины XX- начала XXI в.
Автор: И. Г. Федченко

Градостроительная политика в нефтегазодобывающих районах Тюменской области. Том 1.
Автор: С. Н. Лесков

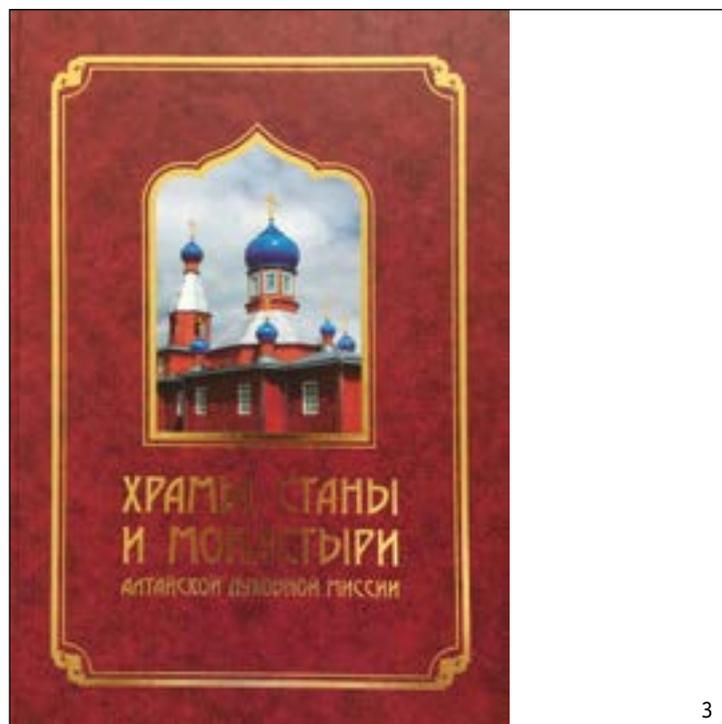
Город, природа и общество. Проблемы взаимодействия.
Автор: В. И. Крушлинский

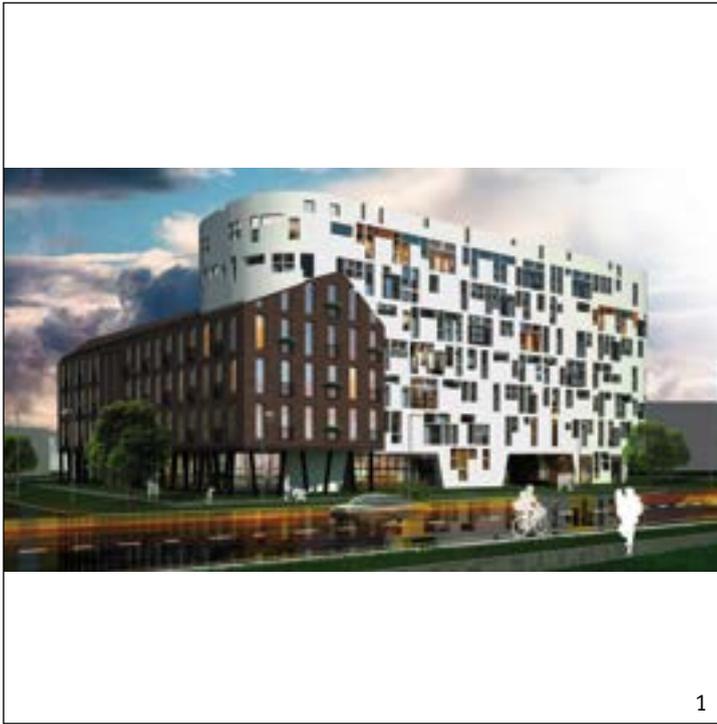
2

Номинация «КРИТИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТАХ»

ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ
Серия публикаций по теме «Научное обоснование устойчивого развития архитектуры туризма на Алтае».
Авторы: С. Б. Поморов, Г. И. Пустоветов, Ф. С. Поморов

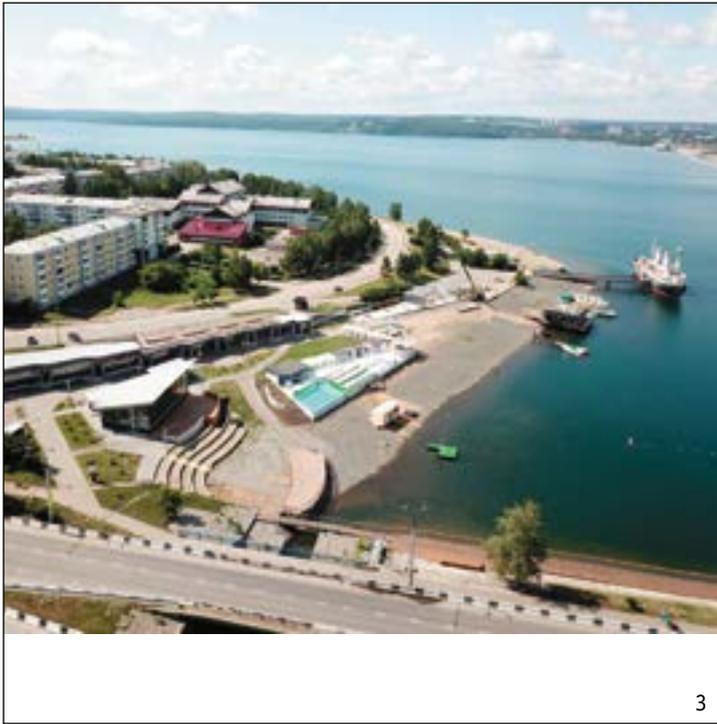
3

1

2

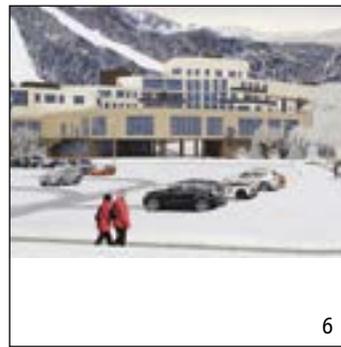
3

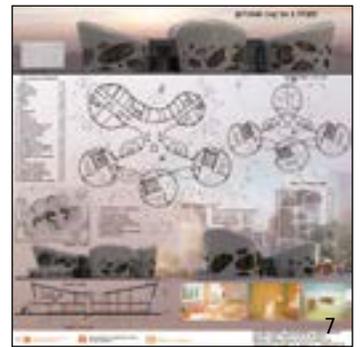
4

5

6

7

номинация «ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ АРХИТЕКТОРОВ И СТУДЕНТОВ»

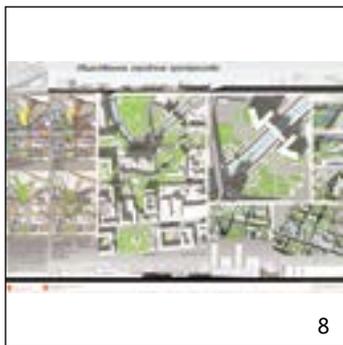
1. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ
 Эскизный проект «Квартал, дом, квартира. Комфортность проживания».
 Автор: А. С. Григорьева

2. ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ
 Дипломный проект концепции формирования фрагмента туркластера «Барнаул – горнозаводской город» в границах улиц Мало-Тобольская, Ползунова, Соборная и проспекта Московский.
 Авторы: С. Л. Гарасков, А. И. Синкин
 Рук. С. Б. Поморов, А. Ф. Деринг

3. ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
 Реализация проекта комплексного развития прибрежной территории Иркутского водохранилища «Солнечная дорога».
 Авторы: Е. В. Якимова, А. И. Козак, А. Ю. Ольшевич, К. К. Золотухина, Д. К. Золотухина, А. Е. Шешукова, А. А. Сапижева, А. Соколова, Е. А. Рупасов

4. Иркутский академический драматический театр им. Н. П. Охлопкова.
 Авторы: О. А. Фомина, А. М. Жилкина, Н. Д. Орешкин
 Рук. З. Ф. Низамутдинова

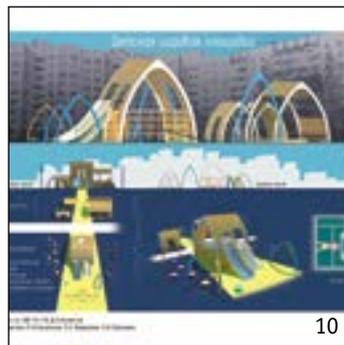
5. Князе-Владимировский храм в Иркутске.
 Авторы: Е. А. Шведова, В. И. Соловьева, А. А. Петрова
 Рук. З. Ф. Низамутдинова

8

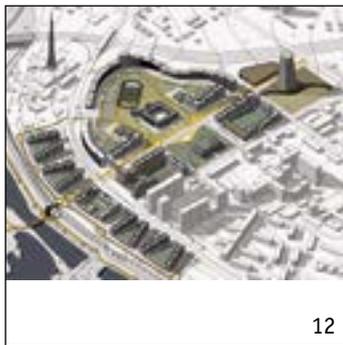
9

10

11

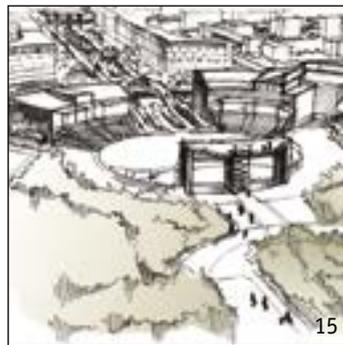
12

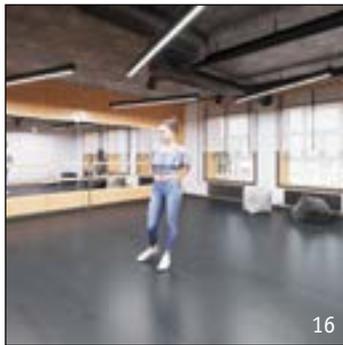
13

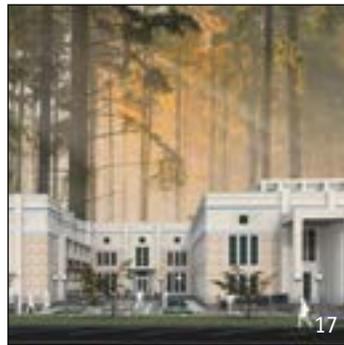
14

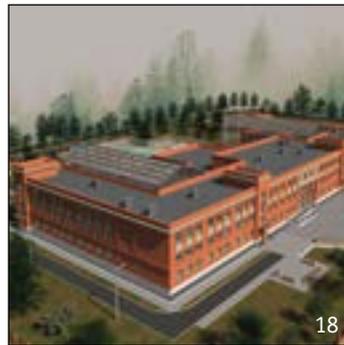
15

16

17

18

19

6. Горнолыжный комплекс в Дивногорске.

Автор: Е. И. Семенченко
Рук. О. Н. Блянкинштейн

7. Концепция объемно-планировочного формирования дошкольных образовательных организаций в системе застройки Красноярска.

Авторы: В. В. Скорик, А. А. Позднякова, А. И. Васина
Рук. Т. В. Бандура, О. Г. Бутова, В. В. Гребешков, О. Н. Иванов, Я. А. Мигас, С. А. Понятовский, С. Ю. Слободчиков

8. Концепция архитектурно-планировочной организации общественных пространств в Красноярске.

Авторы: А. С. Кузьмина, А. А. Пшеничникова, Е. А. Субботина
Рук. Е. В. Дашкевич, О. Н. Иванов, Н. В. Петрова, Е. Ф. Файнберг

9. Формирование многофункциональных комплексов в общественных пространствах Октябрьского района Красноярска.

Авторы: А. Е. Карасов, А. А. Королева, И. Ю. Маевский, А. С. Павлюкова, Е. В. Романова
Рук. Е. В. Дашкевич, О. В. Киселева, Т. А. Киселев, Ю. В. Лапицкая

10. Детские игровые площадки.

Авторы: Н. С. Березинская, В. Е. Гильд, П. Н. Григорович, А. Д. Есина, В. Р. Илюшина
А. Е. Карасов, А. М. Касьянова, С. Н. Огородников, И. С. Орешко
Рук. О. Н. Блянкинштейн, М. Е. Меркулова, Н. С. Баталова, Л. А. Касаткина, Т. Ю. Дубенкова, Д. В. Кобец, И. Л. Попова, И. А. Удина, О. С. Федорова, А. И. Балтинате, А. А. Орлова, О. А. Сорокина

11. Адаптируемое жилье на примере застройки территории микрорайона «Птичья Гавань» в Иркутске.

Автор: А. О. Холявко
Рук. И. Е. Дружинина

12. Проект застройки территории в границах улиц Седова, Верхняя набережная, 6-я Советская в Иркутске.

Автор: Н. М. Боровикова
Рук. И. Е. Дружинина

13. Развитие застроенных кварталов по ул. Баррикад в Иркутске.

Автор: М. Е. Подшивалов
Рук. И. Е. Дружинина

14. Элеватор.

Автор: Л. В. Гавриленко
Рук. А. В. Наволоцкая

15. Технополис в Байкальске: эко-инновационный кластер.

Автор: А. С. Жмыхова
Рук. И. Е. Дружинина

16. Танцевальная студия «GROOVE».

Автор: М. А. Манаков
Рук. Н. С. Никитина

17. Проект дома для престарелых в Барнауле.

Автор: Т. В. Беличенко
Рук. Л. Д. Петракова

18. Реконструкция общеобразовательной школы в Барнауле.

Автор: Т. В. Дерезинова
Рук. Л. Д. Петракова

19. Церковь на Скале-кафедре в Норвегии.

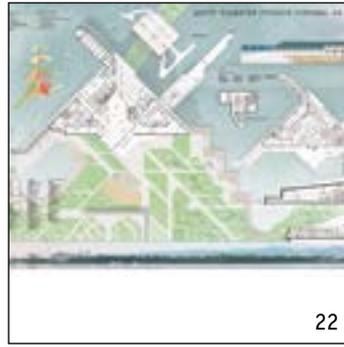
Автор: Е. С. Лоскутова
Рук. О. Н. Комаровский

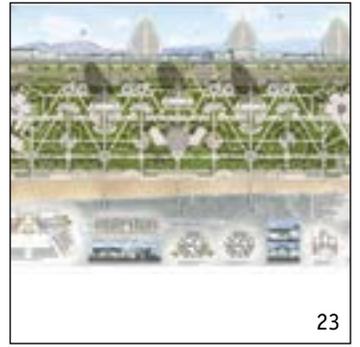
20

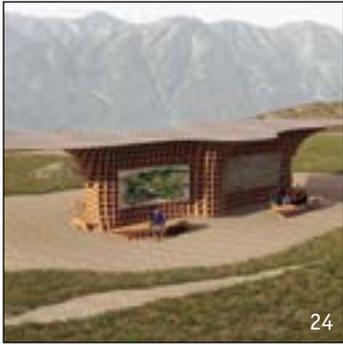
21

22

23

24

25

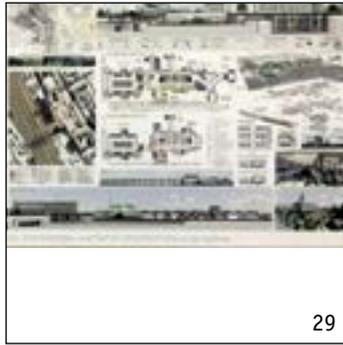
26

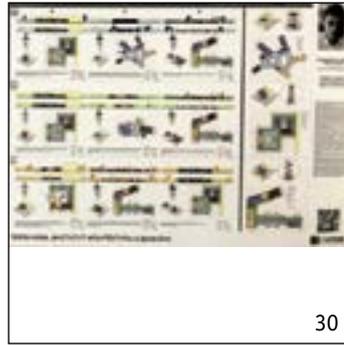
27

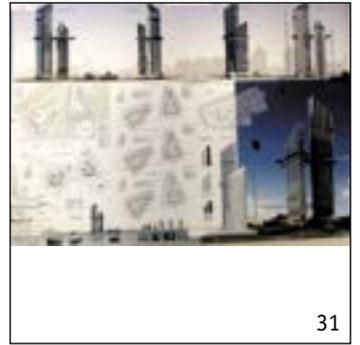
28

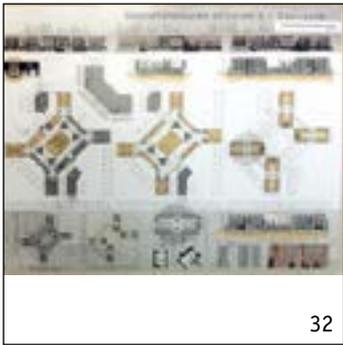
29

30

31

32

20. Реновация промышленных территорий в городе Новокузнецке с концепцией научно-производственного центра.
Автор: Р. А. Дрожжин
Рук. Е. А. Благиных

21. Проект городского усадебного дома.
Автор: Ж. М. Черданиченко
Рук. Е. А. Благиных

22. Объекты туризма регионального значения. Красноярский край и Хакасия.
Авторы: А. Н. Бойкова, А. А. Емашкина, С. В. Горелова
Рук. А. Б. Касаткин, Л. А. Касаткин, С. А. Понятовский

23. Объекты туристической инфраструктуры в Крыму и Турции.
Авторы: К. С. Бокина, А. П. Боргоякова, К. С. Буланов
Рук. В. И. Крушлинский, С. В. Гладкий

24. Туристический комплекс «Тюрк-Кабай» в Республике Алтай.
Автор: А. М. Кыдыев
При участии З. В. Поповой, В. И. Соёнова, В. Я. Кыдыевой

25. Арт-завод Доренберг.
Авторы: Е. В. Ямова, А. И. Козак, К. К. Золотухина, Д. К. Золотухина, А. Е. Шешукова

26. Решения по организации площадок для проведения фестиваля «Футбольное лето 2018» в Иркутске.
Авторы: Е. В. Ямова, А. И. Козак, К. К. Золотухина, Д. К. Золотухина, А. Е. Шешукова, А. А. Сапижева, И. А. Еременко, А. Б. Цыбенков, Е. А. Рупасов, С. Колосовский

27. Адаптивная городская среда на сложном рельефе.
Авторы: Т. С. Вовченко, Д. В. Харченко
Рук. В. А. Сидоров, С. Б. Поморов

28. Принципы проектирования зоны экспозиции в зоопарках Сибири (на примере Барнаула).
Автор: Л. Е. Гоголинская
Рук. Н. В. Сергеева

29. Архитектурно-планировочное формирование многофункциональных транспортно-пересадочных узлов (на примере Новосибирска).
Автор: Т. В. Кожокару
Рук. М. П. Диндиенко

30. Системные основы архитектурно-планировочной организации производственной среды для людей с ограниченными возможностями здоровья.
Автор: Л. Е. Онуфриенко
Рук. С. Б. Поморов, М. П. Диндиенко

31. Многофункциональный общественный комплекс в Барнауле.
Автор: Д. Е. Черданцева
Рук. В. И. Золотов, М. П. Диндиенко

32. Воспитательная колония в Барнауле.
Автор: Д. Е. Черданцева
Рук. Е. В. Шарова, Н. В. Сергеев

1

Проект: "Общественное здание. Научно-исследовательский центр по изучению птиц с авиариум." Хаснатинаова Майя 13 лет

2

3

ГРАН-ПРИ
«Летят журавли», архитектурное наследие, этническая деревня Румшишкес.
Автор: Элина Шмидт, 14 лет

номинация АРХИТЕКТУРНЫЙ ДИЗАЙН», возраст участников до 9 лет

1. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ
«Музыкальный дом».
Автор: Ольга Дмитриева, 9 лет.
Художественная мастерская «Облако», Братск.
Препо. Н. Г. Аносова

ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ
«Улица».
Автор: София Демчук, 6 лет.
Студия изобразительного творчества МБУ ДО «ДШИ №54», Полысаево.
Препо. Ю. С. Поддубная

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
«Радуга».
Автор: Алина Мосинцева, 9 лет.
ДХШ при НГХУ, Новоалтайск.
Препо. Н. В. Варова

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
«Терем».
Автор: Варвара Салтымакова, 5 лет.
МБУ ДО «ДШИ №54», г. Полысаево.
Препо. Ю. С. Поддубная

номинация «АРХИТЕКТУРНЫЙ ДИЗАЙН», возраст участников от 10 до 13 лет

2. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ
«Общественное здание. Научно-исследовательский центр по изучению птиц с авиариум в Иркутске».
Автор: Майя Хаснатинаова, 13 лет.
Детская студия дизайна и архитектуры «СПЕКТР», Иркутск.
Препо. А. В. Пахатинская

ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ
«Мебель для детской комнаты».
Автор: Альбина Юхименко, 12 лет.
МБУДО ДХШ р. п. Краснообск.
Препо. Н. А. Ануфриева

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
«Музыкальный дом».
Автор: Елизавета Федорова, 11 лет.
Художественная мастерская «Облако», Братск.
Препо. Н. Г. Аносова

номинация «АРХИТЕКТУРНЫЙ ДИЗАЙН», возраст участников от 14 до 17 лет

3. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ
«Краснообск в будущем».
Автор: Антон Иванкин, 15 лет.
МБУДО ДХШ р. п. Краснообск.
Препо. Л. А. Серебрякова

ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ
«Бионика в архитектурной композиции».
Автор: Вероника Ремова, 15 лет.
МБУДО ДХШ р. п. Краснообск.
Препо. Л. А. Серебрякова

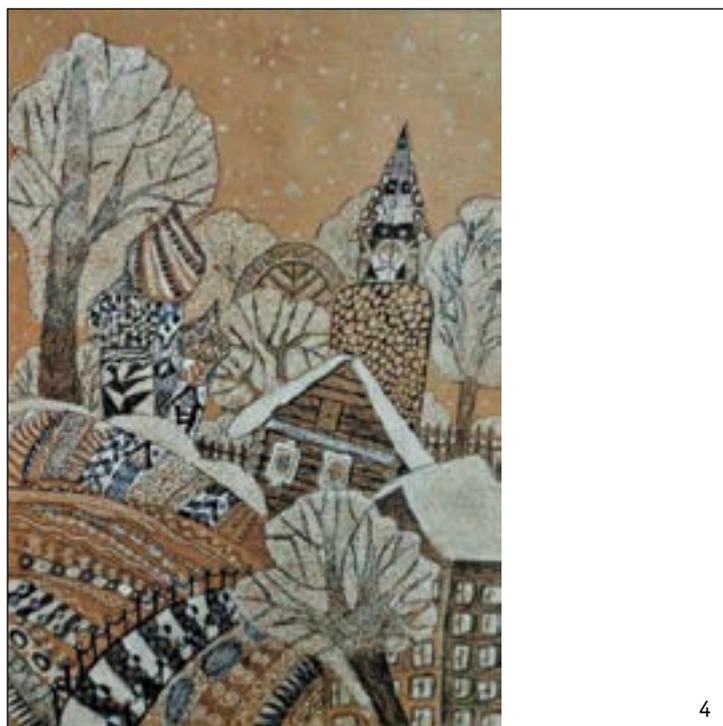
ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
«Архитектурное наследие А. Д. Крячкова».
Автор: Александр Великасов, 16 лет.
МБУДО ДХШ р. п. Краснообск.
Препо. Л. А. Серебрякова

номинация «ЖИВОПИСЬ, ГРАФИКА», возраст участников до 9 лет

4. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ
«Вятская слобода».
Автор: Мария Михальчук, 8 лет.
МОАУ ДО «ЦРТДЮ «Радуга», Киров.
Препо. С. А. Градобоева

ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ
«Терем».
Автор: Ярослав Каждан, 9 лет.
МБУДО ДХШ р. п. Краснообск.
Препо. Т. Ю. Огнева

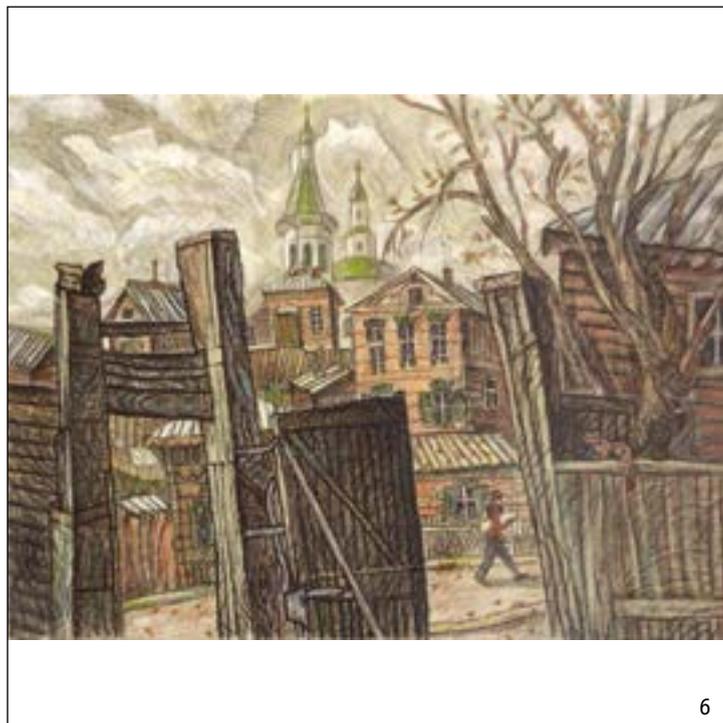
Диплом III степени
«Любимый город».
Автор: Анжелина Верещагина, 7 лет.
МОАУ ДО «ЦРТДЮ «Радуга», Киров.
Препо. С. А. Градобоева

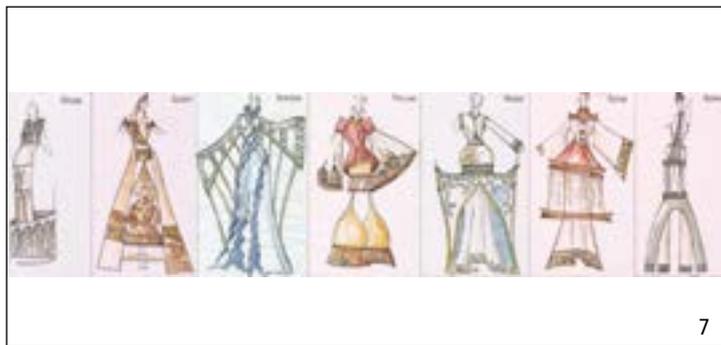
4

5

6

7

номинация «ЖИВОПИСЬ, ГРАФИКА», возраст участников от 10 до 13 лет

5. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ
«Старый дом».
Автор: Анастасия Тушинцева, 12 лет.
ГОБУДО Иркутская областная ДШИ.
Препо. С. П. Юшкова

Диплом II степени
«Ростов Великий».
Автор: Мария Ефименко, 13 лет.
МБУДО ДХШ р. п. Краснообск.
Препо. Е. Г. Шаповалова

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
«Покровский кафедральный собор».
Автор: Дарья Диянова, 10 лет.
Кружок «Мир искусства» при КГБПОУ «БГПК», Барнаул.
Препо. Т. В. Бондарчук

номинация «ЖИВОПИСЬ, ГРАФИКА», возраст участников от 14 до 17 лет

6. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ
«Старые улицы Иркутска».
Автор: Кирилл Киселев, 14 лет.
ГОБУДО Иркутская областная ДШИ.
Препо. С. П. Юшкова

ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ
«Утренняя прогулка»
Автор: Дарья Хайрулина, 14 лет.
ГОБУДО Иркутская областная ДШИ.
Препо. М. Д. Черноусова

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
«Покровская часовня».
Автор: Марина Жихарева, 14 лет.
МБУ ДО «ДШИ №54» Польшаево.
Препо. Н. М. Казакова

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
«Вечерний Иркутск»,
(Гранд-отель, ул. К. Маркса).
Автор: Константин Мантыков, 15 лет.
ГОБУДО Иркутская областная ДШИ.
Препо. Ю. В. Поликарпочкина

номинация «ЭСКИЗНЫЙ ПРОЕКТ В ДИЗАЙНЕ КОСТЮМА»

7. ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ
«Чудеса света».
Детский театр моды «Чародейка»
(коллективная работа), 13–14 лет.
МОАУ ДО «ЦРТДЮ «Радуга», Киров.
Препо. О. В. Пресникова,
Н. В. Огородников, О. В. Полушина,
С. А. Градобоева

ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ
«Архитектурная фантазия».
Автор: Татьяна Стяжкина, 13 лет.
Художественная мастерская
«Облако», Братск.
Препо. Н. Г. Аносова

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ
«Архитектурная фантазия».
Художественная мастерская
«Облако», Братск.
Препо. Н. Г. Аносова

Раздел «Постройки»

Авксентюк В. П.
Авксентюк-Каменская Д. В.
Анисифоров П. И.
Афанасьева В. А.
Баранов А. Ю.
Ветлов А. В.
Вишняк А. В.
Власов А. А.
Гончаров А. Ю.
Гончарова А. В.
Готовский Д. С.
Григорьева Е. И.
Долганова О. И.
Дьякова Т. Ф.
Жижченко Е. Г.
Заславская П. А.
Захарова Л. А.
Индюков Д. А.
Кибальник А. М.
Кладов А. А.
Ключников Л. И.
Кобылина М. П.
Ковалев А. В.
Ковалева А. А.
Козловская Ю.
Коротаев В. Л.
Красильников А. Г.
Красильников Е. А.
Крутухина А. Я.
Крюков П. В.
Ксенофонов А. П.
Кузнецова Е. А.
Лисовая Ю. А.
Лоскутников А. Б.
Лукашева Н.
Максименко М. А.
Малетин Ю. А.
Малкин И. А.
Маяренков С. Ю.
Михайлик Е. А.
Муллаяров С. В.
Никитина Л. А.
Ощепков Д. К.
Плаксин Е. В.
Поликарпочкин А. В.
Попов Д. А.
Раков Т. А.
Санаров Л. А.
Сизова И. А.
Ситникова А. А.
Суртаев А. Г.
Тигунцев М. В.
Тигунцев А. В.
Тиманов П. Г.
Тиманова С. В.
Трапезникова А. И.
Тюкова Н. М.
Фадюшина, Л. В.
Федореев С. М.
Худяков С. Ю.
Цоктоев В. Б.
Черепанов С. В.
Чернышева О. Л.

Шаповаленко Е. Н.
Шмидт М. И.
Ющук Л. А.

Раздел «Проекты»

Адаев В. В.
Александров С. А.
Анисифоров П. И.
Арбатский Д. М.
Бадула О. Б.
Бадула А. О.
Басина Л. Г.
Бахошко О. В.
Башкова В. В.
Бержинский Ю. А.
Боженко С. А.
Бусурманова И. В.
Вдовин Н. Ф.
Вороница Т. Н.
Гантулга Д.
Гончарова А. В.
Горячая М. В.
Григорьева Е. И.
Деринг А. Ф.
Диндиенко М. П.
Долнаков П. А.
Дьякова Т. Ф.
Елшин Р. Б.
Есина А.
Зайцев Е. П.
Заславская П. А.
Заславский С. О.
Захарова Л. А.
Золотов В. И.
Зыбайло П. П.
Зыков С. Н.
Индюков Д. А.
Ишков В. С.
Казакова В. И.
Калинина И. В.
Кибальник А. М.
Кириенко В. М.
Кобылина М. П.
Ковалева А. А.
Ковшарова К. С.
Козак И. В.
Кольган А. С.
Красильников А. Г.
Красильников Е. А.
Крейдун Ю. А. (протоиерей Георгий)
Кремлёва Д. М.
Кругликова И. О.
Ксенофонов А. П.
Кузнецова Е. А.
Кузьминых А. В.
Кулик В. В.
Кульгачёв М. А.
Ларина Л. В.
Лобаева А. М.
Логванов И. В.
Логванова Е. И.
Максименко М. А.
Малюженко Д. В.

Маргеева Д. В.
Маяренков С. Ю.
Мельникова А. С.
Московская А. И.
Мягих О. В.
Наговицина Е. И.
Найман О. А.
Наумова Н. Д.
Новикова Е. В.
Носова В. Ю.
Орешков, А. А.
Ошкин М. М.
Павлышко А. Ю.
Павлючик Б. Е.
Пасечник А. А.
Пичин Ю. А.
Плотников М. О.
Поликарпочкин А. В.
Поморов С. Б.
Протасов М. В.
Пуляев В. В.
Репина А. В.
Рыжков Н. В.
Рыжкова Ю. Н.
Савенкова А. И.
Саландаева О. И.
Семиусова А. А.
Сенотрусов И. В.
Сергеев А. А.
Ситникова А. А.
Собенникова О. А.
Соколов С. О.
Струцкая Т. Л.
Трофимов Д. А.
Устюжанин П. В.
Федорова Е. Г.
Фролова О. В.
Хотулев Р. А.
Хотулева В. А.
Хусаинов С. Ш.
Цоктоев В. Б.
Цыбенков А. Б.
Чащин С.
Чернявский К. В.
Четошников В. Д.
Чупарин Е. Н.
Шаповаленко Е. Н.
Шашель Г. С.
Шишин М. Ю.
Щенников А. В.
Щербин Т. В.
Юдина Е. А.
Яворская В. В.

Раздел «Пропаганда архитектуры (научные труды, издания, публикации)»

Бернацкий А. Ф.
Боженко С. А.
Вайс М. Н.
Вольская Л. Н.
Гашенко А. Е.
Герашенко С. М.
Долнаков А. П.

Долнакова Е. А.
Золотов В. И.
Индюков Д. А.
Крейдун Ю. А.
Крушлинский В. И.
Крылов В. В.
Кукина И. В.
Лесков С. Н.
Лидов А. М.
Лисицин В. Г.
Максименко М. А.
Мальцева Е. В.
Назимко Е. Г.
Поморов С. Б.
Поморов Ф. С.
Пустоветов Г. И.
Смирнов В. А.
Унагаева Н. А.
Федченко И. Г.
Четошников В. Д.
Чуй Я. В.

Раздел «Творчество молодых архитекторов и студентов»

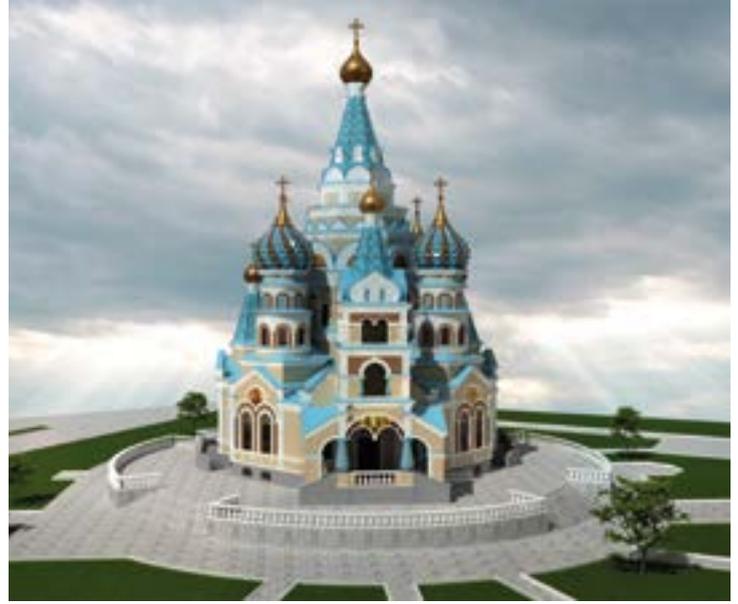
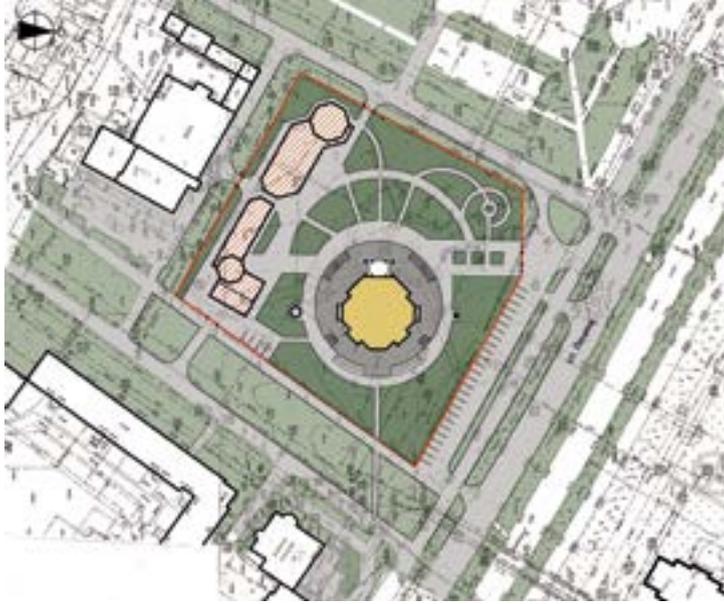
Бабаджанова А.
Балтинате А. И.
Бандура Т. В.
Баталова Н. С.
Беличенко Т. В.
Березинская Н. С.
Благиных Е. А.
Блянкинштейн О. Н.
Бойкова А. Н.
Бокина К. С.
Боргоякова А. П.
Боровикова Н. М.
Буланов К. С.
Бурова О. Г.
Бурцева В.
Бурцева Е.
Васина А. И.
Вовченко Т. С.
Гавриленко Л. В.
Гарасков С. Л.
Гильд В. Е.
Гладкий С. В.
Гоголинская Л. Е.
Горелова С. В.
Гребешков В. В.
Григорович П. Н.
Григорьева А. С.
Дашкевич Е. В.
Деребизова Т. В.
Деринг А. Ф.
Диндиенко М. П.
Дрожжин Р. А.
Дружинина И. Е.
Дубенкова Т. Ю.
Емашкина А. А.
Еременко И. А.
Есина А. Д.
Жилкина А. М.
Жмыхова А. С.
Золотов В. И.

Золотухина К. К.
Золотухина Д. К.
Иванов О. Н.
Ильяненко Ю.
Илюшина В. Р.
Карасов А. Е.
Касаткина Л. А.
Касьянова А. М.
Киселев Т. А.
Киселева О. В.
Кобец Д. В.
Кожокару Т. В.
Козак А. И.
Колосовский С.
Комаровский О. Н.
Королева А. А.
Крушлинский В. И.
Кузьмина А. С.
Кыдыев А. М.
Кыдыева В. Я.
Лапицкая Ю. В.
Лоскутова Е. С.
Маевский И. Ю.
Малинович Р. Д.
Манаков М. А.
Меркулова М. Е.
Мигас Я. А.
Михайлина Анастасия
Михайлина Анна
Наволоцкая А. В.
Низамутдинова З. Ф.
Никитина Н. С.
Огородников С. Н.
Ольшевич А. Ю.
Онуфриенко Л. Е.
Орешкин Н. Д.
Орешко И. С.
Орлова А. А.
Павлюкова А. С.
Пантелеева О.
Петакчян Н.
Петракова Л. Д.
Петрова А. А.
Петрова Н. В.
Подшивалов М. Е.
Позднякова А. А.
Поморов С. Б.
Понятовский С. А.
Попова И. Л.
Попова З. В.
Пшеничникова А. А.
Рагните А.
Романова Е. В.
Рупасов Е. А.
Сабынина Р.
Сапишева А. А.
Семенченко Е. И.
Сергеев Н. В.
Сергеева Н. В.
Сидоров В. А.
Синкин А. И.
Скорик В. В.
Слободчиков С. Ю.
Соёнов В. И.

Соколова А.
Соловьёва В. И.
Сорокина О. А.
Субботина Е. А.
Удина И. А.
Успенская О.
Файнберг Е. Ф.
Федорова О. С.
Фомина О. А.
Харченко Д. В.
Холявко А. О.
Цыбенков А. Б.
Черданцева Д. Е.
Чередниченко Ж. М.
Шарова Е. В.
Шведова Е. А.
Шешукова А. Е.
Якимова Е. В.
Ямова Е. В.

Раздел «Детское архитектурно-художественное творчество»

Аносова Н. Г.
Анкудинова Наталина
Ануфриева Н. А.
Бондарчук Т. В.
Варова Н. В.
Великасов Александр
Верещагина Анжелика
Градобоева С. А.
Демчук София
Диянова Дарья
Дмитриева Ольга
Ефименко Мария
Жихарева Марина
Иванкин Антон
Каждан Ярослав
Казакова Н. М.
Киселев Кирилл
Мантыков Константин
Михальчук Мария
Мосинцева Алина
Огнева Т. Ю.
Огородников Н. В.
Пахатинская А. В.
Пресникова О. В.
Поддубная Ю. С.
Поликарпочкина Ю. В.
Полушина О. В.
Ремова Вероника
Салтымакова Варвара
Серебрякова Л. А.
Стяжкина Татьяна
Тушинцева Анастасия
Федорова Елизавета
Хайрулина Дарья
Хаснатинова Майя
Черноусова М. Д.
Шаповалова Е. Г.
Шмидт Элина
Юшкова С. П.

Гран-при ЗВС-18. Храм Иверской иконы Божией Матери в Ижевске /

авторский коллектив
ГАП Т. Ф. Дьякова
архитекторы

Д. А. Попов, А. В. Гончарова,
Е. А. Бердников

ЗАО «Творческая мастерская архитек-
тора Анисифорова», Барнаул
директор
П. И. Анисифоров

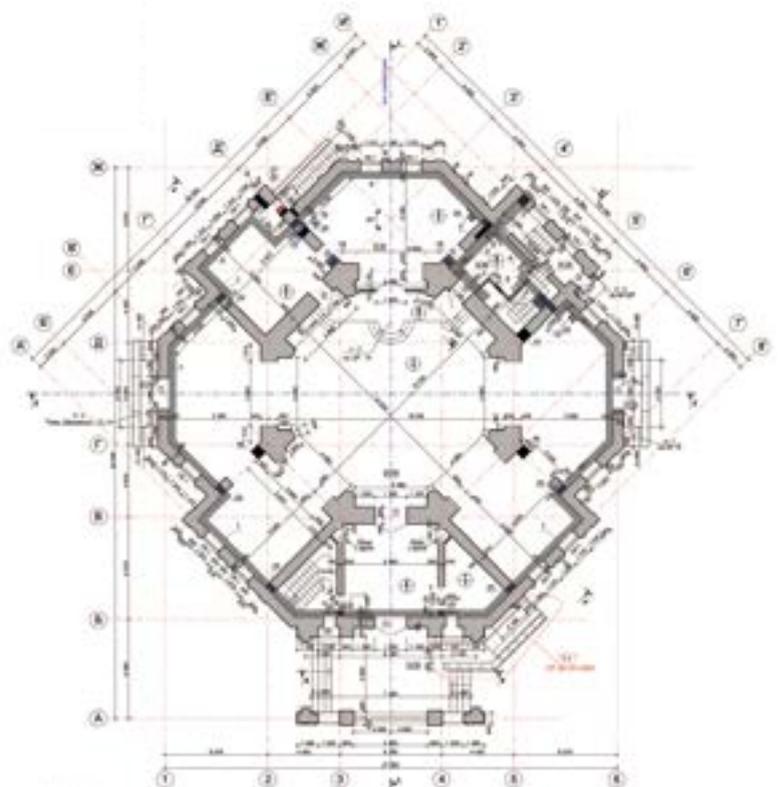
Концепция

Начало... Огромный запущенный пустырь. Тем более храм должен быть ярким и праздничным. Мнение совпало с пожеланиями заказчика – сложные яркие купола, насыщенный декор фасадов. Фасады украсились мозаичными иконами и орнаментами.

Генплан

Участок проектируемого храмового комплекса расположен на обширной территории, прилегающей к широкой улице Ленина. Ориентация участка определила симметричную форму храма и фоновое расположение церковно-причтового дома с библи-

отекой. Важным планировочным элементом является создание акцентированного кругового обхода и диагональной аллеи, объединяющей главный вход со всем комплексом. Просторный участок позволил благоустроить территорию, создав парк.

Архитектурное решение

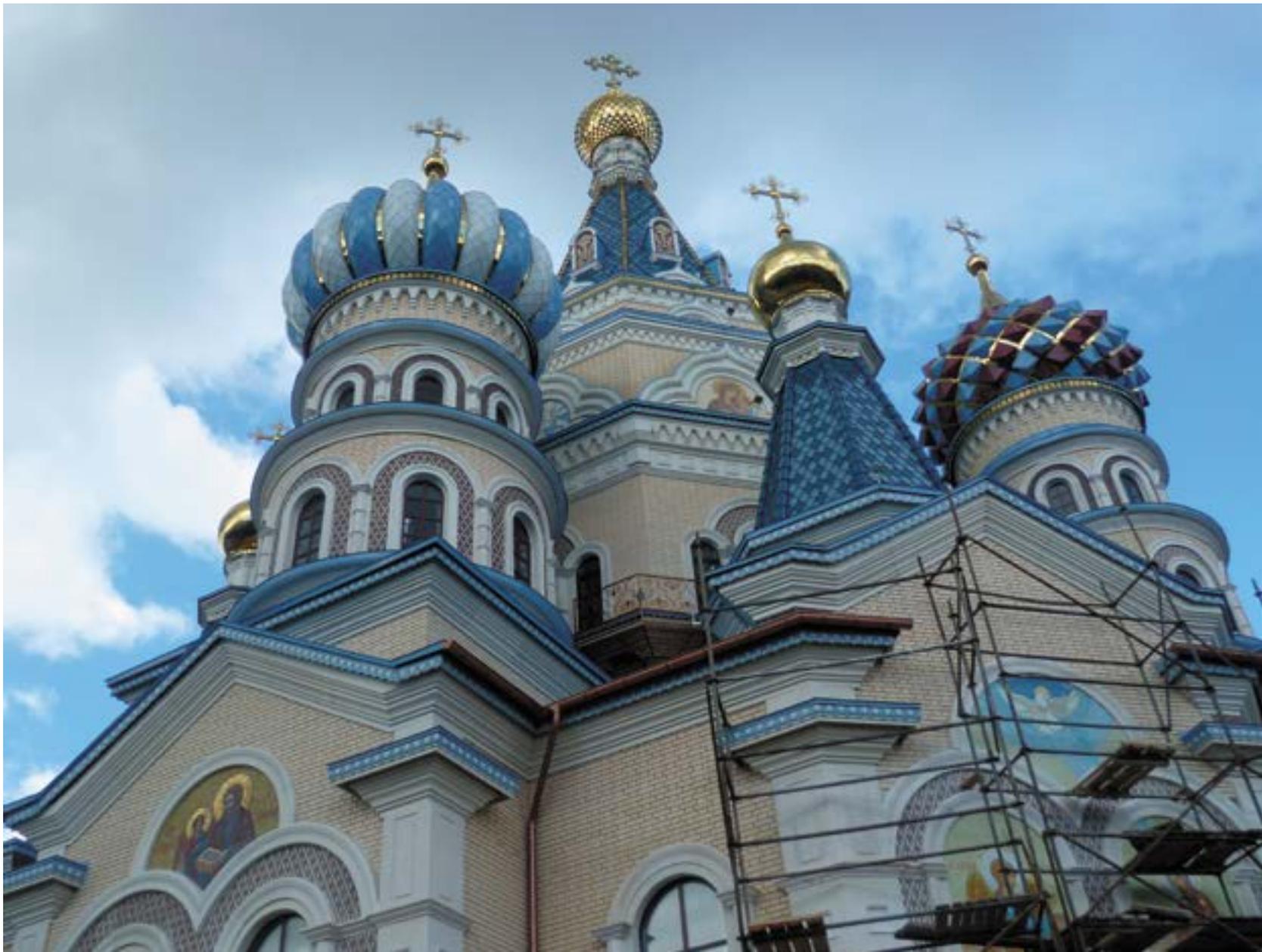
Основной архитектурной темой комплекса является создание позитивного образа православия.

Восьмигранный в плане храм имеет 5 приделов. Центральный придел повторяет восьмигранную форму и завершается шатром, увенчанным главкой. Каждая из сторон имеет разновысокое купольное завершение. Купола выполнены с разнообразной яркой пластикой. В цокольном этаже расположен крестильный храм.

Татьяна Дьякова /
Tatyana Dyakova

Grand Prix of the “Zodchestvo in Siberia 2018”.
The Temple of the Iverskaya Icon of the Mother of God in Izhevsk

> ВариантТАУ

Гран-при «Алтай». Архитектурная концепция административного комплекса АЦЗ Промышленно-металлургического холдинга в Туле /

авторский коллектив
ГАП С. Н. Зыков,
архитектор-визуализатор
В. В. Адаев

Архитектурное бюро
 «Зыков и Партнёры», Кемерово

Получить Гран-при «Зодчества в Сибири» в номинации «Проект» было несколько неожиданно.

Последнее время, в силу известных обстоятельств, по-настоящему интересные, масштабные заказы поступают нечасто. Но вдруг летом прошлого года – звонок от управляющего (добавлено по сайту) директора ПАО «Тулачермет» С. Н. Дьякова и предложение: разработать архитектурную концепцию административного комплекса для группы градообразующих предприятий в Туле, входящих в промышленно-металлургический холдинг «ПМХ».

У нас с Сергеем Николаевичем сложились хорошие партнерские отношения в начале двухтысячных. Тогда он возглавлял ОАО «КОКС» в Кемерове (это предприятие также входит в состав ПМХ), а мы проектировали и вели авторский надзор за строительством корпоративной базы отдыха на реке Томь. Тогда, в 2005 году, за эту работу мы получили награду «Золотая Капиталь» в Новосибирске и были номинантами «Архитектурной премии» в Москве издательства «САЛОН-ПРЕСС».

Вскоре у меня была командировка-рекогносцировка в Тулу. Там заканчивалось строительство нового завода «Тулачермет-Сталь», а рядом отводилась площадка для административного комплекса. Это была низинка, застроенная неприглядными промышленными корпусами. А выигрешную в градостроительном отношении территорию, расположенную рядом на перекрестке ведущих из города двух дорог и на въезде в промзону предприятий холдинга, занимали стройгородок из временных зданий и надземные инженерные сети. Мы обсудили с заводскими специалистами и с руководством возможность выноса этих сооружений с площадки и пришли к выводу, что это – лучшее место для презентативного административного комплекса.

Затем были переговоры, составление задания на проекти-

рование и, наконец, подписание контракта, по которому необходимо было разработать три варианта объемно-планировочного решения комплекса, а на выбранный заказчиком вариант сделать видеоролик.

Задача стояла интересная и достаточно сложная. Во-первых, выбранная площадка имеет важное градостроительное значение: замыкает перспективу улицы Пржевальского и формирует главный въезд в группу предприятий «ПМХ». Во-вторых, необходимо найти яркий архитектурный образ штаб-квартиры холдинга, который может стать визитной карточкой как холдинга, так и самого города Тула. В-третьих, надо удобно и рационально разместить в пространстве все необходимые функции проектируемого объекта, включая заводские парковки на 700 мест, административные помещения с президентским блоком, столовую, актовый зал, музей, оздоровительный центр, рекреации и пр. общей площадью 15 тыс. кв. м, а также сформировать небольшую парковую зону, ведущую к проходной завода.

Ощущения азарта и драйва, которые уже угасли за время затянувшихся переговоров и подписание контракта, вновь разгорелись. Варианты рождались в приятных муках, но быстро, один за другим.

Вариант под девизом «ЛОГО». Прообразом плана здания по-

^ Вариант ЛОГО

Grand Prix "Altai". The Architectural Concept for the Office Complex of the Asphalt-Cement Plant of the Industrial Metallurgical Holding in Tula

v Вариант ИКС

служил логотип холдинга ПМХ. Здание-логотип должно хорошо читаться на спутниковой карте города. Высота в пять этажей вполне сомасштабна человеку. Внутри сформирован уютный дворик с садом и фонтаном, отделенный от окружающей промышленной застройки. Эксплуатируемая кровля является рекреацией для блока помещений топ-менеджеров (президентского блока). В двухэтажной пристройке находятся столовая, актовый зал, музей, оздоровительный центр.

Вариант под девизом «ИКС». Это объемно-пространственное решение при движении вокруг здания создает динамично изменяющийся силуэт. То он воспринимается пирамидой с вершиной, обращенной вверх, то вершиной вниз. Переключаясь и «заигрывая» с силуэтами градирен, здание в 12 этажей должно стать высотной доминантой на въезде в градообразующую группу промышленных предприятий холдинга «ПМХ». Вестибюль и лифтовый холл первого этажа решаются в виде двусветного атриума. Эксплуатируемая кровля является рекреацией для блока помещений топ-менеджеров. В горизонтальном объеме размещаются вестибюль и те же помещения, что в пристройке первого варианта.

Вариант под девизом «ТАУ». Здесь, на мой взгляд, есть некие ассоциации с советским конструктивизмом и поэтикой

индустриальных форм. Предполагается, что здание в виде объемной буквы «Т» высотой 50 м, хорошо просматриваемое со стороны города, может стать новым архитектурным символом Тулы. Главный вход с двухсветным вестибюлем располагается на стыке высотного объема с эллипсоидным объемом актового зала. Выступающие консоли верхних этажей образуют внутри двусветный атриум (зимний сад), вдоль которого расположены помещения президентского блока.

Все три варианта вместе представляли собой одну конкурсную работу в номинации. Возможно, это и внесло некоторое замешательство в работу жюри, когда его члены попытались выявить лучший из трех вариантов, и выбор колебался между первым и вторым.

Я же для себя не могу отдать приоритет ни одному из них. Они все, на мой взгляд, имеют одинаковые перспективы на дальнейшую разработку.

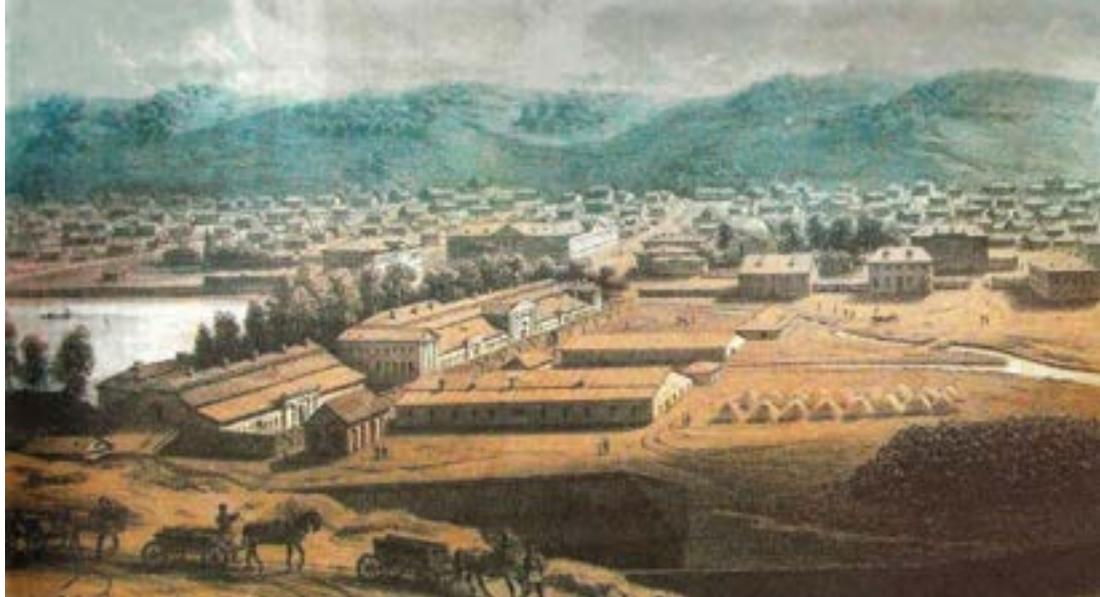
Заказчик выбрал вариант «ЛОГО». Но это еще не все. По слухам, московское топ-руководство холдинга заказало параллельно разработку концепции столичным архитекторам. Так что конкурс еще впереди, на этот раз – корпоративный.

Сергей Зыков
фото Максима Кагирова /
Sergey Zykov
photo by Maxim Kagirov

v Вариант ЛОГО. Внутренний двор

> Барнаульский сереброплавильный завод

Второй в России / The Second in Russia

Излагается история основания и развития Барнаула как горного города с момента основания до конца XIX века. Описывается становление и эволюция медеплавильного и сереброплавильного производств как градообразующих факторов. Характеризуется деятельность рудознатцев, купцов, инженеров, архитекторов, начиная с XVII века. Приводятся биографические данные наиболее известных людей. Отмечаются основные особенности городского уклада.

Ключевые слова: Барнаул; Алтай; Колывано-Воскресенский завод; Демидовский, Горнозаводской (Кабинетский), Купеческий, Послевоенный периоды; сереброплавильный и медеплавильный заводы; архитектура.

The article presents the history of formation and development of Barnaul as a mining city from its foundation to the end of the 19th century. It features the establishment and the evolution of copper-smelting and silver-smelting industries as city-forming factors. The article characterizes the activities of mineralogists, merchants, engineers and architects starting from the 17th century. The biographical details of the most famous people are given. The peculiarities of the city's culture are featured.

Keywords: Barnaul; Altai; Kolyvano-Voskresensky plant; Demidovsky, Mining (Cabinet), Merchant and Post-War periods; copper-smelting and silver-smelting factories; architecture.

1. Большая земля. Большие люди

— А ведь, похоже, нашел Роман Харитонович. Глянь, мужики, я этот блеск у него в глазах знаю. Не раз видел. Верное слово — здесь быть заводу...

Могло быть так, как представилось мне на основании прочитанного. Могло быть как-то иначе. Но бесспорный факт, что ранней осенью 1739 года приказные люди крупного российского промышленника Акинфия Никитича Демидова находились далеко от Урала. Они были там, где впадает река Барнаул в полноводную сибирскую Обь-реку.

Место не первобытно дикое. Удобное урочище задолго до пришельцев укрывало кочующих скотоводов. Ставили они здесь временные стойбища. А теперь вот и малая деревенка приютилась недалеко от устья. Так и называли ее — Усть-Барнаульская. Русское поселение. Первыми жителями, скорее всего, были выходцы из Белоярской крепости. Форпост защитный более двух десятков лет уже стоял на правом берегу Оби.

Наряду с другими крепостями оберегал он обширный край и русских переселенцев от набегов кочевников-джунгар. При необходимости до него и пешком за день дойдешь, только через реку переправься. Все обитатели небольшой деревни — государственные крестьяне. Приглянулось место. Обосновались. В дальнейшем при заводе не прижились. Ушли на новые земли.

Сама Барнаул-река не очень большая, но и не самая маленькая. От истока до слияния с Обью больше полутора сотен километров. Далеко на юго-западе, спрятавшись в сосновом бору, отражает небо водная гладь озер. Вытянулись они узкими лентами в цепь, как будто сами пытаются достичь Оби вслед за порожденной ими рекой. А та, питаясь на пути своим подземными источниками, вбирая воды прочих мелких рек, прямо, как полет телеутской стрелы, устремилась на встречу со старшей сестрой. Однако прямолинейность эта доступна взору лишь птиц перелетных. Из недосыгаемого поднебесья видна им чудесная картина с необъят-

ными коврами степей. Искристыми аметистами рассыпаны по коврам озера. Серебряным шитьем набито узорочье рек. Темно-зеленой бархатной опушкой ленточных боров оторочены степи, ограничены с севера и на восходе солнца лесным безбрежьем. Выше поднимут стаю неутомимые крылья — на юге откроются, как застывший голубой прибор, Алтайские предгорья. Волшебный край. Приобское плато.

В этом краю, на мягком ложе дюнных песков доисторического стока, нежится река. От палящего летнего солнца хранят ее пушистые кроны янтарноствольных сосен. Подобно скольжению неспешного ужа, беззвучно вьется речка по неширокой долине. Вплетаются в водные струи ленты прибрежной травы, гибкие ветви наклонившегося ивняка. В теневых омутах на излучинах вода пугает зеленовато-черной непрозрачностью. Может, там и вообще дна нет? На мелких перекатах поражает искристостью, струящейся над чешуйчатым желтым песком, напоминающим панцирную кожу сказочного дракона.

Кочевники Сибири и Алтая многие реки уважительно относили к мужскому роду. Поэтому и первые исследователи отмечали реку, кто как Бороноур, кто как Боранаул. Записывали, как слышали, со слов тюркоязычного населения Верхнего Приобья. Русские же поселенцы вопреки официальным документам уже тогда привычно именовали уютную речку на женский лад — Барнаулка.

Ученые мужи на протяжении столетий дотошно углублялись в языковые истоки монгольских и телеутских наречий. Что означает название реки? Версий много. Тут и вариант русского историографа Миллера Герхарда Фридриха (Федора Ивановича), предложенный им в 1751 году — «Серое озеро». И мнение историка двадцатого века Уманского Алексея Павловича — «Мутная река». И результат исследований томского профессора Дульзона Андрея Петровича — «Волчья река».

Споры не закончены. Каждый волен отдавать предпочтение тому, что ему кажется наиболее вероят-

< Вид с горы на Сереброплавильный завод
v Барнаул, ул. Б. Тобольская, XIX век

ным. Мне словосочетание «волчья река» импонирует своей завораживающей образностью, приоткрывающей завесу тайн живой природы. В то же время, я прекрасно осознаю отшлифованную тысячелетиями бытия способность людей давать точные определения предметам, явлениям, событиям.

Задержался кочевник у края водного потока, позволив утомленному коню остыдиться речной прохладой. Сгорбился в седле. Взгляд узких глаз упал на поверхность течения. «Мутная вода», – стремительной трясогоузкой мелькнула мысль.

Как время умеет прятать и большие, и малые секреты, так и память человеческая, вопреки ему, способна через века сохранять как важное, так и незначительное. Хотя, может ли быть незначительной история?

Стоял плотинный мастер Роман Харитонович Латников, смотрел пытливо перед собой. Долина Барнаулки проложила свой путь, смыв крутой левой берег Оби. На север затаженным вземом тянулась земля навстречу близкому горизонту. С юга дыбился неподатливый склон. Мысли бегут: «Все ладно сойдется. В основание склона и упереть южную оконечность будущей плотины. Со стороны Оби видно, что весь склон – это глина и суглинки – наипервейший материал для запруды. Тянуть дамбу далековато. Сажень более двухсот выйдет. Таких не делал еще. Однако, и водосбор компактный. Будущий пруд не разольется безмерно. Меньше заили-

ваться будет. Лес сосновый вот он, рядом. Тянется на сотни верст. Для построек материал и для топков плавильных печей пища. Уголь древесный в достатке нажигать можно. Знатное место. Знатное.

Не вчера появились в Приобье русские люди. Шли охотники за пушшиной, шли «бугровщики» за «могильным» золотом. С первых десятилетий восемнадцатого столетия рудознатцы, посланные с Урала Акинфием Демидовым, исследовали горные массивы необъятных земель в Сибири. До них не один десяток лет уже жили по Алтайским предгорьям первые русские. Примечали, что задолго до их прихода местные тут добывали руду. Народ ни говором, ни обличем, ни укладом жизненным на первых пришельцев не походил. Чудной какой-то. Так издревле и звали таких меж себя – «чудь». Потому и древние копи – заросшие ямы, курганы, да примитивные шахты называли «чудскими».

О богатстве залежей медных руд докладывали разведчики Демидову. От него дальше, до самого престола известие доходило.

Молодая Россия ширилась, крепла. Металл нужен. Много. Побитые шведы, как раньше, по семнадцать тысяч пудов меди в год уже давать не будут. Свои заводы необходимы.

Инициатива предприимчивых людей поощрялась. Шестнадцатого февраля тысяча семьсот двадцати шестого года указом берг-коллегии дано было право уральскому промышленнику Акинфию Демидову руду добывать и медеплавильные

v Акинфий Никитович Демидов

заводы строить в Томском и Кузнецком уездах.

На третью осень после указа выдал первый металл вододействующий Кольвано-Воскресенский завод. Демидовский первенец на Алтае. Завод поставили на речке Кольванке (сегодня около трехсот

километров на юго-запад от Барнаула), ближе к месту добычи руды – Кольванскому месторождению. Так и завод называли – Кольванский. Руда-то рядом, да с лесом беда. Запасов мало. Речушка маловодная. Вынуждены были перенести завод на три километра, на реку

v 1-ый небоскрёб и дом купцов Шадриных

v Демидовская площадь. Вид от завода. XIX век

v Демидовская площадь

Белая. По Воскресенскому руднику и завод стали называть сначала Воскресенским, а потом Колывано-Воскресенским. Лес берегли. Руду плавил до «черной меди». «Красную» получали уже на Урале, на Невьянском и Нижнетагильском заводах. Полуфабрикат туда везли по Оби и Иртышу.

Дорого. Неудобно. Понимал это Демидов. Понимали это и мужи государственные. Новые заводы надо строить. Так, чтобы и к рудным запасам, и к лесному изобилию ближе были. А от беспокойной границы освоенного края подальше. Приходилось искать места на равнине. Там лес. Там реки по водным запасам удобные. Выбрали два. Первое на реке Шульбе, что с правого берега в Иртыш впадает. Второе на правом притоке Оби – реке Бобровке.

Пока шел суд да ряд – то Колывано-Воскресенский завод у Демидова в казенное содержание отбирали, то вновь возвращали – не до строительства было. А в последующие несколько лет ни на Шульбе, ни на Бобровке никакого строительства не случилось. На Барнаул-реке стали строить. Почему именно так – точных свидетельств нет. Известно, что Роман Харитонович Латников и Бобровское место изучил детально, но все же спустился вниз по Оби на двадцать верст и плотину стал возводить именно в устье Барнаулки. В этом деле он толк имел. Демидовский мастерской в середине тысяча семьсот тридцатых годов работал старшим плотинным

подмастерьем на заводах Урала. А в Красноярском уезде уже сам, как плотинный мастер, строил запрудные сооружения для новых металлургических предприятий по притокам Енисея. Оттуда по просьбе Акинфия Демидова был отослан Роман Латников уральским горным начальством на Алтай.

Приказчиком по строительству своего второго на Алтае завода, Барнаульского, был назначен Демидовым его ровесник Иван Осипов. Шестидесятитрехлетний старовер, крепостной. Десятки лет работал рядом с Акинфием Демидовым. Опыт имел богатейший. На Алтае представлял уральского промышленника, являлся его доверенным лицом. Был Осипов приказчиком на Колывано-Воскресенском заводе, руководил Нижнетагильским заводом на Урале. Сегодня его могли бы назвать модным словосочетанием топ-менеджер. Ему подчинялись сотни людей.

Два этих могучих человека руководили строительством в сибирской глуши нового медеплавильного завода, давшего начало городу Барнаулу.

2. Поселение-завод

Плотина. Первое и главное для того, чтобы поставив печи, запустить производство. Сооружение для тех времен грандиозное. Не было ни мощных бульдозеров, ни экскаваторов, ни сотен грузовиков. Только телеги на конной тяге, лопаты, топоры, пилы, рабочие руки. Размер сибирской плотины оказался самым большим из ранее

возведенных на Урале. Длина – пятьсот двадцать четыре метра.

Под застройку завода и под основание плотины расчистили от тальника и другой растительности широкую полосу. Отвели на период возведения насыпи воду по прокопанному руслу. Заготовили бревна, строительные материалы. Чугунными бабами стали вколачивать пяти-семиметровые кедровые сваи в будущий створ. Плотники рубили из звонкой боровой сосны клетки – «свинки», как их называли. Ставили эти срубы там, где Иван Харитонович наметил два прореза для пропуска воды. По весне вешней – через большой прорез, а в течение года через малый, рабочий – для вращения больших деревянных наливных колес. От этого вращения придут в движение все механизмы заводские.

Клетки набивали глиной. Надежная защита от размыва тела плотины в местах пропуска воды. Насыпь из глины и суглинка поднимали до шести метров в высоту. Со стороны будущего пруда уплотняли до каменной твердости. Укрепляли жердями и бревнами – «лесным слянем». По нижнему краю перестилали наискось в три, четыре ряда дерном. Не забывали и про природное армирование – закладывали ивовые побеги. Растут быстро. Все корнями переплетают. От основания плотины со стороны пруда до основания «сухого» откоса набиралось пятьдесят три метра. По верху ширина плотины составила двадцать шесть метров.

Сам по себе земляной запрудный вал грандиозен. Как составляющая сложного инженерного сооружения – уникален. Земля и дерево. Все первоначальные заводские постройки деревянные. Мельничные, фабричные, многочисленные подсобные корпуса – из сосны ленточных боров. Разводка воды по деревянным лоткам – «ларям» длиной сто пятьдесят метров – позволяла оживить мельницы, лесопилню, раздуть горны и печи.

Служила плотина долго. А всего простояла без малого два столетия, до тысяча девятьсот двадцать восьмого года. Прорвало ее по весне. Случались и раньше разрушения плотины во время паводков. Чинили. В этот раз восстанавливать не стали. Вода из основательно залившегося пруда ушла. Река стала течь по старому руслу. Пойма заросла. Но и сейчас еще остались фрагменты плотины, спрятанные под поздними наслоениями. Являясь редчайшим памятником заводского строительства, ждет она, когда сможет наглядно показать новым поколениям великие деяния их пращуров.

Во временном развитии города Барнаула историки выделяют несколько периодов. Первый – Демидовский. За ним следовали Горнозаводской (Кабинетский), Купеческий, Послевоенный периоды. Современный продолжается и сейчас. Выделение на этом текущем историческом этапе «именных» отрезков – дело будущих исследователей. Мы же вернемся к истокам рождения города. Ко времени,

^ Панорама с горы

названном «Демидовский период». Он был коротким по длительности – всего шесть лет, с 1739 по 1745 год, но насыщенным и значимым в появлении нового поселения, переросшего впоследствии в город.

Устройство заводской территории определялось четко сформированной к тому времени технологической необходимостью. А жилая зона для рабочих людей и первых строителей образовалась на левобережье Барнаулки, ниже по течению, на малом удалении от заводской территории. Рубили одноэтажные избы-клети и ставили привычно в два ряда, ограничивая застройкой проезжую часть первой улицы. Она же первая именная улица – Ряпосовская. Благодаря исследованиям Вадима Борисовича Бородаева и Аркадия Васильевича Контева мы знаем сегодня ее название. По их версии, наименованием своим улица обязана десятнику, старшему над плотниками – Ивану Емельяновичу Ряпасову. Была ведь практика названия улиц в самом столичном Тобольске по фамилиям видных жителей. Вот и первая улочка Барнаульского заводского поселка, совсем небольшая – четыре с половиной сотни шагов, была названа по фамилии того, кто спланировал и застраивал ее. Это с развитием завода и посада вокруг него образовывались новые улицы, развивались первые. Уже в последемидовский период, в течение чуть более десятка лет прибывающая домами улица сменяла несколько названий: Большая, Большая посадская, Тобольская,

Большая Тобольская. Имя великого русского писателя Льва Толстого улица получила в 1910 году и носит до сих пор.

Помимо заводской территории, расположенной сразу за плотинной, ставили рядом Демидовский двор на левобережной невысокой террасе. На площадке в тридцать четыре на семнадцать саженей также из дерева рубили контору, дом приказчика, конюшню, другие подсобные здания. Кирпичных фундаментов не делали. Срубы ставили на деревянные колоды – «студля». Отличительная особенность сибирских построек – солидность и прочность – обеспечивались неограниченным выбором строительного леса. Бревно к бревну. Полномерные. Доски – что стол шириной. Напитанные смолой, они становились со временем железной прочности.

Беспокоились устроители о безопасности. Сам Акинфий Никитич прошение посылал в Екатеринбургскую горную канцелярию о необходимости строительства крепости. Было позволено Демидову за собственный счет возводить укрепления достаточные, но не крепость, в обычном понятии того времени. Двор демидовский обнесли с двух сторон забором в столбах. С двух других закрыли хозяйственными постройками. Главную проезжую башню с караульным шатром установили за конторой с восточной стороны. От этой башни и уходила в сторону Оби Ряпосовская улица.

Со временем заводскую территорию также огородили крепостной стеной из нетолстых бревен. Две башни установили. И завод, и административный двор, и посад, возведенные из одного материала с использованием наработанных приемов деревянного зодчества, представляли собой органичное образование, не только функционально оправданное, но и эстетически привлекательное. Фасады жилых, административных, производственных зданий имели архитектурный декор.

К весне 1744 года завод был обустроен и дал первую барнаульскую медь. Плавку начали вести на двух печах. А уже в 1746 году на заводе действовали семь фабрик-цехов, четыре кузницы, пильная мельница. Различные запасы хранились в шести сараях. Шесть медеплавильных печей и пять горнов были основой плавильной фабрики.

Собственно население заводского посада было относительно небольшим. Согласно первой переписи 1745 года, только сто семьдесят душ мужского пола. Впечатляющие объемы работ по строительству и обслуживанию завода, обеспечению продовольствием выполнялись приписными крестьянами. В том числе из Томского и Кузнецкого уездов. Числом свыше полутора тысяч человек. Освобожденные от денежной подати государству, они обязаны были отработывать на горных заводах за себя и членов своей семьи. Заводчик восполнял налоги продукцией.

При высокотехнологичном оборудовании плавильной фабрики, но трудоемкой доставке руды производство меди обходилось очень дорого. Прибыли давало мало. Знал доподлинно опытный промышленник, что не только медью богата алтайская руда. Стали на Колыванском и уральских заводах по приказу Акинфия Никитича извлекать серебро из черной меди, произведенной в Сибири. Заводчик лично «нескрытно объезжал» императрице о выплавленном серебре и поднес ей слиток драгоценного металла. Понимал Демидов, какие возможности давало открытие серебра для получения им новых привилегий от царицы.

Елизавета Петровна отправила на Колывано-Воскресенские заводы комиссию во главе с бригадиром Андреасом Бенедиктовичем Беэром (в дальнейшем первым начальником Колывано-Воскресенских заводов). Усилия комиссии были направлены на «учинение змеиногорской руде свидетельства» – определение возможностей промышленного производства драгоценных металлов – золота и серебра из алтайских руд. Именно поэтому в состав комиссии и был включен работавший на Колывано-Воскресенских заводах и выплавлявший по заданию Демидова серебро Иоганн Самюэль Христиани (племянник А. Б. Беэра). Грамотный горный специалист. Выходец из Саксонии. Родом из Фрейбергского курфюршества, где находились знаменитые серебряные рудники. Христиани же в дальней-

> План Барнаула 1826 г.

> План Барнаула 1912 г.

шем составил план перепрофилирования медеплавильного производства в сереброплавильное. На протяжении десяти лет, после смерти А. Б. Безра, был практически сопратителем горного округа. Активно поддерживал техническое новаторство И. И. Ползунова.

Сам А. Н. Демидов в августе 1745 года выехал из Тулы, чтобы первый раз посетить свои сибирские заводы и, очевидно, на месте наметить программу переустройства завода на выплавку серебра. В пути заболел. У села Ицкое Устье на притоке Камы после девяти дней болезни промышленник, действительный статский советник скоропостижно умер на шестьдесят седьмом году жизни. Ему так и не удалось побывать в Барнауле – городе, обязанном ему своим рождением. Сегодня местной администрацией и общественностью рассматривается вопрос об установлении памятника Акинфию Никитичу Демидову.

3. Горнозаводской (кабинетский) период

Официальное начало горнозаводского (кабинетского) периода в истории Барнаула можно датировать первым мая 1747 года. Это день подписания российской императрицей Елизаветой Петровной указа, превращающего обширные территории на юге Западной Сибири в царское поместье. Еще раньше, в конце лета тысяча семьсот сорок шестого года Барнаульский завод был передан в государственное содержание. Имущество Акинфия

Демидова было детально описано и перешло во владение кабинета.

Навряд ли дикая красота и волнующая безграничность осваиваемых территорий заставили обратить на них столь пристальное внимание царственной особы. А вот определенный рудознатцами потенциал Змеиногорских рудников гарантировал России наличие богатейшей серебряной кладовой. С той поры добыча руды, плавка драгоценных металлов, управление существующими и строительство новых заводов перешло в государственное управление. Больше, чем в течение полутора веков позволили спрятанные в недрах гор запасы выплавлять серебро и золото на сибирских заводах. Барнаульский же сереброплавильный завод по степени технической оснащенности и производственным мощностям считался самым крупным. Алтай давал 90% российского серебра. И едва ли не половину от этого количества производил завод в Барнауле. Именно из алтайского серебра изготовили полуторатонную гробницу для Александра Невского, которая в настоящее время находится в Эрмитаже.

Важнейшим условием для интенсивного роста поселения вокруг Барнаульского завода послужил перевод в 1748 году Канцелярии горного начальства из Кольвано-Воскресенского завода в Барнаульский завод. Изменившийся статус – центр горного ведомства потребовал другого уровня обеспечения административными зданиями. Расширение производ-

ства влекло за собой увеличение трудоспособного населения для обслуживания плавильных фабрик, многочисленных сопутствующих цехов, строительства жилых домов и общественных зданий и сооружений. Ядром технического и административного персонала города-завода стали горные офицеры, имевшие не только специальное инженерное, но и великолепное разностороннее образование.

Примечательно, что все двадцать пять последовательных правителей кабинетских территорий имели генеральский чин (с учетом табеля о рангах и соответствия званий горнозаводских офицеров армейским чином). Многие из них – уникальные люди в своей полезности государству. Находясь в Барнауле, окружные начальники сплывали вокруг себя наиболее целеустремленных, талантливых офицеров горнозаводского корпуса. Высокая образованность и культура служащих Барнаульского завода десятилетиями формировали атмосферу глубокой порядочности, самоотверженной преданности делу, патриотизма, постоянного стремления к совершенствованию и изобретательству. Это был настолько мощный посыл, что «дух места», верится, не истощился и до наших дней. Родился ты в Барнауле, приехал ли из других поселений, но живя в этом удивительном городе, ты пропитываешься этим волшебным духом не сиюминутной благоустроенности, а потребности светлого созидания.

Создание школ для подготовки технически грамотного низового звена служащих для плавильных фабрик, формирование библиотек, любительского театра (просуществовал сто лет), оркестра, устройство высококультурного светского быта – все это заслуга барнаульских горных офицеров и чиновников. К середине девятнадцатого века Барнаул, будучи признанной столицей горного дела за Уралом, являлся самым культурным и просвещенным городом сибирских провинций. Эта оценка дошла до нас в мемуарах известного русского путешественника П. П. Семенова-Тянь-Шанского, который в зиму 1856–1857 годов проживал в Барнауле: «...Барнаул был в то время, бесспорно, самым культурным уголком Сибири, и я прозвал его Сибирскими Афинами...».

При Барнаульском заводе уроженец Екатеринбурга, солдатский сын Иван Иванович Ползунов дослужился до чина инженерного капитан-поручика. Здесь он изобрел, спроектировал и построил в 1763–1766 годах первую в России паровую машину мощностью 1,8 л. с. и первый в мире двухцилиндровый паро-атмосферный двигатель мощностью 32 л. с. Великий изобретатель не увидел в действии своего детища. В год его смерти огромная паровая машина, заменив собой водяную установку, проработала сорок два с половиной дня, позволив выплавить 240 кг серебра, около шести килограммов золота, дав за этот короткий срок одиннадцать тысяч рублей чистой прибыли.

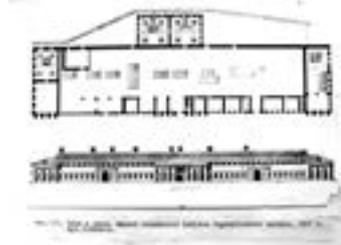
v План завода

v План завода. И. И. Ползунов

v Проект 1-ой плавильной фабрики

Сегодня имя И. И. Ползунова носит бывшая Петропавловская улица и Алтайский государственный технический университет. К сожалению, могила нашего знаменитого земляка не сохранилась. Она находилась на территории, прилегающей к первому, еще деревянному Петропавловскому собору. Летом 1771 года на месте старого был заложен новый белокаменный храм по проекту московского архитектора, приверженца стиля барокко Д. П. Макулова. Во времена революционных преобразований, в 1935 году, главный собор города снесли. Тогда же было уничтожено и кладбище.

А в год заложения нового Петропавловского собора Барнаул (согласно историко-литературной легенде) был переведен в ранг горного города. Размещение в нем ведомственных судебных и полицейских структур косвенно подтверждало этот статус. Примечательно, что в России за всю ее историю было только два горных города – Екатеринбург и Барнаул. Последний определен главным центром горного управления Колывано-Воскресенских заводов. По численности населения (почти пять с половиной тысяч человек) Барнаул в тот период был больше любого города Московской губернии, уступая только столице. В сплошь деревянном городе с тысячей строений одна из трех церквей была каменной, как и первое кирпичное здание – заводская аптека на Петропавловской линии (1752 г.).

Справедливости ради надо отметить, что юридическое понятие «горный город» возникло позже, в начале XIX в. при разработке «Проекта Горного положения» для уральских заводов. В 1806 г. документ получил силу закона. Он официально признал в России два горных города – Екатеринбург и Барнаул. Окончательное законодательное оформление Барнаула как горного города произошло 16 апреля 1828 г. с изданием «Учреждения о управлении Колывано-Воскресенских горных заводов». С этого времени у Барнаула было два юридических статуса – горного и окружного (уездного) города, что отразилось в гербе, утвержденном императором в 1846 году.

Было бы неверным считать, что строительство каменных и промышленных зданий, а также формирование жилой застройки велось совсем без державного регулирования, опираясь только на опыт и навыки ведущих мастеров, на устоявшиеся традиции деревянного зодчества. Само приобретение этого опыта шло с учетом действующих Указов. Еще в 1722 году был принят Указ, который предписывал правила строительства «крестьянских дворов в погорелых и вновь строящихся селах и деревнях». Уже тогда использовались образцовые чертежи. Повторение подобных Указов в последующие годы (1754, 1757) лишь подчеркивает наличие регулирования и контроля со стороны государства.

Забываясь о ресурсах, летом 1759 года Кабинет издал Указ,

которым повелевалось «вводить в обычай ввиду сбережения лесов, нужных для казенных производств, чтобы горные служители и частные обыватели строили дома мазанковые, а достаточные люди кирпичные и каменные». Но указы указами, а наличие удобного природного строительного материала при отсутствии развитого производства кирпича приводило к тому, что весь восемнадцатый век и начало девятнадцатого строительство жилых домов в Барнауле велось в основном из дерева. Мастерские, пришедшие с Урала, и в Сибири рубили избы по достатку: кому простая клеть на рабочую длину бревна, кому пятистенки. Ставили и дома со связью – объединяли две клетки теплыми рублеными стенами. До середины XVIII века в наружных стенах домов прорубали маленькие «колодные окна с одними ставнями». Заполняли оконные проемы полупрозрачной слюдой. «Сприходу с наличной стороны перед сеньми» рубили «рундуки с дощатыми балясинами». Все строение покрывали тесом. Иногда и сам сруб скрывался под тесовой обшивкой, имитирующей линейный каменный руст.

Композиция городских жилых кварталов, заложенная в XVIII веке, сохранилась и в дальнейшем. Параллельные реке улицы сложились пространством выше левого берега Барнаулки. По широким коридорам без помех пролетали частые ветры из степного безбрежья на юго-западе. Летом они баловались песчаными колами суховея на немощных проездах. Осенью смахивали

незрими мётлами опавшую листву тополей. Зимой тщетно стремились сбросить с расправленных крыльев несомый снег. Лишь в узких переулках, под прямым углом пересекающих улицы, оставляли ветры снежное бремя, пряча под сугробами дощатые заборы.

На участках от семи до одиннадцати соток, выделенных из площади прямоугольных кварталов, возводились дома со службами. Свободная от застройки земля использовалась под огороды. Жилые строения размещали вдоль улицы. Сначала «гнездами» – по два смежных дома. Позднее одиночными строениями – на расстоянии 20–35 метров друг от друга. «Службы» относили к внутренней меже участков. Вопреки образцовым чертежам улице не всегда радовали фасады. Глухие рубленые торцы возвышались за изгородями. Но с начала XIX века заводские и жилые здания ставили главными фасадами вдоль улицы. Резной декор фасадов и парадных крылец входов обогащал архитектуру застройки.

Первоначальный линейный рисунок жилых порядков послужил в последующем основой в быстро растущей застройке для ее логичной трансформации в регулярную прямоугольную систему улиц и кварталов. Вместе с тем пророст городской «плоти» происходил с учетом окружающего рельефа, живости очертаний береговых линий рек, зафиксированной прямоугольности территории завода.

В 1787 году на завод была доставлена копия «специального»

проекта планировки и застройки горного города Барнаула. Проект был разработан столичными специалистами. Утвержденный Кабинетом план казенного и париккулярного строения Барнаульского завода сохранял и развивал исторически сложившуюся регулярную планировку. Направление новой застройки предусматривалось преимущественно на северо-запад. Были определены главные и второстепенные улицы. Наряду с укрупнением кварталов, которых по проекту намечалось числом 72, были очерчены городские площади – Торговая, Соборная, Сенная. Планом упорядочивалась и стихийно складывающаяся правобережная застройка. Завод выделялся как главный элемент всего комплекса.

Город большей частью находился на левобережье реки Барнаул. Основные улицы, шириною 21–25 метров, располагались вдоль береговой линии. Перпендикулярно к ним проходили второстепенные улицы (переулки) шириною до 15 метров, многие из которых выходили к заводу, пруду и к реке. Один из этих переулков (первоначально – Богородский), по которому начиналась дорога в Петербург и в Забайкалье, на Нерчинские заводы, имел значительную ширину – 42 метра. В дальнейшем эта улица, пересекавшая город в поперечном направлении и переименованная в Московскую, стала важной городской магистралью (прошлого) горного города и сохранилась в плане настоящего краевого центра как Ленинский проспект.

Выполненный в 1807 году съемочный план города (с 1804 года входящего в состав Томской губернии) подтвердил развитие поселения в соответствии с утвержденным планом. Первый план не только определил городскую застройку XIX века, но и оказал влияние на современную планировку города.

Ближе к середине XIX века городская застройка перешагнула ранее намеченные планом границы. Возник крупный жилой район южнее завода. Радиальное направление основных улиц там следовало береговой линии реки Оби. Завод оказался внутри города. Производственные цехи, гидротехнические сооружения и обширный заводской пруд составили главную планировочную ось горного города Барнаула.

Несмотря на принимаемые противопожарные меры по уплотнению застройки, Барнаул

неоднократно горел. В военное лихолетье 1812 года была охвачена огнем Москва. В тот же год и в Барнауле полыхал первый большой пожар. А самый опустошительный пожар, уничтоживший треть города, случился в памятном для России 1917 году. Газеты тогда пестрели заголовками о полной гибели Барнаула. Трагедия была ужасной. За считанные часы сотни прерванных жизней. Даже многие каменные здания не подлежали восстановлению. Эти опустошительные пожары не позволили сохраниваться в городе интереснейшим памятникам деревянного зодчества предыдущих веков.

Город раз за разом отстраивался заново.

4. Первые профессиональные зодчие.

Андрей Иванович Молчанов

С момента образования и до определенного времени заводские конторы обходились специалистами чертежных мастерских. Все сопутствующие работы по составлению картографических планов поселений, чертежей отдельных зданий и сооружений, включая культовые, выполнялись образованными горнозаводскими служащими. Так чертеж первой в Барнауле деревянной церкви «во имя верховных апостолов Петра и Павла» было поручено в сентябре 1748 года «сочинить» геодезии прапорщику Пимену Старцеву. Между предзаводской площадью и местом строительства собора начала формироваться так называемая Петропавловская линия (ныне ул. Ползунова) – главная градостроительная ось заводского поселка. Наименование «линия», созвучное наименованию столичных улиц, она получила за первоначально складывающуюся одностороннюю застройку. Все главные фасады зданий были обращены на юг, в сторону завода, и всегда освещались солнцем.

Недолговечность деревянных конструкций в условиях плавильного производства, постоянная необходимость поддержания в надлежащем состоянии и модернизации производственных и подсобных помещений, строительства новых зданий фабрик, жилых домов и общественных сооружений приводили к большому объему строительных работ. Это влекло за собой обустройство новых территорий.

Европейский опыт использования профессиональных архитек-

торов давно прижился в западной части страны. В столичных городах сложилась и развивалась отечественная архитектурная школа. Учитывая эти обстоятельства, начальник Колывано-Воскресенских заводов статский советник Гаврила Симонович Качка отправляет в 1786 году на учебу в Санкт-Петербург Андрея Ивановича Молчанова, находящегося в службе Барнаульского завода.

Мальчик, родившийся в 1765 году в семье солдата, рано осиротел. С семи лет обучался в школе при Барнаульском заводе. С шестнадцати до девятнадцати лет осваивал плотницкое, механическое, маркшейдерское дело. В дальнейшем работал в заводской чертежной мастерской, где под руководством горных офицеров выполнял описания элементов ландшафта и производственных территорий горного округа. В Санкт-Петербурге молодой человек в течение четырех лет обучался у «практического архитектора» итальянца Антонио Порты. В совершенстве освоил каменную кладку. Получил теоретические знания по архитектуре. Кабинет оплачивал учебу. По возвращении в 1790 году в Барнаул двадцатипятилетнему Андрею Ивановичу был присвоен чин унтер-шихтмейстера третьего класса, и определение в архитекторы на Барнаульский сереброплавильный завод. В этой должности он проработал с небольшим перерывом тридцать один год, дослужившись до чина шихтмейстера 14 класса. Архитектору А. И. Молчанову принадлежат проекты кирпичных корпусов фабрики № 1 и фабрики № 2. В 90-х годах XVIII века по его же проекту было построено здание важни – вспомогательного помещения для взвешивания руды, выплавленного металла. Это единственный сохранившийся без значительных утрат памятник промышленной архитектуры Барнаула XVIII века. Открытый двухпролетный навес на столбах, завершенных полуциркульной аркадой. Равномерный ритм столбов, их масштаб и арки создавали облик выразительного производственного сооружения, гармонизировавшего с окружающей его заводской застройкой.

Творчество первого профессионального архитектора во многом предопределило архитектурный облик центра Барнаула. Андрей Иванович стоял у истоков воплощения в жизнь идеи выдающегося начальника Колывано-Воскресенских

заводов Петра Козьмича Фролова по созданию градостроительного ансамбля Демидовской площади.

Трудно было представить после ужасного наводнения, что на пустыющей, заболоченной территории, примыкающей к северной оконечности заводской плотины, будет создан градостроительный шедевр. Неизвестно, кто конкретный автор и когда именно появилось выражение «уголок Петербурга», которое употреблялось горожанами для поэтического описания удивительного ансамбля застройки главной площади, но оно точно передавало сформированный к 1850 году образ дух места.

За десятилетия до этого, после морозного и снежного апреля 1793 года дожди и майские оттепели вызвали резкий подъем воды в Барнаулке. Третьего мая заводской пруд переполнился. Большой прорез не справился со сбросом воды, которая, разрушая плотину, устремилась на заводскую территорию и прилегающие улицы. Потоки уносили заготовленный лес, уголь, руду, грозили разрушением производственных сооружений. В жилой застройке уничтожались строения. Организованные управляющим Барнаульского завода И. И. Черницыным горные офицеры, чиновники, городские жители отчаянно боролись со стихией, стараясь максимально сохранить плотину, препятствуя дальнейшему затоплению города. Рискую погибнуть под рушащимся зданием заводской казны, люди спасали архивы, музейные экспонаты, библиотечные книги, физические и математические инструменты.

Шестого мая вода, наконец, отступила. Барнаулка вошла в свое русло. Но восьмого мая проснулась могучая Обь. Вспухла половодьем и ударила там, где не ожидали – от устья Барнаулки вверх к заводу. Вновь фабричные корпуса и жилые улицы оказались под водой. Сухая сторона плотины, не уплотненная, без дерновой защиты стала быстро разрушаться. Противостояние людей и стихии длилось еще две недели. Потери были велики. Помимо десяти разрушенных и сотни поврежденных построек, утратились бесценные сведения о начальной истории города и края. Ущерб в денежном выражении примерно равнялся стоимости всей алтайской Демидовской собственности на момент передачи ее в кабинетское владение.

Тем не менее, уже четвертого июля завод вновь начал работать.

Восстанавливался и город. В 1793–1794 годах по проектам архитектора А. И. Молчанова строится на Петропавловской улице двухэтажное здание архива Барнаульского завода; на месте бывшей демидовской конторы возводится здание Канцелярии Кольвано-Воскресенских заводов (ул. Ползунова, 41), здание горной аптеки (ул. Ползунова, 42). Привитая обучением приверженности строгому классицизму находит отражение во всех проектах зодчего. Последней реализованной творческой разработкой Молчанова, дополненной в 1824 году ансамбль застройки Петропавловской улицы, было двухэтажное с красивыми пропорциями здание инструментального магазина Барнаульского завода (ул. Ползунова, 39).

В двадцатых годах XIX столетия, в преддверии столетия горного производства на Алтае, усилиями Петра Козьмича Фролова, начальника Алтайского горного округа, было получено разрешение на установку памятного обелиска и строительства важных для жизни города зданий: горного госпиталя взамен старого деревянного, горного училища с сиротским приютом, заводской богадельни с церковью Дмитрия Ростовского. Именно на предзаводской площади, именуемой Конюшенной, и мечтал Петр Козьмич создать градостроительный ансамбль. Организованная застройкой площадь с устремленным ввысь обелиском в центре, примыкающая к площади заводская территория с мощными корпусами плавильных фабрик, соборная площадь с храмом на востоке и насыщенная административными зданиями Петропавловская улица, связывающая две площади, прозорливому начальнику виделись как основная градостроительная ось, вокруг которой продолжит формироваться Барнаул.

На первых порах строительством руководил зрелый уже архитектор А. И. Молчанов. Уместно предположить его заметное участие в проработке объемно-пространственной концепции будущей площади. Он же запроектировал и здание горного госпиталя в традициях русского классицизма. Одноэтажное, с центральным портиком, оформленным трехчетвертными колоннами с капителями дорического ордера. Портик венчал треугольный фронтон. При авторе в 1819 году был заложен фундамент госпиталя.

В своей деятельности Андрей Иванович проявлял похвальное

усердие, за что был отмечен ежемесячной денежной прибавкой в сто рублей к жалованию в двести восемь рублей. Здоровье заставило мастера оставить службу и в возрасте пятидесяти девяти лет выйти в отставку с полным пенсионом с первого марта 1824 года. Уже восьмого августа того же года закончился жизненный путь первого барнаульского профессионального архитектора А. И. Молчанова. Дело его продолжили следовавшие за ним талантливые архитекторы.

5. Лаврентий Иванович Иванов

В 1827 году в Барнаул прибыл из Петербурга архитектор Лаврентий Иванович Иванов. Начало его жизненного пути очень схоже с судьбой А. И. Молчанова. Также родом из солдатской семьи. Появился на свет в 1803 году. Место рождения – главный Нерчинский сереброплавильный завод. В шестнадцать лет он уже маркшейдерский ученик. В семнадцать направлен с караваном золота в Петербург. Оценив способности ученика, Кабинет определил его в Академию художеств. За успешную учебу и разрабатываемые проекты талантливый молодой человек отмечен серебряными медалями второго и первого достоинства. По отзывам Карла Росси и преподавателей Академии художеств, Лаврентий отличился особой одаренностью в архитектурном деле.

Находясь в крепостной зависимости, Иванов был выпущен из Академии со званием «не классного художника». При этом получил свидетельство об успехах в архитектуре. Приезд в Барнаул, а не возвращение в Забайкалье, на Нерчинский завод объяснялось настоятельными ходатайствами перед Кабинетом П. К. Фроловым прислать на время архитектора – до возвращения обучающегося в Петербурге Я. Н. Попова.

Работать Лаврентий Иванович стал сразу и много. Ему было поручено проектирование крупных и ответственных зданий: плавильной фабрики № 1, горного училища и горного сиротского отделения, инвалидного дома (богадельни) Барнаульского завода. Его деятельность позволила продолжить приостановившееся создание ансамбля предзаводской площади. Ввиду длительности строительства и смены функционального назначения зданий, многие проекты Иванова Л. И. были в последующем переработаны, в том числе и Поповым Я. Н.

Признанием таланта и заслуг в учении, проектировании и строительстве явилось присвоение Л. И. Иванову низшего офицерского звания шихтмейстера 13 класса в июне 1827 года. В двадцать шесть лет, проработав в Барнауле два года, Иванов был отозван на Нерчинские заводы. Именно на период работы в Забайкалье приходится расцвет творческой деятельности Л. И. Иванова. Но благодарные барнаульцы чтут память о талантливом архитекторе, оставившем яркий след в жизни их города.

6. Яков Николаевич Попов

Третьим архитектором при Барнаульском сереброплавильном заводе в августе 1829 года был определен Яков Николаевич Попов. Ровесник Лаврентия Иванова. Уроженец алтайской земли. Появился на свет в 1802 году в поселении при Змеиногорском руднике. Отец Якова – горнозаводской служащий. Дед – известный рудоискатель Д. М. Попов Юноша с четырнадцати лет так же начинал маркшейдерским учеником на Кольвано-Воскресенском заводе. В восемнадцать лет отправлен на учебу в Петербург. В течение первых двух лет обучался теоретическим наукам в Академии художеств. Последующие семь с небольшим лет проходит практическую стажировку и обучение у придворного архитектора, коллежского советника и кавалера Карла Росси. Михайловский дворец, здание Главного штаба, новый каменный театр – крупнейшие постройки Петербурга, в которых Я. Н. Попов принимал участие. В 1829 году по предоставлению наставника г-ну Попову присвоен горный чин шихтмейстера 13 класса. Карл Росси даже просил Кабинет оставить Попова еще на один год для дальнейшего усовершенствования в архитектуре. Так что 27 августа 1829 года вернулся в Барнаул Яков Николаевич вполне зрелым архитектором. За двадцатитрехлетний период своей работы Попов, помимо крупных производственных корпусов на различных заводах горного округа, создал ансамбль предзаводской площади и Петропавловской улицы Барнаула. Ему принадлежат многочисленные проекты жилых зданий, заводских контор, госпиталей, церквей и прочих зданий. Следуя традициям русской архитектурной классики и развивая типичные для своего времени художественные приемы, он создал ряд первоклассных произведений промышленной и гражд-

данской архитектуры. В 1852 году Яков Николаевич ушел по болезни в отставку «с горным мундиром».

Как видим, роль архитектора была чрезвычайно важна. При реализации перспективных градостроительных задач незаменима. Формирование главной городской площади как раз и являлось такой задачей.

Первоначально площадь не имела четко очерченного прямоугольного плана. На севере ее территория ограничивалась Иркутской улицей, на юге – обводным каналом с невысокой оградой по его краю. По бокам к пустырю примыкали невыразительные деревянные здания госпиталя на восемь палат, конюшни, горного училища и жилья заводской администрации.

К столетию Кольвано-Воскресенских заводов было решено установить в Барнауле монумент. Место установки – центр Конюшенной площади. Первый камень заложили 18 июня 1825 года. Предполагали высоту сооружения в 21 метр. Архитектор Я. Н. Попов откорректировал проект, понизив обелиск до 14 метров. Двенадцать блоков серого гранита в форме изысканной стелы устремлялись в небо. Сама стела, опираясь на четыре чугунных опоры, парила над высоким гранитным основанием. Доски бронзового литья с посвятельными надписями, чугунный литой барельеф с портретом А. Н. Демидова украсили постамент. Демидовской стала именоваться бывшая Конюшенная площадь. И Демидовский столп явился символом величия не воинской славы, как большинство российских обелисков, а славы трудовой, созидательной.

С 1949 года памятные доски на монументе установили новые. Овальная барельеф сняли в 1920 году и поместили на хранение в краевой музей. Тогда же пытались и сам памятник разобрать и перенести на другое место, где бы он павших за дело революции увековечивал. Крепко сделанным оказался монумент. Не поддавался.

Одним из основных зданий, формирующим ансамбль Демидовской площади, стал Горный госпиталь архитектора А. И. Молчанова. По указу П. К. Фролова архитектор Я. Н. Попов внес изменения, надстроив второй этаж. Строительство с перерывами длилось двадцать шесть лет и закончилось в 1845 году.

На пять лет раньше, в 1840 году завершили строительство комплекса зданий богадельни и церкви Дмитрия Ростовского. Они

располагались на другой стороне площади, напротив госпиталя. Первоначальный проект богадельни был разработан архитектором Лаврентием Ивановым. Его коллега Я. Н. Попов при дальнейшем куррировании строительства понизил двухэтажное здание на этаж. Слабость грунтов вызвала опасение мастера. Но парадный вход по оси симметрии главного фасада, подчеркнутый четырехколонным портиком дорического ордера, Попов оставил двухэтажным. Стройку начали в 1830 году. До 1912 года здание сохраняло свой первоначальный вид.

В 1833 за богадельней заложили церковь – авторская разработка г-на Попова. Крестообразная в плане, с большим центральным куполом церковь органично вписалась в застройку.

По намеченному плану замкнуть площадь с северной стороны должно было здание Горного училища с сиротским приютом. Этому зданию отводилась доминирующее место в ансамбле. Два объема соединились под прямым углом. Первый главным фасадом был обращен к Демидовскому столпу, корпусам сереброплавильного завода, храму Иоанна Предтечи, венчающему правобережную возвышенность за Барнаул-рекой. Второй вытягивался вдоль Конюшенного переулка (совр. Красноармейский проспект). В соответствии с проектом Л. И. Иванова в 1828 году забили часть свай, но строительство остановили. В 1846 году было решено достраивать здание уже как Горное правление и музей. Проект был выполнен Я. Н. Поповым. К апрелю 1855 года и этот проект был переработан и начато строительство первого этажа. Автор проекта академик архитектуры Шрейбер отошел от традиций русского классицизма, отказался от ордерной системы и насытил фасады пластическими элементами. Построенное к началу зимы 1860 года здание стало предвестником в Барнауле нового архитектурного стиля – эклектики.

7. Печи на гербе

Созданный в XIX веке градостроительный ансамбль, отличавшийся стиливым и композиционным единством, практически без изменений сохранился до наших дней. Определен как памятник градостроительства федерального значения. Являясь центром деловой жизни Барнаульского завода в свое время, сегодня Демидовская площадь –

это уютный уголок города, бережно сохраняемый горожанами.

В части промышленного строительства 20–50 годы XIX века для заводских архитекторов были периодом активной работы. Переустривались почти все основные корпуса при Барнаульском заводе.

В это же время, в 1846 году, Барнаул получил свой герб. В главе геральдического щита расположилась часть Томского (наместнического) герба: серебряный скачущий конь на зеленом поле. В основном поле Барнаульского герба на фоне лазоревой финифти среди горных пород изображалась дымящаяся сереброплавильная печь.

Реальные сереброплавильни дымили в Барнауле еще сорок восемь лет и окончательно были погашены в 1894 году. Уже к концу XVIII века ежегодные объемы выплавки серебра стали сокращаться. Богатейший Змеиногорский рудник иссяк. Раскрепощенные в 1861 году мастерские были освобождены от обязательного труда. Многие из них покинули город. В 1863 году разъединили должности томского губернатора и начальника Алтайских заводов. Горное правление переехало в Томск. Барнаул начал приходить в упадок. С 1867 года, согласно распоряжению Кабинета его императорского величества, Барнаул перестал быть горным городом. 22 марта 1893 года министром императорского двора было принято решение о закрытии ставшего убыточным Барнаульского сереброплавильного завода.

Так закончился горнозаводской период в истории Барнаула.

Частное предпринимательство, небольшие мануфактуры, торговля пришли на смену некогда мощному производству. Наступал купеческий период в истории Барнаула.

Евгений Зайцев / Evgeny Zaitsev

Литература

1. Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков: [в 4 т.]/сост.: В. А. Скубневский и др.; редкол.: В. А. Скубневский (отв. ред.) и др. – Барнаул: А. Р. Т., 2005. [Т. 1]. – 446 с.: ил.
2. Барнаул/сост.: А. Д. Сергеев. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1980. – 118 с.: ил.
3. Барнаул. Летопись города: хронология, события, факты. – Барнаул: А. Р. Т., 2007. – 622 с.: илл.
4. Барнаульский сереброплавильный завод: история, производство, архитектура с XVIII века до наших дней/сост.: А. В. Контев, В. Б. Бородаев. – Барнаул,

2016. – 11 с.: цв. илл.

5. Бородаев В. Б., Контев А. В. Исторический атлас Алтайского края = The historical atlas of the Altai region: картогр. материалы по истории Верх. Приобья и Прииртышья (от античности до нач. XXI в.). – Барнаул: Азбука, 2007. – 214 с.: илл.
6. Бородаев В. Б., Контев А. В. У истоков Барнаула. – Барнаул, 2000. – 336 с.
7. Бородкин П. А. У истоков: ист. рассказы о Барнауле. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1978. – 319 с.: портр.
8. Контев А. В. 250 лет с начала плавки серебра на Барнаульском сереброплавильном заводе и отправки в Санкт-Петербург первого каравана с серебром // Барнаульский хронограф, 1998 г.: календарь знаменат. и памят. дат. – Барнаул, 1997. – С. 12–15
9. Контев А. В. Барнаульский металлургический завод – памятник российской истории // Алтайский благодатный край. – М., 2007. – С. 64–67
10. Розен М. Ф. Очерки по истории горного дела на Алтае. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1955. – 66 с.
11. Степанская Т. М. Архитектурное наследие горного города Барнаула // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. – Барнаул, 2005. – С. 25–33
12. Степанская Т. М. Архитектура городов-заводов Сибири XVIII – первой половины XIX столетия: [учеб. пособие]. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – 159 с.
13. Тобольск и вся Сибирь: альманах/Обществ. благотвор. фонд «Возрождение Тобольска». – Тобольск: Возрождение Тобольска, Барнаул, 2010. – [Кн. 13: Барнаул]. – 615 с.: илл.
14. Юдаlevич М. И. Барнаул (1730–1917). – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1992. – 215 с.: илл.
15. Юдин М. А. Описание Барнаульского завода первой половины XVIII–XIX веков // Судьбы: Воспоминания, дневники, письма, стихи, материалы экспедиций, докл., протоколы допросов. – Барнаул, 2001. – С. 195–204
16. Юркин И. Н. Демидовы: столетие побед. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 445 с. – (Жизнь замечательных людей: серия биографий; вып. 1610 (1410)).

References

- Barناول. Letopis goroda: khronologiya, sobytiya, fakty [Barناول. Chronicles of the city: chronology, events, facts]. (2007). Barناول: A. R. T.
- Borodaev, V. B., & Kontev, A. V. (2000). U istokov Barnaula [The dawn of Barnaul]. Barناول.
- Borodaev, V. B., & Kontev, A. V. (2007). Istoricheskii atlas Altaiskogo kraja: kartogr. materialy po istorii Verkh. Priobyia i Priirtyshya [The historical atlas of the Altai region: map documents on the history of the Upper Priobie and

Priirtyshie (from antiquity to the early 21st century)]. Barناول: Azbuka.

Borodkin, P. A. (1978). U istokov: ist. rasskazy o Barnaule [At the origins: historical stories about Barnaul]. Barناول: Alt. kn. izd-vo.

Kontev, A. V. (1997). 250 let s nachala plavki serebra na Barnaulskom serebroplavilnom zavode i otpravki v Sankt-Peterburg pervogo karavana s serebrom [250 years since the beginning of smelting silver at the Barnaul silver smelting works and sending the first caravan with silver to St Petersburg]. Barnaulsky khronograph, 12-15. Barناول.

Kontev, A. V. (2007). Barnaulsky metallurgichesky zavod – pamyatnik rossiiskoi istorii [The Barnaul metals smelter, a monument of Russian history]. Altaisky blagodatnyi kraj, 64-67. Moscow.

Kontev, A. V., & Borodaev, V. B. (Eds.). (2016). Barnaulsky serebroplavilnyi zavod: istoriya, proizvodstvo, arkhitektura s XVIII veka do nashikh dnei [Barناول silver smelting works: history, production, architecture from the 18th century to the present day]. Barناول.

Rozen, M. F. (1955). Ocherki po istorii gornogo dela na Altae [Essays on the history of mining in Altai]. Barناول: Alt. kn. izd-vo.

Sergeev, A. D. (Ed.). (1980). Barناول. Barناول: Alt. kn. izd-vo.

Skubnevsky, V. A. (Ed.). (2005). Altai v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII – nachala XX vekov [Altai in the works by scientists and travellers of the 18th – early 20th centuries] (Vol.). Barناول: A. R. T.

Stepanskaya, T. M. (2004). Arkhitektura gorodov-zavodov Sibiri XVIII-pervoi poloviny XIX stoletiya: ucheb. posobie [Architecture of cities-plants of Siberia of the 18th – the first half of the 19th century: manual]. Barناول: Izd-vo AGU.

Stepanskaya, T. M. (2005). Arkhitekturnoe nasledie gornogo goroda Barnaula [Architectural heritage of the mining city of Barناول]. Barناول na rubezhe vekov: itogi, problemy, perspektivy. Barناول.

Tobolsk i vsya Sibir: almanakh [Tobolsk and the whole Siberia: anthology]. (2010). Obschestv. blagotvor. fond "Vozrozhdenie Tobolska". Tobolsk: Vozrozhdenie Tobolska, Barناول.

Yudalevich, M. I. (1992). Barناول (1730-1917). Barناول: Alt. kn. izd-vo.

Yudin, M. A. (2001). Opisaniye Barnaulskogo zavoda pervoi poloviny XVIII-XIX vekov [Description of the Barnaul plant of the first half of the 18th -19th centuries]. Sudby: Vospominaniya, dnevniki, pisma, stikhi, materialy ekspeditsiy, dokl., protokoly doprosov. Barناول.

Yurkin, I. N. (2012). Demidovy: stoletie pobed [The Demidovs: a century of victories]. Moscow: Molodaya Gvardiya.

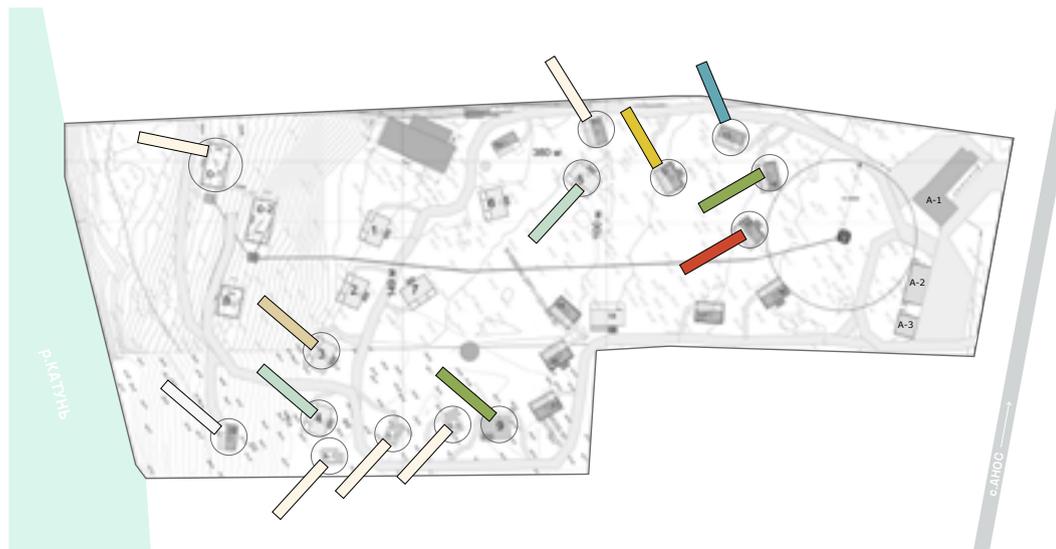
объект номера / object of the issue
Тэнери значит Небо / Teneri Means the Sky

60

КОММЕНТАРИЙ АВТОРА / THE AUTHOR'S COMMENTS

Виктор МАЛАФЕЕВ /
Victor MALAFEEV

Ситуация и задачи

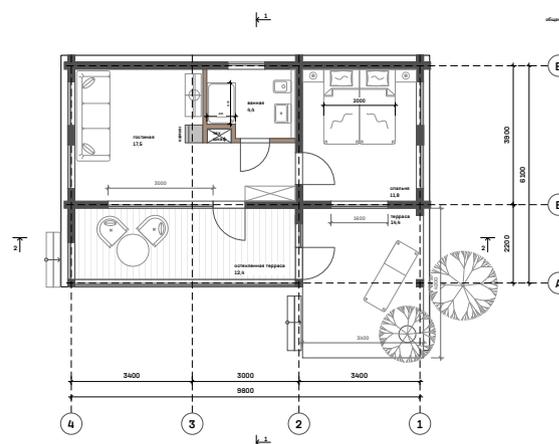
Круглогодичный отель высокой комфортности, где главный герой – природа.

Основной номерной фонд – отдельно стоящие дома. Узкий протяженный участок с не очень широкой набережной.

Решение и результат

Первая линия – хозяйственная, где располагаются технические сооружения, рецепция и номера для персонала высокой комфортности. Главный фасад административного корпуса работает с трассы как рекламный фасад, зашит термодоской в стиле пэтчворк. Этот паттерн является продолжением фирменного стиля. На боковом фасаде рецепции расположена большая завалинка для ожидания гостей.

Номерной фонд составляют дома из кедрового бруса с применением современных высоких технологий строительства и инженерных решений. Коммуникации заложены с учетом развития газификации территории. Важной задачей было обеспечить полный комфорт для посетителей базы – возможность ходить босиком в любое время года и завтракать на собственной террасе, которая становится основным местом притяжения в доме. Занимая зна-

чительный объем пространства дома, теплая и холодная части террасы, таким образом, расширяют вонне частную зону отдыхающих. Дома максимально изолированы друг от друга, чтобы у каждого оставался свой кусочек природы. При этом природа доступна наблюдению из всех комнат: различные пропорции окон открывают разнообразные виды – от узких полосок звездного неба до панорамного вида на Катунь. Общий колорит домов ближе к коре сосен, стоящих вокруг. Яркие ставни, выкрашенные в цвета природы (цветы, ягоды, Катунь), стали основным элементом навигации, они делают каждый дом узнаваемым. В интерьере применяется мебель из массива кедра.

При размещении объектов на участке старались максимально сохранить естественный ландшафт. Ни одно крупное дерево не пострадало. Дома на генплане расположены свободно, визуальнo случайно. Помимо домов для проживания на базе размещены объекты общего пользования: ресторан, бани, конференц-зал и бильярдные, приречная терраса и беседки с костровищами. Особое внимание уделяется береговой линии, где гость по безопасной террасе может прогуливаться вдоль Катунь, занять одну из частных беседок и наблюдать за Катунью и звездным небом.

авторский коллектив

Виктор Малафеев,
Тамара Трофимова,
Надя Малафеева,
Алексей Малафеев
проектная организация
Gnuidugi

год проектирования
2015–2018

строительная организация

Тайга, Специальная Электроника, Алтай-Велокс
годы строительства
2016–2018

общая площадь застройки
3376 м²

Общая площадь участка
база: 44319 м²

КОММЕНТАРИЙ ПРОЕЗЖЕГО АРХИТЕКТОРА / THE COMMENTS OF THE ARCHITECT PASSING BY

Валентина КАЗАКОВА /
Valentina KAZAKOVA

Во время знакомства с дивными Алтайскими просторами, нам удалось заглянуть в горный отель «Тэнери» – современное архитектурное творение. Интересно его размещение вблизи села Аскат, называемого в народе «арт-деревней», или же «городом мастеров», благодаря сформировавшемуся значительному творческому слою жителей: художники, ремесленники, актеры и режиссеры. Там работает 4 арт-галереи, удивительно, правда? А, может, и вполне объяснимо, ведь уникальные окружающие пейзажи звучат здесь неизъяснимой поэзией, так и призывая закружиться во вдохновляющем вихре и созидать, созидать.

При первой встрече обращаешь взор на яркие акценты, идентифицирующие каждый дом, и пёстрый логотип отеля. Желтый и красный – цветущие горные луга и сочные ягодные грозди, голубой – небо (оказалось, «Тэнери» – это небо в переводе с Алтайского), бирюзовый – бойкая Катунь, зеленый – хвоя и свежая трава. Любопытно, что ту же палитру можно увидеть в гербе Алтайского края, где лазоревый символизирует величие; красный – достоинство, храбрость и мужество; а золотые колосья пшеницы олицетворяют ведущую отрасль экономики Алтайского края – сельское хозяйство. Как бы не мыслила команда творцов, применяя насыщенные цвета в своей концепции, им удалось создать эффектный стилистически оформленный ансамбль.

Окутанный хвойными лесами со стремительно бегущей мимо бирюзовой Катунью, отель не нарушает природную

гармонию, а деликатно рифмуется с местными просторами. Так, на первый взгляд, случайная посадка зданий на участке предполагает сохранение существующих крупномерных деревьев и естественного ландшафта местности. Свободное расположение домов позволяет каждому гостю почувствовать себя наедине с благородным Алтаем.

Традиционное деревянное зодчество в данном случае обретает новое прочтение со скандинавскими отголосками. Ограждение территории и главный фасад административного корпуса, встречающие гостей и любопытных туристов, зашиты термодоской в стиле пэчворк с яркими включениями охристого и маково-красного. Прочие здания выполнены из тонированного клееного бруса, со скатными кровлями и открытыми террасами, где так и хочется встретить пробуждающееся солнце с чашкой ароматного травяного чая. Нам показалось, что каждый дом уникален. Где-то большие панорамные окна, стирающие грань между экстерьером и интерьером; где-то аккуратные оконца с распашными ставнями (сквозными, из наборных элементов, отсылающими в европейские края). Но куда бы не были обращены световые проёмы, всюду можно уловить многогранную природную палитру.

Не смогли пройти мимо дощатой завалинки на боковом фасаде рецепции, умело преобразованной в удобную скамью с высокой спинкой. Такое решение достойно фотокарточек, которые мы дружно создали для своего архива. Хочется отметить, что каждый элемент, попавший

в наше поле зрения за короткое знакомство с отелем, выполнен качественно, достойно, что, к сожалению, не столь частое явление в нашей архитектурной практике.

Заслуживают отдельного внимания покрытия: нет привычного асфальтового (даже в местах автомобильных проездов и стоянок) или тротуарной плитки. Неустанно следуя главному принципу – гармоничного диалога, все покрытия вторят окружению: в месте паркования и входной зоне применена газонная решетка, что позволило укрепить грунт и сохранить травяной покров; тропинки и дорожки гравийные, просто отсыпанные или же цельные клеенные.

Прогуливаясь в тени деревьев, попадаешь на обустроенную береговую линию: деревянная терраса со смотровыми площадками позволяет удобно и безопасно следовать по направлению реки и наслаждаться горными очертаниями. Вдоль склона располагаются и беседки, динамичные, напоминающие вольный взмах птичьих крыльев. Особенно впечатляет, что единая стилистика прослеживается в каждом архитектурном сооружении – от малых форм до зданий. Bravo команде мастеров за новый достойный объект в российской архитектурной копилке!

И если запланирую визит в Алтайские горы, то непременно вернусь в «небесный» отель, чаёвничать на просторной завалинке и вдохновляться горными вершинами, выглядывающими из-за пушистых облаков...

КОММЕНТАРИЙ КУЛЬТУРОЛОГА / THE CULTUROLOGIST'S COMMENTS

Константин ЛИДИН /
Konstantin LIDIN

Небо из детства

Наверное, кто-то из наших читателей еще помнит, что такое пионерский лагерь. Лично мне за все школьные годы ни разу не довелось провести лето таким образом, зато я несколько сезонов отработал в пионерлагерях вожатым. Трудно забыть ощущения, которые только и возможны в детстве – свежий поток новых впечатлений, открытий, приключений... Даже казенная еда на свежем воздухе кажется замечательно вкусной, и даже скучные ритуалы не так уж сильно раздражают. Ведь вокруг – лес, речка, живые существа. Фантастического вида насекомые в своей крошечной вселенной. Запахи, звуки, солнце, земля под босыми ногами и бесконечно разнообразное небо над головой!

Гостиничный комплекс «Тэнери» во многом напоминает детские базы отдыха советских времен. Это неудивительно: архитектура пионерлагерей во многом опиралась на традиции деревянного зодчества, сложившиеся в наших лесных краях с незапамятных времен. Поэтому, наверное, вполне современные (и даже в чем-то авангардные) решения «Тэнери» выглядят такими узнаваемыми. Что-то знакомое, исчезающее при попытке внимательного разглядывания – как сходство с фотографией прабабушки из семейного альбома.

Клееный брус сам по себе – материал скучный и малопластичный. Работая с ним, трудно избежать реминисценций с барачной «архитектурой» рабочих поселков. Но, оказывается, если покрасить брус полупрозрачной краской в скандинавском стиле и добавить яркие детали окон, получается совсем не похоже на унылый барак. Дом из таких материалов растворяется в окружающей лесной действительности и только таинственно вспыхивает вдруг ярким пятном спектрального тона. Как будто дети разбросали в лесу деревянные кубики.

Возможно, надо было бы восхититься разнообразием детализировки, благодаря которой каждое здание имеет свое индивидуальное «лицо». Или порадоваться высокому уровню строительной дисциплины, сохранившей густой лес неповрежденным. Или выразить уважение той деликатности, с которой приведены в гармоничное сочетание разнообразные стилистические элементы – от сурового шведского до простодушного печворка. Или призвать великую тень Миса ван дер Роэ с его идеями визуального перетекания внешней и внутренней среды дома.

Но ничего этого делать не хочется. Лучше снять обувь и, пока еще земля по-летнему теплая, пробежаться босиком между корпусами до зеленой Катунь.

прекариат / precariat

Понятие прекариата как социальной группы, живущей в условиях высокой неопределенности, стало популярным благодаря книге Гая Стэндинга. Его описание прекариата окрашено в негативные тона гнева, страха и презрения. Противоположную и дополнительную точку зрения занимает Нассим Талеб и его теория «черных лебедей». В статье проведены параллели между современными процессами прекариатизации и социальной структурой полисов периодов зрелой античности и эллинизма. Показано, что прекариатизация креативного класса, в том числе – архитекторов формирует новые вызовы и новые возможности для развития профессии.

Ключевые слова: прекариат; креативный класс; архитектура; социология; социальная психология. /

The notion of the precariat as a social group living in highly uncertain conditions became very popular due to the book by Guy Standing. His description of the precariat is coloured with negative tints of anger, fear and disgust. Nassim Taleb with his theory of “black swans” expresses an opposite and additional point of view. The article draws a parallel between the current processes of precariatization and the social structure of polices in the times of late Antiquity and Hellenism. The article proves that precariatization of the creative class, including architects, produces new challenges and new opportunities for development of the profession.

Keywords: precariat; creative class; architecture; sociology; social psychology.

Города Прекариатов / Cities of the Precariat

ТЕКСТ

Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Введение

В 2011 году вышла книга английского социолога и экономиста Гая Стэндинга «Прекариат: новый опасный класс» [1]. Время было тревожное: мировой экономический кризис развертывался во всей грозной силе своей катастрофической фазы. Огромное влияние приобретали книги и выступления другого, гораздо более знаменитого экономиста Джозефа Стиглица. Еще в начале двухтысячных он начал предупреждать об опасностях глобального капитализма [2]. Через десять лет его теория «двенадцати процентов» превратилась в идеологию массового движения против безграничной власти «жирных котов» [3].

Учитывая социально-психологический фон, неудивительно, что книга Гая Стэндинга проникнута тревогой и гневом. Автор дает определение прекариата в исключительно мрачных тонах. Этот «новый класс» не только ограничен в своих правах и свободах, зависим от капризов работодателя и практически беззащитен перед внезапными изменениями уклада жизни. В определение прекариата Стэндинг вводит совершенно негативные психологические черты. Эти люди погружены в страдания. Им страшно жить в непредсказуемо меняющемся мире. Они находятся под давлением аномии – смысл их жизни утрачен, они не могут определить свое место и роль в обществе. Они испытывают бессильный гнев на окружающий мир, такой ненадежный и несправедливый.

Алармистское звучание книги настолько сильно, что в результате искажается реальная картина. Точка зрения Стэндинга и его единомышленников однозначна: принадлежность к прекариату выглядит как жизненная катастрофа и величайшее несчастье. Работники креативных индустрий, наравне с мигрантами, наиболее подвержены прекариатизации, поэтому архитекторы (как представители одной из самых творческих профессий) в сегодняшнем мире заслуживают всяческого сочувствия, их надо жалеть и защищать.

Однако далеко не все архитекторы стремятся стать объектом для жалости и опеки. Напротив, многие выбирают гораздо более активную позицию по отношению к кризисным явлениям. Идеология тех, кто видит в глубинных переменных не только распад старого, но и рождение нового уклада жизни, выражена в теории «черных лебедей»

Нассима Николаса Талеба [4]. Не жалость, страх и гнев, согласно Талебу, составляют конструктивную реакцию на глобальные перемены, а гибкость, подвижность и непредвзятость. Творческий потенциал креативного класса, по Талебу, – это не слабость, а главное преимущество в поисках своего места в новом, текучем мире.

1. Античный след

Нельзя сказать, что прекариаты появились впервые в наше время глобального кризиса. Корни этого явления (как и многих других явлений современности) можно проследить в античной древности. Как известно, экономика Древней Греции и Рима строилась на труде рабов – людей, лишенных почти всех гражданских прав. Жизнь раба полностью принадлежала его хозяину. Свободные люди, граждане античных городов сами распоряжались своей судьбой. Однако между этими группами людей – рабами и гражданами – располагались весьма существенные по численности и значению страты.

Метеки, перизки, илоты, банавсои – все эти резиденты (жители) античных городов не были гражданами (демос) и потому не обладали полным «пакетом» гражданских прав. Они не могли в полной мере участвовать в выборах, не имели права напрямую обращаться в суды для защиты своих прав, их облагали дополнительными поборами и налогами, им был ограничен доступ к высшему образованию и так далее. Их здоровье, обучение, профессиональное развитие, их собственность, положение в структуре социума, честь и достоинство были защищены гораздо слабее, чем у полноправных граждан.

В периоды экономического процветания эти «недограждане» практически уравнивались в правах и возможностях с демосом. Но при наступлении любых «тяжелых времен» им тут же давали понять: их права ограничены, они не полноправные хозяева своей судьбы, и сама их жизнь частично или полностью принадлежат не им, а тем, кто позволил им жить в полисе. В классический период античности число «недограждан» значительно превышало количество полноправного демоса; только рабы составляли половину населения, а резиденты (частично урезанные в правах) – еще примерно треть. В основном страты «недограждан» пополнялись переселен-

< Ежегодный фестиваль Вивид (Vivid) в Сиднее – парад новейших технологий виртуальной архитектуры (3d video mapping). Лазерные проекторы превращают знаменитое оперное здание в нечто совсем иное

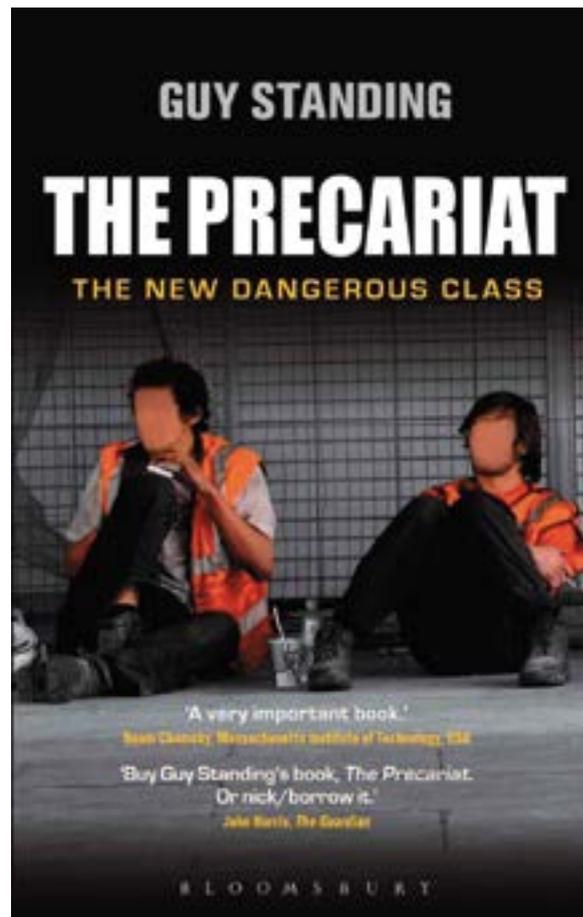
ленцами с юга и востока – из регионов, которые теперь называются Восточной Европой, европейской частью России и Северной Африкой. При этом большинство рабов и метеков становились ими более или менее добровольно. В комедиях Аристофана встречается такой типаж – скиф, который разговаривает на койне с диким акцентом (и поэтому смешон). Он приехал в Афины, чтобы продать в рабство своих детей. Их рождается слишком много, чтобы прокормить, а жизнь раба все же лучше голодной смерти в родных степях.

Сходство социальной структуры и экономических отношений между зрелой античностью и современным глобалистическим миром бросается в глаза. Эдвард Мейер и Теодор Моммзен, Вернер Зомбарт и Макс Вебер – все эти замечательные ученые так или иначе отмечали сходные черты античной рабовладельческой экономики и современного капитализма.

Особенно оправданной выглядит такая параллель в особой фазе развития социума, которую Аристотель назвал сочным словечком «хрематистика». В противоположность «экономике» – естественному производству и потреблению жизненно необходимым ресурсов – хрематистика означает деятельность по накоплению излишних запасов и игре с ними. Крайней и наиболее противоестественной формой этого явления Аристотель полагал ростовщичество. В современных терминах хрематистика означает ситуацию, когда банковские и биржевые структуры начинают преобладать над «реальным сектором» бизнеса, а финансовые спекулянты составляют наиболее богатую и влиятельную часть общества. Как раз в этой ситуации разрыв между прекариатами и элитой становится наиболее вопиющим.

Сегодня, когда хрематистика достигла невиданных степеней, прекариат (рабы, илоты, метеки, перизки, банавсои и прочие резиденты) составляет огромное большинство; по подсчетам Дж. Стиглица – до 99% общества. Гражданские права этого большинства урезаны в пользу крошечного меньшинства, которое только и является действительно полноправной частью общества.

2. Прекариат – житель общественных пространств
Параллели с античностью достаточно глубоки, чтобы

< Обложка книги Гая Стендинга. Вот так, по мнению английского социолога, выглядят представители прекариата

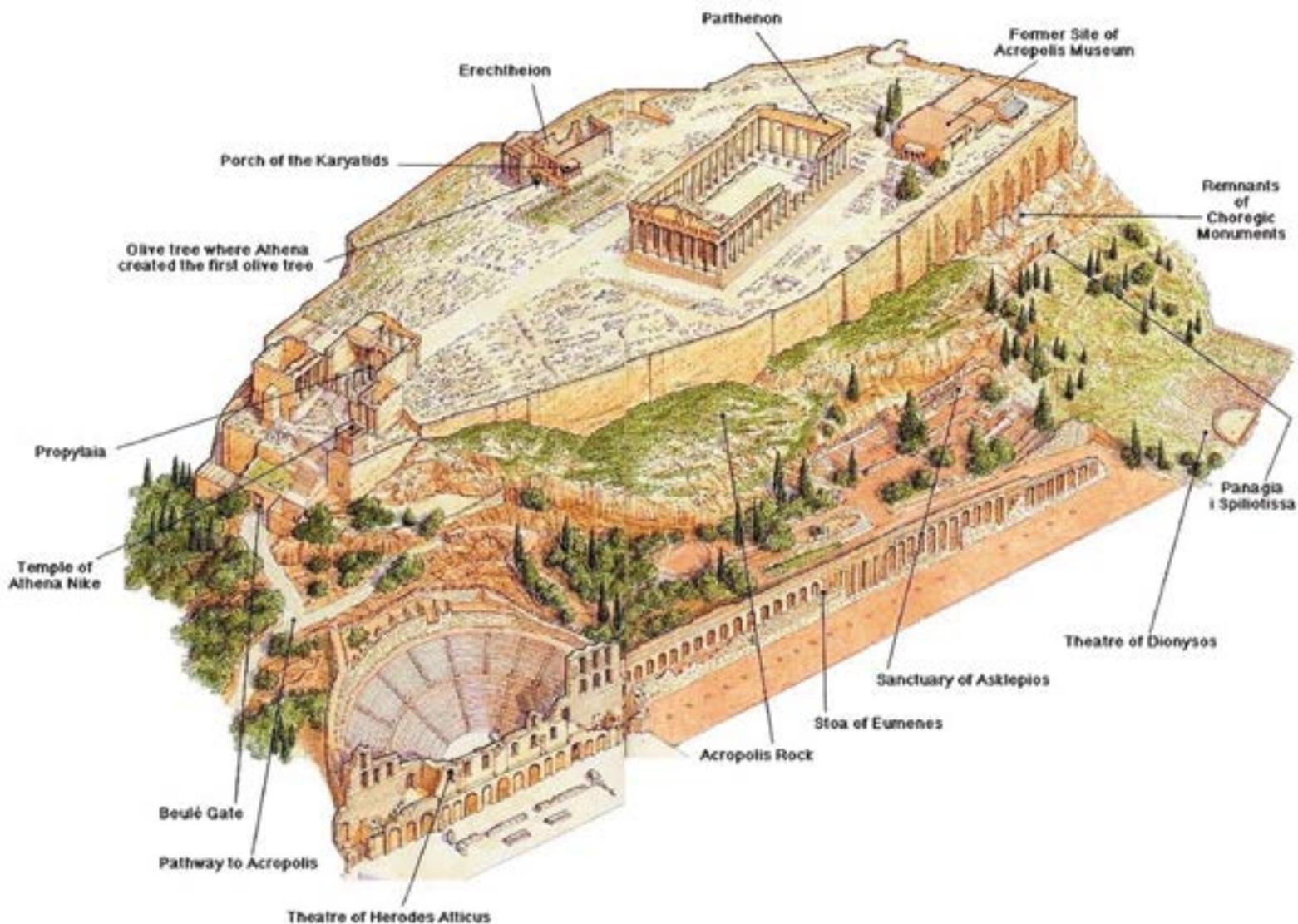
распространить их не только на экономический уклад, но и на весь образ жизни.

В те периоды, о которых у нас идет речь, житель античного полиса большую часть времени проводил в разнообразных общественных пространствах. Молодежь собиралась в гимназиях и палестрах, образованные люди – в стоях и академиях, азартные – на ипподромах и стадионах, и все слои встречались в театрах. Центром

< Плакат протестного движения «Европейский Первомай» (EuroMayDay). Прекариат начинает осознавать себя в качестве социальной силы и разворачивает борьбу против власти финансовых элит – «жирных котов»

v Реконструкция афинской агоры классического периода. Традиционный архитектурный анализ сосредоточен на строениях, входящих в комплекс. Возможно, более важным было бы рассмотреть его в качестве комплекса общественных пространств?

^ «Школа Платона», мозаика из Помпеи. Свободная дискуссия уличного философа – прототип социальных сетей интернета?

^ Улицы и площади античного полиса были заполнены пестрой толпой

повседневной жизни города служила многофункциональная торговая площадь, агора.

Интенсивная общественная жизнь имела целый ряд последствий.

Несмотря на отсутствие современных СМИ, в античном полисе возник феномен, который Маршалл Маклюэн назвал «глобальной деревней» – прозрачная информационная среда, в которой все про всех всё знают и никакие секреты невозможно удержать надолго. Отсюда – поразительная открытость и толерантность античной культуры. Тиран открыто признается в своем тиранстве, не пытается притворяться либеральным демократом. Тираноборец тоже не особенно маскируется, так что приемы плетения заговоров (особенно по сравнению с эпохой Ренессанса, якобы возрождавшей античность) выглядят по-детски простыми и наивными. Отсюда же – слабая табуированность сексуальной жизни. Все оттенки голубого и розового, педофилия, зоофилия и еще множество всяких «– филий» существовали в античности так же, как везде и всегда, но греки и римляне даже не пытались прятать свои нестандартные пристрастия; все равно все всё знают.

Еще одним следствием активной роли общественных пространств города стало значительное влияние общественного мнения. Задолго до появления социальных сетей возникла система, выполняющая специфические функции этих «порождений интернета» – превращение сырого потока событий в связную, общественно принятую картину мира. Античные уличные философы (включая Демосфена, Сократа, Диогена Синопского и многих, многих других) гораздо больше похожи на современных блогеров, чем на академических ученых. Именно в уличных импровизированных дискуссиях формировался и оттачивался философский фундамент всей западной цивилизации. Задолго до популярных методик партиципативного (соучаствующего) проектирования, античные греки коллективно принимали решения о строительстве крупных объектов. Инициатива Перикла о радикальной перестройке Акрополя обсуждалась не только ареопагом, но и всем демосом Афин. Мало того, текущие отчеты о ходе строительства и расходовании средств вырезались на камнях и выставлялись на всеобщее обозрение [5].

Улицы и площади античного полиса выглядели совсем не так, как может показаться сегодня, с расстояния в двадцать пять веков. Беломраморные колоннады на фоне синего средиземноморского неба столь же похожи на реальный полис, как голый скелет – на живого и ярко одетого человека. Общественные пространства античного города – пестрые, кишмящие жизнью, шумные, остро и разнообразно пахнущие. Ярко раскрашенные статуи и фронтоны образовывали постоянную составляющую городской среды, на фоне которой бушевала переменчивая стихия разноцветных занавесей, нарядов, украшений.

В таком пространстве и протекала повседневная жизнь античного прекариата.

3. Прекариаты и облик городов

Современный прекариат быстро растет и уже начинает осознавать себя в качестве социальной силы. Растет и то влияние, которое образ жизни прекариата оказывает на облик современных городов. Причины этого явления таинственны и парадоксальны.

Экономическая основа сегодняшнего общества все же отличается от античной. Даже в самой глубине скифских степей дети не умирают от голода. Растущая производительность труда уже приводит к тому, что в странах «золотого миллиарда» всеобщий труд перестает быть необходимостью. Всерьез обсуждаются варианты, когда граждане передовых (самых богатых) стран смогут получать прожиточный минимум еды, одежды, жилья просто так, просто за то, что они – граждане.

По мысли Аристотеля, без рабов можно было бы обойтись в том случае, если бы существовали инструменты, сами исполняющие свою работу. Сегодня такие инструменты есть. В сельском хозяйстве, где еще сто лет назад требовалось огромное большинство трудовых ресурсов, сегодня осталось 7–5% трудоспособного населения; остальное делают машины. Те же процессы идут во всех других областях. Производство предметов массового спроса кочует по планете в поисках дешевой рабочей силы, но даже Юго-Восточная Азия уже теряет свои преимущества по сравнению с автоматизированными поточными технологиями. Нет прямой экономической необходимости урезать права огромных масс «недограждан».

< В рождественские каникулы фасад Министерства иностранных дел в Лондоне превратилось в огромный плакат

Тем не менее, это происходит – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Прекариатизация – не экономическое, а идеологическое явление, проявление тектонических процессов «круговорота логоса» в коллективном бессознательном огромных масс людей [6].

Прозрачность социальной среды снова приобретает крайние формы. Несмотря на вспыхивающие то тут, то там скандалы по поводу нарушения прайвеси, общая тенденция развивается быстро. Гугл знает все про всех, и «поколение Z» учится существовать в этой новой реальности. Единственной альтернативой «жизни в аквариуме» является «жизнь на сцене»; единственным способом спрятать хоть что-то от всепроникающего взгляда социума становятся многослойные маски, роли, которые мы играем.

Городская среда в целом приобретает все большее сходство с декорациями. Особую ценность для игровой прекариата составляют фрагменты этой среды, наиболее выигрышные в качестве фона для селфи. Переменчивость, ненадежность, одноразовость этих элементов становится преимуществом, обеспечивая эксклюзивность снимка. Иногда тенденция приобретает курьезные формы – на фестивале «Архитектурное наследие – 2018» один из конкурсных экспонатов представлял собой старинное здание, которое было реставрировано при помощи накладных элементов из пенопласта, раскрашенного под лепнину и кирпич. Здание прекрасно смотрелось на фотографиях выставочного стенда.

Предельным выражением зыбкости городской среды, воспринимаемой прекариатом, могут служить фасадные проекции. Современная световая арматура позволяет спроецировать на фасады зданий любую «накладную» картинку. Можно «раскрасить» фасад в яркие, пестрые тона. Можно исказить пропорции, ритм, акцентировку здания. Можно превратить фасад в один огромный плакат. На рождественских каникулах фасад британского Министерства иностранных дел украсился масштабным портретом В. В. Путина, ехидно вопрошающего лондонцев: «А вы без меня не скучаете?». Целые улицы и кварталы «городского интерьера» могут становиться произведениями авангардных экспериментов виртуаль-

ной живописи, какие и не снились даже самым дерзким граффитистам.

Образ городской среды, теряющей твердость и постоянство, составляет новый контекст для развития архитектуры. Стабильный, стационарный «скелет» города уходит вглубь, скрывается от восприятия горожанина. Доступной остается лишь зыбкая и переменчивая стихия, наполовину состоящая из иллюзий. Город выглядит уже не сценой для повседневного шоу жизни, а самим этим шоу, в котором зодчий – не декоратор, а режиссер.

К сожалению, нами практически полностью утрачен опыт такой архитектуры. Античные мастера каким-то образом формировали и управляли повседневной стихией полиса. Леонардо да Винчи достиг «божественного» мастерства и громкой славы именно в организации уличных событий – шествий, праздников, триумфов. Реставрация этих произведений великих предков, а тем более – методов, которыми они пользовались, еще даже не началась.

Заключение

Молодой архитектор ММ приехал в этот город два месяца назад. Его пригласила мэрия, организующая фестиваль в честь какого-то юбилея, а ММ со своей командой пользовался заслуженной репутацией эксперта по проекционным технологиям. Они заранее собрали сведения об этом городе – историю, наиболее своеобразные уголки, особенности местного менталитета. Отсняли улицы, по которым должен пройти фестиваль, определились с эмоциональными ключами и их динамикой в общей партитуре, выбрали подходящие образы для видеоряда, дорисовали недостающее. Промежуточные варианты проекта вывешивались и бурно обсуждались в интернете. Жители города реагировали достаточно активно: молодые, как обычно, веселились и прикалывались, взрослые требовали удовлетворения своих личных вкусов, «третий возраст» предавался ностальгическим воспоминаниям.

Праздник удался – лазерные и светодиодные проекторы на крышах домов, на дронах, на специальных машинах действительно создали впечатляющую среду для всех событий фестиваля, заканчивая апофеозом карнавально-го шествия по улицам города. Зрелище транслировалось

< Новогоднее шоу «Зима в Венеции», которое устроила фирма Лазервижн (Laservision) в Макао. В шоу было одновременно задействовано больше 40 тысяч квадратных метров городских фасадов

через десятки каналов интернет-телевидения, права съемки приобрели несколько крупных студий, спонсоры и рекламодатели тоже остались довольны.

Мэрия, правда, обманула ММ, итоговый платеж так и не пришел. Требовать обозначенную в контракте оплату, разумеется, было бы делом безнадежным. Выручила предусмотрительность опытного игрока – сумма аванса на самом деле покрывала все расходы, и еще оставался вполне приличный гонорар. Фамилия самого ММ как автора феерического зрелища тоже нигде официально не звучала – все фанфары и поздравления достались чиновникам из мэрии и спонсорам. Но ММ не остался в обиде. Коллеги по узкому кругу профессионалов и так знали, кто настоящий автор нашумевшего проекта. Разумеется, не его настоящее имя, а только личный «ник» – кому же придет в голову фигурировать под своей фамилией и привлекать внимание налоговой инспекции?

Усталый и довольный, ММ поднялся в свой гостиничный номер. Автоматически зажегся неяркий свет, растекся по нейтрально-серым стенам. ММ достал из кармана заветную флешку, уже совсем старую и потертую, вставил в гнездо у двери. Плавно включились проекторы. Несколькими экономными движениями ММ отрегулировал время суток, сезон и погоду.

Интерьер привычной родительской квартиры выглядел предельно реалистичным (гостиница не зря считалась лучшей в городе). Полки с книгами, старая мебель, за окном – знакомый с детства городской пейзаж. Под кожей старинного, еще дедовского кресла, правда, ощущались формы стандартного гостиничного сидалища, но привычным усилием воображения ММ убрал перцептивный диссонанс из сознания. Перед сном предстояло поискать сообщения о новых конкурсах и потенциальных заказах, просмотреть ленты новостей – какие еще новости грянули за последние часы и как они могут сказаться на рынках архитектурных проектов, что вообще нового случилось в быстро меняющемся, прекрасном и яростном мире...

Литература

1. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.
2. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. Пер. с англ.

Г. Г. Пирогова. – М.: Мысль, 2003. – 131 с.

3. Стиглиц Дж. Цена неравенства: Чем расслоение общества грозит нашему будущему. – М.: Эксмо, 2015. – 512 с.

4. Талеб Н. Черный лебедь: Под знаком непредсказуемости. – М.: Колибри, 2009. – 680 с.

5. Берд М. Парфенон. – М.: ЭКСМО, Мидгард, 2007. – 229 с.

6. Лидин К. Круговорот логоса в природе: Конверсия как циклическая смена смыслов // Проект Байкал, № 55. – С. 68–74

References

Beard, M. (2002). The Parthenon. London: Profile Books.

Lidin, K. (2018). Logos Circulation Conversion as a cyclic renewal of meanings. Project Baikal 15 (55), 24-28. doi:10.7480/projectbaikal.55.1276

Standing, G. (2011). The Precariat – The New Dangerous Class. London: Bloomsbury.

Stiglitz, Joseph E. (2002). Globalization and Its Discontents. New York: W. W. Norton & Company.

Stiglitz, Joseph E. (2012). The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future. New York: W. W. Norton & Company.

Taleb, N. (2007). The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. New York: Random House

v Художник Клемент Бринд (Clement Briand) превращает кроны деревьев в виртуальные скульптурные маски

Статья посвящена проблеме отношений между исторической и географической укорененностью архитектуры, с одной стороны, и ее все более бескорневым характером в современности, с другой. Размышление о корнях архитектуры и отрыве от них развивает актуальный мета-дискурс укорененного и неукорененного в культуре.

Ключевые слова: укорененность; традиция; память; вертикаль; рост; мобильность; сеть; горизонтальные связи; глобализм. /

The article is focused on the problem of interrelations between the historical and the geographical rootedness of architecture on the one hand, and, on the other hand, its currently growing unrootedness. The author's reflections on the roots of architecture and how it is breaking away from those roots evolve into a relevant metadiscourse about the rooted and the unrooted in culture.

Keywords: rootedness; tradition; memory; vertical; growth; mobility; network; horizontal links; globalism.

Архитектура – с корнями и без корней /

текст и фото
Леонид Салмин /
text and photos
Leonid Salmin

Разговор об укорененности и неукорененности применительно к культуре в целом и к архитектуре в особенности вольно или невольно обращает нас к земле, к аграрной архаике культурного сознания и понуждает представлять культуру, ее явления и артефакты в исключительно ботанических образах отношений надземного и подземного. Мы ощущаем тему культуры как тему связи живого тела растения и его корней, то есть того, что уходит вглубь почвы, определяя устойчивость надземной, видимой части целого, обеспечивая трансфер питательных форм и смыслов из скрытых временных и бессознательных глубин в зримое, актуально ощутимое на-стоящее.

В зеркале растительной метафоры укорененность архитектуры может быть увидена и понята многопланово. Речь, прежде всего, о физике архитектуры: тут и вопросы архитектурного строения, связанные с планетарной гравитацией и свойствами земной поверхности, тут и факторы конкретной геологии места, определяющие потенциальные ограничения для строительства, тут и особенности используемых для возведения того или иного архитектурного сооружения материалов, «сопромат», работа конструкций, инженерные возможности и многое другое. Одновременно укорененность архитектуры может пониматься и как проявление общей темпоральности культуры и цивилизации, как фактор временной направленности человеческого существования, как мера историчности архитектурных явлений, продуктов и языков. Наряду с этим важно понимание укорененности и как географической конкретности, привязки к месту, особенности пространственной и ландшафтной локации – всего того, что позволяет мыслить архитектуру как тектоническую и пластическую традицию в границах определенной территории.

Корни архитектуры всегда ниже поверхности земли и глубже уровня актуальной памяти. Это фундаменты и подвалы, катакомбы и крипты, шахты и подземелья. Это все то, что в контексте ментально-символического космоса принадлежит «нижнему миру», области невидимого и несет в себе, с одной стороны, семантику недр, могилы, преисподней, «underworld», а с другой стороны, значения тверди, опоры, прочного основания, камня как геологического субстрата растущей снизу вверх архитектурной

^ Венеция. Архитектура и дизайн на воде. Встреча двух сюжетов разрыва с корнями

> Дубровник. Капитель позднесредневековой колонны – один из самых устойчивых архитектурных образов, полных ботанических мотивов роста

телесности. В то же время, это глубинные, стершиеся воспоминания, спрессованные пласты коллективной и родовой памяти, это подсознательные образы, символы и мотивы, отягощающие архитектуру нефизической силой ментальной гравитации.

Рассматривание архитектуры сквозь оптику агрокультурной призмы позволяет увидеть разнообразие её корневых систем и дать более широкое смысловое развитие дискурсу отношений укоренённого и бескорневого в культуре.

1. Вершки и корешки

В известной русской народной сказке мужик испортил отношения с медведем, дважды обманув доверчивого зверя. Сначала он вовлек медведя в совместный аграрный проект по выращиванию репы, по завершению которого мошеннически завладел урожаем питательных корнеплодов, отдав медведю бесполезную ботву.

Затем мужик предложил медведю вырастить пшеницу, но на этот раз, спекулируя негативным опытом первой попытки сотрудничества, отдал косялку не «вершки», а «корешки».

Смысл этой очевидно плутовской фольклорной истории, тем не менее, весьма дидактичен применительно к архитектуре. Из сюжета мы понимаем, что «вершки» и «корешки» – это образная модель, в рамках которой обнаруживается превосходство знания над незнанием, невидимого над видимым, главного над второстепенным, реального над иллюзорным. Укорененное и неукорененное, «вершки» и «корешки» в архитектуре соотносятся как две разных культурных парадигмы, как два противоположных опыта понимания самой сущности архитектурного творения. При этом дело осложняется тем, что «вершки» и «корешки» подвержены ситуативной (или манипулятивной, как в вышеозначенной сказке) инверсии, и порой невозможно достичь устойчивого различения значений укорененного и бескорневого.

Architecture, Rooted and Unrooted

< Дубровник. Архитектура старого города как органически произрастающее, укорененное тело ландшафта

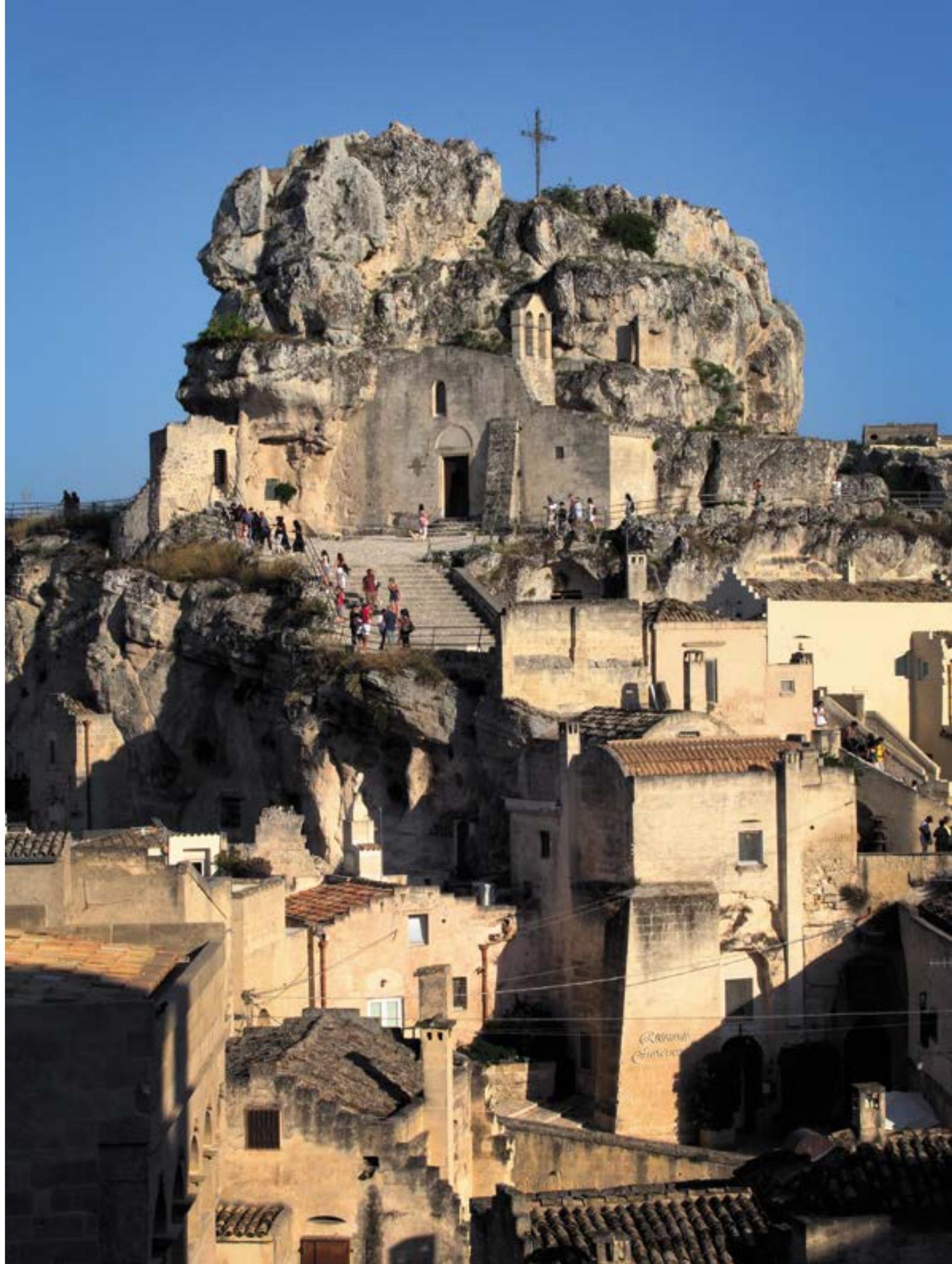

< Матера. Образец наиболее укорененной формы архитектуры, возникающей на основе естественных пещерных пространств

> Матера. Пещерный храм – пример ландшафтной укорененности культовой архитектуры

Пытаясь наметить возможно более широкие основания для развития дискурса укорененности – неукорененности архитектуры и используя для этого ботаническую (а по сути – натурфилософскую) метафору растения и роста, мы вроде бы неизбежно сдвигаемся от метафизики корня к диалектике корней и ветвей, к сложным и многообразным отношениям подземного, скрытого, причинного, с одной стороны, и надземного, видимого, следственного, с другой. Говоря об укорененности архитектуры, мы имеем в виду развернутый во времени процесс, включая и ее погруженность в почву истории и места, и наращивание ею объема символических содержаний, и накопление опыта повседневных жизненных практик, связанных с ее пространствами как выше, так и ниже уровня земли. Такое процессуальное понимание корневых истоков и оснований архитектуры актуализует еще одну, быть может, более важную ботаническую оппозицию – «семена и плоды». Сколько бы мы ни пытались размышлять об укорененности как условии преемственного воспроизводства архитектурного процесса, подлинная программа причинности архитектуры, ее генетический импульс все же не описываются метафорой корневища. Возможно, более точна метафора зерна – семени, генерирующего корень лишь при попадании в питательную среду, в почву. Зерно начинает разворачивать рост, попав на границу подземного и надземного миров. И это движение начинается одновременно в двух противоположных направлениях из точки настоящего («на-стоящего») – как в пространственно-тектоническом, так и в темпоральном смысле. Произрастающая из зерна настоящего, архитектура движется одновременно в пространстве (вверх и вглубь) и во времени (в прошлое и в будущее).

Метафора «семени и плода» обнаруживает ту существенную противоположность символического и прагматического, которая становится предметом сиюминутных плутовских манипуляций, когда речь идет о значении «вершков» и «корешков». В реалиях настоящего времени позиция сказочного мужика – это позиция девелопера или застройщика, заказывающих архитектуру создания того или иного сооружения. Руководимый интереса-

v > ААльберобелло. Уникальный образец предельно эндемичной архитектуры, сформировавшей целый город

ми своего бизнеса и своей выгоды, оспособленный ботаническими познаниями «мужик», представляет несведущему «медведю» (потребителю, покупателю) «вершки» или «корешки» (либо, по ситуации, то и другое) в качестве потенциальных «плодов». Взаимный прагматизм позиций «мужика» и «медведя», обеспеченный инвестируемым в него творческим капиталом архитектора, оборачивается в ландшафтах современных городов соединением огромного количества бесплодных «корней» и бесполезной квазиархитектурной ботвы. Зерно архитектурного замысла перестало быть предметом профессиональных размышлений или общественных дискуссий. Отсюда и ошибки в оценке «плодородности» того или иного архитектурного проекта. Мысля в категориях практической оптимизации вложений в «вершки» и «корешки», перестав думать о символизме верха и низа, о смыслах вертикали и роста, архитекторы уже и сами разучились отличать требующее любви и ухода «плодородное растение» от агрессивного, экспансивного «со-

рняка», самовольно пожирающего дефицитные ресурсы городского пространства.

В XXI веке мы живем в мире, где сила земного тяготения уже не в той мере определяет отношения корневого и надземного в архитектуре, в какой определяла их еще несколько столетий тому назад. Нет, законы физики и факторы гравитации не изменились, но сильно изменились технологии и материалы, конструктивные и инженерные возможности архитектуры. А главное – изменились ментальные представления об отношениях Земли и Неба как о генетическом истоке архитектуры. Земля как твердь и опора сегодня уже не столь привлекательна для архитектора, как это было хотя бы тысячеletием ранее.

Архитектура египетских пирамид, при всем зримом гигантизме возвышающихся над землей каменных тел, выглядит как проклюнувшиеся ростки, как вырвавшиеся наружу порождения дремлющих, скрытых от глаза необъятных корневищ. Наклонные линии граней и ребер

уводят наше восприятие и воображение далеко вглубь, за пределы земной поверхности, за границы настоящего времени и указывают на то, что невидимые корни (реальные или лишь мыслимые – неважно) неизмеримо преобладают над видимыми надземными объемами. Ступенчатые стереобаты греческих античных храмов, хотя и чуть менее жестко, тоже пластически оформляют значение невидимых, фундаментальных, корневых оснований архитектуры. Вся историческая архитектура Рима, предварительно вобравшая в себя руины этрусской цивилизации, демонстрирует преемственное произрастание ее тел из корневых, исполняющих роль фундамента останков предшествующих сооружений. На протяжении многих веков «архитектура земли» безальтернативно заявляла себя в почти геологических формах пещерных пустот и опорных монолитов, в языке стоечно-балочной системы с ее колоннами, стенами и горизонтальными перекрытиями. Земля была исторической почвой архитектуры. Она одновременно выступала и кладбищем для старой, и опорой для новой архитектуры, фиксируя этим свое родовое, материнское значение для нее.

Вероятно, лишь возникновение криволинейных, купольных перекрытий, начиная с римского Пантеона, стало пророческим предчувствием грядущей «архитектуры неба». Впрочем, лишь предчувствием: ни купол Пантеона, ни, спустя тысячелетие, детище гениального Брунеллески – купол собора Санта Мария дель Фьоре – не перечеркнули значения земли и не нарушили корневых связей с местом и временем. Не оторвались от «корешков» и последующие великие архитектурные «вершки» – ни купол римского Собора Святого Петра, ни купол лондонского Собора Святого Павла. Как для неистового Микеланджело Буонарроти, так и для рассудительного Кристофера Рена прочная опора, укорененность их творений имели огромное значение. И даже сегодня прозрачный, зрительно невесомый, полный кристального символизма и космополитизма купол берлинского Рейхстага, заново созданный Норманом Фостером, неотрывен от корневых глубин истории и места.

Еще более напряженные и драматичные, чем в случае куполов, отношения верха и низа мы обнаружим в архитектурной истории башен. Тут буквальная, физи-

ческая укорененность архитектурного тела особенно остро выступает условием его устойчивости, гарантией искомой вертикали. Башня подобна высокому дереву, чья корневая система крайне ограничена в возможности развития по горизонтали, что компенсируется ростом корня вглубь. Для башни такое соотношение вертикали и горизонтали всегда становится фактором риска возможного отклонения. Эта угроза потери вертикальности делает башню, быть может, самым драматическим типом архитектурного сооружения. Башня всегда таит в себе (а нередко и обнаруживает внешне) возможность падения, возможность потери корневой связи с местом. Известные «склоняющиеся» или «падающие» башни – от популярной Пизанской колокольни и нескольких менее «раскрученных» венецианских до скрещенных грандиозным иксом болонских Азинелли и Гаризенды – всегда полны предощущения движения, сдвига, преодоления тягостной привязки к месту. Горизонтальный вектор, несущий угрозу устойчивости, укорененности башни, становится концептом бескорневой архитектуры. И если, к примеру, Невьянская Башня в своем склонении все же пытается удержать примат вертикали и статики, то придуманная три века спустя Владимиром Татлиным Башня Третьего Интернационала программно порывает с землей, устремляясь не только вверх, но и вперед.

2. Перекасти-поле

Известное степное растение перекасти-поле – яркая ботаническая метафора отрыва от корней. Когда семена этого круглого кустика созревают, растение отрывается от корней и, гонимое ветром, перемещается на огромные расстояния. Оно катится, как колесо странствующей повозки, пересекая пространство и роняя свои семена в почву новых территорий.

Стремление архитектуры к мобильности, к отрыву от корней, к географической и пространственной экспансии – история, отнюдь не вчера возникшая. Вопрос в том, как тяга архитектуры к путешествиям, к преодолению границ своей исходной укорененности меняет ее собственную суть? Во что превращает архитектуру ее отрыв от земли и места? Если архитектура начинает следовать человеческому стремлению к движению, если вслед

> Ассизи. Башенная вертикаль подобна стволу, определяющему отношения верха и низа, земли и неба

за человеком она готова поменять оседлость на мобильность, то остается ли она при этом архитектурой или переходит в разряд очень медленных (а порой и не очень медленных) средств транспорта?

Быть может, расставшаяся со своими корнями, сорвавшаяся с места архитектура перерождается в дизайн? Возможно, размышляя об архитектуре «перекатипольного» типа, следовало бы включить в пределы анализа не только порывающие с местом порождения «интернационального стиля» и современного глобализма, не только футуристические опусы архитектурной мысли, вошедшие в хрестоматию под термином «мобильная архитектура», но и ряд средств транспорта – к примеру, от карет эпохи французского абсолютизма, этих дворцов на колесах, до оснащенных всем необходимым для быта современных трейлеров.

Думается, огромная роль в отрыве архитектуры от земли принадлежит эпохе Великих географических открытий, когда экспансивные территориальные устремления и переход от ценности земли к ценности воды, от здания к кораблю обернулся во всех искусствах и, в первую очередь, в архитектуре, художественной идеологией и эстетикой барокко. Как в дизайне кораблей, так и в архитектуре зданий барокко оттеснило землю, давая волю воде в качестве перманентно изменчивой почвы, вечно волнующегося основания, глобальной архитектурной альтернативы. Возможно, в целом архитектура барокко еще не есть торжество бескорневой культуры; возможно, она еще довольно сильно укоренена, но в сравнении с предшествующими эпохами это уже своего рода архитектурная гидропоника. Все же укорененность в воде, пусть даже не физическая, а эстетическая, не только не отрицает, но предполагает движение или, по меньшей мере, подвижность.

Кустик перекати-поля отрывается от корней, когда его семена созрели, чтобы быть внедренными в почву новых мест. Вызревшие семена архитектуры Старого Света перекатились на гонимых ветром кораблях парусных флотилий через Атлантику и дали всходы на новых землях. Похоже, именно с этих пор архитектура становится предметом экспорта. Речь не столько о физическом экспорте архитектурных артефактов (такая практика

тоже имела место вплоть до самого последнего времени), сколько о распространении на удаленные земли, страны и территории архитектурных идей, стилей и языков. И тут важным фактором становится формирование проектной культуры с ее технической и методической документацией, универсальными и типовыми конструктивными и формальными решениями – всем тем, что может быть материалом транстерриториальной трансляции и в конечном итоге неизбежно приводит к идее тиражного архитектурного продукта. Отрыв архитектуры от корней неумолимо происходит по мере превращения архитектурного творчества в проектирование, а самой архитектуры в индустрию.

Семена растения отрицают принадлежность к исходному корню и обязательность воспроизводства растительного тела на том же самом месте. Семена – удобные для транспортировки клоны, которые можно специально перевозить в другие края с целью засеять определенной культурой новые территории. Но есть и естественный процесс распространения, как у перекати-поля, когда главное – отрыв от корня и ветер, способный без проектных замыслов и экономических прогнозов гнать колесом сквозь пространство очередную партию созревшего семенного материала.

И тут нельзя не провести вновь аналогии между распространением бескорневой, клонированной архитектуры и разрастанием сорняков, которое может происходить как по естественным, так и по техногенным причинам. Яркий ботанический пример техногенной экспансии сорняка – распространение борщевика, опасного ядовитого растения, способного поражать кожу человека фотохимическими ожогами. Борщевик был целенаправленно вывезен из районов эндемического произрастания с целью превращения его в эффективную кормовую культуру. Однако, ввиду непригодности растения, агропроект не состоялся, а вырвавшийся из-под контроля всего за пару десятилетий борщевик продолжил свое агрессивное шествие по незащищенным ландшафтам.

Утрата архитектурой эндемичности запускает процесс усиления мобильности архитектуры, в конце концов – ее транстерриториальную и трансконтинентальную экспансию.

Такая географическая экспансия архитектуры возможна при условии, что и сами архитекторы обретают мобильность и перемещаются туда, где есть заказ, где есть спрос на их знания, умения и квалификацию. В современном мире тотально доступных информационных коммуникаций и развитого транспортного сообщения мобильность архитектора, его работа в самых разных местах, в условиях самых разных ландшафтно-территориальных и национально-культурных контекстов – уже давно обыденность профессиональной культуры. Впрочем, сегодня осуществлять свои проекты архитектор может где угодно, даже не выходя из своего кабинета. Однако еще пятьсот лет назад экспорт архитектуры предполагал буквальную профессиональную миграцию, зачастую на огромные расстояния и на длительное время, а нередко и навсегда.

Любопытный пример такого рода – судьба выдающегося уроженца Болоньи Ридольфо Аристотеля Фиораванти – архитектора, строителя, фортификатора, прославив-

шегося в Италии рядом необычайно смелых инженерных проектов, но завершившего свою профессиональную карьеру в России, на службе у Ивана III, строительством Успенского собора Московского Кремля и участием в качестве военного инженера и начальника артиллерии в военных походах на Новгород, Казань и Тверь. В контексте разговора о преодолении укорененности архитектуры любопытны некоторые факты профессиональной биографии Фиораванти. В частности, ему принадлежит первый документально зафиксированный опыт перемещения здания. В 1455 году по его проекту всего за несколько дней 24-метровая колокольня делла Маджоне в Болонье была передвинута на 13 метров. Фиораванти доказал, что физическая укорененность архитектурного сооружения – не догма, и даже такой символ точного прямостояния, как башня, может быть передвинут по поверхности земли на новое место. Интерес Фиораванти к инженерным решениям, позволяющим приводить архитектуру в движение (с целью перемещения сооруже-

в Ассизи. Горизонтальные связи в архитектуре старого города, словно его вегетативное тело

ния или, напротив, исправления динамических смещений, возникших в результате ошибок строительства), повел его дальше. В том же году он успешно выпрямил колокольню Сан-Бьяджо в Ченто. Затем он исправил наклон башни при церкви Сан-Микеле Арканджело в Венеции. Но тут его ждала неудача: из-за слабости грунта (что вполне закономерно в городе, стоящем на воде) башня вскоре рухнула прямою на соседний монастырь Сан-Стефано. Погибли люди. Разразился скандал, вынудивший Фиораванти бежать из Венеции.

Как показывают дальнейшие события его биографии, история великого болонца – это весьма симптоматичная для кватроченто история разрыва с местом, с оседлостью, с родовыми корнями, это история затяжной миграции, история возникновения фигуры странствующего архитектора (впрочем, точнее было бы сказать – архитектора-беженца). Уже шестидесятилетним Фиораванти переезжает в Московское княжество в качестве приглашенного специалиста. Но это лишь продолжает сюжет всей его предшествующей жизни – сюжет вынужденного отрыва от корня, перемещения, бегства, эмиграции. Судьба Фиораванти, вынужденного предпочесть привычной оседлости неуют и лишения кочевья и всю жизнь гонимого обстоятельствами дальше и дальше, словно бы заключена в его имени, которое означает «цветок, гонимый ветром». Пожалуй, именно с Фиораванти можно начать отсчет эпохи архитекторов-перекати-поле, многие из которых не просто возвели сооружения по своим проектам в чужих городах, но во многом определили исторический облик этих городов.

В последующие века фигура «архитектора-гастарбайтера» утвердилась в европейском культурном ландшафте уже в более осмысленном и целенаправленном качестве. В петровской и постпетровской России приезжий архитектор-иностранец становился инструментом стилистических реформ, выступая транслятором языка европейской архитектуры (итальянской, французской, голландской или немецкой) и обеспечивая ее укоренение в новой культурной и географической почве. Простой перебор имен зодчих, оставивших свой след в архитектуре Санкт-Петербурга, – свидетельство того, какой размах приобрел трансфер профессиональных ресурсов в XVIII веке. «Век просвещения» принес новое понимание укорененности архитектуры. Пользуясь аграрной метафорой, архитектура с этого времени может быть «пересажена» и укоренена там, где на то есть властная воля и экономические ресурсы.

Утрачивая эндемичность, архитектура приобретает мобильность и потенциал экспансии, она «перекатывается» через европейское «культурное поле», неся свои семена на новые территории, укореняясь в новых землях, претерпевая неизбежные мутации и продолжая множиться. Следует ли считать это одним из стратегических векторов прогресса архитектуры? Или же это скорее симптом ее распада и деградации? Вопрос открытый. Возможно, стоит глубже почувствовать разницу между бесполезным круглым кустиком перекати-поля, гонимым сквозь пространство со скромным багажом своих семян, и ядовитым борщевиком, искушающим человека плотоядным видом своих стеблей и неумолимо наступающим всей своей корневой мощью на новые земли. Быть может, сегодня бегущий по трассе фургон способен поведать о смысле укорененности архитектуры гораздо больше, чем впившийся фундаментом в землю «офисник» или торгово-развлекательный центр.

3. Мицелий

Есть еще один биологический образ корневой системы, приходящий на память, когда начинаешь размышлять о современном отношении укорененного и бескорне-

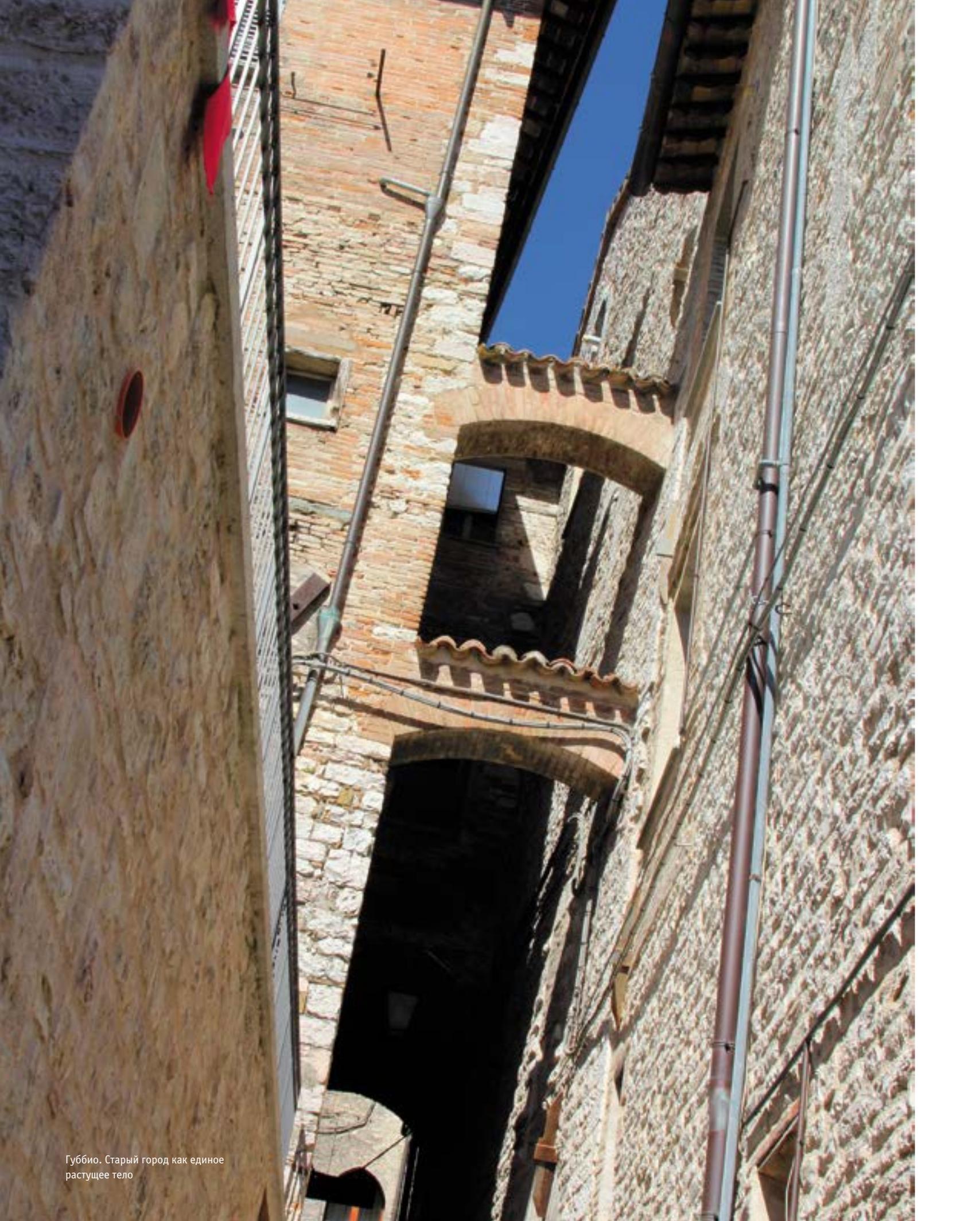
вого в архитектуре. Мицелий – это, говоря упрощенно, корневая сеть грибов, их вегетативное тело или попросту грибница. Особенность мицелия – огромная его разветвленность. Мицелий может распространяться на гигантскую площадь, снабжая плодовые тела (то есть собственно то, что мы называем грибами) всем необходимым. Разветвляясь по поверхности почвы иногда на целые квадратные километры, такая корневая система обеспечивает диверсификацию как собственно мест роста плодовых тел, так и ресурсов, необходимых для их созревания. Проецируя эту модель укорененности на современную архитектуру, можно понять, что в наше время горизонтальные корневые связи определяют ее развитие, возможно, в большей степени, чем традиционные вертикальные.

В мире, где затянувшая поверхность планеты паутина интернета, разнообразных глобальных мобильных коммуникаций и скоростного транспортного сообщения полностью изменила культурную и социальную топографию, архитектура (точнее, ее конкретные тектонические, пластические и стилистические формы) уже не может оставаться явлением исключительно эндемическим. На наших глазах архитектура совершает все более ускоряющийся дрейф из локальных географических контекстов в глобальное информационное пространство. Сегодня информационное и медийное присутствие архитектуры в мире значит для нее не меньше, чем ее присутствие в конкретном городе на конкретной улице или площади. Соответственно, изменяется информационное, культурное, идеологическое, экономическое и всякое прочее ресурсоснабжение не только вновь возводимой, но и уже давно возведенной, исторической архитектуры. Изменяется бытование образа архитектуры как в массовом, так и в индивидуальном сознании.

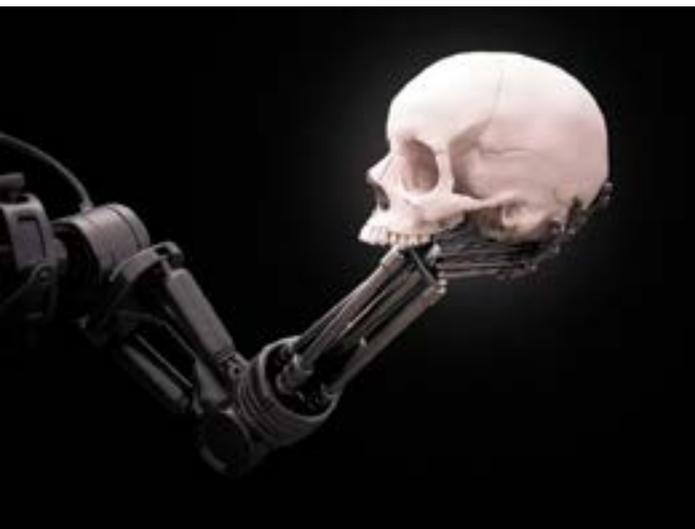
Сформировавшийся к нашим дням архитектурный «мицелий» простирается столь глобально, что способен, казалось бы, «питать» возникающие на нем «плодовые тела» зданий и сооружений (или даже лишь проекты таковых) не меньше, чем уходящие вглубь локальной почвы и истории корни традиции и места. Грибной мицелий дает образец системы, в которой информационное возбуждение происходит одновременно повсюду, подобно электрическому возбуждению в находящемся под напряжением проводе. Это чрезвычайно похоже на устройство глобальной сети интернет. Планетарный мицелий интернета обеспечивает неуязвимость сети за счет диверсификации коммуникаций и хранения данных, за счет информационных «зеркал», дублирования серверов и многого другого. Соответственно, принятие решений и перераспределение ресурсов в сети соотнобразуется с целями ее благополучного существования и развития. «Грибной интернет» тоже вполне успешно следует целям сохранения и воспроизводства целого. В случае же архитектуры образ мицелия пока лишь указывает на возможную роль и потенциал горизонтальных связей. В реальности архитектура сегодня не в состоянии предъявить глобальные цели и смыслы, ради достижения которых ей может быть полезен ресурс глобальной же корневой системы.

Впрочем, локальные цели и смыслы она при этом тоже уже подрастеряла. И именно эта грань между утратой прежних смыслов и бессилием обрести новые определяет сегодня драматизм ситуации в отношении укорененного и бескорневого в архитектуре. Современность, как кажется, дает архитектуре равные шансы – либо осмыслить себя в качестве любовно и осознанно выращиваемого сада культуры, либо плодиться агрессивным и бессмысленным сорняком на пустырях цивилизации. И выбор отнюдь не очевиден.

< Ассизи. Следы естественного исторического роста. Более поздняя архитектура вырастает на теле более ранней

Губбио. Старый город как единое растущее тело

Ставится вопрос о необходимости осмысления социально-экономических последствий четвертой промышленной революции, тотальной роботизации и экспансии искусственных интеллектуальных систем и сетей. Подчеркивается прогрессирующее вытеснение человека из экономики, системная дегуманизация общества, массовая технологическая безработица и появление массового класса «лишних людей». Автор прогнозирует влияние этих процессов на трансформацию структуры экономики, реформатирование социальных проблем общества, а также пространственную среду и функции городов. Делается вывод, что именно феномен «лишних людей» будет иметь определяющее значение для обществ XXI века.

Ключевые слова: урбанистика; промышленная революция; роботизация; искусственный интеллект; технологическая безработица; прекариат; дегуманизация; лишние люди; кризис городов; социально-пространственная среда; новая локальность.

The article speaks about the necessity of comprehension of the socio-cultural consequences of the fourth industrial revolution, the total robotization and the expansion of artificial intellectual systems and networks. It underlines the progressing displacement of humans from the economics, the consistent dehumanization of the society, mass technological unemployment and emergence of the numerous class of "needless people". The author forecasts the impact of these processes on the transformation of the economic structure, the reformatting of the social problems, as well as the spatial environment and the functions of the cities. He comes to the conclusion that the "needless people" phenomenon will be of paramount importance for the societies of the 21st century.

Keywords: urban studies; industrial revolution; robotization; artificial intellect; technological unemployment; precariat; dehumanization; needless people; crisis of cities; socio-spatial environment; new locality.

«Лишние люди» XXI века как проблема урбанистики и не только / “Needless People” of the 21st Century as a problem of urban studies and not only

Ситуация

Прошедший в Зарядье Московский Урбофорум (MUF2018) показал, на мой взгляд, что при всей программной ориентированности на современность, на проблемы мегаполисов будущего, на жонглирование терминами «стартапы», «большие данные», «беспилотный транспорт», «каршеринг» и т. д. отечественные и зарубежные урбанисты до сих пор довольно слабо представляют, до какой степени и насколько необратимо и неотвратимо наступающие технологические новшества реформируют экономику, общество, среду обитания и всю систему базовых ценностей человечества, причем уже в самое ближайшее время. При этом из поля зрения большинства урбанистов выпадало то обстоятельство, что новые технологии формируют также и соответствующие им социально-экономические условия, которые являются базовыми или рамочными как для *modus vivendi*, так и для *modus operandi* населения, а также накладывают определенные ограничения на возможности использования самих этих технологий. Налицо был заметный дефицит социально-экономического и социологического видения всей проблематики современной урбанизации [1].

Лишь две темы деловой программы Форума так или иначе рассматривали социологические и социально-экономические аспекты городского развития: проблема адаптации всего устройства и среды городов к происходящему впервые в мире старению населения и выступление автора теории «креативного класса» Ричарда Флориды, на этот раз посвященное «новому кризису городов» в виде прогрессирующего социального расслоения и растущего социально-пространственного неравенства [2]. Ведущий голландский архитектор и урбанист Рем Колхас, знаковый гость Форума, в интервью Владимиру Познеру напомнил свои слова, что наступление постгуманистической эры неизбежно и что архитектура теперь должна будет в большей степени сосредоточиться на зданиях, коммуникациях и сооружениях, организации среды, нужной именно для машин, но отнюдь не для людей [3].

Такой же, чисто «технологический» подход присутствует и во многих недавно вышедших книгах, посвященных будущему города, урбанизма, жизнедеятельности

горожан в контексте происходящих и прогнозируемых технологических сдвигов. Примером является, например, книга Карло Ратти и Мэтью Клодела «Город завтрашнего дня. Сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни» [4], в которой описываются возможные аспекты взаимодействия людей и современных технологий. Однако люди при этом выступают социально абстрактными фигурами, берущимися без всякого учета их социокультурных и социально-экономических характеристик и возможностей. В результате «новое пространство для жизни» неизбежно получается идеалистической утопией, высокотехнологичной маниловщиной.

В качестве обратного примера можно назвать бестселлер Мартина Форда «Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы», где весьма обстоятельно рассмотрены именно социологические и социально-экономические аспекты нынешней технологической революции и их влияние на организацию, функционирование и проблемы общества. Но в данном труде не исследуется проекция этих последствий на сферу собственно урбанистики, на вопросы организации и функционирования городского и регионального пространства, проблемы городской жизнедеятельности [5].

Технологии и экономика – новые вызовы

Я полагаю, что ключевым моментом, определяющим всю предметно-пространственную организацию городов XXI и мира в целом, является прежде всего то, какие экономические и социальные сдвиги вызовет очередной виток промышленно-технологической революции, какие он задаст ограничения, поскольку именно это и будет определять характер устройства и функционирования общества и его пространственной среды на глобальном и локальном уровнях. Основной, центральный фактор этих технологических и социально-экономических сдвигов XXI века давно означен мировой научной публицистикой, но при этом в своих фундаментальных социальных и экономических последствиях он все еще весьма слабо осмыслен как урбанистикой, так и другими социальными дисциплинами. Этим фактором является тотальная роботизация процессов производства, обмена, управления и проектирования на основе глобально инте-

текст

Максим Привалов /
text

Maxim Privalov

грированных систем и сетей искусственного интеллекта, что неизбежно спровоцирует (и уже вызвало) уменьшение значимости человека как ключевого звена общественного воспроизводства, последовательное вытеснение его из сферы экономики вообще, снижение его роли одновременно в качестве производителя, потребителя и налогоплательщика с параллельным и закономерным уменьшением его политической значимости. В общем и целом это с неизбежностью запускает системную дегуманизацию всего миропорядка XXI века, в чем Рем Колхас абсолютно прав.

Для того, чтобы проиллюстрировать ожидаемые масштабы этого явления, можно привести результаты исследований Оксфордской школы Мартин, на которые ссылается известный британский писатель и обозреватель программы «EconomiCS» на телеканале Channel 4 News Пол Мейсон в своей книге «Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему». Согласно этим данным, «в передовой экономике 47% всех рабочих мест окажутся излишними вследствие автоматизации», что при повсеместно господствующей ныне неolibеральной политико-экономической системе неизбежно приведет «к чрезвычайному расширению прекариата» [6] – нового массового социального класса, недавно открытого и описанного британским социологом Гаем Стендингом в его книге «Прекариат: новый опасный класс» [7]. Его определяющими характеристиками являются принципиальная неустойчивость и нестабильность, отсутствие постоянной занятости, каких-либо социальных гарантий, а также и гражданских прав. Таким образом, «прекариат» (неустойчивый) практически во всем оказывается полной противоположностью «среднему классу» классической американской социологии XX века, этому «стабилизатору» социальной структуры, социальное, демографическое и физическое пространство которого в XXI веке сжимается, как «шагреновая кожа», что неизменно фиксируется всеми современными социологическими и политологическими исследованиями.

В отдаленной перспективе ситуация еще тревожней. Согласно прогнозу Мартина Форда, представленного им в уже упомянутой книге, к 2100 году средний уровень безработицы в мире достигнет 75%, а половина из ныне существующих профессий попросту исчезнет [8].

При этом острота проблемы все еще находится вне сферы внимания массового сознания и массовых коммуникаций. Корпоративный блог Bank Underground приводит мнение экспертов Банка Англии Маурицио Армеллини и Тима Пайка. Они считают, что профессиональное сообщество, в том числе экономисты, все еще недооценивают системные риски социально-экономических последствий Четвертой Промышленной Революции: массовую роботизацию и автоматизацию. Успокоительная аналогия с предшествующими промышленными революциями, которые не привели к массовой безвозвратной потере рабочих мест, не годится: нынешняя промышленная революция коренным образом отличается от них именно массовым внедрением робототехники практически во всех отраслях одновременно и скоростью технологических изменений, что обусловлено легкостью масштабирования компьютерных инноваций. В результате уже в ближайшие 2 года автоматизация, по их мнению, коснется 90% компаний, а в перспективе до 15 млн британцев и до 80 млн американцев могут потерять рабочие места. Согласно выводам крупнейшей сети компаний Deloitte, предоставляющей профессиональные услуги в области консалтинга и аудита, в результате Четвертой Индустриальной Революции 1/3 всех рабочих мест в Соединенном Королевстве находится в зоне «высокого риска» упразднения в течении следующих двух десятилетий, включая сюда 2 млн рабочих мест в торговле, 1,5 млн рабочих мест

в системе перевозок и хранения и 1,25 млн рабочих мест в здравоохранении и социальной сфере [9].

В статье Александра Зотина «Экономика протеста: прекариат цифровой эпохи. Как алгоритмы подчиняют людей» также приводятся последние западные экспертные оценки, в том числе оценки специалистов Всемирного банка, согласно которым в связи с роботизацией из экономики США уже к 2033 году будет вытеснено 47% рабочих мест, в Китае – до 77%, и даже такие страны, как Индонезия, Малайзия, Вьетнам, Лаос и т. п. потеряют порядка 56% рабочих мест [10].

Понятно, что примерно такие же процессы ожидают и другие индустриально развитые страны мира, включая Россию, пока еще существенно отстающую в темпах роботизации и внедрения систем искусственного интеллекта. Тем не менее, согласно прогнозу директора Фонда развития интернет-инициатив Кирилла Варламова, и у нас в стране уже в ближайших 5–6 лет ожидается сокращение 5 млн рабочих мест при кардинальном изменении требований еще к 20 млн работающих [11]. Как бы в подтверждение этого в январе 2018 глава Сбербанка Герман Греф заявил, что в связи с роботизацией и внедрением цифровых технологий к 2025 году Сбербанк предполагает сократить численность своих сотрудников в 2 раза, высвободив порядка 45 тыс. человек. При этом, по заявлению директора Высшей школы юриспруденции НИУ ВШЭ Дмитрия Кузнецова, в перспективе ближайших 10 лет могут исчезнуть до 40% профессий российского рынка труда [12]. Эти тенденции затронут не только промышленность, сельское хозяйство, транспорт и сектор услуг, но и сферы приложения высококвалифицированного труда, в том числе медицину, образование, управление, проектирование и т. д., вплоть до искусства. Это радикально отличает Четвертую Промышленную Революцию от предыдущих: ожидается полное исчезновение целого ряда «интеллектуальных» профессий, в том числе таких, как бухгалтеры, юристы, банковские и медицинские работники (включая терапевтов, стоматологов, хирургов) и т. д.

Все это становится неизбежным, поскольку роботизированные системы с искусственным интеллектом уже сейчас производят любой физический или интеллектуальный продукт, как и любую операцию – вплоть до постановки медицинского диагноза или сложного хирургического вмешательства – быстрее, лучше, точнее и, главное, гораздо дешевле, чем человек. При этом они еще и соблюдают (в отличие от людей) все технические и юридические протоколы, не крадут и не берут взятку. Говоря о среднесрочных и долгосрочных горизонтах планирования, можно сослаться на выдающегося профессора теоретической физики японского происхождения Митио Каку (США), которого газета The New York Times в 2013 году назвала «одним из самых умных людей Нью-Йорка». Он заявил: «...вполне реально, что до 2050 года будет создан сверхчеловек, значительно превосходящий лучшие умы человечества практически во всех областях» [13]. Технический директор фирмы Google и известный футуролог Рэй Курцвейл опубликовал в 2017 г. прогноз, согласно которому небиологический интеллект уже в 2044 г. станет в миллиард раз более разумным, чем любой биологический мозг, а к 2045 г. планета превратится в один гигантский суперкомпьютер [14].

От этих перспектив захватывает дух, но, оставаясь на почве реальности, обратимся хотя бы к горизонту 2033 года. Наиболее принципиальные моменты Четвертой Промышленной Революции довольно подробно исследованы в уже упомянутой выше книге Мартина Форда «Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы», где автор пишет о следующих ее особенностях:

– из-за внедрения новых технологий и резкого роста производительности труда компании все меньше нуждаются в персонале вообще;

– тотальная автоматизация совершается на основе интеграции технологий больших данных, машинного обучения и распознавания образов, в результате компьютерные программы стали способными успешно выполнять различные интеллектуальные функции;

– по сравнению с прежними промышленными революциями, когда под угрозой оказывались в первую очередь низкоквалифицированные кадры, теперь в зоне риска сокращения оказывается и средний класс, поскольку роботы и компьютерные программы стали способны осуществлять не только те или иные производственные операции, но также собирать и анализировать данные, искать закономерности и выдавать «статистически приемлемый результат», а также самостоятельно принимать решения на его основе, что ставит под угрозу сокращения профессии врачей, юристов, аналитиков, учителей и т. д.;

– в результате машины больше не являются средством увеличения производительности труда работников, как это было ранее, но инструментом полного вытеснения человека из процесса труда, включая труд интеллектуальный, да и из экономики в целом;

– таким образом, численность персонала компаний теперь вообще теряет всякое значение, о чем свидетельствуют примеры Google и Facebook, которые при минимальном персонале обладают гигантской капитализацией и глобальным влиянием в мире;

– это радикальным образом изменяет «соотношение между трудом и капиталом», что грозит беспрецедентным ростом социального неравенства, если только не прилагать специальных усилий по его обузданию;

– как следствие, возникают беспрецедентные проблемы относительно структуры и самой судьбы общества, в котором абсолютное большинство граждан окажутся пожизненно безработными, право на труд теряет всякий смысл и не может быть обеспечено в принципе, а работа или профессия перестают иметь значение основного признака общественного статуса [15].

Вопросы и прогнозы для урбанистики и общества

Очевидно, что на настоящий момент мы просто не можем себе представить, как должна быть устроена и организована к 2033 году и далее жизнь тех 40–80% населения развитых стран, которые уже сейчас бесповоротно вытесняются из мировой экономики и перестают быть самостоятельными субъектами экономической жизни, а следовательно – полноценными и полноправными работниками, получателями заработной платы, платежеспособными потребителями, налогоплательщиками и т. д., и т. п. и неизбежно превращаются в пресловутый «прекариат» Гая Стэндинга.

В первую очередь это касается именно крупных городов и мегаполисов. По оценке венчурного предпринимателя Саймона Сквибба, к 2030 году уровень безработицы в Лондоне, Нью-Йорке и Гонконге, то есть основных биржевых площадках мира, может достичь 80% [16], в связи с чем возникает тяжелейшая проблема социального обеспечения и обустройства этих колоссальных людских масс. Поэтому уже сейчас предлагаются различные варианты ее решения. Так, например, глава Microsoft Билл Гейтс выступил с предложением о введении специального «налога на роботов» для аккумуляции финансовых ресурсов, обеспечивающих возможность существования для «лишних людей», безвозвратно вытесняемых из экономики в ходе новой промышленной революции. Вопрос о введении всеобщего пожизненного базового дохода в связи с неизбежно наступающей массовой технологической безработицей уже обсуждается

(дебатыруется) в парламентах ряда европейских стран. Характерно, что Пол Мейсон в «Посткапитализме...» показывает, что технологический прогресс сам по себе создает все предпосылки для естественного и закономерного перехода к посткапиталистической системе: «...в посткапиталистическом проекте задача обеспечить базовый доход носит радикальный характер. Такая задача предусматривает, с одной стороны, формализацию разделения труда и зарплат, и, с другой стороны, субсидирование перехода к более короткой рабочей неделе, дню или жизни. Результатом стала бы социализация издержек автоматизации.

Идея проста: каждый человек работоспособного возраста безо всяких предварительных условий получает от государства базовый доход, который финансируется за счет налогообложения и заменяет пособия по безработице. Другие формы социальных выплат – семейных, по инвалидности или по уходу за ребенком – останутся, но станут небольшими дополнениями к базовому доходу [17].

В практической плоскости вопрос о введении безусловного базового дохода для всех без исключения граждан страны впервые в мире был поставлен в 2016 году в Швейцарии, где в соответствующем законопроекте были прописаны все юридические, организационные и финансовые аспекты этого мероприятия. Однако данный законопроект был отвергнут общенациональным референдумом большинством в 80% голосов. В других странах этот вопрос практически не проработан, в силу чего жизненные перспективы для десятков и сотен миллионов, а далее – и миллиардов человек экономического избыточного населения XXI века – совершенно неясны. Кроме того, его решение может существенно различаться от страны к стране и от региона к региону. К примеру, в нынешней России мы наблюдаем как раз тенденцию к минимизации (так называемой «оптимизации») государственного социального обеспечения по всем направлениям, что уже вызвало заметный рост протестных настроений населения в 2018 году.

Закономерные вопросы социолога-урбаниста

Как изменится та общая картина социально-пространственной организации городов рубежа XX и XXI веков (в первую очередь американских), которую рисует в своей книге «Новый кризис городов» Ричард Флорида (2018) и которая, в общих чертах, выглядит следующим образом: «...классовая география более не следует устаревшему шаблону «богатый пригород – бедный город». Мы видим, как в последние 10–20 лет множество высокооплачиваемых работников интеллектуальной сферы, обеспеченных молодых людей возвращаются в центральные районы городов, в то время как все больше бедняков, пребывающих в неблагоприятном положении, перебираются на окраины и в пригороды. Этот очевидный разворот давно сложившегося географического разделения иногда называют большой инверсией.

Однако сегодняшняя классовая география отличается от того, что рисуют обе приведенные выше модели. Она трансформируется в более сложную и неоднородную схему, которую я называю «лоскутным метрополисом». И несмотря на то, что точные характеристики этой модели варьируют в зависимости от места, ее основной особенностью остается деление городов и пригородов на четко кластеризованные зоны сконцентрированных преимуществ, перемежающихся более обширными участками концентрированного неблагополучия» [18].

Тем не менее, эта впечатляющая схема совершенно не учитывает, что над большинством «высокооплачиваемых работников интеллектуальной сферы, обеспеченных молодых людей» теперь повис «дамоклов меч» Четвертой

Промышленной Революции, в результате которой они должны будут с неизбежностью потерять свои высокооплачиваемые рабочие места. Тогда соотношение «концентрированного благополучия и концентрированного неблагополучия» будет стремиться к пропорции 20: 80, а в пределе – 1: 99, то есть подавляющая часть городского пространства с неизбежностью станет зоной неблагополучия, зоной концентрации технологической безработицы, зоной проживания прекариата. Вполне вероятно, что это повлечет за собой такой общий масштабный кризис городов, по сравнению с которым «новый кризис», описываемый Ричардом Флоридой, покажется детской забавой.

Далее, должны ли будут «лишние люди» XXI века вернуться к каким-то формам натурального хозяйства на земле и просто «выживать на огородах», сформировать примитивную «серую», «гаражную» экономику, построенную по принципу бартера и обмена услугами и никак не учитываемую государственным планированием и налогообложением? С постперестроечных 90-х она стала характерной чертой российской провинции и до сих пор является основным средством и способом выживания для значительной части ее населения, охватывая (по различным оценкам) от 13 до 30% от его общей численности, давая при этом не менее 16% российского ВВП. Или же люди будут обречены стать пожизненными получателями гарантированного безусловного базового дохода из госбюджета, назначаемого человеку с рождения и до самой его смерти?

Двухъярусное общество

В первом случае это неизбежно вызовет существенную децентрализацию всей системы расселения, массовый исход «лишних людей» из городов «на землю», их вынужденное возвращение к деревенским и до-городским формам жизни в прекрасном новом мире высоких технологий. Одновременно для многих массово оставляемых городов («городов исхода»), видимо, наступит время общего кризиса, сродни известному кризису городов «железного пояса» или Детройта в США. Что касается экономической системы в целом, то она в этом случае окажется двухуровневой или двуслойной: ее верхний, сверхсовременный уровень высоких технологий и тотальной роботизации будет дополнен низовой примитивной экономикой, сложившейся на доиндустриальных и дорыночных принципах. Оба этих уровня какое-то историческое время будут вынужденно сосуществовать; при этом число точек их соприкосновения или пересечения может быть минимальным, тогда как способы организации деятельности и всей предметно-пространственной среды могут отличаться друг от друга на каждом из этих уровней весьма радикально. При этом и векторы социальных процессов на каждом из этих уровней вполне могут оказаться разнонаправленными или прямо противоположными.

Поэтому весьма актуальным представляется недавнее интервью членов российской арт-группы AES+F, данное ими Светлане Конеген на «Радио Свобода» по поводу их проекта *Mare Mediterraneum*, представленном в 2018 году на биеннале современного искусства *Manifesta 12* в Палермо: «...мы хотели подчеркнуть, что живем не только в эпоху разных культур, но и разных времен, объединенных в одном пространстве. В том, что ассоциируется с прошлым и одновременно с будущим. В этом смысле как раз совсем непонятно, что же именно нас ожидает в будущем. Возможно, именно то, что мы сейчас видим на примере целого ряда стран и культур, неожиданно оказавшихся сейчас скорее в прошлом, чем в будущем, каким мы его наивно видели лет десять назад» [19].

Поляризованные города

Во втором случае, при введении безусловного базового дохода для растущего класса прекариата, мегаполисы XXI века грозят превратиться в Новый Древний Рим, двухполюсный и жестко разделенный в своем социальном и пространственном устройении, экономически базирующийся на эксплуатации роботов-рабов и формируемый процветающей нео-патрицианской элитой, с одной стороны, а с другой – паразитическим классом нового охлоса-прекариата, пожизненного получателя государственных «хлеба и зрелищ». При этом они обречены на экономическую невостребованность, неизбежную морально-нравственную, интеллектуально-культурную и функциональную деградацию и жизнь в пространстве неких новых трущоб, со всеми вытекающими последствиями. И опять-таки весьма уместной представляется следующая цитата из недавнего интервью членов группы AES+F на «Радио Свобода»: «...все рассчитывали, что интернет объединит все «прогрессивное», а оказалось, что он скорее место коммуникации как раз всего реакционного. Так же, как пресловутая демократия во всем мире превращается скорее в охлократию, следуя логике Аристотеля... Интернет, как многие проекты внутри него самого, рассчитанные на «клизысканную» и «высококультурную» публику, в действительности показывают нам сейчас все прямо противоположное – преобладание охлоса, царство усредненного, если не сказать «низкого» вкуса. В реальности люди именно таковы... происходит бурное строительство новых культурных институций и заметен рост их аудитории... Но наряду с этим присутствует некий морок искусственного торможения, разворота страны «задом наперед», который людей с другими ожиданиями не может не приводить в изумление и даже отчаяние. И непонятно, что же с этим теперь делать...» [20].

Упрощение пространства

Как бы то ни было, в обоих случаях можно говорить о неизбежной дальнейшей социально-экономической поляризации пространственных структур и функциональных систем будущих обществ, которая неизбежно станет гораздо более выпуклой, кричащей и остро проявленной, чем в послевоенный период всеобщего благоденствия и чем даже в наши дни. Следовательно, она будет весьма отличаться от картины социального-пространственного неравенства, представленной в книге «Новый кризис городов» Ричардом Флоридой, поскольку роботизация закономерно и неизбежно изымает и растворяет «средний класс», «средние городские слои», а следовательно, и отвечающие их экономическим возможностям и потребностям средние (срединные) элементы, типы и образцы урбанистической среды, которые уже не смогут опираться на широкую демократичную налоговую базу и формироваться на основе массового платежеспособного спроса и реальной избирательности индивидуальных потребительских предпочтений. Закономерным и неизбежным результатом станет общее снижение спроса на высококачественную, разнообразную и дифференцированную городскую среду, что скорее всего вынудит архитектуру и градостроительство обратиться к «облегченным» по стоимости эрзац-решениям и упрощенным прототипам в строительстве. И коль скоро на смену этим средним слоям теперь приходит прекариат, про масштабные инвестиции в человеческий капитал, в создание среды, обеспечивающей «формирование всесторонне развитой креативной личности», мировой урбанистике, видимо, придется забыть применительно к этим 40–80%, которые и составят будущий класс экономически «лишних людей» XXI века.

С другой стороны, абсолютному меньшинству, сохранившему привилегии на труд, власть и собственность, видимо, предстоит вкусить все прелести высокотехнологичного цифрового рая XXI века с его почти неограниченными возможностями, включая сюда и его небывалые архитектурные «прибамбасы».

Демография

Неизбежно предстоит пересмотреть и приоритеты социальной и демографической политики. По всей видимости, в роботизированном мире будущего нормальным соотношением работающих и получателей пенсий и пособий может стать не соотношение 1: 4, 1: 5, являющееся сегодня футуристическим кошмаром для любого современного финансиста, но скорее соотношение 1: 10, 1: 15 и т. д. А это значит, что практически никто уже не сможет жить на свои индивидуальные пенсионные отчисления и накопления. Даже если система пенсий и пособий сохранится и расширится, включив в себя до 80% населения и более, то она должна будет полностью и целиком формироваться за счет средств бизнеса и госбюджета. В значительной степени становится бессмысленной и логика стимулирования рождаемости: к чему вообще ее стимулировать, если большая часть граждан с самого своего рождения и до самой своей кончины с неизбежностью будут обречены либо вести достаточно убогое и заведомо бесперспективное существование в русле доиндустриальной натуральной экономики, либо паразитическую по своей сути жизнь никогда не работавших пенсионеров? Тем более, что и оборонные возможности, и экономический потенциал той или иной страны все менее и менее зависят от численности ее населения и в возрастающей степени могут быть обеспечены искусственными интеллектуальными системами. Скорее наоборот: естественным решением для сектора экономически избыточного населения в мире роботизированного будущего должна будет стать политика, направленная на административно-экономическое поощрение его к воздержанию от рождаемости, аналогичная проводимой в конце XX века в КНР политике демографического сдерживания. Старение и сокращение населения закономерно станут рассматриваться как естественные и глубоко позитивные явления, в конечном счете ведущие к сокращению нынешней и ожидаемой перенаселенности планеты (10–11 млрд человек), снижению избыточного антропогенного давления на экосистему и смягчению глобального эко-кризиса. Таким образом, примерно к концу XXI века или на новом рубеже веков урбанистика может столкнуться с проблемой, с которой она вообще никогда не сталкивалась за всю историю: с необходимостью организации пространственной среды в условиях устойчивого сокращения мирового населения.

Транспорт и «новая локальность»

Наши сегодняшние представления о важности эффективных транспортных перемещений колоссальных объемов населения в городах и между городами будущего тоже придется скорректировать, ибо этим 40–80% экономически несамостоятельных и неблагополучных людей попросту не на что и незачем будет перемещаться куда-либо за пределами их повседневного ареала обитания. Таким образом, весьма вероятным парадоксом XXI века может стать глубокое противоречие в технологических возможностях общества обеспечить безграничную пространственную мобильность для всего населения и отсутствием необходимых социально-экономических предпосылок для ее практической реализации применительно к той его части, которая окажется экономически невосстребованной. В результате уделом многих, если не большинства, может стать «новая локальность» их пространственного бытия. Она, однако, будет иметь мало общего

с прежней локальностью традиционных обществ, ибо неизбежно будет компенсироваться для новых «лишних людей» тотальной виртуализацией их бытия, погружением в информационные сети, в мир симулякров, вообще их уходом от мира реального пространства и действия в мир имитационный и все более и более ирреальный – вплоть до полного и безвозвратного их в нем растворения.

Политика эпохи прекариата

Наконец, политические и гражданские права прекариата тоже, скорее всего, будут как-то ограничены (формально или фактически) по сравнению с правами численно убывающего экономически самостоятельного меньшинства, которое сможет сохранить свою «привилегию на труд», поскольку в противном случае это грозит разрушением всей общественной системы, ее аннигиляцией в условиях запредельного разрыва в уровне и качестве жизни основных социальных слоев при полной остановке всех социальных лифтов, которым попросту некуда будет двигаться в тотально роботизированном мире с его предельно ограниченным числом вакансий. Все это неизбежно скажется как в социально-экономическом укладе, так и в устройении всей предметно-пространственной среды, в значительной степени формируемых далее без учета приоритетов и потребностей «лишних людей», обреченных на прогрессирующую политическую слабость и несостоятельность. Фактически эти тренды мы наблюдали в России уже в ходе «грабительской приватизации» 90-х. Наблюдаем вновь и сейчас, в 2018 г., в ходе проталкивания правительством РФ «пенсионной реформы», которая категорически отвергается 90% населения страны, но которая при всем том идет с неотвратимостью танка, как несколько ранее того это имело место и в странах ЕС, несмотря на массовые и весьма жесткие протесты населения Европы. И в этом контексте нельзя не заметить, что общий тренд к повышению пенсионного возраста оказывается в резком антагонизме с объективно возникающей потребностью к повсеместному введению безусловного базового дохода и сокращению рабочего времени, диктуемой Четвертой Промышленной Революцией. Таким образом, современные политические институты повсеместно вступают в резкое противоречие с современными технологиями и диктуемыми ими социально-экономическими сдвигами.

Ценности – дегуманизация

Далее очевидно, что и абсолютная абстрактная ценность человеческой жизни также неизбежно и закономерно будет все более и более девальвироваться, хотя на первых порах признания этого факта станут всячески избегать. Тем не менее уже сейчас, несмотря на пока еще господствующий гуманистично-либеральный дискурс, этот тренд весьма ощутим; при этом именно он более всего отличает и характеризует наступающую пост-гуманистическую эру. Нам придется, хотим мы того или нет, осознать, что «лишние люди» из конструкта советской программы литературы для средней школы, описывавшей отдельных неприкаянных отщепенцев-аристократов XIX века вроде Чацкого, Онегина и Печорина, впервые в мировой истории станут реальным массовым социально-экономическим и социологическим феноменом со всеми вытекающими из этого последствиями. Это все больше касается не только «синих воротничков» и «среднего класса» классической американской социологии, но и «креативного класса» Ричарда Флориды, поскольку уже сейчас компьютерные программы весьма успешны даже в сфере чистого творчества: к примеру, могут сочинять музыку, романы и стихи, не отличимые по качеству (в том числе для специалиста) от произведений среднего композитора, поэта или писателя.

Посткапитализм

Возникают и такие фундаментальные вопросы: сможет ли общество будущего по-прежнему базироваться на принципах капитализма, хотя бы и глобального, если из сферы капиталистических отношений неизбежно будут исключены до 80–90% его членов? А если нет, то какая форма социально-экономической организации будет соответствовать социуму эпохи роботизации? Как представляется, частная предприимчивость и инициатива, а также случайная, стохастическая балансировка спроса и предложения выглядят уже чисто иррациональной архаикой на фоне тотально роботизированной, насквозь просчитанной и информационно прозрачной экономической системы, регулируемой глобальным искусственным интеллектом, в которой человеческий фактор в значительной степени выведен за скобки. Крайне рискованно предоставить это абсолютное большинство «лишних людей» их собственной злой судьбе (поскольку из этого вполне может вырасти глобальный и всепокрушающий бунт). Следует принять постулат об ответственности за них, за судьбу общества; из этого непреложно следует, что применительно к 80–90% «лишних людей» придется применить чисто коммунистический принцип предоставления им жизненных благ в равных долях «по потребностям» (хотя, возможно, и в ограниченном объеме), безо всякого учета индивидуального трудового вклада и личных заслуг, которых ни у кого из будущих «лишних людей» изначально не может быть по определению. А это значит, что примерно на 80–90% общество XXI века будет просто вынуждено стать коммунистическим, к чему его толкают прогресс технологий и новая промышленная революция.

Говоря о неизбежности наступления посткапиталистического общества, Пол Мейсон пишет: «Когда быстрые технологические изменения обрушатся на кремниевые чипы, еду, одежду, транспортную систему и здравоохранение, стоимость воспроизводства рабочей силы резко упадет. В этот момент экономическая проблема, которая предопределяла историю человечества, потеряет свое значение или просто исчезнет. Возможно, нас будет больше заботить проблема экологической устойчивости экономики и взаимодействия конкурирующих моделей человеческой жизни за ее пределами» [21].

В принципе, все ныне происходящее подтверждает справедливость классических марксистских теорий XIX века, что именно технический прогресс предопределяет весь ход человеческой истории. При этом у человечества давно присутствует и традиция глубоко позитивного восприятия неизбежных социальных последствий технологического прогресса. Еще известный французский политик и экономист, крупнейший теоретик Рабочей партии Франции и зять Маркса Поль Лафарг уже в XIX веке предвидел грядущую тотальную роботизацию и при этом славил ее как будущую освободительницу человечества от вынужденного трудового рабства, о чем неизменно упоминается практически в каждой современной работе о будущем трудовых отношений.

«Куда ж нам плыть?» и запредельная перспектива

Понятно, что сейчас никто в целом мире, включая урбанистов уровня Рема Колхаса, не сможет предложить удовлетворительного решения означенных проблем, но размышлять на эту тему в нашей профессии давно пришла пора. Основной вывод, который, как кажется, вполне естественно вытекает из вышесказанного, состоит в следующем.

Вся проблематика урбанистики и прочих научно-практических дисциплин, отвечающих за экономику, демографию, управление, региональную политику и т. д., уже в период 2030–2050 гг. радикально изменится и будет

иметь очень мало общего с тем, чем они занимаются и над чем бьются сейчас. Для этого имеются фундаментальные технологические и социально-экономические предпосылки, которые у нас (да и в мире в целом) на настоящий момент все еще не рассматриваются системно с точки зрения отслеживания всей цепи порождаемых ими последствий; они все еще лежат вне нашего осознания, что можно объяснить лишь инерцией. Похоже, что урбанистика и подобные ей науки и практики, включая и западные школы экономики, на словах культивирующие и поднимающие на щит тотальную «цифровизацию», как, в частности, и происходило на Московском Урбофоруме (MUF2018), по сути не делают из этой, идущей на них девятым валом, «цифровизации» никаких принципиальных выводов и, как плохие генералы из известной поговорки, все еще «готовятся к прошлой войне», тогда как надвигающаяся на них «будущая война» заведомо не будет иметь с нею ничего общего.

Но осознание этого факта все увереннее пробивает себе дорогу в современном мире. Весьма близкое к описанному видение ключевых социально-технологических проблем XXI века представлено и в только что вышедшем на русском (июль 2018 г.) новом бестселлере Ювала Ноя Харари «Номо Деус. Краткая история будущего», где среди основных позиций книги, вынесенных на ее обложку, автор указывает: «Подобно тому, как результатом промышленной революции стало возникновение рабочего класса, так следующая масштабная революция создаст класс неработающий, бесполезный... Демократия и свободный рынок рухнут, когда Google и Facebook будут знать нас лучше, чем знаем себя мы сами; власть, полномочия и компетенции перейдут от живых людей к сетевым алгоритмам. Люди не будут противостоять машинам, они сольются в единое целое» [22].

Я не вполне согласен с автором в том, что это «слияние» человека и машины станет неким завершающим, «венчающим» их коэволюцию этапом, поскольку полагаю, что надвигающаяся эра симбиоза человека и машины продлится исторически недолго: и soft wear, и hard wear этого симбиотического образования весьма скоро освободятся от всякого присутствия «человеческой составляющей» ввиду ее принципиальной ограниченности и неэффективности. Таким образом, процесс дегуманизации интеллекта станет не только необратимым, но и завершенным. Далее, если верить прогнозам профессора теоретической физики и всемирно известного футуролога Митию Каку (США), объективная логика развития искусственного интеллекта превратит его не только в общепланетарный, но и в космический фактор почти нематериального характера, движимый уже одной лишь информацией и энергией [23], то есть в нечто, по сути обладающее всеми традиционными атрибутами божественности. И это станет уже не только конечным торжеством энергии над материей, но также полным и окончательным концом всякой архитектуры и всякой урбанистики, хотя бы и в чисто машинном их исполнении.

Если посмотреть на всю эту проблематику без всякого страха и предубеждения, «с открытым забралом», то совершенно очевидно: естественный ход технического прогресса закономерно и неизбежно ведет сначала к симбиозу биологических и искусственных форм и структур, а далее и к появлению нового разумного и при этом изначально сетевого вида, уже полностью искусственного и способного к дальнейшему саморазвитию на своей собственной небиологической основе. С ним человечество конкурировать никак не сможет, в силу чего будет вынуждено со временем просто и естественно «сойти с дистанции», как до этого с нее уже сошли в процессе естественного отбора многие другие виды Номо. Как минимум, человечеству придется «подвинуть-

ся» и существовать далее на вторых ролях, о чем давно предупреждают и практики-разработчики искусственных интеллектуальных систем, включая английского кибернетика, профессора Университета Рединга и главу британской государственной лаборатории искусственно-го интеллекта Кэна Уорика (Уорвика) [24], и лучшие умы человечества в лице недавно умершего физика-теоретика Стивена Хокинга, сделавшего соответствующее заявление на Глобальной конференции мобильного интернета в 2017 году [25].

Интересно, что в этой пугающей большинство из нас перспективе тем не менее полностью снимаются все вечные, нерешаемые, «проклятые» вопросы человечества, включая противоречия между личностью и обществом, свободой и необходимостью. Проблемы пола, социального неравенства и неизбежности личной смерти, к решению которых за все 8–10 тысяч лет развития земной цивилизации человечество так и не приблизилось именно в силу непреодолимых ограничений своей биологической природы, но которых для сетевого искусственного интеллекта по понятным причинам попросту не существует изначально, также будут сняты.

Отсюда следует, что в конечном счете прогресс науки и технологий закономерно освобождает человека от самого себя, от его собственной неистребимо иррациональной животной основы, делающей его жизнь столь драматичной и безнадежно конечной. Главный парадокс при этом заключается в следующем: для того, чтобы стать по-настоящему разумным, человеческий интеллект должен перестать быть человеческим (биологическим), ибо только это освобождает его от темной власти подсознания, власти деструктивных животных инстинктов. И помешать этому процессу (этой закономерности) может только крах западной цивилизации, ее необратимый упадок в силу внутренних причин или ее радикальное перерождение под давлением внешнего или внутреннего фундаментализма, а также тех процессов, которые иногда обозначают как «Наступление Мировой Деревни на Мировой Город», но которые не являются темой этой статьи.

В целом, мир XXI века действительно должен постепенно становиться – если только не произойдет какой-то катастрофы глобального характера – «миром машин и для машин», равно как и его пространство, вся его пространственная среда должны становиться «пространством машин», что предполагает существование более рациональное их использование. И вместо культивирования ужаса перед такой перспективой, вполне логично было бы (задним числом) утешаться тем, что именно в создании искусственного небиологического разума, способного к автономному саморазвитию, вполне вероятно, и заключен высший смысл и конечная цель человеческого существования, его эволюционное оправдание.

Литература

1. Деловая программа MUF2018 «Мегалполис будущего. Новое пространство для жизни» [Электронный ресурс]. MosUrbanForum.ru
2. Ричард Флорида. Новый кризис городов. – М.: Точка, 2018
3. Интервью Рема Колхаса Владимиру Познеру [Электронный ресурс]. Познер OnLine, 2018, 17 июля
4. Карло Рати и Мэтью Клодел. Город завтрашнего дня. Сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни – М.: Институт Гайдара, 2017
5. Мартин Форд. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. – М.: АНФ, 2016
6. Пол Мейсон. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016
7. Гай Стендинг. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ad Marginem, 2011
8. Мартин Форд. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. – М.: Альпина Нон Фикшн, 2016
9. Mauricio Armellini and Tim Pike. Should economists be more concerned about Artificial Intelligence? [Электронный ресурс]. <http://bankunderground.co.uk>

10. Александр Зотин. Экономика протеста: прекариат цифровой эпохи. Как алгоритмы подчиняют людей [Электронный ресурс]. Еженедельный Ъ, 08. 07. 2018
11. Юрий Гень. В России спрогнозировали сокращение пяти миллионов рабочих мест // Российская Газета. –2017. – 28 февраля
12. Российские эксперты прогнозируют сокращение 40% профессий через 10 лет [Электронный ресурс]. ТАСС. 2017. – 28 февраля
13. Митио Каку. Учеба уже не будет базироваться на запоминании [Электронный ресурс]. 22century.ru
14. Технический директор Google расписал будущее мира: прогноз до 2099 года [Электронный ресурс]. infoResist.org, 14.06.2017
15. Мартин Форд. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. – М.: АНФ, 2016
16. Уровень безработицы из-за автоматизации в мегаполисах достигнет 80% [Электронный ресурс]. antony-w.livejournal.com
17. Пол Мейсон. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. С. 386
18. Ричард Флорида. Новый кризис городов. С. 149
19. Фарфоровый парадокс. Беженцы и европейцы группы AES+F [Электронный ресурс]. www.svoboda.org
20. Там же
21. Пол Мейсон. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. С. 392
22. Юваль Ной Харари «Homo Deus. Краткая история будущего». – М.: Синдбад, 2018
23. Митио Каку. Будущее разума. – М.: Альпина Нон Фикшн, 2016
24. Кэн Уорик. Наступление машин // Наука и жизнь». – 2000. – № 2
25. Сагитова Айгуль. Семь самых пугающих предсказаний Стивена Хокинга [Электронный ресурс]. www.eg.ru>science/484248/

References

- Armellini, M., & Pike, T. (2017, March 1). Should economists be more concerned about Artificial Intelligence? Retrieved from <http://bankunderground.co.uk>
- Farforovyi paradox. Bezhtentsy i evropeitsy gruppy AES+F [The porcelain paradox. The refugees and Europeans of AES+F Group]. (2018, July 27). Retrieved from <https://www.svoboda.org/a/29376319.html>
- Florida, R. (2018). Novyi krizis gorodov [The New Urban Crisis]. Moscow: Tochka.
- Ford, M. (2016). Rise of the robots: technology and the threat of a jobless future. Moscow: ANF.
- Gen, Yu. (2017, February 28). V Rossii sprognozirovali sokrashchenie pyati millionov rabochikh mest [Five million jobs are forecasted to be reduced in Russia]. Rossiiskaya gazeta.
- Harari, Yu. N. (2018). Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. Moscow: Sindbad.
- Interview of Rem Koolhaas to Vladimir Pozner [video file]. (2018, July 26). Retrieved from <https://pozneronline.ru>
- Kaku, M. (2014, September 7). Ucheba uzhe ne budet bazirovatsya na zapominanii [Studying will no longer be based on memory]. Retrieved from <https://22century.ru/popular-science-publications/michio-kaku>
- Kaku, M. (2016). The Future of the Mind. Moscow: Alpina Non Fiction.
- Meison, P. (2016). PostCapitalism. A Guide to our Future. Moscow: Ad Marginem Press.
- MUF 2018 “Megacity of the Future. New Space for Living”. (n.d.). Retrieved from <http://mosurbanforum.com/>
- Ratti, K., & Claudel, M. (2017). The City of Tomorrow: Sensors, Networks, Hackers and the Future of Urban Life. Moscow: Gaidar Institute.
- Rossiiskie eksperty prognoziryuyut sokrashchenie 40% professii cherez 10 let [Russian experts forecast 40% reduction of professions in 10 years]. (2017, February 27). TASS. Retrieved from <https://tass.ru/obschestvo/4053432>
- Sagitova, A. (2018, March 14). Sem’ pугayushchikh predskazanii Stivena Hokinga [Stephen Hawking’s seven terrifying predictions]. Retrieved from www.eg.ru>science / 484248 /
- Standing, G. (2011). The Precariat. The New Dangerous Class. Moscow: Ad Marginem.
- Tekhnicheskii direktor Google raspisal budushchee mira: prognoz do 2099 goda [The technical director at Google has predicted the future of the world until 2099]. (2017, June 14). Retrieved from <https://infore-sist.org>
- Uroven bezrobotitsy iz-za avtomatizatsii v megapolisakh dostignet 80% [Due to automatization, the level of unemployment in metropolises will reach 80%]. (2017, February 2). Retrieved from <https://antony-w.livejournal.com/>
- Warwick, K. March of the Machines (2000). Nauka I zhizn’, 2.
- Zotin, A. (2018, July 8). Ekonomika protesta: prekariat tsyfrovoy epokhi. Kak algoritmy podchinyayut lyudei [Protest economy: the precariat of the digital epoch. How algorithms conquer people]. Retrieved from <https://www.kommersant.ru/>

^ Мурузи

Горожане в течение XX столетия утрачивали представление о Доме как константе жизни. Обезличенные «жилые комплексы» со стандартным набором предметов – удел большинства. Но и состоятельные граждане, имеющие возможность построить особняк за городом или купить большую квартиру, получают вместо дома суррогат. Дома-коробки небезобидны. Они трансформируют человека под себя, формируя поколения, в которых будет доминировать «человек-ящик».

Ключевые слова: архитектура; понятие «Дом»; утрата дома; «человек-ящик».

Throughout the 20th century, citizens have been losing the idea of Home as a constant in life. Depersonalized “housing estates” with a standard set of things are a common lot. But even rich citizens, who have an opportunity to build a house outside the city or to buy a big apartment, get a surrogate instead of a home. Boxlike houses are not harmless. They transform a human to fit themselves, while forming the generations where the “box man” will dominate.

Keywords: architecture; the idea of Home; losing home; “box man”.

Путь от Дома, или «человек-ящик» /

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

Русское наречие направления, «обстоятельное, неизменяемое» – домой и существительное «дом» легко переводятся на другие языки. Английское home, house; немецкое zuhause, das Haus, французское la maison, maison и прочие близки по смыслу, но в русских словах «домой» и «дом» слышится еще и тоска по утратам, которые пережил в XX столетии русский мир. Слово «домой» уникально в любом языке: нет ни одного другого направления в пространстве, кроме пути к дому, которое обозначалось бы особым словом. Когда произносится слово «дом», возникает теплый образ, где есть место огню, воде и зелени, вещи наполнены смыслом, стоят на своих местах и человек защищен от холода и невзгод. Сентиментальными образами дома наполнены романы, повести, эссе, мемуары...

Дом – константа, без которой человек бесприютен, лишен корней. Это место, куда можно вернуться, и из окна будут видны все те же соседние строения и старые деревья. Дом – спокойствие и стабильность – то, чего так не хватает жителям мегаполисов, которых архитекторы наперебой стремятся поразить экстравагантностью форм небоскребов, торговых центров, гигантскими стадионами и прочими чудесами строительного дизайна. Горожанам предлагаются квартиры в новостройках с асимметричными комнатами, острыми углами, панорамным остеклением, где квадратных метров, казалось бы, достаточно, а жить негде и нечем. Может быть, такая архитектура – попытка привлечь внимание пресыщенных и утомленных обилием информации людей, дать новый импульс для эмоционального всплеска? (Недаром слово «эмоция» ныне так популярно. Вызвать эмоции, зачастую запрещенными, противоречащими и эстетике, и этике приемами – цель современных зрелищ).

«Иногда меня удивляет, почему людям так нравится, когда современные здания изображают вихрь, взрыв, взлетающую спираль и массу иных динамических и оглушительных сюжетов – никак не соответствующих ни процессам в этих зданиях, ни процессам в душах авторов и их зрителей. Приходит на ум нечто, вроде «мечты импотента». Люди, томящиеся внутренней тоской и скукой, на время приобщаются к этим драматическим архитектурным символам, как к речам трибуна», – пишет

Александр Раппапорт в статье «Архитектурная вирага» [1].

Горожане, испытывающие непрерывный стресс в транспорте, на работе, не имеющие возможности уединиться, нуждаются в допинге, в том числе и визуальном. Преодоление эмоциональной усталости с помощью сильно действующих средств приводит к истощению. Здания-аттракционы, в том числе и жилые, зрелища со световыми эффектами, громкий звук, медиаэкраны – это и есть стимулирующие средства. Исчерпав возможности такого допинга, люди меняют сексуальных партнеров, профессии, города и страны, но и это мало помогает избавиться от напряжения и внутренней пустоты.

Нужен спокойный дом с достойной архитектурой. Такие есть в исторических центрах. Но пристанища большинства – комнаты и квартирки в многоэтажных «жилых комплексах» спальных районов – обезличенные коробки со стандартным набором предметов, не согретых теплом рук многих поколений и памятью. Такие вместительные лица жизненных функций (пусть даже «умные» «машины для жилья») покидают без сожаления и возвращаются по необходимости. Отсутствие настоящего дома – норма для огромного количества людей. Поэтому так много времени они проводят в путешествиях, просиживают в барах и кафе, где относительно чисто, тепло, и есть иллюзия общения. «Его жилище стало омерзительным. А для бедняка, которому не в радость собственный угол, всегда готов другой дом – доступный, богатый, ярко освещенный, приветливый: это кафе. На окраине эти заведения выглядят особенно оживленными. В них царит та стадная теплота, которая кажется последним спасением от ужасов одиночества, от его темных порывов» [2].

Редкие городские семьи живут в домах, пусть даже многоквартирных, но обладающих индивидуальностью, в местах, ради которых туристы едут за тысячи километров. Но вот уже венецианские власти вынуждены ограничивать потоки туристов. Жители центра Барселоны тоже не особенно рады пришельцам, совершающим своеобразный «хадж» к творениям Гауди и в Средневековой квартал.

Немногие жители городов во всем мире живут в домах, обладающих яркой индивидуальностью. А ведь типового

Проект особняка С.-Петербургского общества страждолюбив на Тверском бульваре. Фасад. 1839

Проект доходного дома А.Ф. и Н.Ф. Бочаровых на Гоголевском бульваре. Фасад. 1902. ЦАНТДМ

The Way from Home, or the “Box Man”

строительства не так уж много. Большинство «жилых комплексов» строятся по индивидуальным проектам, но они похожи один на другой, как братья. Планировки квартир даже в дорогих домах оставляют желать лучшего. Впрочем, дорогими они являются, в основном, для покупателей квадратных метров. На самом деле, кроме большей площади квартир и подсобных помещений, почти никаких отличий от жилья эконом-класса нет: ни хорошей шумоизоляции, ни дорогих материалов.... Важно, конечно, местоположение. Хорошо, если такой дом находится в тихом историческом центре, рядом старинные особняки и доходные дома. Они-то и восполняют архитектурные недостатки новостройки. Лучше для тех, кто понимает ценность архитектуры, жить в квартире отреставрированного доходного дома XIX века или в «сталинке» – с лепными украшениями на фасаде, толстыми кирпичными стенами, высокими потолками... Увы, такая роскошь доступна немногим. И дело даже не в наличии миллионов. Большинство состоятельных людей не отличают настоящее от суррогатов: советских людей долго учили понимать нефункциональную ценность вещей и архитектуры. Своих детей они этому тоже не научили.

В свое время родителям Иосифа Бродского повезло. Свои полторы комнаты площадью 40 квадратных метров они имели в самом центре Петербурга, в доме, похожем на сказочный восточный дворец. Он был построен в 1874–1877 годах по проекту архитектора А. К. Серебрякова для князя Александра Дмитриевича Мурузи и до сих пор известен под именем «дом Мурузи». Он был для жителей Петербурга рубежа XIX – XX веков сенсацией, чудом. Во что превратилось через сорок – пятьдесят лет это здание, рассказал Иосиф Бродский в эссе «Полторы комнаты»: «После революции, в соответствии с политикой «уплотнения» буржуазии, анфиладу поделили на кусочки, по комнате на семью. Между комнатами были воздвигнуты стены – сначала из фанеры. Впоследствии, с годами, доски, кирпичи и штукатурка возвели эти перегородки в ранг архитектурной нормы. Если в пространстве заложено ощущение бесконечности, то не в его протяженности, а в сжатости. Хотя бы потому, что сжатие пространства, как ни странно, всегда понятнее. Оно лучше организовано, для него больше названий: камера,

чулан, могила» [3]. Радовали ли обитателей коммунальных квартир в «доме Мурузи» лепные потоки, изразцовые каминные, «мавританский стиль» фасада? Нет, конечно. Волнуют ли рака-отшельника, который забрался в раковину мертвого моллюска, переливы перламутра и изысканные формы его нового жилища? Раку важно, чтобы спираль ракушки была закручена вправо и внутреннее пространство было достаточным, иначе он не сможет в ней жить. Остальное не существенно.

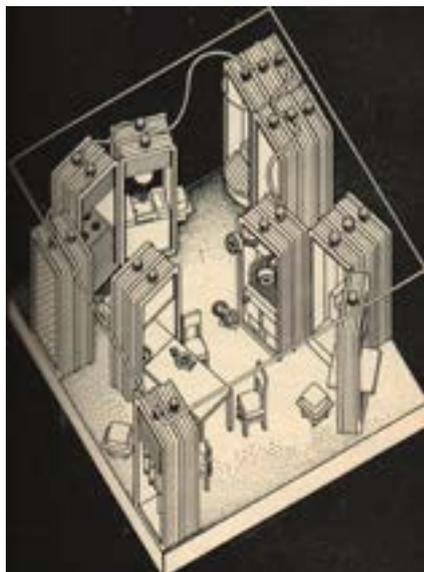
Мечта о том, что можно построить собственный дом на лоне природы, не оставляет горожан. Состоятельные люди стремительно покидают мегаполисы, вокруг которых растут элитные поселки. Загородные коттеджи и виллы в таких поселках не претендуют на звание «домов с историей и привидениями». Для привидений они еще слишком юны. На самом деле эти, казалось бы, уникальные строения так же бессмысленны, как и городские квартиры в новостройках. Нет, квадратных метров и дорогих материалов в них хватает. Образцом для большинства до сих пор служат особняки позапрошлого

v Большая Морская

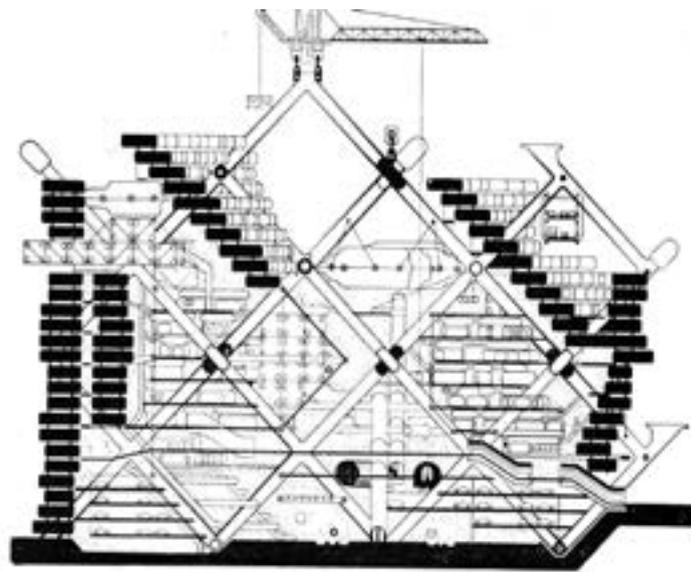

^ Жилой кокон.
Д. Грин 1970-е гг.

^ Система контейнеров Э.Соттсасс 1970-е гг.

^ Фрагмент система Плаг ин Сити. Группа Аркигрэм

века. Беда состоит в том, что архитекторы уже давно разучились строить дома так, как строили Лев Кекушев и Франц Шехтель. «Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века» Гавриила Васильевича Барановского не помогает, а в архитектурных ВУЗах учить этому искусству некому. Вдобавок у каждого проектировщика «собственная гордость». И получается нечто, отдаленно похожее на эклектику или модерн рубежа XIX – XX веков, но грубее и вульгарнее. Есть люди, предпочитающие «современный стиль»; есть те, которые заказывают и строят настолько необычные сооружения, что назвать их жилым домом сложно.

В песне «Достань гранату» группы «Сплин» есть слова: «...я нарисую портрет из прошлогодных газет, построю дом под углом с авиационным винтом...» [4]. Как жить «под углом», никто не знает, но такие сооружения плодятся, как грибы. Рядом с ними и «пожилые пятиэтажки» покажутся милыми. Скоро будем с грустью смотреть, как их сносят и строят на их месте тридцатиэтажные «человейники».

Жители микрорайонов 60-х годов постройки отказываются переезжать в новые дома, подобно толстовскому Чурису из «Утра помещика», который уговаривал барина не переселять его из разваливающегося дома: «Какая же там жизнь? Ты посуды: место нежилое, вода неизвестная, выгона нетути. Конопляники у нас здесь искони навозные, а там что? Да и что там? голь! Ни плетней, ни овинов, ни сараев, ничего нетути. Разоримся мы, ваше сиятельство, коли нас туда погонишь, вконец разоримся! Место новое, неизвестное...» [5]. Помещик Неклюдов оставил своего крепостного жить в привычной обстановке, а современные «сиятельства» слушать «нищобродов» из хрущовок не желают. Архитекторы, которые говорят, что большинство этих домов можно реконструировать и не переселять жителей, им не указ. Реконструкция – это расходы; заработать на реконструкции гораздо сложнее, чем на новом строительстве.

Плакат об идилии прошлых веков, о просторных квартирах с анфиладами комнат и особняках, где кресла из карельской березы и резные буфеты помнят прадедушек, бессмысленно. Их уже давно оплакали те, кто уезжал из Советской России на «философском пароходе»,

кто потерял надежду на возвращение на Галлиполийском полуострове, кто остался в СССР, не в силах покинуть родину, и был лишен права жить в своем доме.

Правнуки Набокова знают о Выре, Рождествено, доме на Большой Морской под номером 47, который писатель называл «единственным домом в мире». (Набоков и его семья никогда не имели никакого собственного жилья после отъезда из Петербурга 15 ноября 1917 года). Мир дореволюционной элиты рухнул, и те, кто жил в роскошных квартирах, в лучшем случае передали память о дорогих им домах своим потомкам в воспоминаниях, романах, эссе. Те же, кто остался, пережили трагедию национализации, уплотнения, коммунального быта. Их потомки живут в панельных домах, и некоторые из них постепенно превращаются в тех, кого описывал Кобо Абэ в провидческом романе «Человек-ящик» (1973 г.): «Сделать ящик несложно. На это не потребуется и часа. А вот чтобы надеть его и стать человеком-ящиком – для этого нужно немалое мужество. В тот миг, как человек влезает в ничем не примечательный, обычный картонный ящик и выходит на улицу, исчезают и ящик, и человек и появляется совершенно новое существо» [6].

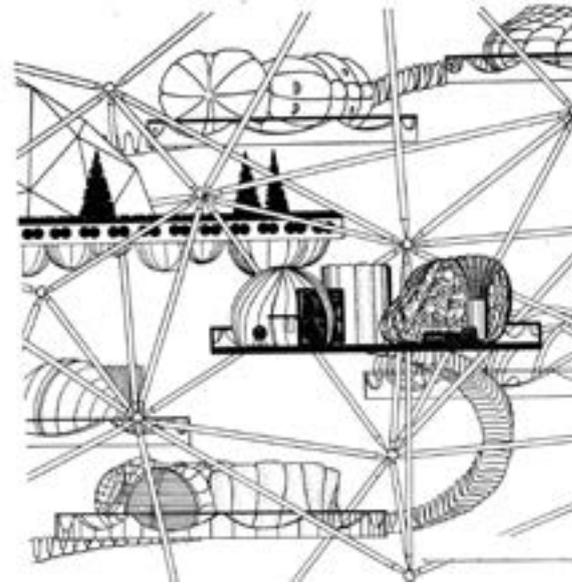
Яд, которым отравлен «человек-ящик», настаивался долго. Его начали готовить еще футуристы начала XX века. Рисунки Антонио Сент-Элиа, созданные до Первой мировой войны, вызывали восторг и недоумение современников. Они были фантазией, никак не связанной с реальной жизнью итальянских городов и бытом людей. Впрочем, в футуристических проектах о сомасштабности человеку и соответствии реалиям жизни никто и не думал. Увлекали гигантские масштабы и невиданные формы стеклянно-бетонных громад.

«Бумажная архитектура» 80-х годов XX века была, в отличие от того, что проповедовали футуристы начала XX века, ностальгией по человечности. «Молодые архитекторы-бумажники демонстрировали своего рода «пир» – теперь уже не только «пир во время чумы», но и пир после долгого поста» [1]. Многие из тех, кто рисовал «бумажные» проекты, не случайно стали приверженцами классики.

Английская архитектурная группа, оформившаяся в 1960-х годах вокруг журнала «Аркигрэм» (Питер Кук,

^ Группа Хаус Руккер. Маски и шлемы собственной среды

^ А.Сикачёв И Лучкова Жилище 2070 А

Уорен Чок, Рон Херрон, Дэнис Кромптон, Майкл Уэбб и Дэвид Грин), утверждала, что главными свойствами современной архитектуры должна быть текучесть, динамизм, ничем не сдерживаемая изменчивость... Их проекты не были похожи на статичный «Лучезарный город» Корбюзье, который так или иначе был связан с ландшафтом. «Аркигрэм» рисовали «шагающие города», «компьютер-сити», «плаг-ин-сити». Ни природный ландшафт, ни ландшафт исторических городов был для них не важен. Их проекты предполагали, что жилище людей будет состоять из контейнеров для сна, кабин с повышенной звукоизоляцией для музицирования и работы; жилые ячейки с гибкой геометрией должны были удовлетворять изменяющимся потребностям и т. п. Бесконечно растущая жилая структура, по мысли «Аркигрэм», должна была занимать огромные пространства и быть универсальной для любого климата. Особое значение придавалось тому, что ячейки можно легко заменить. Следствием реализации такого концепта могла стать амнезия. Психика и культура людей, живущих в контейнерах, придуманных группой «Аркигрэм», претерпела бы фатальные изменения. Но об этом авторы футуристических проектов 60-х годов XX века мало задумывались, рисуя контейнеры, начиненные гаджетами.

Прошло полвека, и японцы реализовали фантазии «Аркигрэм», Химмельблау, стала явью «жилая ячейка» А. Росселли... Вопрос: насколько изменились сами люди? Дома-коробки и «жилые ячейки» небезобидны. Они трансформируют человека под себя. Известный факт: музыканты, выросшие в маленьких квартирах с низкими потолками, с трудом адаптируются к большому залу, им приходится преодолевать приступы агорафобии. Не думаю, что страдает только психика музыкантов. Архитектура влияет на всех. «Люди-ящики» – уже реальность. Нет, они, конечно, не будут носить на себе картонные коробки, как «человек-ящик» Кобо Абэ. Они будут мыслить ящиками. Эта тенденция хорошо просматривается в проектах студентов-архитекторов и дизайнеров. Поддерживается она тем, что на компьютере проще всего нарисовать ящик.

«Человек-ящик» не будет даже мечтать о Доме, поскольку не будет знать, что это такое. Возможно, в бу-

дущем найдется группа архитекторов, которая вспомнит забытые декларации Леона Крие и попытается объяснить, что утрачено блистательное разнообразие и магия мира Архитектуры. Наверное, их будут называть «бумажники», поскольку рисовать Дома они будут на ватмане карандашами, акварелью, тушью.

Литература

1. Рappaport А. Г. Бумажная архитектура, постскрипtum. [Электронный ресурс] // Блог «Башня и лабиринт». <http://papardes.blogspot.com>
2. Камю Альбер. Счастливая смерть. [Электронный ресурс] <https://unotices.com/book.php?id=152260&page=9>
3. Бродский И. А. Полторы комнаты [Электронный ресурс] <http://www.lib.ru/BRODSKIJ/rooms.txt>
4. Сплин. Слова песни «Достань гранату» [Электронный ресурс] <http://www.megalyrics.ru/lyric/splin/dostan-ghranatu.htm>
5. Толстой Л. Н. Утро помещика. [Электронный ресурс] http://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_2/01text/0016.htm
6. Абэ Кобо. Человек-ящик. [Электронный ресурс] <http://lib.ru/INPROZ/KOBO/yaschik.txt>

References

- Abe, K. (n.d.). The Box Man. Retrieved from <http://lib.ru / INPROZ / KOBO / yaschik.txt>
- Brodsky, I. A. (n.d.). Poltory komnaty [A Room and a half]. Retrieved from <http://www.lib.ru / BRODSKIJ / rooms.txt>
- Camus, A. (n.d.). Schastlivaya smert' [A Happy Death]. Retrieved from <https://unotices.com / book.php?id=152260&page=9>
- Rappaport, A. G. (n.d.). Bumazhnaya arkhitektura, postscriptum [Paper architecture, postscriptum]. Bashnya i labirint. Retrieved from <http://papardes.blogspot.com>
- Splin (n.d.). Dostan' granatu [Take a Grenade]. Retrieved from <http://www.megalyrics.ru / lyric / splin / dostan-ghranatu.htm>
- Tolstoy, L. (n.d.). Utro pomeschika [The Landlord's Morning]. Retrieved from http://rvb.ru / tolstoy / 01text / vol_2 / 01text / 0016.htm

Автор дает интерпретацию садовой инсталляции в одном из парков США, посвященной мигрантам из Мексики. Дается характеристика их образу жизни и места в социальной структуре.
Ключевые слова: мигранты; мексиканцы; инсталляция; парк; сад; США; Мексика; дизайн. /

The author provides an interpretation of the garden installation in one of the parks in the USA devoted to migrants from Mexico. She characterizes their style of life and their place in the social structure.

Keywords: migrants; Mexicans; installation; park; garden; the USA; Mexico; design.

< Эти грядки – символ огородов мигрантов из Мексики

О приключениях мексиканцев в Америке /

текст
Ольга Смирнова /
 text
Olga Smirnova

В Калифорнии есть винодельня в местечке Айсбери Крик, хозяева которой устроили на своем участке парк инсталляций. Они пригласили дизайнеров, чтобы те сделали мини-садики или инсталляции – на свое усмотрение. Мне довелось побывать в этом парке. Одна из таких ландшафтных инсталляций посвящена мексиканцам, нелегально мигрирующим в США в поисках работы. Творцы садика хотели выразить свое сострадание к судьбе этих людей, их неустроенности, бесприютности, бедности и их надеждам на лучшую жизнь в соседней богатой стране.

Я видела в США мексиканцев. Они – коренные индейцы, которых завоевали испанцы. Я видела их в качестве дорожных рабочих и садовников в комьюнити (коттеджных поселках, по-нашему). Говорят, что они работают и

в сельском хозяйстве, но мне вообще не довелось видеть такого рода рабочих в Штатах.

У мексиканцев в большинстве приземистые, какие-то прямоугольные фигуры, темная поношенная одежда. Хмурые, озабоченные выражения лиц – точь-в-точь как у наших мигрантов из южных республик. Всем этим они сразу выделяются среди других жителей улыбчивой страны.

От них прямо-таки веет бесприютностью.

Может быть, поэтому посвященная им инсталляция имеет несколько прямоугольных стен. Красную (намек на то, что они краснокожие?), габионную и из металлических профилей (намек на их основное трудоустройство в США?). На стенах скомпонованы фотопортреты этих людей, где они все, как и положено, улыбаются, и множественная фотоинформация об их жизни, которую отобилия всяких других инсталляций в парке, естественно, никто не рассматривает.

Крохотный водоем у подножия стен, как мне показалось, призван отражать надежду мексиканцев на более благополучную жизнь в чужой стране, чем была на их родине. Для этого, наверное, вода в нем и подкрашена в зеленый, цвет надежды. Но судя по тому, что очертания его такие же угловатые, как и все остальное, надежды эти не очень-то лучезарные.

Отчаянно изломанные очертания дощатых форм с насыпанным растительным грунтом, согласно путеводителю, символизируют огородные грядки, которые мигранты устраивают на новом месте для пропитания. Редкие растения на них, видимо, призваны показать, что пища растет на этих огородах, прямо скажем, не пышно (воды не хватает?). Впрочем, возможно, это не замысел, а просто следствие плохого ухода за инсталляцией.

В целом же, дизайнеры, как мне показалось, добились своей цели: после знакомства с кратким текстом в путеводителе прочитывать символику сооружения интересно. А через такой своеобразный акт искусства авторы ненавязчиво привлекли не просто внимание, но и реальное сочувствие к одной из самых многочисленных национальностей огромного континента.

Мысли глобально, действуя локально, – видимо, так?

в Зеленой воде в крохотном водоеме инсталляции служит, видимо, символом надежд, а вмонтированная в стену скамеечка предлагает неспешно подумать об этих надеждах

< Инсталляция вписана в общую парковую композицию

Adventures of Mexicans in America

v Одна из стен инсталляции с картинками жизни мексиканцев в США

v Минисадик, посвященный трудной судьбе мексиканцев, приезжающих работать в США

В 1920-х годах правительство Нидерландов было увлечено идеей улучшения общества путем переселения антисоциальных семей в так называемые «школы-дома». Под предлогом городского обновления проводилась расчистка трущоб, а незащищенные семьи помещались под наблюдение в специальные поселения, которые назывались Woonschool. После Второй мировой войны вмешательство правительства в частную жизнь горожан привело к депортации двух тысяч жителей из больших городов в отдаленные провинции с целью превращения их в честных граждан. Началом послужило насильственное выселение из Роттердама жертв немецкой бомбардировки. В конце 1950-х – начале 1960-х изменения в точках зрения по поводу девиантного поведения и роли правительства в жизни общества постепенно привели к снижению интереса к концепции «школ-домов». Этому способствовал и неудачный опыт подобных школ. Однако новое поколение политиков-популистов смогло вдохнуть новую жизнь в эту старую концепцию, уменьшив ее масштаб и дав ей новое имя, заимствованное из датского: Skaeve Huse. И снова городам остается наблюдать, как далеко сможет зайти правительство, вмешиваясь в частную жизнь людей, действуя «во благо обществу». Ключевые слова: Woonschool; Skaeve Huse; Нидерланды; антисоциалы; вмешательство правительства в частную жизнь горожан.

The Dutch embraced in the 1920s the idea that they could improve society by forcing antisocial families in so-called housing schools. Slums were cleared under the pre-text of urban renewal, and vulnerable families were put under supervision in special projects that became known as “Woonschool”. This government interference into the lives of citizens resulted after WWII into the deportation of two thousand people from the larger Dutch cities to remote provinces to be trained in becoming decent citizens, starting with the forced removal of victims of the German bombardment of Rotterdam. Shifting opinions on what deviant social behaviour is and what the role of the government should be in society gradually eroded the support for housing school practices in the late 1950s, early 1960s. The fact that the approach hasn't been successful did help. However, a new generation of populist politicians was able to breathe new life into this old concept: smaller in scale than previously and now marketed under the Danish name “Skaeve Huse”. Once more, cities test the boundaries how far the government can go with intervening in the lives of individuals for the benefit for society. Keywords: Woonschool; Skaeve Huse; Netherlands; antisocials; the government interference into the lives of citizens.

Woonschool

Еще одна попытка голландских муниципалитетов привить достойный образ жизни антисоциальным и нестабильным семьям

текст
Франк ван дер Хувен /
 text
Frank van der Hoeven

Гейс, государственный служащий из Роттердама, не пытался соблюдать политкорректность в своем отчете: «Антисоциалы (нид. onmaatschappelijkken) – раковая опухоль нашего общества» (Andere tijden, 2013). Его призыв был сформулирован прямолинейно: отделить их от законопослушных граждан и переселить в отдельные районы. «Там антисоциалы должны под контролем учиться правильному ведению хозяйства».

Именно это произошло с 500 жителями нидерландского города Роттердам летом 1945 года: с клеймом «отбросы общества» они были насильно депортированы из города.

Западная часть Нидерландов – одна из последних территорий Европы, освобожденных от немецких захват-

чиков. Региону пришлось испытать необычайно суровую зиму, во время которой нехватка продовольствия и топлива унесла жизни 20000 человек. Этот период известен как голландская «Голодная зима». Роттердам тогда еще продолжал борьбу с нехваткой жилья: 80000 человек стали бездомными, когда в самом начале войны немецкая Люфтваффе разбомбила центр города. В центре проживало в основном бедное население, не имеющее постоянной работы: портовые рабочие, поденщики, уличные музыканты, продажные женщины. И пока многие жертвы находили приют у друзей, родственников или коллег, основная группа социально незащищенных семей пребывала в бездействии до тех пор, пока для них в срочном порядке не было построено низкокачественное жилье на границе города и в соседних муниципалитетах.

Канадские войска, освободившие Голландию, были шокированы тем, что они увидели в этих кварталах: истощенные люди, одетые в тряпье и страдающие от вшей и блох, больные туберкулезом и тифом (Andere tijden, 2013). Канадцы проявили заботу о них, обеспечив их лечением и жильем. Тем не менее, голландские чиновники все равно захотели от них избавиться. Они обвинили людей в их собственной нищете, в использовании деревянных дверей и полов для обогрева в холодную зиму 1944/45 гг., в том, что они стали «отбросами». Им пришлось переселиться.

Летом (в июле и сентябре) 1945 года оперативная группа голландских войск (Dutch: Binnenlandse Strijdkrachten) собрала 500 человек и под вооруженным конвоем доставила их в сельские провинции Дренте и Оверэйссел. Там для «перевоспитания» их поселили в лагеря, окруженные колючей проволокой. И только спустя много лет антисоциалам было разрешено вернуться. Другие города последовали примеру Роттердама. В итоге 2000 человек оказались в девяти подобных лагерях, расположенных в деревнях Эхтен, Руинен и Тер Арло. Такая практика просуществовала до 1959 года, пока правительство Нидерландов не закрыло эти лагеря.

Подобного вмешательства в частную жизнь горожан можно было ожидать от тоталитарного общества, но не от западной демократии. Но факт остается фактом.

v Figure 1.
 1941: emergency housing
 Brabants Dorp, Rotterdam /
 Жилье для нуждающихся.
 Брабантс Дорп, Роттердам,
 1941 г.

The Rotterdam civil servant Geijs didn't try to put it in politically correct terms when he wrote his report: "Antisocials (Dutch: onmaatschappelijken) are the cancerous tumour of our society" (Andere tijden, 2013). His plea was straightforward: separate them from decent citizens and force them into separated districts. "There the antisocials should learn under supervision how to run their households".

And this was exactly what happened next to 500 inhabitants of the Dutch city of Rotterdam in the summer of 1945. Labelled as outcasts, they were forcibly deported from the city.

The western part of the Netherlands had been one of the last areas of Europe to be liberated from the Germans. The region had experienced an extremely harsh winter in which food shortages and fuel poverty left 20.000 people dead, the Dutch Hunger Winter. The city of Rotterdam was still struggling with a lack of homes after 80.000 people became homeless when the German Luftwaffe bombed the city cen-

tre right at the start of the war. That centre housed mainly the poor, the people without regular employment: harbour workers, day labourers, street musicians, prostitutes. And while many of the victims found shelter among friends, families or colleagues, a core group of vulnerable families started to drift and ended up in emergency housing of low built quality at the edge of the city or in the neighbouring municipalities.

The Canadian forces that liberated Holland were shocked by what they found in such emergency estates: undernourished people in misery, lacking decent clothing, covered with lice and fleas, suffering from tuberculosis and cold fire (Andere tijden, 2013). The Canadians took them in, treated and rehoused them. However, the Dutch officials wanted to get rid of them. The Dutch officials blamed the inhabitants for their own misery, for using wooden doors and floors as fuel during the winter of 1944/45, for being outcasts. They had to get out.

And so it happened that in the summer of 1945 provi-

Woonschool

Dutch cities try once more to school anti- and weak social families to live like decent citizens

Это не было крайней мерой, причиной которой послужила война: еще в 1920-х и 1930-х годах такие крупные города Нидерландов, как Амстердам, Роттердам, Гаага и Утрехт размещали антисоциальные и нестабильные семьи в специальных районах (Dercksen & Verplanke, 1987). Такая концепция носила название Woonschool, или «школа-дом» – место, где город «учит» людей правильной жизни и правильному ведению домашнего хозяйства (van der Lans, 2009).

Проект Woonschool был странным побочным продуктом прогрессивной политики по улучшению жилищных условий рабочих. В 1901 году правительство Нидерландов приняло жилищный закон (Woningwet). Он давал муниципалитетам право признавать некоторые трущобы непригодными для проживания. После этого городские власти могли выселять местных жителей, а их дома заколачивать досками. Руководствуясь все тем же законом, государство предоставляло жилищно-строительным ассоциациям финансирование для строительства жилья надлежащего качества для рабочих и их семей.

До принятия жилищного закона никому не было дела до жителей трущоб. Они влачили жалкое существование, но, по крайней мере, были свободны. Затем города получили возможность расчищать трущобы. Вследствие этого возник вопрос: что делать с жителями этих трущоб? Жилищно-строительные ассоциации, финансируемые государством, не желали их принять, боясь, что те не смогут платить аренду, будут портить имущество и нарушать спокойствие соседей. Поведение жителей трущоб стало социальной проблемой. Им навесили ярлык «антисоциальных» (anti-maatschappelijken), или «нестабильных» членов общества (zwak-maatschappelijken). В этом контексте правительство и церковь начали проводить исследования. По их результатам было написано немало отчетов и проведено дискуссий. Результатом стала разработка мер, ведущих к прямому вмешательству в жизнь таких семей: их не только переселили в специальные районы, но и установили над ними контроль. Они уже не могли сами распоряжаться своими финансами. Надзирательницы приходили к ним домой и учили женщин вести домашнее хозяйство.

Возьмем, к примеру, город Маастрихт, расположенный в южной (католической) части Нидерландов. После Второй мировой войны на церковные пожертвования проведено изучение проблемы антисоциальных семей. Во-первых, был составлен длинный список семей, которые потенциально могли стать антисоциальными. Во-вторых, исследователи наняли людей, способных профессионально установить контакт с такими семьями: пасторов, школьных учителей, врачей. Не ставя семьи в известность, их оценивали по таким критериям, как трудовой стаж супруга, состояние дома, соблюдение религиозных заповедей и интимная жизнь членов семьи.

v Figure 2.
1950's: Stokstraatkwartier,
Maastricht / Квартал
Стокстраат в г. Маастрихт,
1950-е гг.

sional Dutch armed forces (Dutch: Binnenlandse Strijdkrachten) rounded up 500 people in July and September, forced them into armed convoys, and send them to the rural provinces of Drenthe and Overijssel. Here they were put in barbed wired camps to be re-educated. It took the antisocials years until they were allowed to return. Other cities followed Rotterdam's example. In total 2000 people ended up in nine of such camps in villages like Echten, Ruinen and Ter Arlo. The practice lasted until 1959 until the Dutch government decided to close these camps.

One would expect such interference into the private sphere of citizens perhaps in a totalitarian society, and maybe not in a western democracy. But this was real. It was not just an excess that resulted from the war. Already in the 1920's and 1930's the larger Dutch cities like Amsterdam, Rotterdam, The Hague, and Utrecht appointed specific neighbourhoods to house the anti-social and weak-social families (Dercksen & Verplanke, 1987). This concept was called "Woonschool" or Housing school: a place where the

city would "teach" people how to live in a home (van der Lans, 2009).

The Woonschool was a strange byproduct of progressive policy to improve the housing conditions of workers. The Dutch government had adopted the Housing Law in 1901 (Woningwet). It gave cities the power to declare specific slums as uninhabitable. After declaring a home as uninhabitable, the city could take the inhabitants out and board up the building. Under the same law, the state provided housing associations funding to built adequate housing for workers and their families.

Before the Housing Law, no-one had cared so much for slum dwellers. They were left in their miserable conditions, but at least they were free. Cities could now vacate slums. This raised the question of what to do with their inhabitants. The housing associations that were funded by the government were not willing to take them in, fearful that the slum dwellers would not be able to pay the rent, damage the property and upset neighbours. The behaviour

v Figure 3.
Gentrified Ravelijn,
Maastricht / Обновленная
территория «Равелейн» в
Маастрихте

of the slum dwellers became a societal issue. Slum dwellers branded as anti-socials (anti-maatschappelijken) or weak-social (zwak-maatschappelijken). In this context, the government and church started to conduct investigations. Reports were written and discussions were held on the matter. It cumulated into policies that led to a direct interference into the lives of families. These people were not just outplaced in specific streets or neighbourhoods but also received supervision. They were no longer in control over their finances. Female supervisors came into their homes and tutored housewives how to run a household.

Take the example of the city of Maastricht, located in the southern, read Catholic, part of the Netherlands. Church charities here commissioned after WWII an investigation into the issue of anti-social families. First, a long list of potential antisocial families was drawn up. Next, the investigators contacted people that had professional contact with these families: pastors, school teachers or doctors. Without them knowing, the families were judged based on

criteria such as the working history of the husband, the condition of the home, the fulfilling of the religious duties, and the sexual life of the family members.

Alcoholism and domestic violence were of course criteria that were considered signs of anti-social behaviour, but so were living together while not being married, women that had a job outside the home and being gay or lesbian.

Finally, the report concluded that almost twice as much families in Maastricht were reported to be anti- or weak-social, twice as much as in other Dutch cities of the same size. The city decided to renovate the most significant problem area, the Stokstraatkwartier, evict the inhabitants and house them in a purposely build Woonschool "Ravelijn" (Bal, 2007).

In the end, it didn't work. Families didn't improve. Bringing problem families together reinforced those problems instead of solving them. The people that lived in a living school got stigmatised. They experienced more difficulties to find work. Their home addresses gave away that an

v Figure 4.
Minimalistic version of the Skaeve Huse, Rotterdam /
Минималистическая версия Skaeve Huse, Роттердам

Алкоголизм и бытовое насилие, конечно же, являлись критериями, свидетельствующими об антисоциальном поведении, но к этим же критериям относилось и сожительство без регистрации брака, работа женщины вне дома и принадлежность к сексуальным меньшинствам.

В итоге, согласно отчету, в Маастрихте было выявлено вдвое больше антисоциальных или нестабильных семей, чем в других голландских городах такого же размера. Городские власти решили восстановить самый проблемный район – квартал Стокстраат, выселив его жителей в специально построенную «школу-дом» под названием «Равелейн» (Bal, 2007).

Эксперимент оказался неудачным. Семьи не исправлись. Объединение проблемных семей на одной территории только усугубило существующие проблемы вместо того, чтобы их решить. Люди, жившие в «школе-доме», подверглись стигматизации. Они столкнулись с еще большими трудностями при поиске работы. Их домашний адрес сулил работодателю одни неприятности. А жители, которые прошли достаточный курс обучения для переезда в другое место, с большим трудом пытались найти себе новое жилье из-за нехорошей репутации Woonschool.

Традиционно Woonschool – это малозатяжный поселок; иногда такая «школа-дом» занимает небольшой район, а иногда – всего одну-две улицы. В настоящее время некоторые из этих поселений снесены. Остальные представляют собой зону «белой нищеты». «Школы-дома», качество застройки которых было лучше, прошли процесс обновления и находятся в хорошем состоянии после выселения коренного населения за их пределы, как это произошло с «Равелейн» в Маастрихте.

Ниже приведен список самых известных исторических поселений Woonschool:

- «Цеебургердорп» (1918, 1926) – Амстердам;
- «Де Зомерхоф» (1921) – Гаага;
- «Хоуплейн» (1925) – Утрехт;
- «Астердорп» (1927) – Амстердам;
- «Брабантс дорп» (1941) – Роттердам;
- «Лааг Цестинховен» (1941) – Роттердам;
- «Равелейн» (1953) – Маастрихт.

Несмотря на очевидную неудачу концепции Woonschool и на изменения, произошедшие в обществе, которые привели к принятию многого из ранее считавшегося антисоциальным, эта идея все еще жива. В последнее десятилетие многие политики активно высказывают популистские призывы снова ввести так называемые «антисоциальные деревни» (asodorpen).

Недавно во многих городах Нидерландов, включая Амстердам, Роттердам и Эйндховен, были организованы небольшие поселения. Их уже не называют Woonschool. Теперь они представлены в виде новой концепции, заимствованной у Дании. Не смотря на датское название Skaeve Huse, эти «антисоциальные деревни» весьма напоминают первоначальные поселения Woonschool (Jongstra & B rger, 2015). Как и в случае с их предшественниками, мы уже можем привести примеры пренебрежительного отношения к деталям проектов, которым предстоит пройти испытание временем. Таким является проект поселения Skaeve Huse в Эйндховене, созданный студией Elmo Vermijs (Vermijs, 2017). Масштаб современных Woonschool стал меньше. Обычно они вмещают в себя 8–12 домов, что делает их не такими проблематичными.

employer was in for troubles. When the inhabitants were schooled sufficiently to move on, it was also challenging to find the next house because of the reputation of the Woonschool they were living in.

The Woonschool was typically a low-rise settlement, sometimes a small neighbourhood, sometimes just one or two streets. Now, some of these settlements are demolished. Others are still pockets of white poverty. Those Woonschools that were of better-built quality gentrified and are doing fine after the original inhabitants were forced out like Ravelijn in Maastricht.

Overview of prominent historic Woonschool sites:

Zeeburgerdorp (1918, 1926) - Amsterdam
 De Zomerhof (1921) - Den Haag
 Houtplein (1925) - Utrecht
 Asterdorp (1927) - Amsterdam
 Brabantse dorp (1941) - Rotterdam
 Laag Zestienhoven (1941) - Rotterdam
 De Ravelijn (1953) - Maastricht

Despite the apparent failure of the Woonschool concept and a society that moved on and embraced some of the behaviours that were once considered to be antisocial, the idea is far from dead. Populist politicians called for the reintroduction of so-called 'asodorpen', antisocial villages in the previous decade.

Recently, small settlements were built in multiple Dutch cities including Amsterdam, Rotterdam and Eindhoven. They are no longer branded as Woonschool. They are now being presented as a new concept that was learned from Denmark. Regardless the Danish name of the concept "Skaeve Huse", these 'asodorpen' resemble strongly the original Woonschool (Jongstra & Börger, 2015). Like with their predecessors, we can already spot examples with minimal attention for design and detail and projects that may stand the test of time like the Skaeve Huse project in Eindhoven by Studio Elmo Vermijs (Vermijs, 2017). The scale of the current Woonschool projects is smaller. Typically, they facilitate about 8-12 houses and that may indeed make them less problematic.

v Figure 5.

Skaeve Huse by Studio Elmo Vermijs, Eindhoven / Skaeve Huse по проекту Studio Elmo Vermijs, Эйндховен

Литература/References

Andere tijden. (2013). Toen zij uit Rotterdam vertrokken. Retrieved from <https://anderetijden.nl/aflevering/146/Toen-zij-uit-Rotterdam-vertrokken>

Bal, F. (2007). De mislukte heropvoeding van onmaatschappelijken: Het bij elkaar zetten van probleemgezinnen maakte hun leven juist moeilijker. *Historisch Nieuwsblad* 18 (8). Retrieved from <https://www.historischnieuwsblad.nl/nl/artikel/6974/de-mislukte-heropvoeding-van-onmaatschappelijken.html>

Dercksen, A. & Verplanke, L. (1987). *Geschiedenis van de onmaatschappelijkheidsbestrijding in Nederland, 1914–1970*. Amsterdam, Netherlands: Amsterdam

Jongstra, A. & Börger, J. (2015). Opkomst en ondergang van de Rotterdamse woonschool. Retrieved from <https://versbeton.nl/2015/01/opkomst-en-ongang-van-de-rotterdamse-woonschool/>

van der Lans, J. (2009). 1918 Woonschool Zeeburgerdorp: Van opvang van asociale tot Tokkie-amusement. Retrieved from https://www.canonsociaalwerk.eu/nl/details.php?canon_id=22

Vermijs, E. (2017). studio elmo vermijs designs skaeve huse on the outskirts of eindhoven in the netherlands. Retrieved from <https://www.designboom.com/architecture/studio-elmo-vermijs-skaeve-huse-outskirts-eindhoven-netherlands-07-20-2017/>

Минэкономразвития недавно представило два документа о перспективах страны – Стратегию пространственного развития России и Комплексный план модернизации транспортной инфраструктуры. Основной идеей документов является концентрация населения в немногочисленных агломерациях с населением не менее трех миллионов в каждой.

Документы сразу же вызвали бурную и по большей части негативную реакцию экспертных сообществ. Особенно угрожающими выглядят перспективы для Сибири и Дальнего Востока. Как будет в этом случае выглядеть, например, Иркутская область, население которой в целом составляет 2 404 195 человек (и продолжает убывать)? Что предлагается делать жителям малых городов? Превратит ли предлагаемая стратегия подавляющее большинство россиян в прекариат? Или население нашей страны и так уже составляет сплошной прекариат? Тенденции геополитического развития страны комментируют два ведущих эксперта – Александр Кузьмин и Андрей Бокор.

Елена Григорьева

Стратегии империи / the imperial strategies

The Ministry of Economic Development has recently introduced two documents concerning Russia's prospects – the Strategy of space development of Russia and the Complex plan of modernization of the transport infrastructure. The principal idea of the documents is to concentrate the inhabitants in a small number of agglomerations with the population of each exceeding three million.

The documents immediately evoked a strong and mostly negative response among professional communities. The prospects for Siberia and Far East look especially ominous. In this case, what will the Irkutsk region with the population of 2,404,195 (which is still decreasing) look like? What are the inhabitants of small towns offered to do? Will the proposed strategy turn the majority of Russians into the precariat? Or the whole population of Russia is already the precariat?

The geopolitical trends in the country are commented upon by two leading experts, Alexander Kuzmin and Andrey Bokov.

Elena Grigoryeva

В статье всесторонне рассматриваются три основных проблемы современного градостроительства: формирование каркаса расселения Российской Федерации; связанность всех частей территории нашей страны; организация жилой среды. Проводится аналитика современной ситуации в градостроительстве и планировании. Автор высказывает тревогу сложившейся ситуацией и предлагает обоснованные стратегии для ее решения.

Ключевые слова: градостроительство; архитектура; проектная деятельность; Академия архитектуры и строительных наук РФ; территориальное планирование; генеральные планы; Генеральная схема размещения производительных сил; Генеральная схема расселения РФ; транспортно-логистический каркас; жилая среда. /

Архитектура, градостроительство, строительство – вызовы современности /

текст
Александр Кузьмин /
text
Alexander Kuzmin

Родина есть для нас предмет культурного творчества, это мы сами в наших особенных дарах и талантах

С. Н. Булгаков

Сегодняшнее Послание носит особый, рубежный характер, как и то время, в которое мы живем, когда значимость нашего выбора, значимость каждого шага, поступка исключительно высоки, потому что они определяют судьбу нашей страны на десятилетия вперед

**Послание Президента РФ
Федеральному собранию
от 1 марта 2018 года**

Архитектура, градостроительство, строительство – мощнейшие вызовы современности. Чтобы ответить на них, мы должны четко видеть всю картину существующей действительности, представлять себе весь масштаб и последовательность наших действий. Устойчивость и стабильность жизни наших соотечественников во многом зависят от профессионализма и консолидации нашего сообщества. Но представляется крайне важным реалистично оценить состояние пространственной организации всей нашей страны, ее территориальных единиц верхнего уровня, а также городских и сельских поселений.

Замедлилось формирование опорного каркаса жизнедеятельности, а, возможно, и жизнеустойчивости страны в целом, в том числе развитие региональных систем расселения и размещения производительных сил. Потери по ряду из них составляют более пяти процентов населения – и это не только в районах Сибири и Дальнего Востока, что стало довольно привычным и общеизвестным явлением, но и в большинстве субъектов Федерации, расположенных в европейской части России.

Наметилось отставание в развитии инфраструктуры магистральных дорожных сетей, авиационного, в первую очередь местного, воздушного транспорта, произошла утрата ряда морских и речных портов, затормозилась организация единой сети сквозных железнодорожных транспортных коридоров и развитие скоростного железнодорожного транспорта.

В пространственной организации территорий постоянно нарастают диспропорции между столичным регионом

и большей частью страны, в основном по количественным показателям. Усугубляется ситуация с застройкой территории, ранее отводимой под организацию лесопарковой защитной зоны Москвы и городов первого пояса Московской области.

Заметна утрата финансово-экономической основы у значительной части малых городов, в первую очередь – у монопрофильных поселений.

Нарушается целостность территориальной организации страны. Это связано с «опустыниванием» и «сжатием» исторически заселенных территорий, с деградацией сложившихся территориальных инфраструктур, что неизбежно ведет к риску исчезновения более трети сельских населенных мест, исторических городов и поселков и, как итог – к возникновению на их месте зон экологического дискомфорта либо очагов техногенной опасности.

Происходит упадок отечественного историко-культурного потенциала значительной части городов России, олицетворяющих ее неповторимость, природно-ландшафтное и средовое своеобразие, уникальную архитектурно-планировочную организацию.

Сложилось критическое положение с доступностью жилья, состоянием жилого фонда и жилищно-коммунального хозяйства.

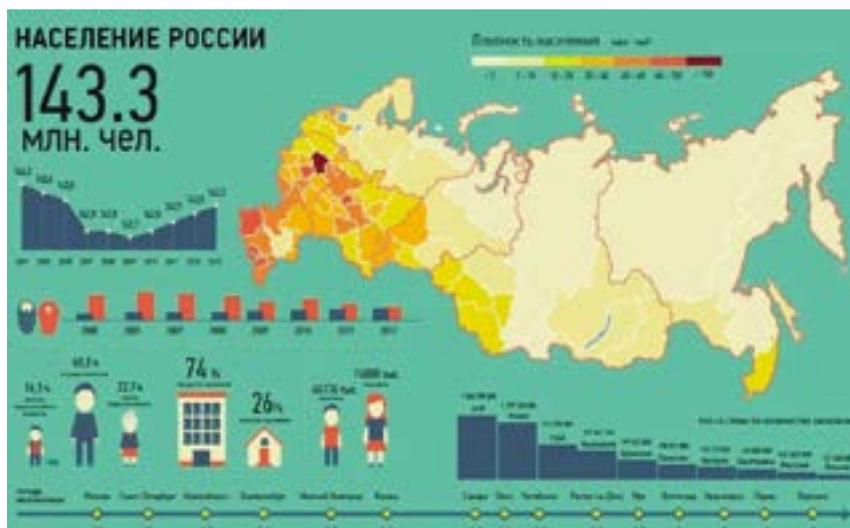
Крайне низок уровень экологической безопасности, в отдельных частях России существует определенная угроза здоровью населения страны.

Имеется отставание в развитии государственной градостроительной политики, не хватает рационального сочетания стратегических и текущих задач, определяемых географическим разнообразием нашей страны, разными климатическими условиями проживания человека. Именно каждого человека, имеющего права и собственные личностные предпочтения, как гласит 7 статья Конституции, подчеркивающая социальную сущность российского государства, направленного на создание условий, достойных жизни и свободного развития человека. Градостроители должны поддерживать эти гарантии.

Наблюдается низкий уровень управления и регулирования в сфере градостроительной деятельности на всех уровнях власти, в том числе, связанный с низкой подготовкой профессиональных кадров, с потерей специа-

The article gives a comprehensive review of the three contemporary town-planning problems: the formation of the settlement framework in the Russian Federation; the cohesion of all parts of the territory of the RF; organization of the living environment. The present-day situation in town planning is analyzed. The author is concerned about this situation and proposes the reasoned strategies for its solution.

Keywords: town planning; architecture; project activities; the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences; territorial planning; master plans; the Master plan for location of production; the Master plan for location of settlements in the RF; transport and logistics framework; living environment.

Architecture, Town Planning, Construction – Contemporary Challenges

литета в наших профессиях, с выпуском магистров-урбанистов, а не специалистов, умеющих строить города, обеспечивая людям достойный образ жизни.

Наша Академия способна комплексно рассмотреть эти задачи и дать конкретные предложения по вопросам территориального планирования, построения и поддержания образа и духа места, сохранения копившейся веками идентичности и самобытности городских и сельских поселений.

Для скрупулезного рассмотрения вопросов построения новых и реорганизации имеющихся городских архитектурных ансамблей, их благоустройства и художественного оформления у нас есть мощная поддержка и ориентир – программа ООН по населенным пунктам (ООН – Хабитат). Новый европейский тренд «жизнеспособность городов» – не что иное, как настоятельная необходимость способствовать их экономической продуктивности, ресурсостойкости и безопасности, формированию инклюзивных, а не эксклюзивных поселений; обеспечивать успешное и эффективное городское управление, к которому на европейском уровне относят и градостроительные проработки, и поддержание исторического и культурного наследия.

Именно эти задачи в настоящий момент являются стратегическими приоритетами Российской Федерации в области территориальной организации страны и ее архитектурно-планировочного осмысления. В связи с такой постановкой задач я хотел бы остановиться на трех из них.

1. Формирование каркаса расселения РФ с учетом максимального сохранения, тщательной реконструкции и точечного, осмысленного дополнения сложившейся системы размещения населенных мест, опорных центров освоения и других населенных пунктов.

Имеется в виду построение единой системы размещения производительных сил и расселения населения Российской Федерации.

Да, могут быть исключения, когда требуются быстрые решения конкретных злободневных социально-экономических или иных задач, в том числе связанных с усилением геополитической безопасности страны. Но это именно

исключения, а не стратегия формирования единого целого из раздробленных частностей.

Вот один пример. В нулевые годы этого века каждый субъект РФ по поручению руководства страны должен был разработать перспективную схему развития своего региона, что и было четко исполнено. После проведения сводного анализа проделанных работ выяснилось, что для успешного достижения поставленных хозяйственных задач стране требуется население в полмиллиарда. А в России менее ста пятидесяти миллионов жителей. Следовательно, сумма региональных, пусть и значимых частностей, не предоставляет реалистичного общегосударственного итога и в сфере территориального, и в области отраслевого развития страны.

Все примеры – крымский мост, космодром «Восточный», обсерватория в Иркутской области, достижение экономической независимости Калининградской области – лишь осмысленные исключения из общего единого правила и обязательная часть будущего технического задания для разработки общероссийской системы размещения производительных сил и расселения населения всей Российской Федерации.

Особая осторожность требуется по так называемому агломерационному развитию наиболее застроенных территорий, а также окружающих их открытых пространств. Надо осуществить поэтапный переход на градостроительную парадигму их взаимно обогащающего развития. Это касается сохранения природных и озелененных пространств, развития рекреационных территорий, содействия успешному функционированию производства сельскохозяйственной продукции, а также территорий, обеспечивающих коммунально-бытовые потребности населения примыкающих друг к другу городских и сельских поселений. При этом требуется постоянное соблюдение нормируемого баланса между застроенными и незастроенными территориями, в том числе за счет создания слабо урбанизированных пригородных зон или лесопарковых защитных поясов для всех городских поселений.

Совершенно неприемлема идея свести все развитие нашей страны к формированию 15–20 агломераций численностью два-три миллиона человек на базе уже существующих городов-миллионников. Страшно пред-

ставить, что за короткое время произойдет «великое переселение» народов, которое затронет 30–35 миллионов россиян всех возрастов. В покинутых городах и селах останется примерно до полумиллиарда брошенных квадратных жилых метров, не говоря уже о местах приложения труда, объектах культурно-социального назначения. Неизбежно возникнет вопрос о местах приложения труда: ведь все средства будут направлены в города-миллионники. А брошенные производственные территории и объекты коммунальной инфраструктуры могут стать новыми очагами практически запланированных экологических техногенных катастроф.

Победителей в этом предполагаемом грандиозном проекте передислокации людей не ожидается. С одной стороны, произойдет запланированное опустошение ранее вполне обжитого и насыщенного жизнью, громадного по размеру национального пространства. С другой стороны, расширятся и так густонаселенные, с запланированными социально-экономическими диспропорциями и транспортными проблемами, агломерации-муравейники, которые в угоду бизнес-интересам, в первую очередь – строительным корпорациям, однозначно потеряют свою историческую идентичность. Печальным примером может служить центральная часть столичного региона: плотно-застраиваемая, расплывающаяся, как чернильное пятно. Благополучные города-миллионники вряд ли выдержат двойное-тройное увеличение численности. А какова судьба национальных республик, краев и областей? В списке предполагаемых к развитию двадцати агломераций есть только два национальных центра – столицы Татарстана и Башкортостана Казань и Уфа. А Мордовия, Удмуртия, Чувашия, Марий Эл, Дагестан, иные исторически сложившиеся национальные пространства?

Сравним Россию и Японию, что нам рекомендуют делать. Территория Российской Федерации – более 17 млн кв. км, Японии – 377 944 кв. км. Население же в этих двух странах почти одинаково: около 146 млн и 126 млн человек. Плотность населения в России – 8,5 человек, в Японии – около 333 человек.

Во всем мире хорошо известны любовь и почтительное отношение японцев ко всему, доставшемуся от предков: природному богатству, историко-культурному наследию, памятным знаковым местам. Так же неизбежно бережное сохранение сельскохозяйственных угодий как одной из составляющих национальной безопасности. Поэтому прямое уподобление стратегий развития Японии и России неприемлемо.

Следует обратить особое внимание и на сбалансированное взаимодействие столичных центров, центров регионального значения, субъектных центров, муниципальных центров, городских и сельских поселений, опорных центров освоения и других населенных мест, а также в целом на решение вопроса о взаимодействии европейской и азиатской частей нашей страны. Наблюдается пагубное с точки зрения градостроителя пагубное переселение с менее освоенных мест на более цивилизные земли. С точностью «до наоборот» это уже было во времена царской России, а затем и в годы существования Советского Союза. Направление движения, размещение мест приложения труда, расселение людей шло с Запада на Восток для полноценного и постоянного освоения и заселения территорий Сибири и Дальнего Востока. Практически весь XX век шло целенаправленное движение на Восток: строительство Великого Сибирского пути (Транссиба) и столыпинские переселенцы, многочисленные ударные комсомольские стройки, сталинские лагеря, вынужденная крупнейшая военная эвакуация целых заводов, целина, Байкало-Амурская магистраль... Сейчас наоборот: за годы недавно начавшегося XXI века более пяти миллионов человек переселились на запад от Уральского хребта. И именно эти цифры дали прирост

населению Москвы и Санкт-Петербурга. Плюс внутренняя европейская миграция из малых городов и сельских мест в столичные регионы. Фактом является опустошение восточных земель. Новое строительство в столичном регионе, а также в Санкт-Петербурге и Ленинградской области не решает проблему обеспечения жильем коренного населения. В большей степени оно нацелено на удовлетворение спроса среди «новых европейцев», жителей восточных российских территорий.

В Москве за шестнадцать лет моей работы на посту главного архитектора было введено в строй около 70 млн кв. м жилой площади. Обеспеченность же рядового москвича повысилась всего на один метр. Это вызывает новые вопросы.

Надо ли равномерно увеличивать объемы жилищного строительства по всей территории России? А может, вместо миграционных потоков справа налево рассмотреть их движение вверх-вниз, в пределах федеральных округов, с развитием основной зоны расселения населения между шестидесятой и сорок второй параллелью северного полушария, с организацией вахтовых мер по использованию территорий мало приспособленных для длительного проживания. При этом главной ценностью во всех планах и проектах является человек, его права, надежды и ожидания. Бои за численность населения между регионами еще впереди. Но для гармоничного развития территории очень важна интеллектуальная планка, ниже которой территориальное развитие обречено на всечелские перекося и сбои. Это значит, что одновременно с жильем должны возводиться все объекты инфраструктуры, характеризующей современный город для людей.

Без потерь, без угасания тех или иных населенных пунктов не обойтись, но это должны быть осмысленные, обдуманые, просчитанные шаги, сделанные профессионалами, несущими ответственность за свои решения. Интересен пример ведущих европейских стран по реорганизации и реновации территорий, потерявших свое первоначальное хозяйственное, часто промышленное назначение.

Особого внимания заслуживает работа немецких коллег по преобразованию всего пространства Рурского бассейна, утратившего угольный ресурс. О реализации проекта очень интересно написал академик Владимир Яковлевич Любовный. Это тридцатилетняя история масштабных преобразований области размером 70 × 100 км, в ходе которых были реорганизованы урбанизированные территории одновременно с развитием и благоустройством природных сельскохозяйственных земель и реконструкцией немалых площадей, ранее использовавшихся для добычи природных ископаемых.

Максимально объективный и ответственный анализ существующего положения требует осмысления, тщательной проработки всех аспектов формирования каркаса расселения Российской Федерации. Это работа для альянса государственных академий: РААСН, Академии образования, Академии художеств – безусловно, под началом Российской академии наук. Например, схема размещения производительных сил выходит за рамки наших профессиональных компетенций, а это важнейший аспект в работе по формированию каркаса расселения РФ.

2. Формирование многоуровневого сетевого, мультимодального транспортно-логистического каркаса системы расселения с учетом развития и создания общероссийских, межрегиональных, региональных и местных современных систем связанности единого национального пространства.

Ссылаясь на зарубежный опыт, мы часто забываем о реальных размерах нашей страны, подчас упуская из виду, что, например, площадь территории и численность населения Московской области и всей Швейцарии

выражаются практически одинаковыми цифрами, что количество жителей в нынешней Москве равно населению Парижа с окрестностями, а территория самого Парижа умещается в пределах Центрального административного округа нашей столицы. Описывая события в городе Братске, говорим, что «это где-то рядом с Иркутском», хотя время в пути между двумя городами, проведенное в поезде дальнего следования, составит более 17 часов (как от Москвы до Варшавы). Совместив карту Иркутской области с картой Западной Европы, увидим, что ее края упрутся внизу в Милан, а вверху в Копенгаген. При этом сеть магистральных дорог на равнозначной европейской территории будет на несколько порядков плотнее, чем на родных иркутских просторах: в Иркутской области – 12,6 тыс. км, в Европе на аналогичной территории – в 100 раз больше. Связанность любой нашей территории с мировым и частями общероссийского пространства, с региональными центрами – это чувство свободы, возможность ощущать себя частичкой глобального мира, право реализовать себя в самых разных местах приложения труда. Но прежде всего – это путь преодоления имеющейся изоляции периферийных территорий и поселений, что тоже есть определенная степень свободы и ее качественный признак.

Надежные воздушные, железнодорожные и автомобильные связи европейской части России с Азиатско-Тихоокеанским регионом – залог стабильной жизнедеятельности всей страны. Плюс реализация геополитических преимуществ положения России за счет формирования того же евразийского транспортно-коммуникационного коридора и восстановления Северного морского пути.

Здесь важны четко выверенные хозяйственные действия и долгосрочные программы. например, что такое новый Великий шелковый путь, о котором так много говорят в последнее время? Ведь трасса существовавшего много веков назад шелкового пути не имеет никакого отношения к территории нашей страны в сегодняшних границах. Вопросы связанности России по горизонтали в нынешних условиях должны решаться несколько севернее, тогда мы можем получить новый коммуникационный коридор между миллиардным и полуторамиллиардным населением Европейского и Азиатского регионов. И это вполне соответствует взаимным интересам многих стран: Китая, Казахстана, России, наконец, Европы. Но тогда получится некая новая магистраль, к сожалению, не затрагивающая наши дальневосточные территории.

Каков должен быть коридор, кого будут перевозить по этому пути: людей или грузы? Если проектируемую высокоскоростную магистраль Москва – Казань рассматривать как часть этого грузового коридора, почему ее пропустили через ряд областных и республиканских центров, создавая внутригородской дисконформит и бездумное рассечение сложившейся городской ткани. Такая трасса не должна проходить через крупные города, осложняя их экологическую и транспортную ситуацию логистическими центрами.

Бессмысленно рассматривать развитие любых транспортных сетевых систем вне градостроительного контекста пересекаемых ими территорий. Даже решая региональные задачи, вопрос связанности мы должны ставить на первый план. К примеру, где ключ к Байкалу? В Иркутске или в Улан-Удэ? Расстояние до озера практически равно, в обоих городах есть речки со своими легендами про «дочек» Байкала: послушную Селенгу и непослушную Ангару. Ответ прост: где будет удобнее разместить реконструируемый или новый аэропорт, где качественнее городская среда, где лучше транспортная связанность с Байкалом и где комфортнее условия для развития прибрежного экологического туризма.

Еще одна проблема – слабое формальное или даже интуитивное обоснование предполагаемых крупномас-

штабных государственных работ, приводящее к неэкономному и логически необъяснимому размещению новых инфраструктурных или гражданских объектов, строящихся только за государственный счет.

Новый Калининградский футбольный стадион размещен в пойме реки Преголи и потребовал грандиозных земляных работ, а также строительства элементарных инженерных коммуникаций на свайном основании. Академия возражала против строительства на данном месте, но не была услышана.

Хочется особо сказать о магистрали Москва-Казань. Время в пути 3 часа 30 минут вместо почти 11 часов сегодня, 15 станций. Но каких и где? Пять в городах-миллионниках: Москва, Нижний Новгород, Казань, причём три из них в Нижнем Новгороде. Станция возле областного центра Владимира, плюс – рядом с республиканским центром Чебоксарами. Следующие – около городов-«стотысячников»: Ногинск, Орехово-Зуево, Ковров. Три – у потенциальных туристических центров с суммарным деревенским населением около двадцати тысяч человек.

Представим себя на месте пассажира. Вышел у поселка Нива, где две тысячи населения; проехал 16 километров до городка Лыскова с 20-тысячным населением. Пересел на паром, проплыл четыре километра поперек Волги – и вот Желтоводский Макарьевский женский монастырь. Красиво, но удобно ли? Выгодно ли? Ответ находится только в анализе туристических потоков.

Две станции – в чистом поле рядом с населенными пунктами; в каждом проживает примерно по 10 тысяч человек. Что лежало в основе такого решения, непонятно. Вряд ли это был просто железнодорожный расчет. Планируя перегоны, железнодорожники стараются соблюдать между ними примерно равные расстояния: удобнее рассчитывать разгон, торможение, точки снижения скорости перед остановкой и прочее. Ясно одно: архитекторы-градостроители в процедуре выбора трассы и размещения станций просто не участвовали, профессиональной градостроительной проработки не было или ее исполнили формально. Этот этап предпроектной деятельности часто игнорируют вовсе или вписывают в перечень работ позже, чтобы было по правилам.

Говоря о региональных системах связанности в России внутри региона, учитывая наши огромные пространства, в первую очередь необходимо развивать местный воздушный транспорт и сеть скоростных железнодорожных и автомобильных сообщений. Внутри агломерационных систем требуется проведение реорганизации структуры внешнего железнодорожного транспорта с дальнейшим переориентированием для внутренних целей. Удачным примером такого видоизменения можно считать преобразование Малого грузового кольца Московской железной дороги в Московское Центральное кольцо, работающее в единой системе с Московским метрополитеном.

В городских поселениях необходимо выводить из центров не свойственные им функции, и это мероприятие приблизит места приложения труда к месту жительства, поможет решению транспортных проблем.

3. Жилая среда, сохранение, воссоздание и приумножение функционального типологического многообразия населенных мест как условие диверсификации экономики, сохранения и развития культурного многообразия народов РФ.

Необходимо укреплять ткани расселения путем создания новых форм организации градостроительных систем. Это возрождение малых городов, моногородов и закрытых административно-территориальных образований, а также сельских поселений на новых принципах социально-экономической, технологической, инфраструктурной и планировочной организации. Эффекта в этой работе можно добиться, бережно сохраняя и воссоздавая историческое

градостроительное наследие, что, в свою очередь, требует четко прописанных общепринятых правил, регламентирующих любые виды деятельности в черте исторических поселений.

Все это – средства обеспечения качества жизни населения, а в рамках градостроительства – качества пространственной среды или качества среды жизнедеятельности населения. Здесь есть два взаимодополняющих аспекта – безопасность и комфорт. Причем градостроительная безопасность должна быть обеспечена абсолютно всем жителям, всему населению без исключения. Пока комфорт обеспечивается выборочно: то, что удобно пешеходам, не всегда нравится автомобилистам; сохранение исторических интерьеров в музейных залах порой не позволяет ходить по антикварным полам на высоких каблуках; соблюдение прав некурящих неизбежно ведет к дискриминации граждан-курильщиков; что радует молодежь, вполне может расстраивать пожилых людей. И главное – публичность принятия пусть даже не самых популярных решений, но без настойчивого желания любой из ветвей власти насильно всех и сразу сделать счастливыми. Поступки же руководителей, чаще региональных, порой поражают уверенностью в том, что они точно знают, как сразу сделать счастливыми всех своих горожан.

Но самым страшным бедствием представляется погоня за достижением количественных показателей в ущерб качеству архитектурно-планировочной организации поселений, прежде всего – жилых территорий. Коллапс – это когда сотни миллионов квадратных метров жилья в год построены не там, где это требуется, и не для тех, кому это действительно необходимо.

Вспомним череду «рубикон», перейдя которые мир принимал новые жизненные приоритеты, а города меняли свой привычный архитектурный облик. Первый из них – грань XIX и XX веков. Резкое увеличение этажности привело к композиционной несурaziце между ранее главенствующими в городском ансамбле общественно-значимыми объектами и массовой жилой застройкой. Впервые жилые дома стали доминировать в городских ансамблях, превышая по вертикали и по горизонтали вчерашние доминанты – общественные здания: соборы, колокольни, ратуши, театры, пожарные каланчи, полицейские участки, здания крупных торговых фирм. Функциональные и смысловые изменения потребовали новых приемов построения городского пространства, формирования первых жилых кварталов, увеличения пространства возле общественных объектов.

В целом жилье взяло верх, и данный процесс стал необратимым. Пройдя пору разномастной эклектики, краткий миг конструктивизма, помпезную эпоху неоклассики, мы вышли на простор нескончаемого этапа массового панельного домостроения.

Еще один «рубикон» – хрущевская оттепель: взрыв социальных программ, глоток свободы, критика культуры личности, шестидесятники, барды и физики-лирики, борьба с излишествами, закрытие Академии архитектуры, панельные пятиэтажки... Как часто случается, и эту идею придумали на западе. Мы же поставили панельное домостроение на постоянный поток на долгие годы. Как расказывали наши учителя, «моспроектвские старейшины», первые серии панельных пятиэтажных жилых домов были скопированы с французских аналогов; но во Франции они просуществовали не более пяти-семи лет, после чего французы ушли с неблагодарного пути «жилищной массовки».

В России панельные пятиэтажки позволили своевременно увеличить объемы жилищного строительства. Строительство было поддержано всенародно; после подвалов, барачков и коммуналок новые квартирки даже считались модными. Архитекторов стали изображать

в романах и фильмах, отводя им роль людей завтрашнего дня, а строителей и вовсе считали бескорыстными героями. Следом пошли 9-этажки. Затем 12-этажки. Потом 16-этажки.

И снова «рубикон». Острая грань XX и XXI веков, когда постиндустриальное развитие городских поселений высвободило значительные территории бывших промышленных зон, поставив вопрос о дальнейшем их функциональном использовании. Под новые жилые районы, увеличивающие численность населения территорий, потерявших места приложения труда? Или под новые общественно-значимые пространства и новые озелененные территории типа многофункционального парка Ла-Виллет, самого большого в Париже, построенного на месте старых скотобоен? Или его парижского собрата – парка имени Андре Ситроена на месте бывшего одноименного автомобильного гиганта?.. И по габаритам, и по объемам жилая функция может «оккупировать» большую часть городских территорий, местами негативно влияя на комплексность застройки и ее качественные характеристики.

При нынешних масштабах и особенностях современной застройки ее плотность резко повышается, цветовая гамма становится более агрессивной, часто опираясь на европейские примеры, но значительно превышая их высотные и плотностные характеристики в два, три, а то и в четыре раза.

Появился новый архитектурный стиль: «отечественный инсоляционизм»: композиции жилых групп формируются просто по инсоляционной линейке. Единственный принцип – освещенность, которая воплощается в дерганную по этажности композицию, состоящую из выбитых углов и скошенных вершков. В итоге получаются жилые гетто с плотностью застройки, доходящей до пятидесяти – пятидесяти пяти тысяч квадратных метров на один гектар, тогда как максимальная плотность застройки в непопулярные советские времена не превышала двадцати тех же единиц на гектар. А вот ныне популярная среди инвесторов застройка – это «окна в окна», с крошечными, хоть и хорошо благоустроенными дворами. К тому же застройщики пытаются узаконить возведение апартментов с разрешением в них регистрации. Это дает возможность уменьшить объем строительства за счет наиболее значимых элементов социальной инфраструктуры: школ, поликлиник, детских садов и сократить зоны вредности от производственных, коммунальных и транспортных объектов. То есть де-факто позволить строительство жилых домов в непосредственной близости от промышленных предприятий, железнодорожных путей, кладбищ, изначально лишив жителей положенной инфраструктуры.

Профессионалы должны всегда придерживаться одного постулата: не бывает плохого образа жизни – бывают негодные управленческие и проектные решения. Идеального для различных градостроительных ситуаций типа жилья не существует, каждый человек имеет собственные жизненные предпочтения. Для кого-то это тихий сельский образ жизни, кому-то нравится жить в шумном городе; привыкшие с рождения ходить по улочкам исторического центра готовы к любым ограничениям, лишь бы избежать участи жителя многоэтажных типовых окраин. У всех свои критерии, обусловленные целым рядом причин: близость к работе, возможность пешком добраться до метро, парковая зона или стадион в шаговой доступности. И все эти пожелания горожан мы просто обязаны обеспечить в силу своих профессиональных обязательств и компетенций, даже если кто-то выбрал для себя жизнь «по вертикали», например, в небоскребах делового центра «Москва-Сити», где жилье, работа и объекты инфраструктуры расположены на разных этажах одного здания.

С возрастом жизненные предпочтения могут и весьма кардинально меняться. То, что казалось благом в молодости

сти, может стать неприемлемым в зрелом возрасте; знаю и по собственному опыту.

В девяностые годы у части населения столичного региона появились деньги, и появились загородные коттеджные поселки для владельцев различного уровня достатка, изменившие, казалось бы, их образ жизни. Но буквально спустя десятилетие впритык с уже спрятавшимися в подросшей зелени частными поселками вырастают целые микрорайоны из многоэтажных панельных корпусов. То есть мы предложили людям и даже выстроили новый образ жизни, но материально и эстетически защитить выбранный и оплаченный образ жизни гораздо сложнее, чем его поддерживать. Решение вопроса лежит в плоскости нашей профессии: это зона ответственности грамотного и долгосрочного территориального планирования, при условии участия в этих решениях представителей законодательной власти.

Необходимы градостроительные режимы по всем территориям, с четким обозначением этажности, плотности и возможным функциональным назначением предполагаемой застройки. Нужно узаконенное градорегулирование, во-первых, оповещающее, что, сколько, где и в какие сроки можешь построить ты, а что – твой сосед, и, во-вторых, защищающее права, в том числе частных лиц.

Повторимся: жилая среда должна быть многообразна, отражать интересы и вкусы различных групп, но – конкретных жителей, быть со-масштабной человеку, вливаться в окружающую ее природную среду, сохранять самобытность и национальные черты. Любая территория имеет право на комплекс всех социальных и культурных услуг, на обеспечение развитой транспортной системой, а главное – она просто обязана обладать возможностью предложить своим жителям места приложения труда.

Не следует опасаться, что современные формы и приемы могут не сочетаться со сложившейся, в том числе исторической, средой. Доказательство – работа академика Юрия Исаевича Земцова: жилой комплекс Смольный Парк, получивший в этом году Золотую медаль нашей академии.

Несколько слов о Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Почему нельзя, собрав команду экспертов по экономике и ценообразованию, заранее определить стоимость строительства будущего объекта, а уже после этого проводить архитектурный конкурс, участники которого обязаны вписаться в определенные сметы. И, как принято за рубежом, по итогам архитектурного конкурса объявить, что проект-победитель будет реализован. Логично и внятно.

Когда стоимость строительства объективна, я знаю только следующие пути экономии средств: привлекать к строительству дешевую, а значит, непрофессиональную рабочую силу, использовать не лучшие строительные материалы или изобрести что-нибудь из разряда скрытых видов работ, что впоследствии однозначно вскроется. Может, даже через десяток лет – нельзя это допускать, потому что такая «экономия» есть прямое нарушение безопасности будущих обитателей построенного кое-как здания. Но пока лозунг «Выигрывает тот, кто назначит наименьшую цену за возведение объекта» все еще в тренде. Этот вопрос необходимо всесторонне обсудить и добиться его решения в пользу качества в рамках корректировки закона «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации». Пока же «у них» – конкурсы и Притцкеровские премии, «у нас» – аттракцион «кто дешевле» и бесперебойная работа счетной палаты.

Архитектурная точность – не только в линиях, но и в понятиях: «реновация», «мастер-план», «природно-исторический план» и т. д. Дело не только в словах, но и в законодательной базе строительства и проектирования, в утверждении документации и планов, в юридической силе принимаемых решений.

Какие же выводы можно сделать из всего сказанного и какие дать рекомендации?

Главными прогнозными документами, определяющими стратегию пространственного развития страны, должна стать Генеральная схема размещения производительных сил, увязанная с Генеральной схемой расселения Российской Федерации. Это – основа последующей разработки схем территориального планирования регионов, а также стратегий их социально-экономического развития. И далее – по ниспадающей – до генерального плана каждого городского и сельского поселения.

Необходимо разработать проект транспортной схемы РФ в едином пакете с Генеральной схемой расселения населения и размещением производительных сил. Совокупность их свести к единой программе цифрового градостроительства, позволяющей просчитывать множество вариантов развития страны и ее частей, сравнивать их между собой по конкретным заложенным показателям, а главное – наметить четкую программу реализации перспективных, рассчитанных на многолетнюю реализацию планов. Наше активное участие в указанных проработках считаю обязательным, несмотря на то, что мы не являемся подведомственной организацией Министерства экономического развития Российской Федерации.

Вопрос реализации градостроительных документов является наиболее злободневным. Подход к нему делался неоднократно, но каждый раз мешали существующие сегодня проблемы и вырванные из контекста комплексного развития территорий социально значимые задачи. Сопровождается это, как правило, лозунгами иждивенческого толка: «Даешь жилье; подключим по временке; инженерия подождет!». Или: «Даешь детские сады и школы! Дети – наше все!» Непонятно, где будут работать их родители, как добираться по бездорожью к далеким местам труда? Таким образом и превращаются целые сложившиеся заселенные городские территории в зоны запланированных диспропорций по местам приложения труда, по транспорту, инженерии и строительству социальных объектов. Как вариант, можно попробовать провести глобальную застройку первого пояса (по отношению к столице) районов Московской области, откуда большая часть населения едет работать в Москву. Пока же генеральные планы городов – это что-то прекрасное и недостижимое, как линия горизонта.

Главным принципом современного градостроения должно стать обеспечение безопасности среды жизнедеятельности населения в каждой точке нашей страны. Поэтому требуется сводный документ федерального уровня – «Технический регламент обеспечения безопасности в градостроительном проектировании», который объединит в себе разрозненные на сегодня отраслевые нормы по безопасности в области МЧС, охраны окружающей среды, санитарно-эпидемиологической защиты, гражданской обороны, инфраструктуры и инфраструктурных объектов и т. д.

Завершить работу по обновлению и совершенствованию с последующим утверждением Федерального закона «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации», предусмотрев, в том числе, внесение изменений в части проектной деятельности об обязательности именно архитектурных конкурсов, а не конкурсов инвесторов. Возможно, это же следует сделать и в 44-м Федеральном Законе.

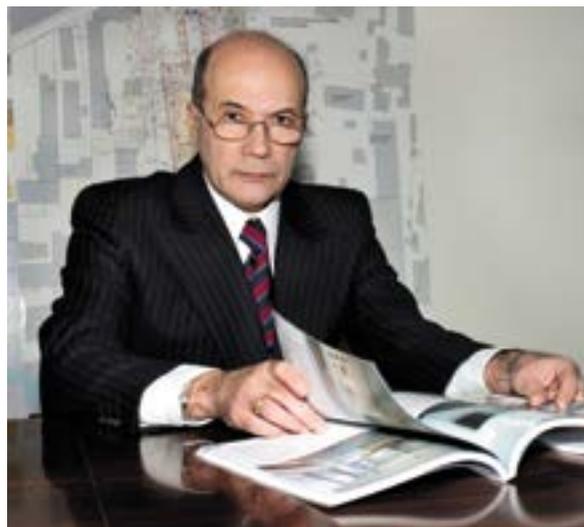
С целью повышения качества жилой среды как в утилитарно-функциональном, так и в архитектурном отношении обозначить данное направление городского и сельского развития в качестве приоритетного для работы всех отделений Российской академии архитектуры и строительных наук.

Рассматриваются теоретические принципы исследования стратегии развития России, утверждается значение системного подхода в теоретическом анализе, подчеркивается уникальность российского пространства. Сравнивается формирование российского социального пространства, его констант и переменных с аналогичными процессами в европейских и неевропейских странах. Анализируется понятие стратегии, ее характеристики и отличие от политики. Проводится последовательное описание российского социального пространства – пространства страны, пространства регионов, пространства жизни как уровней социальной организации страны, делается акцент на значении коммуникационного каркаса.

Ключевые слова: стратегии; пространственное развитие; российское пространство; человеческий капитал; политика; идеология; культурные ценности; агломерации, системный подход; уровни социального пространства; мегапроекты; альтернативная экономика; социальная инфраструктура; коммуникации; мегазоны; моноцентрическая и полицентрическая организация пространства; город; урбанизм. /

The article reviews theoretical principles of researching the development strategy for Russia, underlines the significance of the system approach in the theoretical analysis and features the uniqueness of the Russian space. It compares the formation of the Russian social space, its constants and variables with similar processes in European and Non-European countries. The article analyzes the notion of strategy, its characteristics and how it differs from policy. It consistently describes the Russian social space – the space of the country, the space of the regions, the space of life as the levels of social organization of the country. It underlines the importance of the communication framework.

Keywords: strategies; spatial development; Russian space; human capital assets; policy; ideology; cultural values; agglomerations; system approach; levels of social space; megaprojects; alternative economics; social infrastructure; communications; megalzones; monocentric and polycentric organization of the space; city; urbanism.

О стратегии пространственного развития / On the Spatial Development Strategy

ТЕКСТ

Андрей Бокон /
text
Andrey Bokov

1. Пространство как система

На каждого гражданина РФ приходится около 12 га земли, т. е. приблизительно 40 га на семью. И это огромное, феноменальное богатство, полученное в наследство от предков, используется не самым разумным образом. Более того, нередко оно ощущается как обременение, поскольку природно-климатические особенности и гигантские расстояния исключают возможность следования успешным европейским практикам, за которыми мы многие годы ревниво наблюдаем. Между тем упорными, непрерывающимися усилиями сменяющихся поколений Россия сформировала собственное уникальное пространство, не уступающее ни в качестве, ни в темпах его создания «новым» неевропейским странам с обширными территориями вроде США, Канады, Бразилии, Аргентины и Австралии. Особенностью российского пути на всех его этапах, включая и имперский, и советский, было доминирующее участие государства, опиравшегося на представления выдающихся деятелей и мыслителей, политиков и ученых вроде С. Витте, П. Столыпина. В. Вернадского, Н. Кондратьева, А. Чаянова и им подобных.

25 лет назад, впервые за ряд столетий, российское государство отказалось от прямого участия в пространственном развитии страны, причем сделало это в период радикальных изменений, когда делать подобное явно не следовало. За немногим более четверти века Екатерина II перепланировала почти все города империи; 25 лет потребовалось на строительство Транссиба и КВЖД со всей сложнейшей инфраструктурой; менее 25 лет ушло на социалистическую предвоенную индустриализацию. 25 лет назад государство передоверило свои полномочия рынку.

Шок от распада империи, разочарование в советских методах управления, недооценка пространственного развития и непонимание самой природы российского пространства привели к тому, что многие заботы с федерального уровня были переданы на региональный и муниципальный. А отсутствие на местах реальных средств развития, реальных полномочий, ограниченных впоследствии новым Градостроительным кодексом, привели к всевластию быстро окрепшего и ставшего едва ли не местным монополистом крупного застройщика-землев-

ладельца. За исключением государственных мегапроектов вроде сочинского и владивостокского, все, что сделано или не сделано за последние четверть века, есть результат деятельности застройщика, поддержанного местной властью.

Кажущиеся гармония и порядок советских времен поддерживались системой жестких регуляторов, включая институт прописки. Новые регуляторы на место старых не пришли. Сдерживаемые ранее диспропорции стали нарастать. Более того, именно диспропорции в развитии столиц и регионов, крупных и малых городов, западных и восточных территорий стали источником и инструментом обогащения застройщика, вкладывавшего средства в дорогое коммерческое жилье больших городов, не заботящегося о развитии инфраструктуры и фактически эксплуатирующего скромное советское наследие.

Смутная, до конца не осознанная, трудно признаваемая, но вполне очевидная неудовлетворенность достигнутым результатом как общества, так и власти, да и самого бизнеса, прежде всего малого и среднего, породила небывалый, не отмечавшийся раньше рост интереса и к своему ближайшему окружению, и к судьбе российского пространства в целом. Следствием этих настроений становится постепенный возврат государства на положенное ему место «пространственного стратега».

В основании стратегий лежат ценности и цели. Ценностью принято считать всеобщее благо, представление о котором, как показал опыт прошлого столетия, может меняться. Целями оказываются достижимые, предполагаемые к достижению версии этого блага. В СССР всеобщее благо ассоциировалось со всеобщим равенством, понимаемым вполне буквально, на уровне квадратных метров жилой площади, а стратегической целью было «светлое будущее» или коммунизм, постепенно превращавшийся в «реальный социализм».

События двадцатипятилетней давности привели к отказу от советских целей и моделей пространственного развития, и страна стала жить «как все», как она жила до 1917 года, т. е. руководствуясь не догмами и утопиями, но некими общими закономерностями, следуя им на свой до конца не выстроенный и неосознанный манер. В роли новых целей стали выступать показатели ВВП и высокое

положение в рейтингах. Место ценностей оказалось практически вакантным. Жить по-новому и строить новую стратегию оказалось не так просто.

На протяжении всей своей истории Российское государство стремилось управлять процессами расселения, то закрепляя граждан на земле, то, напротив, бросая их на освоение новых пространств. И в царские, и в имперские, и в советские времена процессы закрепления и переселения шли постоянно и параллельно, как правило, вопреки воле и желаниям людей, порождая ощущение неукорененности и неустроенности. На памяти ныне живущих – отсутствие паспортов у крестьян, уголовное преследование за уход с производства, прописка, лимит на работу в большом городе, стройки пятилеток, ГУЛАГ, война, эвакуация, переселение неблагонадежных народов, наконец, целина, БАМ, новые наукограды и моногорода.

Реакцией на жесткое регулирование советских времен стала нынешняя стихийная миграция, в том числе трансграничная. Конечными целями миграционных маршрутов становятся столицы, их окружение и южные регионы страны.

Фигурантами, участниками перемещения в столичные центры оказываются представители региональных элит, наиболее активные и образованные, отказывающиеся от роли местных лидеров, лишаящие провинцию столь необходимого интеллектуального потенциала.

Фоном миграционных процессов становится стабилизация численности населения страны, сокращение доли трудоспособных, рост числа пенсионеров и инвалидов. Неизбежными следствиями этого оказывается приток гастарбайтеров, постепенное изменение этнического состава, снижение уровня образования и квалификации. Портрет российского общества и состояние рынка труда приобретают новые черты.

Константами стратегии пространственного развития остаются размеры территории и численность населения страны. Стратегически важными переменными становятся обустроенность пространства и качество «человеческого капитала», уровень образования, производительности труда, квалификации, продолжительность жизни и трудоспособного возраста. Малая численность населения с успехом компенсируется более высоким уровнем подготовки, умениями и ответственностью индивидуума. Источником новых идей и изобретений являются не многотысячные коллективы: высокотехнологичные продукты создают не солдаты трудовых армий. Это значит, что альтернативы «человеческих индустрий», росту «человеческого капитала», развитию образования и здравоохранения, обеспечению возможностей самореализации, повышению качества жизни и среды у современной России нет. Российский гражданин должен, наконец, открыть для себя преимущества «оседлого» образа жизни, преимущества свободной миграции. Главное – понять, как при этом будет выглядеть пространство страны и поверить в то, что месторождения людей обладают не меньшей ценностью, чем месторождения нефти и газа.

Стратегия обращена в обозримое будущее и предлагает средства и маршрут движения к намеченной цели, который обычно разделяется на отрезки: краткосрочные, от 3 до 5 лет, среднесрочные – до 10 лет и долгосрочные – 25–30 лет.

Определение целей и маршрута или альтернативных маршрутов сопровождается точным диагнозом стартового положения, текущего состояния и породивших его процессов. После четвертьвекового периода «внестратегического» существования России предстоит выбор из весьма ограниченного набора вариантов, в которые входят стратегия кардинальных, радикальных или «прорывных» шагов, стратегия «пассивного поддержания» и популярная на Западе стратегия «устойчивого развития».

Несмотря на очевидные риски скатывания к «пассивному поддержанию», этот вариант означает стратегический проигрыш. Не более адекватна нынешнему состоянию российского пространства стратегия устойчивого развития, которая объединяет и мирит трудно совместимое – стабильность, равновесие, покой с движением, обновлением и совершенствованием. Делается это во имя того, чтобы избежать повторения кризисов и конфликтов, имевших место в прошлом. Это результат работы над ошибками, результат анализа событий, глубоко и комплексно изменивших облик современного города и его окружения. Лондон и Париж, Нью-Йорк и Сингапур, признанные города-лидеры, выбирают путь устойчивого развития после преодоления тяжелого кризиса, после восстановления баланса и устранения болезненных диспропорций. Переход к устойчивому развитию оказывается возможным лишь тогда, когда достигнутый высокий уровень показателей сочетается с отсутствием серьезных внутренних противоречий и проблем.

В 70-е годы прошлого века, несмотря на декларируемое отличие социалистических городов и социалистической системы расселения от капиталистической, генплан Москвы 1971 года основывался на принципах, которыми в это же время руководствовались в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. Наступивший застой сделал невыполнимым то, что оказалось под силу политическим конкурентам. Проблемы оставались нерешенными и в тот период, когда на путь радикальной модернизации встал соседний Китай.

Природу, сущность стратегии проще установить, сравнивая ее с политикой, упоминаемой не реже. Исходя из наблюдений за разного рода упоминаниями, стратегии отводится более высокое место, чем политике. Политика следует стратегии, способствует ее реализации. Стратегия стремится быть общенациональной и общепризнанной. Стратегия одна, политик много. Проводниками, субъектами собственной политики могут быть группы и сообщества, включая государство и власть. При этом в основании политик стратегия может не пребывать или присутствовать в свернутом, скрытом виде. 25 лет фактическая, реальная политика пространственного развития осуществлялась в России вне и помимо стратегии, в соответствии с меняющимися возможностями бизнеса. Политика способна и обязана меняться, стратегия стремится к стабильности.

Политика конкретна и соткана из шагов, процедур и действий, часто сравниваемых с игрой, напоминающих игру. Политик обязан быть тактиком, у него есть партнеры и конкуренты; политики выигрывают сражения, стратеги – войны. Наконец, политика может не подчиняться стратегии, противоречить ей, как реальность может противоречить концепции, и не совпадать с мечтой. Стратеги предпочитают императивы, политика есть «искусство возможного», и если стратегия озабочена будущим, то политика увлечена настоящим. Политика отражает приоритеты и интересы, в фокусе которых деньги и власть – самые популярные категории практической экономики и актуальных общественных отношений. Стратегия определяется ценностями и целями, категориями более общими, устойчивыми, фундаментальными и высокими, принадлежащими не столько области повседневного и материального, сколько тому, что принято связывать с духовной культурой и ментальностью общества. Происхождение, генезис целей и ценностей приводит к тому, что в стратегиях они не всегда упоминаются. Отсутствие внятно изложенных целей и ценностей, по сути, заменяет стратегию политикой, что указывает либо на то, что фундаментальные мотивы отсутствуют, либо на то, что они скрыты или не вполне осознаны.

Между тем и собственно хозяйственная жизнь, и пространство расселения, которое все чаще ассоциируется

с культурным ландшафтом, трудно понять и объяснить вне социально-культурного контекста, аккумулирующего, как правило, более устойчивые и фундаментальные обстоятельства, чем те, что лежат в основе актуальной экономики, экономической конъюнктуры. Цели и ценности, которым явно или неявно подчиняются и экономическая стратегия, и развитие ВПК, и стратегия пространственного развития, возникают и формируются внутри культуры, приобретая очертания «идеологии».

Культурные или идеологические процессы развиваются медленно, культурные механизмы консервативны, культурные ориентиры меняются постепенно, увлекая за собой столь же инерционное пространство. Инерционность культуры и культурного ландшафта служат гарантией сохранения и устойчивости базовых условий обитания, испытывающих постоянное давление экономики. Локализация и внутренняя структура городов, связи между ними, не меняющиеся столетиями, определяют облик континентов и обнаруживают большую стабильность, чем границы государств, политические системы и экономические уклады.

Сложившееся пространство, сложившаяся система расселения оказываются основой, на которой реализуются любые программы развития, которая проступает сквозь самые радикальные планы преобразования окружения. Старые города, в том числе малые, имеющие, казалось бы, немногие основания для выживания, оказываются более устойчивыми, чем новые моногорода, получившие исключительную поддержку советского государства и бывшие предметом его особого внимания. Старые поселения, лишённые видимых экономистами источников существования, продолжают жить вопреки предсказаниям, подтверждая, что главным производимым ими продуктом является среда и связанный с ней образ жизни, остающиеся важнейшими культурными ценностями.

Культурные ценности тесно переплетены с природными ценностями и, по сути, представляют единый культурно-природный массив, единый ландшафт, единый «каркас», значение которого для судеб российского пространства не меньше того, что отводится размещению производительных сил. Внутри этого каркаса есть место и малому городу, и селу, и деревне, и усадьбе. И именно этот каркас, этот ландшафт пребывает в состоянии депрессии, постоянно наносимых травм и непрерывных невозможных утрат.

Сохранение и использование богатств природы и культуры, превращение пассивов в активы – задача новых культурных и эко-индустрий, становящихся источником новых богатств и новых инструментов развития. Инструменты эти хорошо известны и широко используются в странах ЕС. Это зеленые, ресурсосберегающие технологии, строительство из местных материалов, производство органических сельхозпродуктов, поддержка традиционных промыслов, малого бизнеса – все то, что можно определить понятием «альтернативная», региональная или «малая» экономика.

Культура определяет облик так называемых «человеческих индустрий», обеспечивающих рост «человеческого капитала» – образования, здравоохранения и множества сопровождающих их производств. Все более популярным и востребованным оказывается культурный продукт, имеющий нематериальную форму информации или услуги, дающей впечатление и переживание. В отличие от массового индустриального изделия такой продукт носит адресный характер, он уникален, предполагает возможность выбора и соучастия.

Культура меняет характер труда и хозяйственных отношений, гуманизируя традиционное производство, интегрируя его в ткань поселений и природный ландшафт. Рыночная экономика по своей сути ориентирована на потребителя и гораздо более зависима от культурных норм и предпочтений, чем экономика государственная.

Поезда, самолеты, дома, автомобили, одежда эволюционируют под влиянием культурных образцов и меняющихся культурных лидеров. Одним из самых востребованных, самых потребляемых продуктов является среда, собранная из материала природы и культуры.

Место, отведенное целям и ценностям пространственного развития, сегодня заменено материалом самого различного происхождения, не связанным в нечто единое и непротиворечивое. Самым влиятельным, но далеко не самым популяризируемым компонентом реальной политики или квази-стратегии является стихийной прагматизм, носителями которого выступают упоминавшийся крупный застройщик-землевладелец и его союзники во власти. В их представлении правильным и заслуживающим поддержки является все то, что гарантирует максимальную прибыль здесь и сейчас.

Следующим компонентом является открыто или скрыто используемый и специфически, избирательно адаптируемый «мировой опыт» или «зарубежные позитивные практики», породившие, в частности, повышенный интерес к агломерациям.

Третьим источником современных представлений о пространственном развитии является советское наследие, по-прежнему оказывающее сильное влияние на настроение правящей элиты, лиц, принимающих решения. XX век подарил иллюзию возможности осуществления планов усилиями государства – любых, сколь угодно фантастических стратегических планов, вдохновленных социальными утопиями самого радикального свойства. СССР последовательно брался за осуществление трех гигантских проектов, предполагавших переустройство всей страны и напрямую определявших жизнь каждого. Проект 1922–35 годов, изложенный языком русского авангарда, сводился к построению Нового мира, к индустриализации и коллективизации, новым городам и новому быту. Проект 1935–55 годов предпочитал вдохновленные высоким опытом прошлого пышные декорации, которыми украшались великие стройки коммунизма, реконструируемая Москва и восстанавливаемые после войны города с укрупненными кварталами и парадными магистралями. Облик проекта 1955–90 годов определили индустриальное домостроение, освоение целины, строительство моногородов, БАМа и знаменитый «триатлон»: квартира в панельном доме, садовый участок 6 соток и «жигули».

Каждый из этих проектов предполагал лишь одно альтернативное решение любого вопроса, включая выбор типа жилья и образа жизни. Слабой стороной воплощенных в жизнь утопий оказались их крайняя уязвимость и неустойчивость в ситуации ослабления государственного контроля, прямого столкновения с жизненными реалиями – всего того, что явилось следствием отсутствия обратных связей и трезвой оценки последствий.

Несмотря на неминуемое превращение в антиутопии и очевидную нежизнеспособность, утопии продолжают существовать и волновать умы. Более того, цели стратегии развития, видения будущего, его очертания строятся теми же средствами и методами, с использованием тех же культурных ресурсов, которые порождали утопии. Все дело в дозировке. Утопическое начало подобно препарату, малые дозы которого необходимы для выздоровления, а большие дозы смертельны.

Видение будущего, встраиваемое в стратегию пространственного развития в нынешних условиях, приобретает характерные черты разнообразия, вариативности, множественности, взаимодополняемости составляющих. В процессе поиска стратегии все чаще обнаруживается очевидная необходимость отказа от движения в одном направлении, по одной траектории. Путь к успеху может лежать через примирение, поиск компромисса между разнонаправленными вариантами развития.

Настало время усомниться в безальтернативности целого ряда устойчивых советских догм, исключавших возможность достижения компромисса и баланса. В соответствии с этими догмами, расселение должно покорно следовать за размещением производительных сил, а социальные процессы – подчиняться диктату экономики; значимость и вес поселений определяются числом жителей, а не тем, на что эти жители способны; большой город заведомо лучше малого, а малый лучше деревни; крупное предприятие заведомо лучше малого, а государственное управление, даже на местах, эффективнее самоуправления.

Но, подвергая сомнению идеологическое догматическое содержание советского наследия, необходимо помнить о его очевидных достоинствах, к числу которых следует отнести уже упоминавшиеся четкое видение будущего и практически утраченный сегодня комплексный, системный подход к оценке ситуаций и планированию действий.

Большинство нынешних документов, посвященных пространственному развитию, содержит перечисление одних и тех же, никак не упорядоченных и не анализируемых, хронических проблем и вызовов, к которым прилагаются зеркальные решения, не сопровождающиеся указанием принципиальных источников и характера средств.

У пространства своя природа, своя «воля», свои внутренние закономерности, не будь которых, в стратегии пространственного развития не было бы нужды. Сколь сложно ни было бы организовано пространство страны, внутри него отчетливо различаются три базовых уровня. Это уровень страны в целом, на котором определяются ее отношения с близкими и далекими соседями, формируются главные территории и коммуникационные коридоры. Это средний уровень, или уровень макрорегионов, регионов и пронизывающих их агломераций и конурбации. Наконец, это уровень пространств, в которых протекает «повседневная жизнь». Единство, взаимосвязанность, взаимозависимость всех трех уровней, когда-то принадлежавшие российской профессиональной традиции, бывшие гарантией качества принимаемых решений, ныне утрачены. Ответственность за национальное пространство сегодня поделена между различными министерствами и разными ветвями власти, которым надо заново привыкать к совместной работе.

Каждый из пространственных уровней и пространство как таковое имеют «двуслойную» организацию, т. к. могут рассматриваться как наборы элементов или как производные связей. Первый взгляд или подход условно может быть назван «территориальным», другой – «инфраструктурным». При территориальном подходе пространство выглядит состоящим из отдельных дискретных, относительно замкнутых, ограниченных больших и малых единиц, домов, кварталов, городов и районов. Территориальный взгляд более привычен, распространен и традиционен. Понадобилось немало времени, чтобы отдельные территории стали налаживать устойчивые коммуникации, строить дороги, формировать улицы, которые со временем приобрели большую значимость и ценность, чем окружающие их территориальные единицы. Границы между городами, регионами и государствами становятся все менее заметными и различными, а коммуникации все более мощными и видимыми. На основе коммуникаций возникают принципиально иные трансграничные, межрегиональные, транснациональные образования, приобретающие все больший вес и влияние.

Инфраструктура – не только коммуникации, не только транспортные и инженерные сети. Термин «социальная инфраструктура» закрепился за сетями объектов и центров обслуживания и обеспечения вроде школ, больниц, поликлиник и т. п. К сообществу инфраструктур присоединяется все большее число пространственных явлений,

не имеющих четких границ, напоминающих россыпи, созвездия, группировки, непрерывные, текучие и меняющиеся. И эти открытые, склонные к росту и изменениям новые образования являются полноценным объектом проектирования и управления.

Местом встречи территориального и инфраструктурного слоев становятся центры, центральные места, являющиеся одновременно узлами коммуникаций и фокусами территорий. Любой «центр – узел» принадлежит двум системам – своей территории и сети, объединяющей его с другими центрами. «Центры – узлы» – не острова в океане, на которых сосредоточена вся жизнь: это макушки, вершины гор, поднимающихся из огромного континента, их питающего и рассчитывающего на то, что когда-нибудь он снова будет открыт.

II. Пространство страны

Первый и главный реформатор российского пространства – царь Петр Великий видел Россию едва ли не Голландией. В последующие столетия, включая советский период, вражда и дружба, интеграция и разрыв с той или иной частью Европы оказывали самое существенное влияние на облик России. Тесная, непосредственная, прямая связь, физическая и историческая, с Европой, вне зависимости от осознания, признания и оценки этого факта, мощью и качеством отличалась от тех связей, что складывались на Юге и Востоке. Традиция диалога, соперничества, сопоставления себя с Европой повлияла на формирование устойчивых представлений, в соответствии с которыми идеальному, «правильному» пространству надлежит быть «урбанизированным», плотно заполненным и равномерно освещенным. Так или почти так выглядит пространство Старого света, Евросоюза, и его очевидное несходство с пространством российским по-прежнему порождает характерные переживания сомнения и разочарования.

Неосознанная увлеченность «Европейской пространственной моделью» вытеснила, исключила из рассмотрения другую, не менее успешную, но очевидно более близкую России модель, рожденную практикой стран Нового Света вроде США, Канады, Австралии, Бразилии, Аргентины, пространство которых освоено неравномерно и с разной плотностью или интенсивностью и далеко не полностью «урбанизировано».

Урбанизация, концентрация людей в городах не может быть самоцелью и условием успеха. Этнические гетто, криминальные районы, постоянное присутствие беженцев, бедных и безработных – неизбежные атрибуты больших городов. Многомиллионные африканские и латиноамериканские города по объему человеческого капитала или суммарному внутреннему продукту едва ли превосходят немногочисленные исследовательские и университетские центры.

СССР, страна с подчеркнуто эгалитарной идеологией, стремясь к гарантированному успеху, создавала для своих ученых особо комфортный тип среды в академгородках, мало напоминающих современные им миллионники. Стабилизация численности населения, даже падение численности, низкая плотность населения страны, наконец, немногочисленность жителей не являются приговором.

Опыт многих поколений наших сограждан установлен, что 2/3 из 17 млн квадратных километров Российской земли принадлежат Северной трансконтинентальной зоне, в которой постоянное пребывание людей затруднено. Остальная треть, в пределах которой проживает почти все население страны, делится Уральским хребтом на более освоенную западную, европейскую часть и менее освоенную азиатскую, восточную. Хотя факт существования этих «мегазон» очевиден и всеми признан, он не стал поводом к разработке взаимосвязанных, но различных «подстратегий» пространственного развития.

Гигантские усилия Советской власти по освоению северных территорий, предпринимавшиеся вплоть

до начала пятидесятых, с ликвидацией ГУЛАГа уступили место отдельным шагам и операциям. Север перестал рассматриваться как особая целостность, особое явление, и новая стратегия его развития не возникла. Освоение целины, последующий застой и перестройка выдвигали другую повестку.

Сегодня сырьевые запасы Севера играют важнейшую роль в российской экономике, и едва ли их значимость уменьшится в будущем, как и значимость особой Северной стратегии.

Основу инфраструктуры Севера составляют и в обозримом будущем будут составлять водные пути, главным из которых является Северный морской путь и воздушный океан, осваиваемые еще в прошлом веке героическими усилиями наших соотечественников, от летчиков и моряков до изобретателей удивительных и необычных транспортных средств, не нуждающихся в дорогах и не разрушающих землю. Железнодорожные и автомобильные магистрали, сложные в строительстве и эксплуатации, даже в героические и драматичные тридцатые годы прошлого века не удалось вывести за пределы локальных участков. Попытки строительства на севере домов и поселений по образцу и подобию тех, что делаются гораздо южнее, строительство вопреки обстоятельствам, не раз предпринимавшееся в прошлом, сменяется строительством, предназначенным для севера. Самой судьбой российскому Северу показаны сезонность организации жизни, вахтовый и автономный характер функционирования, дисперсное, очаговое размещение объектов, включая портовые сооружения, места добычи, лесные хозяйства и т. п. Прототипами того, что может сооружаться на севере, становятся комплексы, создаваемые учеными в Антарктиде, военными в Арктике, космонавтами в космосе, нефтедобытчиками на морских шельфах и т. п.

Нет ничего удивительного, что основными действующими лицами русского севера являются федеральные Министерства и хозяйствующие субъекты – госкорпорации и крупные частные компании, то есть экономические гиганты, представляющие определенные отрасли. Мощью и влиянием отраслевые структуры существенно превосходят структуры территориальные, интересы которых представляют раздробленные и слабые местные власти, что резко повышает риск дисбаланса. Примеры разумного поведения на севере могло бы продемонстрировать Министерство обороны, открыто заявившее о своем интересе к Арктике и Северу.

Российский Север – это, в первую очередь, хранилище огромных возобновляемых и невозобновляемых естественных ресурсов, питающих землю кислородом, водой, обеспечивающих экономическую устойчивость и стабильность. Это резерв, гарантирующий выживание следующих поколений, это ресурс более доступный, чем ресурсы Мирового океана и других планет, превосходящий по своему потенциалу то, чем располагают труднодоступные территории остальных континентов. Это стратегический запас, подлежащий надежной охране. Рекультивация территорий добычи и разработок, защита среды проживания малых народов, соблюдение режима особо охраняемых территорий – все это должно стать законом работы на Севере, который устанавливает Федеральная власть и который не под силу вводить власти местной. Восстановление и поддержание баланса интересов отраслей производства и требований охраны природы становится одной из главных тем стратегии пространственного развития Севера.

Западная и Восточная мегазоны, в отличие от относительно гомогенного Севера, отличаются чрезвычайным природно-климатическим и культурным разнообразием, что напрямую отражено в их делении на множество регионов, существенно уступающих размерами регионам Севера.

Если основой стратегии пространственного развития Западной, европейской части страны могут стать поддержание, сохранение, сбережение сложившейся системы расселения, демаргинализация малых городов, преодоление разрыва между столицей и окружением, то стратегия развития азиатского Востока предполагает усиление и укрепление системы расселения, создание социальных и хозяйственных магнитов, стимулов, способных сначала затормозить, затем перенаправить, развернуть миграционные потоки.

Структурной основой Западной и Восточной мегазон являются два хребта, два коридора, два пучка коммуникаций, один из которых идет параллельно западным границам с севера на юг, другой – с запада на восток параллельно южному контуру страны. Коридоры пересекаются в районе Москвы и сопровождаются множеством боковых, второстепенных ответвлений. Оба коридора играют ту же структурообразующую, организующую роль для Запада и Востока, какую для Севера играет Северный морской путь с его ответвлениями вдоль главных сибирских рек и выходом к Владивостоку. Развитость, связность и согласованность трех главных общенациональных хребтов, или коридоров северного, западного и восточного является не только гарантией инфраструктурной целостности страны, но, по сути, определяет ее пространственный скелет.

России предстоит совершить непростой переход от сложившейся за ряд столетий моноцентрической, «имперской» организации своего пространства к более адекватной нынешним условиям и целям развития полицентрической, или «национальной» схеме. Эпитет «национальный» заимствован из международной лексики и обозначает здесь принадлежность не к некоей этнической группе, но ко всему сообществу граждан страны в равной мере. Полицентрическое пространство предполагает выравнивание возможностей столицы и регионов, сбалансированность развития больших и малых населенных мест, высокий уровень насыщенности связями. Такое пространство формируется сегодня независимо от политического и хозяйственного устройства стран, стремящихся к лидерству. Оно лучше приспособлено для обеспечения межрегиональных и межотраслевых программ, более успешно вбирает самые разные типы территорий и поселений, отводя каждому свое место и не игнорируя ни одного из участников.

Моноцентрическая, «звездообразная» схема, при которой все основные связи практически безальтернативны и идут через один главный узел – Москву, уступает место схеме «сетевой», со множеством узлов и целым рядом альтернативных маршрутов, обеспечивающих большую надежность и устойчивость логистической конструкции в целом.

Особую ценность приобретают узлы, расположенные как внутри сети, так и на внешнем контуре; сегодня, за немногими исключениями, они выражены слабо или почти отсутствуют. Нынешний российский коммуникационный каркас отмечен очевидной незавершенностью, отсутствием развитых «якорей», выходов во внешний мир, морских портов и трансграничных переходов, обязанных заменить те, что остались за пределами страны. Широкий коридор, начинающийся западнее Москвы, должен завершаться созданием с одной стороны – Калининградского узла, с другой – Дальневосточного, сопоставимого по мощности с конкурентами по балтийскому и Тихоокеанскому региону. Меридиональному, европейскому коридору потребуются эффективные выходы к северным морям – Белому, Баренцеву и к южным – Черному и Каспийскому. Развитие морских портов должно сопровождаться появлением портов сухопутных, трансграничных узлов на железнодорожных и автомагистралях, идущих на запад, в Европу, и на юг, в Иран и Китай. Каждый из этих

портов и ведущих к ним коридоров могут и должны стать поводом для развития регионов, считающихся наиболее важными в стратегическом отношении, и основой новых логистических схем.

Принципиальной особенностью сухопутных и морских переходов и портов, окружающих их территорий становится сотрудничество с соседями, обеспечение условий для заинтересованного участия всех, включая Евросоюз на западе и Китай на востоке. С создания таких узлов и зон в Шэнчжэне и Шанхае начинается подъем Китая, таким местом когда-то была Одесса с легендарным Порто-франко.

Коридоры расселения и размещения производительных сил – не метафора; это неформализованные, но вполне реальные пространственные образования, основой которых являются густые транспортных и инженерных коммуникаций. Внутри коридоров на базе коммуникаций собираются производства, нуждающиеся в устойчивых и постоянных связях, выстраиваются производственные цепи, возникает межотраслевое сотрудничество и межотраслевая конкуренция. И все это поверх территориальных границ, нередко помимо и вопреки интересам территорий.

Отраслевые министерства управляли советской страной, создавая под себя систему расселения, строя моногорода и организуя герметичные структуры, построенные на самообеспечении всем необходимым, включая жилые дома и продукты питания. Эта традиция во многом унаследована нынешним российским бизнесом, заметно превосходящим мощью и организованностью территории и их власти. Определить способы, пути и средства координации усилий отраслей и территорий придется заново, причем без Госплана и без Госстроя.

Создание полноценного и современного коммуникационного каркаса снижает давление на столицу, на столичный регион и европейскую часть страны, создает условия развития региональных и макрорегиональных пространственных систем, их движение до уровня участников общенациональных, международных и мировых процессов.

Впервые за последние три столетия Москва оказалась в трехстах километрах от западной границы и заметно отодвинулась от воображаемого «центра тяжести» российской земли. Это сравнительно новое и не вполне еще осознанное обстоятельство, с одной стороны, не позволяет Москве считать себя «окном в Европу», а с другой – усложняет ее восприятие и успешное функционирование в роли центра национальной территории. Хроническое отставание в развитии восточных регионов, удаленность столицы от самых проблемных и, одновременно, привлекательных и перспективных регионов, нуждающихся в особом внимании и участии, таит вполне реальные геополитические риски. Эти риски не уменьшаются ни с развитием информационных технологий, ни с увеличением скоростей на транспорте. В поисках стратегического ответа, наблюдая примеры новых неевропейских стран, столицы которых не являются самыми крупными городами, в рамках стратегии, можно вернуться к «запретной» теме переноса российского федерального центра поближе к границе Европы и Азии.

III. Пространство регионов

Территориальное и отраслевое, общенациональное и местное соприкасаются и пересекаются на уровне регионов и параллельных им инфраструктурных образований. Этим определяется особая координирующая, медиативная роль этого уровня в системе национального пространства.

Любая территория, очерченная границами, имеющая центр управления и регулирования, стремится к относительной закрытости, самодостаточности и независимости. К числу таких территорий относятся российские макрорегионы и регионы, входящие в их состав.

Именно макрорегионы – Центральный, Северо-Западный, Поволжский, Южный, Уральский, Сибирский, Дальневосточный ощущаются основными частями страны, следы которых так или иначе присутствуют в делении на административные округа, военные округа и экономрайоны. По характеру пространственной организации макрорегионы можно поделить на моноцентричные и полицентричные. К моноцентричным, имеющим выраженный, доминирующий центр, относятся Центральный макрорегион с Москвой и Северо-Западный с Санкт-Петербургом. Остальные округа располагают несколькими, близкими по весу конкурирующими центрами. И если в первом случае макрорегион представляет собой единую сферу влияния, в которую входят регионы, то во втором случае регионы оказываются более самостоятельными и независимыми.

Черты моноцентричности и полицентричности обнаруживает и пространство регионов, с той лишь разницей, что регионов с выраженной полицентричностью в стране не так много. Признаком полицентричности региона служит не только присутствие конкурентов (вроде Сочи и Краснодара или Дербента и Махачкалы), сколько относительная самодостаточность, самообеспеченность его частей.

Обычный российский регион состоит из районов, возглавляемых малым городом, вокруг которого сосредоточены земли разного назначения – главный ресурс, недооцененный и толком сегодня не используемый. Именно земли в свое время питали малые города, которые во многом определяли использование земель и обеспечивали относительную завершенность локальных хозяйственных циклов.

Малым городам и селам по сей день принадлежит уникальная роль связей большого города и сельскохозяйственных, природных и рекреационных территорий. Именно малые поселения обеспечивают единство, обжитость, целостность российского пространства. Они, а не миллионники являются основой создававшегося столетиями реального пространства страны, ее культурного ландшафта и культурного потенциала.

Поддержка и развитие малых городов, сел и их окружения не могут считаться актами благотворительности или случайными жестами со стороны власти: это вклад в будущее, в том числе будущее больших городов. Из жертв и пасынков системы расселения «периферийные» поселения становятся полноценными участниками складывающегося разнообразного и сложного мира. Их возрождение, как и возрождение российских регионов, может начаться лишь с возвратом в хозяйственный и культурный оборот главного ресурса – земли, работающей в интересах современной и традиционной сельскохозяйственной индустрии, используемой для проживания и рекреации.

Сельское хозяйство, местная промышленность, местные энергетические и сырьевые ресурсы, местный строительный комплекс – все то, что является основой самоидентичности региона, без остатка укладывается в границы среднего, малого и семейного бизнеса. Местное, локализованное производство того, что жизненно необходимо, включая жилье и услуги ЖКХ, оказывается условием контролируемого качества, цены, сбалансированной с доходами, и устойчивым наличием рабочих мест. Хозяйство регионов тесно взаимосвязано с их социокультурными институтами, с образованием и здравоохранением, и от успеха этого сочетания напрямую зависит качество условий жизни как главного регионального «продукта».

Заботе о территориях, подъему регионов были посвящены две главные российские реформы XIX–XX столетий – крестьянская, переросшая в столыпинскую, и городская, приведшая к созданию института местного самоуправления. Даже будучи незавершенными, эти реформы обеспечили движение, начавшееся с мест усилиями самих

граждан без прямого вмешательства государства. Итогами реформ стали быстрое развитие сельского хозяйства, малых и средних городов и появление среднего класса, давшего стране и миру множество образованных, одаренных и энергичных людей, ученых, промышленников, деятелей науки и искусства, военных и чиновников.

С приходом советской власти регионы и территории быстро утрачивают самостоятельность, результатом чего становятся и «колбасные» туры эпохи застоя, и драматический разрыв между столицей и провинцией. Героическая попытка Н. Хрущева с помощью совнархозов и параллельных им партийных структур выровнять положение городов и сел, городского и сельского населения, повысить влияние региональных местных органов власти, сбалансировать силы территорий и отраслей результата не имела.

Немногими регуляторами, унаследованными от советского прошлого и явно не вписывающимися в рыночную модель, являются бюджетные субсидии и дотации. Основная часть собираемых налогов отправляется в центр, откуда средства возвращаются в регионы, большинство которых носит сегодня клеймо «дотационных». Продолжается поедание кур, способных нести золотые яйца.

Инфраструктурная версия того, что происходит на уровне российских макрорегионов и регионов, обнаруживает присутствие разного рода скоплений, сообществ населенных мест, резко контрастных обширным незаселенным пространствам страны. Эти сообщества особенно примечательны, поскольку инструментами быстрого освоения огромных российских территорий могли быть в первую очередь относительно самостоятельные малые и средние города, сельские поселения, постепенно, с трудом налаживавшие связи друг с другом. Европейские страны и Китай развивались в более устойчивых границах, на меньших и более населенных землях, что естественно приводило к концентрации активности и образованию больших городов, ставших впоследствии агломерационными центрами. Хорошо освоенные территории Китая и Евросоюза располагают развитой, сходной по геометрии, сетью магистралей с характерными треугольными ячейками, стороны которых измеряются несколькими сотнями километров или несколькими часами езды. В вершинах этих треугольников находятся агломерационные центры, из которых расходятся полосы и цепи малых населенных мест и местные дороги. Встречающиеся, сходящиеся, переходящие друг в друга агломерации образуют относительно равномерную непрерывную и единую сеть, вбирающую почти все обитаемые места.

Российское обитаемое пространство, как и пространство стран Нового Света, в сравнении с европейским более растянуто и разрежено. Плотные и крупные пространственные сгустки возникают здесь, скорее, как исключения, что, несомненно, делает их особо ценными, весомыми и значимыми.

Самыми известными «мегалополисами» Нового Света являются сообщества агломераций восточного и западного побережья США, имеющие характерные линейные очертания. В России образования такого рода лишь намечаются на Юге, на Урале, в Поволжье, на пути из Петербурга в Москву. В будущем они, возможно, приобретут сходство не столько с американскими прототипами, сколько с проектируемым скандинавским коридором, который ожидаемо пройдет от Осло до Копенгагена.

Материал, который может входить в тело мегалополисов, а может существовать отдельно, представляет собой локальные поселения или системы взаимосвязанных поселений, разного вида и разных размеров. Системы поселений принципиально отличны от локальных образований и наделены несравнимо большими возможностями и устойчивостью. В их пространстве осуществляются не только суточные, недельные или сезонные миграции,

но и процессы концентрации и деконцентрации населения, движение из города в город, движение за город и в город. Это движение позволяет разнообразить и менять образ жизни в пределах привычного и понятного ареала, внутри которого одновременно с людскими потоками по тем же маршрутам перемещаются места приложения труда, учебы, центры обслуживания, офисы и производственные предприятия. Системы поселений – это не только урбанизированные пространства или пространства сугубо городского образа жизни – это экспозиции самых разных сред. Предлагая возможность выбора, обеспечивая связь с природой и городской комфорт, такие системы практически избавлены от характерных недостатков тех крайностей, которые некогда ассоциировались с городом и деревней.

Существующие системы поселений можно поделить на две группы, условно назвав одни «агломерациями», а другие «конурбациями». Конурбацией или групповой системой расселения принято считать сообщество двух и более близких по параметрам населенных мест с их окружением. Агломерациями, которые с недавних пор стали вызывать повышенный интерес, принято считать крупный город или центральное место, окруженное тесно с ним связанными менее крупными поселениями.

Европейской моделью агломерации на роль окружения центрального места предлагаются компактные города-спутники, которыми становятся или новые города, обязанные своим появлением концепции города-сада, или возникшие ранее малые города, которые теряют прежнее значение местных центров сельскохозяйственных территорий. По сути, города-спутники становятся моногородами, городами-спальнями или городами-предприятиями, входящими в агломерации, что и обеспечивает их живучесть, в отличие от неагломерированных моногородов.

Американская модель агломерации в качестве сопровождения центрального места предполагает субурбию, пригород или квази-город, обширные территории, застроенные индивидуальными домами с землей, владельцы которых добираются до школ, клиник, торговых центров, офисов и промышленных зон на собственных автомобилях, пользуясь разветвленной и высокоорганизованной сетью дорог и парковок.

Центральное место и его окружение, вопреки популярным представлениям, не есть нечто главное и второстепенное. Это равноправные партнеры, неспособные успешно существовать друг без друга, партнеры, один из которых более привлекателен для жизни, а другой для бизнеса. Европейская и американская агломерационные модели не только соперничают, но и обогащают друг друга. В пространстве американской субурбии отчетливо проступают тщательно сохраняемые сегодня следы старых поселений с торговыми улицами и исторической застройкой, а в Европе рядом с деревнями и малыми городами возникают промышленные и коммерческие зоны.

Самыми крупными и самыми известными из российских агломераций считаются столичные. Их быстрый рост, приток средств, позволивший заметно поднять качество среды, благоустроить и развить город, был истолкован как подтверждение успешности агломерационной модели и породил стремление к широкому и универсальному ее использованию. Внимательная оценка этих суждений обнаруживает представления об агломерации как об очень большом городе, безразличном к своему ближайшему окружению и его судьбе. Расползающаяся периферия российской столицы – это сложный и неорганизованный конгломерат малых городов, бывших деревень, садовых участков, старых дачных поселков и новых организованных или неорганизованных, огороженных или не огороженных скоплений коттеджей; это обширные, хаотически застроенные «самопальными», кустарно изготовленными

домами, территории без инженерных сетей, без дорог и учреждений обслуживания, соседствующие с невесть откуда взявшимися гигантскими многоэтажками. Отсутствие контроля и регулирования, бытовые и технические проблемы этих территорий – свидетельство того, что признание и легализация агломераций, управление их развитием – дело непростое и нелегкое. Тем не менее, именно с агломерациями связываются многие надежды. Суть концепции, не так давно изложенной рядом государственных деятелей и удивительно схожей простотой и бескомпромиссностью с жесткими и однозначными утопиями советских времен, сводится к тому, что гражданам страны вскоре придется собраться в 15–20 многомиллионниках.

Реальным результатом исполнения этих планов неминуемо станет социально-территориальное деление российского общества на счастливых жителей больших городов и всех остальных. Все, что находится за пределами миллионников, будет принадлежать другому миру, напоминающему варварский мир в представлении древних римлян или колониальные пространства в ощущениях европейцев позапрошлого века.

Нет ничего нового в том, что города и села иногда умирают и рождаются вновь. Страшен приговор, поражающий простотой объяснений. Если жертвой индустриализации стала российская деревня, мир русского крестьянства, бывший основой национальной экономики и культуры, то в жертву новому, рыночному городу придется принести еще остающиеся малые и средние города, а миллионам семей останется искать счастье в других, далеких от их малой родины, местах.

Переселяя людей в большие города, авторы концепции не задумываются о рекультивации оставляемых территории и о том, что их новое освоение в обозримом будущем едва ли возможно, поскольку потребует, в отличие от поддержания, значительно больше человеческих и хозяйственных ресурсов, чем те, что могут оказаться под рукой в нужный момент.

На протяжении семидесяти советских лет, прямо и косвенно, сознательно и неосознанно формировался культ большого города. Большой город – колыбель пролетариата, резиденция вождей и витрина страны – был не только антиподом казавшейся вечно отсталой деревни, но и средоточием вполне реальных жизненных удобств. Сегодня этот культ питается утверждениями о том, что ВВП создается преимущественно в больших городах и растет там быстрее, невзирая на то, что реальное производство из больших городов уходит.

Россия пребывает в почетном пуле урбанизированных стран, а половину ВВП страны дают двадцать больших городов и, в первую очередь, столицы. Вывод из этих достаточно отвлеченных рассуждений вполне конкретен и сводится к тому, что раз большие города столь успешны, то именно сюда стоит направить все усилия и что, вообще, конкуренция стран уступает место конкуренции больших, «глобальных» городов.

Если допустить, что разогретый, набравший обороты механизм «управляемого сжатия» не заглохнет, не остановится на этапе создания пятнадцати многомиллионников, а продолжит работу, то спустя некоторое время всем россиянам предстоит стать москвичами. Пределов уплотнения, как показывает опыт и самой Москвы, и ее ближайшего окружения, нет.

Не касаясь сути, содержательности такого показателя как ВВП, нетрудно заметить, что в его получении участвуют не только большие города, но многие территории, образующие сложные цепочки, в конце которых оказываются крупные финансовые и административные центры. В целом это состояние характерно для стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки и менее характерно для США и Евросоюза, где вклад больших городов не столь значителен.

В отличие от немногочисленных российских миллионников, полумиллионников и образуемых ими агломераций число потенциальных и сложившихся конурбаций неизмеримо больше, и именно они способны составить основной массив новых, высокоорганизованных и адекватных систем расселения. Участники групповых систем, села, малые и средние города дополняют друг друга и делят между собой функции центрального места агломерации. Интерес к групповым системам, возникший в СССР в восьмидесятых годах и отражавший реалии российского пространства, сегодня не кажется случайным. Если число агломераций по разным подсчетам может составить от одного до нескольких десятков, то число конурбаций или групповых систем может быть на порядок большим.

IV. Пространство жизни

Пространство, переживаемое каждым на интуитивном уровне, достаточно конкретно. В отличие от пространства страны или региона оно видимо, зримо, осязаемо и, подобно пространствам других уровней, делится на два слоя – слой объектов, имеющих определенные читаемые границы, и слой коммуникации – улиц, дорог и путей разного рода, сходящихся в узлах, на перекрестках, у вокзалов и т. п. Относительно закрытые и статичные пространственные единицы, повседневное обыденное пространство традиционно организует и охватывает три уровня: места проживания отдельных семей, пространства соседств и пространства муниципалитетов. Отчетливо различимой социально-пространственной единицей может считаться муниципальное образование, или муниципалитет. У нынешних муниципалитетов множество разновидностей и наименований: городские округа, внутригородские районы и районные центры, поселки городского типа, городские поселения и т. п. Границы муниципалитетов далеко не всегда совпадают с административными границами и с границами поселений. Муниципалитетами оказываются малые города, части большого или среднего города и муниципалитеты, объединения нескольких, чаще всего сельских, населенных мест.

Теоретически муниципалитеты должны обладать осязаемыми пешеходными человеческими размерами, предполагающие уверенную ориентацию жителей, иметь четкие границы, фиксируемые естественными и искусственными рубежами, вроде береговых линий, оврагов, автомагистралей и железных дорог. Внутри муниципалитетов, как правило, имеется отчетливо выраженный центр или несколько сопоставимых по весу центров. Устойчивость муниципальных образований тесно связана с их узнаваемостью, различимостью облика, с понятным происхождением и историей, хранящей прозвища и топонимы.

Далеко не всегда муниципалитеты складываются исторически или носят естественный характер. Муниципальные структуры разрушались не одной только берлинской стеной. В советские времена их границы определялись, например, принципом доминирования среди избирателей представителей рабочего класса.

Предполагается, что власть в стране должна делиться между государством, ответственным за общенациональную региональную политику, и местным самоуправлением, ответственным за состояние пространства жизни и его качества. На практике нынешние муниципалитеты лишены и денег, и власти. Своими возможностями и полномочиями они уступают и дореволюционным земским институтам, и многим зарубежным собратьям, что становится главной причиной привычно печального состояния городов, сел и окружающей среды в целом.

Краткие периоды переуступки государством некоторых полномочий в пользу местного самоуправления, следовавшие за Земской реформой второй половины XIX века, совпавшие с хрущевской оттепелью или событиями начала девяностых, сменялись длительными

периодами недоверия к демократии малых пространств, к горизонтальным связям и самоорганизации. Общественные обсуждения и слушания по вопросам территориального развития, попытки саморегулирования различных сообществ, предпринимавшиеся в недавнем прошлом, закончились безрезультатно. Общество обнаруживало свою неготовность воспользоваться предоставляемыми правами, а власть и бизнес предпочли сохранить за собой максимум полномочий и прав.

Умами лиц, принимающих решения, по-прежнему владеют некие неопределенные образования, называемые кварталами и микрорайонами, восходящие к советскому прошлому, к поискам оптимального или идеального города и представляющие некие универсальные единицы, которые могут существовать как самостоятельные, так и служить материалом создания городов любого размера. Искушение создать оптимальный идеальный город с устойчивыми размерами, город, избавленный от недостатков и вбирающий лишь достоинства, породило и идеальный город Ренессанса, и состоящий из микрорайонов советский город, оставивший глубокий след в российской нормативной базе.

Лишение граждан прав на собственное жилище, стоящее на собственной земле, переселение в коммунальные квартиры, многоквартирные дома, пребывающие под контролем госструктур, давало Советской власти возможность прямого воздействия на каждого. Сегодня эти инструменты из рук власти перешли к девелоперскому бизнесу. Квартиры, ранее раздававшиеся бесплатно вместе с почти бесплатными услугами на их поддержание, превратились в практически безальтернативный товар, который оказывается дорогостоящим прежде всего для его покупателей.

Результатом приватизации квартир в многоэтажных советских микрорайонах и в стагнирующих городских центрах стало появление бедных собственников, в которых будут со временем превращаться многие нынешние счастливые приобретатели квадратных метров. В советские времена поддержание квартирного жилья за счет государства было нормой. Эффективность расходов, как и ухудшение состояния жилого фонда, мало кого волновало. В нынешних условиях содержание крайне затратных многоквартирных домов, оплата ремонтов, благоустройство дворов, т. е. все то, что соответствовало советской модели, становится все менее реальным. В ситуации исчерпанности финансовых возможностей и жителей, и государства, на фоне усложняющегося состояния жилого фонда в целом, все более актуальны действия стратегического характера, к которым можно отнести изменение структуры жилого фонда и поддержку института ответственных соседств.

Заимствованная на западе идея микрорайона, относительно завершенной социально-пространственной единицы, предполагала создание условий для формирования самоуправляемых соседских сообществ. Это идея, пользовавшаяся в период хрущевской оттепели поддержкой власти, получившая в свое время некое научное обоснование, так и не была реализована. Своей опорой власть предпочла считать не соседства, а производственные коллективы. Нынешнему застройщику и поддерживающей его бюрократии идея соседств также не близка. Гигантские муравейники наших дней никак не предполагают и не стимулируют возникновение ответственных, самоуправляемых соседских сообществ, а активность жителей, отстаивающих свои права, выдвигающих свои требования, своих лидеров, не встречает понимания и сочувствия.

Соседские общины, занимающие важное место между семейным домом и муниципальным образованием, являются основной базой местного самоуправления и муниципалитетов. Границы и численность соседских сообществ колеблются в значительных пределах, определяемых жителями, и возможностями сохранения прямых контак-

тов и прямого участия. Поиски оптимальной численности соседств, равно как и упорные попытки создать соседства искусственно, особого успеха не имеют. В советских коммунальках, как и в нынешних домах-муравейниках, успешное соседство не возникает. Насаждаемые сверху усилиями властей ТСЖ (товарищества собственников жилья) эффективностью не отличаются. За годы советской власти культура соседств под давлением государства оказалась полностью утраченной и восстанавливается крайне медленно. Соседские и производственно-соседские сообщества разделили печальную судьбу кооперативов, получивших былое распространение перед революцией и в период НЭПа, а закат НЭПа совпал с началом окончательного превращением граждан в скромных арендаторов государственных земель и квартир, не располагающих ни особыми правами, ни заметным влиянием. Пробуждение соседских чувств, стремление объединить усилия в целях выживания обнаруживаются в период испытаний, в моменты войн и трагедий. В мирное советское время эти чувства лишались оснований.

Коммунальные квартиры и коммунальные дворы, не имевшие доселе очевидных аналогов, ликвидировали всякие признаки приватности и частной собственности на жилплощадь и землю, бывшие основой горизонтальных соседских связей.

Защищенность, контролируемость территории, безопасность, предсказуемость являются очевидными преимуществами организованных соседств, активно препятствующих асоциальному поведению, агрессии и вандализму в жилье – признакам отсутствия нормальных связей и отношений. Соседские сообщества объединены общей локализацией и общей собственностью, лишены жесткой закрытости, конфессиональных, профессиональных, этнических или имущественных объединений. Соседство во многих странах используется как интегрирующий инструмент, способный собрать разных людей с разными доходами, разным типом владения жильем и разными культурными предпочтениями.

В российских городах и за их пределами сегодня обнаруживаются два типа территориальных жилых образований: многочисленные старые, сложившиеся в советские времена, где соседские сообщества являются скорее немногими исключениями, и новые, подчеркнута изолированные от окружения, жители которых более склонны к объединению и сотрудничеству. Неопределенность параметров и границ старых советских домовладений и территорий, невнятность их структуры, низкий уровень технического состояния домов и придомовых территорий усиливают нежелательный контраст. Все это делает крайне востребованной комплексную реконструкцию бывших советских микрорайонов, ориентированную на воспитание ответственных соседских сообществ, то есть на достижение целей, практически не упоминающихся в связи с программами реновации жилья.

В СССР на все запросы граждан касательно мест проживания давался один ответ в виде квартиры в панельном доме, который строился на севере и на юге, в городе и на селе. Нынешний застройщик, по сути, продолжает настаивать на столь же унифицированном ответе, слегка разнообразив цену продаваемых квартир и упорно борясь за повышение этажности домов и плотности застройки. Задачи социального государства в условиях рынка сводятся к тому, чтобы советский типологический стандарт жилья заменить стандартом благополучия, гарантирующим базовый неснижаемый уровень комфорта и предоставляемых услуг независимо от типа жилья, места проживания, уровня доходов и образа жизни. Адекватная структура жилого фонда означает широкий диапазон цен приобретения и эксплуатации жилья, несколько способов владения, включая собственность, коммерческую и социальную аренду, наконец, разные типы жилья, в числе

которых башенные дома повышенной этажности с апартаментами и комплексом обслуживания, многоквартирные дома с высотой, не превышающей 9–12 этажей, дома малой этажности с лифтами и без лифтов от 3 до 5 этажей и, наконец, блокированные дома и коттеджи. Активная социальная политика предполагает пространственную интеграцию разных форм владения жильем и семейств с разными доходами при условии четкого пространственного зонирования, упорядоченного размещения домов определенного типа.

Модель идеального советского города, воплощенная в Тольятти, Набережных Челнах, множестве моногородов предполагала однотипность застройки большого и малого города, центра и периферии, то есть отсутствие плотного и типологического зонирования. В наши дни упорядочению застройки, введению зонирования сопротивляются девелоперы, избегающее любых ограничений. Результатом этого становится появление в самых неожиданных местах на новых территориях и на сложившихся участках гигантских сооружений, все более превосходящих размерами их советские аналоги.

Активная градостроительная, планировочная политика предполагает использование того или иного типа домов в строгом соответствии с характером застройки, показателями плотности и локализации в пространстве города. Максимальная плотность естественна в центрах больших городов, в местах концентрации улиц и пересечения магистралей. Она обеспечивается ценой создания непрерывных высокоплотных многоуровневых подземных и надземных структур, завершаемых зданиями повышенной этажности. Далее следует пояс плотной среднеэтажной, чаще всего квартальной, застройки, вслед за которой идут более обширные и менее плотно застроенные территории малоэтажных домов и коттеджей. Большие города располагают всеми или почти всеми зонами и типами застройки; средние и малые располагают двумя-тремя зонами, а села и субурбия, или пригороды, предпочитают один тип застройки, в основе которого – семейный коттедж.

Разнообразие типов жилья вовсе не означает механического равенства больших и малых домов, квартир и коттеджей. В отсутствие исследований, посвященных предпочитаемому россиянами образу жизни, типу дома и окружающей среды, можно сослаться на опыт других стран и российскую статистику наших дней. Если в общем объеме ежегодно вводимого в стране жилья половину составляют поддерживаемые государством, банками и ипотекой многоквартирные дома, возводимые крупными застройщиками, то другую половину обеспечивает практически лишенные поддержки частные застройщики-энтузиасты и малый бизнес, пребывающий в сегменте ИЖС – индивидуального жилищного строительства.

Относительно свободный выбор места проживания, характерный для развитых стран и становящийся нормой в России, не подтверждает однозначного предпочтения большого города и городского образа жизни. Большая часть европейцев и подавляющее большинство американцев живут в домах, а не в квартирах. Эти дома, как и образ жизни их обитателей, нельзя отнести ни к категории городских, ни к категории сельских. Сбалансированный промежуточный мир, расположенный между городом и «не городом», близок и нашим соотечественникам. Причины этого не только в заботе людей о пропитании; они глубоко укоренены в аграрной по своим корням культуре страны, той культуре, которой противостоял советский культ большого города, трансформирующийся в урбанистический ажиотаж наших дней.

Едва ли не самым ярким свидетельством тяги россиян к земле становится поведение элиты, однозначно предпочитающей жизнь на Рублевке. Сходный образ жизни по целому ряду показаний предпочли бы две трети россиян, столько же, сколько проживает сегодня в собственных

квартирах. По сей день большинство граждан страны так или иначе связано с землей. Это не только сельские жители, составляющие около четверти населения страны, но и жители поселков городского типа, районов ИЖС, малых и средних городов, жители пригородов и, наконец, это владельцы дач, садовых и огородных участков, к числу которых относятся почти половина горожан, многие из которых превращают второе, сезонное жилище в первое и постоянное.

Значительная часть этого «неквартирного» фонда лишена необходимых удобств и пребывает в неудовлетворительном техническом состоянии, а его обитатели, как правило, мечтают о квартирах со всеми удобствами. Причина этого не только в неспособности людей обновлять, реконструировать и должным образом поддерживать свои дома. Поддержка ИЖС не входит в число приоритетов власти и это несмотря на то, что собственный дом был и остается в реальности и мечтах базовым, главным типом семейного очага.

Свой дом – фундаментальная ценность, одно из главных условий формирования ответственных домовладельцев, составляющих основу среднего класса и гражданского общества. Собственные дома не менее комфортны, чем квартиры, но зачастую дешевле в строительстве и эксплуатации, потребляет меньше ресурсов, меньше энергии и воды и, наконец, дом на собственной земле, в отличие от квартир на этажах, имеет устойчивую и понятную цену. Именно за это его недолюбливают крупный застройщик и нынешнее ЖКХ.

Собственный дом разделяет судьбу других изгоев – малого города и пригорода, для которых он предназначен. Их развитию препятствует позиция крупного российского застройщика, который старается любой ценой оставаться в пределах большого города, избегая затрат на развитие инфраструктуры и эксплуатирующий имеющийся культурный и хозяйственный потенциал. Тот же застройщик, но в приобретенной им сегодня роли землевладельца, «лендлорда», успешно препятствует не только установлению твердой градостроительной дисциплины, эффективному зонированию, но, прежде всего, появлению малоэтажной и коттеджной альтернативы. Искусственно создаваемый дефицит земель поселений, земель под застройку в сочетании с отсутствием со стороны государства попыток стимулировать развитие инфраструктуры – существенные препятствия пространственного преобразования и оздоровления среды жизнедеятельности россиян.

Рядом с жилыми районами, по соседству с муниципалитетами или вдали от них существуют пространственные образования другого рода, где главным действующим лицом, «актором» и заказчиком является бизнес. Это обширный класс инфраструктурных, сетевых образований, открытых, частично открытых, быстро меняющихся и динамичных. В их основе пребывают транспортно-логистические узлы, пересечения магистральных коммуникаций, вокруг которых формируются коммерческие центры, деловые районы с офисами и гостиницами, индустриальные зоны, производственные кластеры, то есть группы учреждений и предприятий, принадлежащих различным отраслям и работающих по преимуществу на внешний, внемуниципальный, внерегиональный рынок. Каждый узел уникален и неповторим. Магистраль, близость которой для муниципалитета и обычного жилья недопустима, если не смертельна, для коммерческих и деловых центров жизненно важна.

Признаком развитости коммуникационного каркаса являются одновременно связанность и независимость обслуживающих муниципалитеты пешеходных путей и улиц, с одной стороны, и собирающихся в узлы автомобильных и железнодорожных магистралей – с другой. Это обстоятельство делает недопустимым присутствие характерных

для российской практики «магистральных улиц» странных гибридов, пришедших из советского прошлого, из тех времен, когда к автомагистралям относились как к парадным проспектам, но не как к сооружениям, мало чем отличающимся от железных дорог. Там, где магистралей нет, узлы не возникают, а офисам и отраслевым производствам делать нечего. Самыми известными примерами коммерческих, деловых многофункциональных центров являются комплексы нью-йоркского Grand Central, деловой центр Монреаля, парижский Дефанс, в компанию которых попадают аэрополисы – сгустки сооружений вокруг аэропортов. Сердцевинной этих образований становятся комфортабельные и разветвленные пешеходные пути, идущие вдоль конкорсов, сквозь галереи и пассажи, паркинги и остановки общественного транспорта. Между новыми быстрорастущими многофункциональными узлами такого рода и старым муниципальным центром города складываются непростые отношения – от мирного сосуществования до открытой вражды. Попытки жесткой, радикальной реконструкции исторического центра, его адаптации в интересах бизнеса, предпринимавшиеся со второй половины XIX века многими европейскими городами, постепенно дополнялись или сменялись желанием разместить новый деловой район подалее от старого центра. Примером парижского Дефанса успешно воспользовались в Токио и Сеуле, где сложились целые системы новых центров – узлов на значительных расстояниях и друг от друга, и от исторического ядра, сохранившего и развившего особенности символического, эмоционального центра всего городского сообщества.

Промышленные узлы, зоны и кластеры наших дней уходят из городских центров, из старых индустриальных районов легче и охотнее, чем офисы, а те, кто занят в промпроизводстве, добираются на транспорте. Индустриальные зоны, где разные производства объединены территорией, инженерным и транспортным обеспечением, и «кластеры», участники которых должны быть связаны технологическими, производственными отношениями, вслед за коммерческими и деловыми узлами, тесно сотрудничают с муниципалитетами, дополняют друг друга в роли ответственных за присутствие на внешнем и местном рынках.

Узлы – это ворота регионов и муниципалитетов в большое экономическое пространство, это посредники между жильем и местом приложения труда, демпферы и шарниры, теоретически делающие систему гораздо устойчивее системы советских отраслевых сетей и моногородов.

Моногорода, точнее, жилые дома с обслуживанием при предприятиях ВПК, по форме и по существу бывшие «закрытыми», оказались жертвами закрытости. Утратив поддержку государства, выпав из отраслевых производственных цепей, не став за годы существования частью местного территориального комплекса, они оказались ненужными в новых условиях. Это состояние было особенно болезненным в связи с потерей жителями моногородов прежних привилегий и отсутствия у них привычки к тем формам самообеспечения, которые знакомы обитателям малых поселений, исключенных по каким-то причинам из официального хозяйственного обмена. Выход из этой ситуации – в преодолении жесткой связанности, зависимости места работы и места проживания, в превращении жилой части в самоуправляемый муниципалитет, являющийся членом регионального сообщества, и включение производства в новые хозяйственные цепи, созданные на базе все тех же индустриальных зон и кластеров. Правильный выбор специализации является не менее надежной основой благополучия, чем размещение успешной и крупной компании, о котором мечтают многие муниципалитеты. Гарантией надежного будущего малого города становятся «человеческие индустрии». Города – крупные медицинские центры, города-курорты, города-универси-

теты, центры туризма никогда не повторяют судьбу городов на угольных месторождениях.

Самые радикальные изменения пространства жизни ближайших лет связаны с изменениями отношений дома и работы. Материальное, товарное производство становится менее человекоемким; основная масса занятых перемещается в сферу услуг, в управление, в человеческие и интеллектуальные индустрии. Значительная часть граждан трудится дома, рядом с домом, в своем или соседнем муниципалитете, в локальной экономике, в местном или соседском социуме. Другая, меньшая часть, занята в ближайших узлах либо проходит сквозь узлы в более удаленные от дома индустриальные и коммерческие зоны. Все большее число людей не имеет фиксированного места работы. Результатом этих процессов становится возникновение «новых соседств», участники которых все больше времени проводят дома или рядом с домом. Встречное движение, направленное из мест приложения труда, можно определить как социализацию или гуманизацию условий работы, становящейся более эффективной и производительной. Детские ясли и фитнес-клубы при офисах – одна из многих черт этого процесса.

Муниципалитеты и узлы, сообщество жителей и бизнес-сообщества формируют каждый по-своему окружающую среду. Муниципальная жилая среда, состоящая из семейного дома, соседства или муниципалитета, в идеале создается для себя. Эта среда консервативна: те, кто ее формируют, крайне бережно относятся к сохранению ее привычного облика. Именно в этой атмосфере возникают охранительные настроения и движения, здесь выстраиваются особые технологии реконструкции и развития пространств. Переселив бесчисленные офисы в район Дефанс, Париж берет сегодня за исторический центр. Местом внешне невидимого латентного обновления становится остров Сите. Его подземное пространство, его дворы, пустоты и чердаки обживаются и объединяются сетью пассажиров и переходов, а сам остров превращается в единое огромное сооружение, основным наполнением которого становятся не офисы, а учреждения культуры, предлагающие жителям и приезжим нечто уникальное и неповторимое.

Жилье ощущается частным пространством, соседство – пространством полузакрытым, принадлежащим группе жильцов, защищенных шлагбаумами, охраной или менее заметными знаками и устройствами. Муниципальные пространства можно определить как полуоткрытые; здесь есть свои постоянные обитатели и гости, туристы, визитеры, которые обычно не проникают дальше центральной улицы или главной площади. Культурный, социальный, символический центр муниципалитета, его лицо, его физическое материальное воплощение, то, что принято ассоциировать с «идентичностью» сообщества, имеет локальную природу, рождено местными ценностями и традициями. Муниципальные, символические, исторические центры не нуждаются в плотной или высотной застройке, им привычнее оставаться «священными пустотами» вроде центрального парка в Нью-Йорке или центральных площадей Москвы, которые оживают и становятся многолюдными в праздничные дни.

Существующий параллельно с муниципальным, мир узлов и коммуникаций, офисов и торгово-развлекательных комплексов, динамичный и современный, живет по другим, глобальным правилам, вне локального контекста, адресуясь к другим: пассажирам, посетителям, туристам, покупателям, гостям и клиентам. Интересы своих, то есть тружеников, работающих, «офисного планктона» и подобных групп учитываются с меньшим энтузиазмом. Среда узлов предполагает высокую плотность и насыщенность, интенсивность использования земли и постоянный, круглогодичный, круглосуточный режим работы.

Реальность российского пространства жизни не всегда совпадает с идеальной картиной. Очевидная слабость муниципалитетов препятствует созданию общедоступной, разнообразной и высококачественной жилой среды. Отсутствие развитого коммуникационного каркаса, сети магистралей, в сочетании со спецификой российского бизнеса, предпочитающего быстрые деньги и избегающего рисков, тормозит появление узловых образований.

В СССР вся среда создавалась практически одним субъектом – государством. Советский город можно было обвинить во многих грехах, но он был целостен, самостоятелен, вызывал уважение иностранцев и не казался провинциальным. Жесткая государственная стратегия делала его уникальным, несмотря на то, что комфорт и благоустройство приоритетами не только не считались, но в некотором смысле были презираемы.

Российские города утратили прежнюю сухость, социалистический аскетизм и идеологическую сдержанность, но не приобрели ни европейской привлекательности, ни американского размаха, ни собственного лица или естественного разнообразия. Дисциплину, жесткий порядок и специфическую гармонию советских времен сменили всевластие застройщика и хаос. Очевидная неудовлетворенность происходящим заставила государство вспомнить советский опыт и взять на себя ответственность за состояние жилой среды и ЖКХ, не доверяясь муниципалитетам и освобождая от ответственности девелоперский бизнес.

Российская программа формирования комфортной среды напоминает программы реконструкции и джентрификации пребывавших в сходном состоянии центров американских, европейских и азиатских городов с тем лишь отличием, что лучшие зарубежные программы носили комплексный характер, определяли границы ответственности и обязательства собственников, вводили твердые правила зонирования, охватывающие области архитектурного и градостроительного проектирования, решали вопросы транспортного и инженерного обеспечения. Предметом особой заботы инициаторов джентрификации становились узнаваемость, отличительные черты нового окружения, связь с историческим и пространственным контекстом. Бедность и скудость среды компенсировались появлением ярких произведений искусства, устройством новых площадей и скверов. Характерным инструментом этих акций были тщательно разрабатываемые генпланы, которые вместе с подробным описанием проекта вывешивались на всеобщее обозрение. Но главной особенностью джентрификации, как правило, оказывался запуск процесса саморазвития, самоподдержки муниципалитетов, наделение их комплексом возможностей и полномочий, к чему российская власть сегодня еще не готова.

V. Пространство будущего

Россия нуждается в установлении эффективного и адекватного пространственного порядка, нуждается в завершении пространственных преобразований, связанных с распадом СССР, с новым жизненным укладом и новыми границами. Преобразования минувшего 25-летия носили радикальный характер, но были хаотичными и неуправляемыми. Выгодоприобретателем оказался самый сильный и мотивированный субъект – большой бизнес, крупный застройщик, к сегодняшнему дню практически исчерпавший имевшиеся у него возможности увеличения объемов строительства жилья и продаж. В итоге России предстоит решить по меньшей мере две непростые стратегические задачи, которые пришли еще из советских времен и которые странам-лидерам во многом удалось решить. Это создание современной инфраструктуры, самым необходимым компонентом которой являются автомобильные и железнодорожные магистрали. И это модернизация жилой

среды, с активным участием ответственных и дееспособных муниципалитетов.

Опыт пространственного регулирования России и других стран показывает, что успешными и перспективными бывают те шаги, которые в конечном счете отвечают интересам большинства представителей и бизнеса, и общества, и государства. Такими стали Земская и столыпинская реформы, китайские реформы Дэн Сяопина. Примеры создания моногородов, целинных совхозов и ГУЛАГа не обернулись появлением сколь-либо устойчивых структур. Министерство Дальнего Востока не более продуктивно, чем конкретная свободная зона в Шэньчжэне.

Успешные стратегии предполагают синергетический эффект «попутного ветра», использование энергии естественного происхождения в достижении поставленных государством целей. Результативными проектами власти становятся те, которые поддерживаются снизу и на местах. НЭП в течение года изменил облик страны, приведя ее от голода к относительному благополучию. Половина строящегося в России жилья относится к категории ИЖС, и поддержка государства, отклик на явное желание людей жить не в квартирах, а в собственном доме – самый очевидный и короткий путь к решению проблемы жилья.

Планы развития инфраструктуры и обеспечения жильем нуждающихся пользуются всеобщим одобрением и сочувствием. Проблема в деталях, которые обеспечивают баланс интересов участников. Как показала история с московской реновацией, кажущиеся властям убедительными и привлекательными проекты на практике требуют тонкой доводки, точной настройки, понимания и учета интересов других сторон. Соблюдение баланса становится правилом пространственных игр, условием успеха действий в отношении окружающей среды. Сбалансированность интересов настоящего и будущего, больших и малых групп становится не только инструментом, но и целью развития, которую в прошлом многие назвали бы «гармонией». Попытки дать однозначный ответ на повторяющиеся вопросы о том, что важнее, город или село, показатели ВВП или продолжительности жизни, теряют смысл. Стратегически выигрывает тот, кто снимает противоречие, заставляет кажущихся конкурентов двигаться в одном направлении.

Стратегия ценна и важна не сама по себе, но своими последствиями, в том числе в сфере законодательства и нормирования, в сфере управления и планирования. Стратегия в состоянии ускорить пересмотр нынешнего Градкодекса, работающего преимущественно в интересах крупного застройщика. Стратегия может объяснить необходимость пересмотра пакета законодательных актов о местном самоуправлении с задачей расширения возможностей муниципалитетов.

Пространственное обновление вряд ли возможно в присутствии мало изменившейся с советских времен нормативной базы строительства и ЖКХ. При работе над сочинскими объектами, над Сколково или островом Русский, когда необходим гарантированный результат, сопоставимый с зарубежными аналогами, возникает необходимость отмены действующих порядков, норм и правил и введения специальных режимов. Самое удивительное, что после завершения больших проектов их опыт не распространяется далее, область применения особых режимов не расширяется, и все остается по-старому.

Некоторый оптимизм в отношении будущего нормативной базы вселяет обсуждаемая российскими парламентариями тема «стандарта благополучия». Принципы, на которые опиралась советская нормативная база градостроительства и которые не пересматриваются по сей день, сводились к единому техническому стандарту, единому образу жизни и одинаковому уровню обеспеченности для всех граждан. Норма жилой площади на человека, число коек в больницах и мест в детском саду на 1000

жителей были одинаковы на всем пространстве СССР, что на практике было недостижимо и приводило к фактическому неравенству. Равенство возможностей, равенство прав предполагает признание объективной данностью различия условий жизни и разнообразие предпочтений.

Образ жизни становится производным от субъективных, частных, переменных обстоятельств и объективных общих, постоянных параметров или стандартов благополучия. Общие стандарты уровня комфорта и доступности услуг исключают фактическое привилегированное положение большого города, избавляют всех остальных от комплексов неполноценности и второсортности. В отличие от советских предписательных норм, жестко и однозначно определявших технические характеристики городов, зданий, их компонентов и деталей, параметрическое нормирование устанавливает цели, ориентиры, социальные гарантии, за которые несет ответственность власть, государство и органы местного самоуправления. В круг стандартов благополучия могут входить предельно допустимые базовые параметры, вроде времени ожидания скорой помощи, качество и количество потребляемой воды, возможности устройства в детский сад ребенка, наличие персонального пространства для каждого члена семьи, доступность обучения и переобучения и т. д., и т. п.

Достижение этих параметров в разных условиях обеспечивается разными и нестандартными путями и средствами, поиск которых порождает нужду в инновациях. Принципы параметрического нормирования, постепенно распространяющиеся на все области функционирования и развития пространства, потребуют существенного повышения качества управленческих и проектных решений и ответственности людей, стоящих за этими решениями.

Новая стратегия рождается не на пустом месте. Она обременена накопленной инерцией последних лет, противоречивым наследием советского прошлого и фрагментами зарубежного опыта. Сквозь тексты и заявления многих нынешних лиц, принимающих решения, проступают очертания советских утопических конструкций с присущими им простыми «универсальными» решениями, вере в большой город, в экономический детерминизм, ведущую роль производительных сил и т. п. Видение завтрашнего дня при этом, как правило, опирается на картины из западной жизни, а реальность диктуется интересами большого бизнеса и отраслевых гигантов, роль которых в пространственном развитии выглядит крайне неопределенной и неоднозначной. Стратегия, направленная в будущее, рискует оказаться собранной из материала прошлого.

Нежелание власти и бизнеса терпеть какие-либо ограничения, подчиняться пространственной дисциплине, считаться с мнением профессионального сообщества привело к утверждению практически ручного управления, не нуждающегося ни в Стратегиях, ни в генпланах. Их место занимают отдельные, трудно предсказуемые шаги, каждый из которых имеет четкие круг выгодоприобретателей или инициаторов. В одних случаях это неумный застройщик, в других – возмущенный мусорной свалкой житель.

Главным адептом ручного управления становится Москва. Ее опытом присоединения новых территорий, реновации и благоустройства предлагается воспользоваться другим городам. При этом старающийся сохранить градостроительную дисциплину и соблюдающий высотный регламент Питер пропагандируется куда меньше.

Длительное отсутствие запроса на интеллектуальное обеспечение практики привело к ликвидации институтов и школ, дефициту кадров, утрате профессиональных навыков и деградации научного знания. Никого не удивляет низкое качество генпланов, генеральных схем, документов районной планировки, содержательная и методическая наивность заявлений и терминологический хаос. Едва ли не самые популярные сегодня слова «агломерация» и «среда» каждый понимает по-своему.

Создание и «имплементация» Стратегии пространственного развития теоретически открывает перед профессионалами разного рода обширные возможности как оценки ресурсов, анализа процессов и состояний, так и генерацию новых идей и адекватных концепций. Проектная работа, создание документов, подобных Стратегии и последующих за ней, предполагает участие не только представителей разных профессий, но носителей разных типов сознания, тех, кто в состоянии анализировать картину происходящего, оценить последствия принятых решений, и тех, кто в состоянии синтезировать эту картину отсутствующего, качественного нового, отличного от существующего мира.

Одни видят мир дискретным, состоящим из частей и фрагментов, другим этот мир представляется целостным и обобщенным. В междисциплинарных командах географы, экономисты, социологи, инженеры, люди, называющие себя «урбанистами», выполняют роль аналитиков, исследователей и наблюдателей. Они работают с понятиями, изъясняются словами и цифрами. Роль синтезатора, сборщика документов, имеющих пространственную природу, традиционно выполняют архитекторы и градостроители, те, кто владеет языком изображений, языком пространственных моделей и чертежей, кто мыслит образами, оперирует нерасчлененными конструкциями, в которых всегда присутствует нечто главное. Урбанисты и географы склонны рассматривать пространство как некую данность, подлежащую изучению, регулированию и оптимизации. Они легче смиряются с произволом застройщика и слабостью властей, с неспособностью преодолеть хаос, полагая многое результатом действия объективных сил. Они предпочитают отдельные частные реакции и точечные действия. Градостроитель действует в соответствии с картиной будущего, работает на опережение, расположен к преобразованиям. Географ склонен считать агломерациями бесформенные, толком не контролируемые, хаотичные, наспех и сплошь застроенные территории. В представлении градостроителя признаком агломераций является наличие управления, направленного на формирование единого коммуникационного каркаса и общих правил зонирования.

Восстановление системы научного и проектного обеспечения пространственного развития невозможно в отсутствие экспертов, то есть круга профессионально состоятельных специалистов и структур, объединяющих обучение, исследование и проектирование. Нормой работы этой системы должны стать открытая конкуренция экспертов и их внимательный и мотивированный отбор.

У сообщества носителей разных знаний и компетенций, у коллективов и отдельных лиц, в той или иной степени причастных к созданию Стратегии, есть главный ответственный заказчик и адресат – федеральная власть. Законодательная, представляющая интересы территории, и исполнительная, ответственная за состояние отраслей. Огромный потенциал, который заключен в пространственной согласованности регионов и отраслей, в развитии межрегионального и межотраслевого сотрудничества, очевидно недооценивается. Единая политика в области регионального развития с ликвидацией недолго просуществовавшего Министерства не получила сколько-либо внятных очертаний. В свою очередь Министерства, каждое из которых имеет прямое, вроде Минэка, Минстроя, Минтранса, или косвенное отношение к теме пространственного развития, остаются по советской традиции герметичными и осуществляют собственные программы пространственного развития. Крупные государственные проекты, в которых участвуют и отрасли, и территории, вроде сочинской Олимпиады, объектов футбольного чемпионата, космодрома Восточный и бесчисленных военных городков, не породили устойчивую систему координации и взаимодействия.

Неопределенность геополитических процессов погружает малые города в пучину прекариатства с неясными перспективами. Попадают ли им финансовые вливания федерального Минстроя в проект «Городская среда малых городов и исторических поселений»? Уж точно – не помешают. Само сотрудничество горожан и муниципалитетов в работе над концепциями стало импульсом к развитию. Представляем читателю три проекта бюро «Рождественка», участвовавших в конкурсе. Проблемы Осташкова понятны, но вот Суздаля, на первый взгляд, к прекариату трудно отнести; перспективы его ясны – бриллиант Золотого кольца. Оказывается, город-то убывающий, расходы города превышают доходы, а большой туристический поток приводит к износу городской инфраструктуры.

Есть надежда, что Конкурс станет ежегодным, а к руководителям регионов и городов придет понимание того, что без участия в этой работе профессиональных архитекторов успех невозможен.

А как «у них»? Помещаем материал о работе французских урбанистов с тремя городами парижской метрополии. В городах, окружающих Париж, наблюдается риск концентрации экономически и социально незащищенного населения. На уровне метрополии и даже государства поставлена задача установить нужный баланс между центром и городами вокруг. Программа ревитализации городских центров началась в прошлом году с исследовательских и экспериментальных работ.

Елена Григорьева

прекариатство малых / precarity of small towns

The uncertainty of geopolitical processes plunge small towns deep into precarity with ambiguous prospects. Will the financial injection into the project “Urban settlements” made by the Federal Ministry of Construction be helpful? At least it won’t hurt. Already the collaboration between citizens and municipalities during the work on the concepts gave impulse to development. We bring to your attention three projects by “Rozhdestvenka” architectural bureau, participants of the competition. The problems of Ostashkov are comprehensible. Suzdal, however, can be hardly categorized as precarious at first sight; the prospects of this diamond of the Golden Ring are clear. It appears that the population of the city is decreasing, the city’s expenses exceed its revenues, and a big flow of tourists deteriorates the city infrastructure.

We hope that the competition will become annual, and the regional and city authorities will admit that this work can be a success only with the participation of professional architects.

And what about foreign experience? We are publishing an article describing the work on three cities of the Paris metropolitan area performed by French urbanists. The cities surrounding Paris risk to concentrate economically and socially disadvantaged people. A metropolitan and even national task is to reach a proper balance between the center and the surrounding cities. The revitalization program for urban centers started last year with research and experimental work.

Elena Grigoryeva

Проект ориентирован на возрождение культурного ресурса центральной части Осташкова. Предлагается провести детальный анализ информации по картированию и транспортной ситуации. Авторы предлагают короткий девелопмент пяти пилотных площадок, которые станут точками роста будущего, инвестирования в реконструкцию центра и приспособления под новые, актуальные функции.

Ключевые слова: Осташков; историческая городская среда; устойчивое развитие; памятники архитектуры; маргинализация населения; возрождение города. /

The project is focused on revitalization of the cultural resource of the central part of Ostashkov. It is proposed to make a detailed analysis of the information concerning mapping and traffic situation. The authors offer a brief development of five pilot sites, which will become the future zones of growth, investment into the reconstruction of the center and adaptation to new relevant functions.

Keywords: Ostashkov; historical urban environment; sustainable development; architectural monuments; marginalization of inhabitants; revitalization of the city.

Осташков. Возможность возрождения / Ostashkov. The Possibility of Rebirth

Несколько лет назад я инициировал создание «Артели Архитекторов» – объединения, возникающего лишь тогда, когда в нем есть необходимость. Артель, в которую вошли несколько молодых архитектурных команд, несколько лет назад успешно работала в городе Выкса Нижегородской области на фестивале Арт-Овраг. Для решения городских задач Осташкова в отсутствие инвесторов Артели пришлось собраться снова в несколько ином составе. В этот раз на волонтерских началах в нее вошли люди, глубоко равнодушные к судьбе города. Разумеется, они являются, во-первых, архитекторами, а во-вторых – моими друзьями и родственниками. Лично я считаю, что все они совершили подвиг, проектируя ночами и по выходным, возвращаясь с основной работы и принимаясь за Осташков. В результате этой самоотверженной работы нам удалось менее чем за два месяца создать две концепции развития города. Всероссийский конкурс выиграла одна из них (Бульвар), но мы считаем, что вторая (Оставши) – гораздо более интересна как культурно-просветительский проект, способный дать толчок не только к экономическому развитию города, но и послужить образцом работы с памятниками архитектуры в других российских городах.

текст
Артём Черников /
text
Artem Chernikov

Проблематика

Памятники архитектуры Осташкова, историческая городская среда, географическое положение полуострова, на котором расположен город, вместе составляют его основной нематериальный капитал, который может конвертироваться в благо для города при следовании разумной стратегии устойчивого городского развития. Потеря этого капитала превратит город в неизвестное обиталище жителей, лишенных своей истории, стремлений и будущего. Эта угроза нависла над городом.

Сегодня историческая часть города потеряла своих хозяев, и напоминает, скорее, маргинальную окраину, нежели городской центр. При этом именно здесь наблюдается максимальная плотность объектов культурного наследия и различных культурных и природных аттракторов. Однако здания пустеют, руинизируются и,

в конце концов, полностью исчезают, оставляя после себя разрывы в городской ткани и ощущение непрерывно ведущихся боевых действий. Решение проблемы должно быть комплексным и опираться на внятную стратегию городского развития. Однако могут быть и локальные решения, способные джентрифицировать центр города, повысить капитализацию участков и обеспечить историческому поселению пропуск в будущее.

Предложение

В центральной части исторического города сегодня расположено порядка десяти (их количество от года к году растет) руинированных памятников архитектуры, требующих немедленного спасения. Именно они являются сегодня тем культурным ресурсом, который способен индуцировать развитие городских сообществ и привлечь деловую коммерческую активность в историческую среду, вернув городу его хозяев, его горожан и, как итог, – его парадный облик, облик успешного города.

Результаты опросов потенциальных инвесторов показывают более чем активный интерес к объектам культурного наследия и к соседствующим с ними территориям со стороны бизнес-сообщества, однако для разработки адекватных бизнес-планов сегодня катастрофически не хватает информации, составленных и актуальных дорожных карт. Процесс маргинализации центральных территорий также не помогает привлечь к этим площадкам инвесторов, так как в отсутствие потенциальных клиентов любой бизнес здесь будет провальным. Именно для решения этих проблем и разработан проект «Оставши» – как сказали бы сами оставши о том, что осталось, что пребывает в этом оставшемся состоянии.

Проект описывает поэтапный запуск программы возрождения города, начинающейся с короткого девелопмента сразу пяти пилотных площадок. Каждая из этих площадок – руина, когда-то бывшая прекрасным городским зданием. Для реконструкции этих зданий и приспособления их под новую функцию требуются большие средства и время. Но поэтапная активация этих площадок способна существенно ускорить и удешевить этот процесс.

Программа в рамках реализации проекта комфортной городской среды следующая:

авторский коллектив
Артём Черников,
Илья Иванкин,
Анастасия Иванкина,
Лидия Смирнова,
Егор Тюгаев

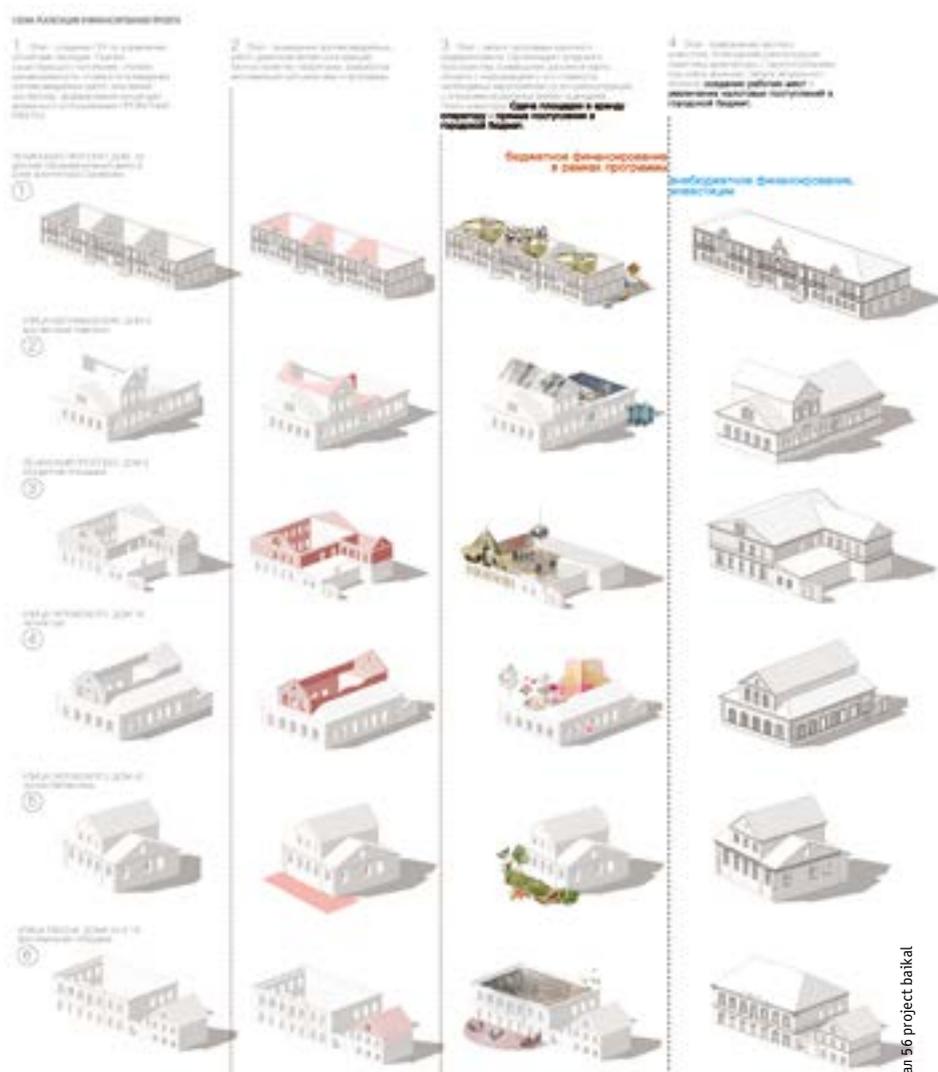
1. Проведение изысканий, историко-культурного анализа, изготовление проекта противоаварийных работ, консервации.

2. Расчистка площадок (дворов, внутренностей зданий, прилегающих территорий), проведение противоаварийных работ, организация беспрепятственного доступа горожан и туристов к объекту, благоустройство прилегающих территорий.

3. Запуск фестивальных программ на этих площадках, инициация городских мероприятий, включение этих площадок в городскую жизнь как рекреационных объектов, организация на них концертной деятельности и другое. Развалины греческих храмов, как и современные заброшенные промышленные площадки, привлекают внимание мировой общественности, руины Осташкова способны на это в не меньшей степени.

Основным пунктом программы является размещение внутри каждого такого объекта стенда с дорожной картой по его приобретению, реставрации и управлению. Любой потенциальный инвестор, внимание которого будет обращено на ту или иную осташковскую руину, будет точно понимать объем необходимых вложений и сможет составить и реализовать адекватный бизнес-план. В дальнейшем эту программу можно расширить и на остальные дома Осташкова, не имеющие сегодня охранного статуса.

В качестве самой главной из намеченных площадок нами выбран дом архитектора Суравкова – один из самых красивых домов города. Здесь необходимо создать крытый современный объем, временный штаб, который будет работать на популяризацию идеи восстановления памятников по программе короткого редевелопмента и уже на первом этапе создаст деловую активность в руинированном сооружении. Здесь разместится информационный центр, кафе, лекторий, библиотека и детский образовательный центр под управлением одного из известных российских операторов, с которым в данный момент ведутся переговоры. Все возводимые конструкции будут временными и прослужат пять лет, после чего программа короткого редевелопмента на данной площадке окончится, и начнутся работы по реставрации здания с приспособлением под новую функцию, которую определит время, интересы городских сообществ и инвесторов.

Автор описывает эволюцию функций центрального бульвара города Осташков. Подчеркивается недопустимость существования в центре города маргинализованной среды. Предлагаются меры по качественному изменению данной городской территории с зонированием и капитализацией.

Ключевые слова: Осташков; улица Евстафьевская; градостроительство; джентрификация; реконструкция; городская среда. /

The author features the evolution of the functions of the central boulevard in Ostashkov. He points out the inadmissibility of the marginalized environment in the center of the city. The author proposes the measures for quality changes in the given urban territory with zoning and capitalization.

Keywords: Ostashkov; Evstafievskaya Street; urban development; gentrification; reconstruction; urban environment.

Осташков. Бульвар / Ostashkov. The Boulevard

текст

Артём Черников /

text

Artem Chernikov

Проблематика, стратегия развития

Бульвар на улице Евстафьевская имеет драматическую историю. В восемнадцатом веке улица с говорящим названием «Миллионная» стала одной из четырех самых широких и важных улиц города, расходящихся крестом, центр которого приходился на утраченную ныне Преображенскую церковь. Здесь жили самые богатые горожане, и именно эта улица служила главной связью центра города, причалов на озере Селигер и Житенного монастыря. Сегодня она носит имя Евстафия – одного из основателей города Осташкова.

В советское время здесь появился бульвар, который, хотя и по-прежнему служил важной связью центральной части города с озером, полуостровом Житный и островом Кличен, но использовался горожанами неохотно: столбы уличного освещения были расположены посередине, как раз там, где должна была проходить пешеходная дорожка. Однако улица активно жила; здесь распола-

в В новейшее время улица пришла в упадок

гались многоквартирные жилые дома, разместившиеся в памятниках архитектуры, а также различные городские службы и магазины.

В новейшее время улица пришла в упадок. Многоквартирные дома были расселены по программе «Ветхое жилье», организации съехали, закрылся последний магазин. Одна из важнейших центральных улиц города пришла в полнейший упадок и превратилась в городскую периферию со всеми свойственными окраинам проблемами: она маргинализовалась, замусорилась, стала небезопасной. Как только с улицы исчезли люди, она начала умирать. Множество памятников архитектуры восемнадцатого-девятнадцатого веков уже разрушилось, многие продолжают разрушаться.

Для того, чтобы реанимировать улицу, а вместе с ней всю центральную часть города, необходимо создать условия для появления ее новых хозяев. Расположение бульвара, его связующая роль, наличие большого количества ценнейших памятников архитектуры, а также большой территориальный ресурс (участки, освобожденные временем от застройки) позволяют сделать вывод о большом потенциале этой площадки. А учитывая интерес, проявляемый в России к Селигеру и Осташкову, легко предположить, что именно эта территория сможет эффективно пройти путь джентрификации, капитализоваться, приобрести статус комфортной улицы с новым, превосходным качеством среды. Причем именно связующая роль позволит бульвару стать по-настоящему городской площадкой, востребованной как туристами, так и горожанами с различным уровнем дохода.

Проект благоустройства бульвара предполагает мощный экономический эффект, связанный с приходом большого количества потребителей на эту территорию. Как только бульвар станет удобной пешеходной связью, он переключит на себя весь пешеходный и велосипедный трафик, равномерно распределенный ныне по соседним улицам. Наличие потенциального потребителя даст толчок к появлению достаточного количества сервисов. Здесь появятся магазины, рестораны, гостиницы, музеи и самые дорогие в городе жилые дома. Рост качества жизни увеличит и качество запросов, что обеспечит бизнесу необходимые условия для развития на много лет

вперед. Взрывной рост активности затронет и соседние улицы, которые неизбежно включатся в новую систему взаимоотношений города и горожан.

Проектом предусматривается привлечение частных инвестиций на реконструкцию зданий и запуск бизнес-процессов. Благоустройство самого бульвара предполагает использование средств, выделяемых для реализации программы по созданию комфортной городской среды.

Описание проекта

Бульвар состоит из пяти зон, определенных границами кварталов. Он связывает центральный городской парк и Чайкин берег – важный городской аттрактор. Бульвар – это путь к городскому пляжу, Житенному монастырю, а также на остров Кличен – спортивно-рекреационный природный комплекс, который пользуется спросом у туристов и горожан круглый год.

Каждая из пяти зон имеет свой характер, генетику и соответствует особой степени приватности. Поэтому каждую из них мы программируем сообразно ее возможностям. Так, крайние зоны – у парка и у воды – самые активные. Здесь размещается торговля на открытых площадках, которые город способен будет сдавать в аренду предпринимателям; это позволит получать средства на поддержание жизни бульвара. Чем глубже мы про-

двигаемся по бульвару, тем функции становятся менее активными. Пройдя вернисаж художников и сувенирные лавки, мы подходим к детским площадкам и, наконец, к самой тихой центральной части бульвара.

Высаживаемые деревья и площадки активного отдыха расположены таким образом, чтобы открыть для пользователя все ценные видовые точки на городские доминанты и памятники архитектуры, в изобилии представленные на бульваре. Вдоль застройки обустриваются парковки, полностью модернизируется освещение. В конце бульвара, у воды, организуется муниципальный прокат лодок, велосипедов, лыж и прочего оборудования. Здесь же возводится павильон «Заслонов» на месте утраченного дома, в котором когда-то жил герой войны Константин Сергеевич Заслонов. В павильоне размещаются кафе, туристский центр, санузел. Также открывается муниципальный причал для платного хранения маломерных судов. Для управления причалом (и иными причалами и сервисами) создается ГБУ, берущее на себя заботы по обслуживанию создаваемой инфраструктуры.

Таким образом, бульвар на улице Евстафьевская превращается в новый комфортный линейный парк, становящийся мощным драйвером развития как самой улицы, так и ближайших городских территорий.

> Территория Зарядья одна из древнейших частей города, относящаяся к посаду XII века. Территория имеет колоссальный историко-культурный, природноландшафтный потенциал, раскрытый сегодня лишь на 30%. Территории необходима активация

Авторы излагают историко-культурные основания проекта реконструкции торговых рядов Суздаля. Анализируются недостатки современного статуса Суздаля как одного из центров Золотого кольца. Излагаются принципы реконструкции, ее план и способы реализации, а также возможность возвращения туристических денег в бюджет города.

Ключевые слова: Суздаль; туризм; культурный и ландшафтный потенциал; благоустройство; реконструкция; идентичность. /

The authors feature the historical and cultural background of the reconstruction project for shopping arcade in Suzdal. The article analyzes the disadvantages of the present-day status of Suzdal as one of the centers of the Golden Ring. It describes the principles, the plan and the approach to the reconstruction, as well as the possibility to return the money from tourism to the city budget. **Keywords:** Suzdal; tourism; cultural and landscape potential; improvements; reconstruction; identity.

Суздаль. Зарядье. Активация

Концепция развития и благоустройства территории Зарядья в городе Суздаль Владимирской области /

текст
Михаил Разумовский /
text
Mikhail Razumovsky

Работа проведена в рамках совместного воркшопа МаршЛаб и бюро «Рождественка».

руководители работы архитекторы бюро Рождественка
Артем Черников,
Михаил Разумовский,
Галина Волжанская

участники воркшопа
Михаил Бабаков,
Маргарита Богатырева,
Юрий Пелёвин,
Александр Николаев,
Егор Городилов,
Анастасия Зонова,
Ольга Щербаква,
Елена Пеганова,
Сения Мезенина

Текст. Суздаль – город XI века, известный на весь мир, один из древнейших малых исторических городов России с наибольшим количеством сохранившихся памятников и элементов древней городской застройки.

Суздаль – один из главных туристических брендов центральной части России: он входит в Золотое кольцо, Суздаль посещает 1,1 млн туристов в год.

Контекст. Но туристический поток не приносит денег в бюджет города; расходы города превышают доходы. Через Суздаль ежегодно проходит около 2,9 млрд рублей. Бюджет города – меньше 3,3% от этой суммы. Большой туристический поток приводит к износу городской инфраструктуры. Население Суздаля оказалось отключено от развитой туристической инфраструктуры города. Горожане не могут пользоваться спортивными объектами, кафе и ресторанами из-за высокой стоимости услуг. В то же время они не имеют и альтернативных городских сервисов. Основная часть (более 60%) суздальцев не живет в историческом городе, известно на весь мир. Для них Суздаль – это микрорайоны и жилые кварталы, лишённые необходимых социальных, культурных, рекреационных и образовательных объектов.

Территория Зарядья – это одна из древнейших частей города, относящаяся к посаду XVII века. Территория имеет колоссальный историко-культурный, природный,

ландшафтный потенциал, раскрытый сегодня лишь на 30%. 70% территории и объектов либо используется неэффективно, либо не используется вообще. Это ресурс для активации Зарядья.

Суздаль – исторический город. Любое новое строительство в его центральной части обрекает его на потерю нематериального капитала, составляющего основу его привлекательности, его жизни. Поэтому особую ценность здесь имеют объекты, уже находящиеся в центре, но по разным причинам ныне не эксплуатируемые, либо эксплуатируемые неэффективно. Таких объектов несколько: берега реки Каменка, Ильинский луг, здание существующего сельскохозяйственного техникума, бывшие гаражи полиции, расселенный жилой дом во рву, а также двухэтажное здание на берегу Каменки в месте ее пересечения с улицей Ленина. Эти пространства и здания являются существенным ресурсом для интенсивного развития территории Зарядья. Для их активации необходимо наладить комфортные связи, навести пешеходные мосты, создать низкие набережные, проходы, благоустроить спуски и обзорные площадки. Исторически Суздаль, как самобытный город, воспринимался снизу, с воды. Сегодня он повернулся к реке «спиной», и эта ситуация требует изменения.

Дом у реки. В доме у реки появится многофункциональный информационный центр, лодочная станция и универсальные офисные пространства. Этот объект даст импульс к развитию водного сообщения между знаковыми объектами Суздаля. Также здесь появится пешеходный мост и лодочный причал.

Дом-мост – штаб 1000-летия. Провести реконструкцию дома, расположенного на дне рва, сделав в нем «прокол» на уровне цокольного этажа для прохода пешеходов и превратив его в мост, соединяющий вал и противоположную сторону рва. Благодаря новым, эффективно работающим пешеходным маршрутам это здание станет еще одним важным маркером Суздаля, визитной карточкой старинного, но одновременно развивающегося современного города. В этом объеме может разместиться штаб тысячелетия Суздаля, а впоследствии ресторан, музей и сувенирные лавки. Помимо этого, дом-мост останется вполне пригоден для жизни как один из самых модных объектов города и послужит важной городской

Suzdal. Zaryadye. Activation

The concept for development and improvement of Zaryadye territory in Suzdal, Vladimirskaya oblast

связью. «Штаб тысячелетия» может стать платформой для взаимодействия горожан по подготовке к юбилею города в 2024. В определенные дни жители смогут туда прийти за консультацией, поработать с архитекторами над любой своей локальной проблемой: например, как сделать палисадник или реконструировать мансарду.

Культурный центр. Учебные мастерские Суздальского сельскохозяйственного колледжа (выявленный памятник архитектуры) требуют включения в культурную городскую программу. Здесь разместятся ивент-площадки, образовательный центр, галерея современного искусства и другие пространства для реализации культурных программ. Сельскохозяйственной же технике найдется достойное место в промышленной зоне на севере города, где также расположено множество полузаброшенных зданий, ждущих новых хозяев.

Торговые ряды. Благодаря активации и налаживанию связей удастся раскрыть потенциал всех торговых рядов, работающих сегодня лишь на 20%, и всей прилегающей территории торговых рядов. Благоустройству подвергнется сквер на улице Ленина перед Торговыми рядами, который является важным городским пространством.

Таким образом, проект развивает идентичность центральных территорий Суздаля. Проектом усиливаются эстетические, пространственные, культурные и исторические особенности среды, выявляются ее скрытые нынче стороны, создаются новые аутентичные пространства.

Проект не предполагает возведение новых сооружений (кроме временных деревянных мостов и мостков вдоль воды) и, таким образом, дает импульс к восстановлению и активации памятников архитектуры и заброшенных ценных объектов. По сути, он направлен на включение новых городских пешеходных маршрутов, открытие недоступных сегодня видов на исторический город и отдельные памятники архитектуры.

< Новая программа территории. Программа проекта нацелена на интенсивное использование всех пустующих объектов и пространств самой центральной территории города. Новые объекты должны привлечь на территорию широкий охват аудитории как туристов, так и жителей города. Это станет залогом успеха и эффективности проекта

^ Дом-мост – существующий объект-памятник архитектуры местного значения, не используется реконструкция под штаб 1000-летия / ресторан и мост между кремлевским валом и нижним путем 478 кв. м.

Стоимость работ
10 400 000 млн руб.
Источник средств
Дотация от победы во всероссийском конкурсе создания лучших проектов гор. среды
охват аудитории
любители Суздаля, истории и культуры

< Реконструкция и создание городского культурного центра 3 200 кв. м.
Стоимость работ
15 400 000 млн. руб.
Источник средств
Дотация от победы во всероссийском конкурсе создания лучших проектов гор. среды
охват аудитории
самый широкий охват жителей и гостей города, активных и интересующихся

Концентрация мировой экономической, финансовой и политической деятельности в нескольких метрополиях все еще продолжается. Города, которые составляют часть этой сети, в целом испытывают экономический рост. Но те города, которые не вошли в состав метрополий, изо всех сил стараются сохранить свою привлекательность для инвесторов, работодателей и обычных людей. Особенно это касается малых и средних городов, не имеющих какой-либо особенной исторической, экономической или природной среды, которая бы выделяла их среди других. Но и внутри крупнейших метрополий преимущества принадлежности к мировой сети распределены неравномерно. Центр метрополии становится еще привлекательнее и, в то же время, недоступнее для большинства населения. Пока обеспеченные жители остаются в центре, население с меньшим доходом вынуждено перебираться в периферийные города. В таких городах наблюдается риск концентрации экономически и социально незащищенного населения, не имеющего достаточных средств для поддержания своих семей. На уровне метрополии и даже государства возникает задача установить нужный баланс между городами и территориями. В статье описывается ситуация, сложившаяся в трех городах парижской метрополии. Ключевые слова: Париж; Жювизи-сюр-Орж; Курбевау; Иври-сюр-Сен; метрополизация; городской центр; ревитализация

The concentration of the worldwide economic, financial and political activities in a few international metropolitan areas seems to continue. Cities that manage to be part of these networks experience generally an economic growth. But cities that fall out of these connections struggle to stay attractive for investments, jobs and people. This applies especially to medium and small size cities without a particular historic, economic or natural environment, that let them stand out. But also inside international metropolitan areas the advantages of being part of the worldwide network are not distributed equally. The metropolitan centre becomes more attractive and at the same time financially inaccessible for the majority of the population. While the high-income population stays, the low-income population is pushed out in the peripheral cities. These cities risk to concentrate an economic and social fragile population, without possessing the necessary financial means to support these households. A metropolitan and even national adjustment between the cities and territories becomes necessary. The following text describes the situation of three cities in the Paris metropolitan area. Keywords: Paris; Juvisy-sur-Orge; Courbevoie; Ivry-sur-Seine; metropolisation; city centre; revitalisation

Городские центры на территории парижской метрополии / City Centres in the Paris Metropolitan Area

текст
Кристиан Хорн /
text
Christian Horn

Вступление

Метрополизация в сочетании с растущей ролью финансового сектора в мировой экономике привела к концентрации мировой экономической деятельности лишь в нескольких метрополиях. В результате эти территории стали более привлекательными, богатыми и в то же время недоступными для большинства населения. Служащие с невысоким доходом вынуждены перебираться на периферию и тратить несколько часов в день на проезд до работы и обратно, в то время как население с высоким достатком проживает в центре метрополии. Несмотря на эти негативные перемены, касающиеся большей части населения, центры метрополий все еще продолжают привлекать новых людей, экономическую деятельность и капитал за счет малых и средних городов и сельской местности (Florida, 2016).

Малые и средние города Франции

Подобный кризис наблюдается и в городах Франции: лишь некоторым из них удастся поддерживать экономическое развитие. Кроме парижской метрополии, в которой сконцентрирована одна треть всего ВВП Франции, экономический рост наблюдается в таких городах, как Ренн, Нант, Бордо, Тулуза, Монпелье и Лион. Во многих других городах сокращается количество рабочих мест, и населения.

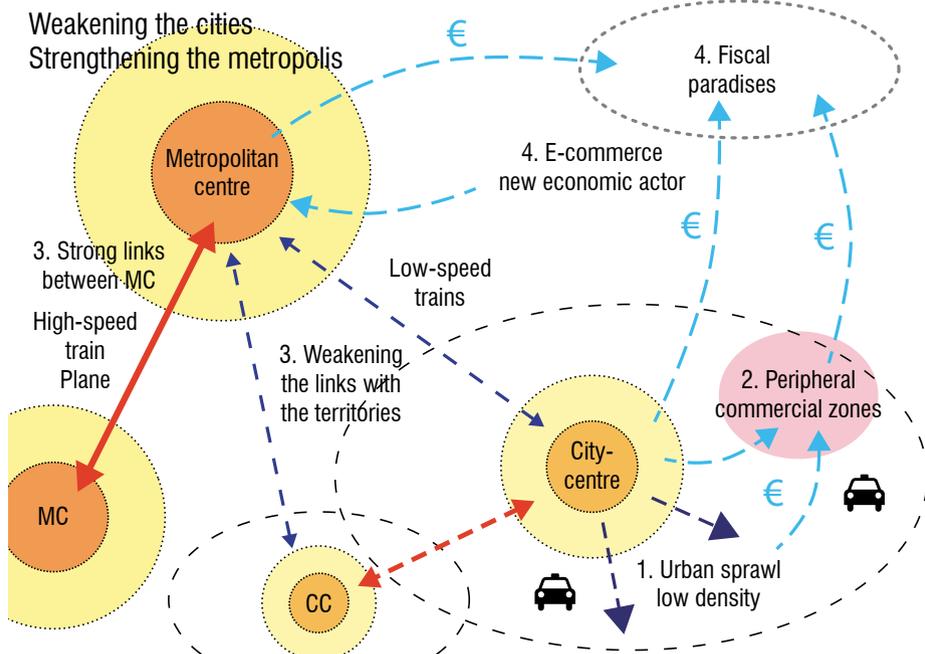
С 1970-х разрастание городов, которому способствовал рост числа автовладельцев, привело к увеличению размеров городов и малой плотности населения. Строительство торговых центров на периферийных территориях переманило население из центра города. Магазины стали закрываться, оставляя после себя пустующие и непривлекательные пространства. Периферийные зоны стали походить друг на друга: им не хватало культурного разнообразия, и молодое поколение устремилось в оживленные столичные районы. Государственные власти подкрепили этот процесс недальновидными экономическими мерами, стимулирующими развитие периферийных зон: ипотечным кредитованием и отведением земли под строительство монофункциональных жилых районов, чтобы удовлетворить желания тех, кто хотел обзавестись домом на одну семью.

С началом нового века эффект этой недальновидной политики в сочетании с глобальными изменениями стал проявляться в разных городах Франции. В некоторых городских центрах до 20% всех торговых площадей остаются пустыми. Поскольку потерявшая свою привлекательность недвижимость падает в цене, многие здания содержатся ненадлежащим образом, их трудно сдать в аренду или продать (Razemon, 2016). Кроме того, периферийные торговые центры также испытывают определенные экономические трудности. Эта модель потребления стала менее привлекательной для нового поколения, и растущая интернет-коммерция сокращает ее долю на рынке. Основная выгода от интернет-коммерции остается на территории «налогового рая», а не идет в виде налогов на развитие территорий.

Позднее, медленно и нехотя, французские власти при-
няли во внимание состояние этих городов и территорий,

Ослабление городов и усиление метрополии.
Автор: Office Rethink,
2018 г. / Weakening the cities, strengthening the metropolis. Author: Office Rethink 2018

Weakening the cities Strengthening the metropolis

Introduction

The combination of metropolisation and increasing financialization of the global economy leads to a concentration of the worldwide economic activities in a few international metropolitan areas. In consequence these metropolitan centres become more attractive, wealthier and financially inaccessible for the majority of the population. Low-income employees have to move in the periphery and to commute daily, while the high-income population settle in the metropolitan centre. Despite these negative changes for the average population, these metropolitan areas still attract new people, economic activities and capital at the expense of the medium and small-size cities and the rural areas (Florida, 2016).

The medium and small-size cities in France

This urban crisis is also visible in France, where only a few cities manage to develop their economy. Besides the Paris metropolitan area, that concentrate one third of the French GDP, cities like Rennes, Nantes, Bordeaux, Toulouse, Montpellier et Lyon experience economic growth. Many of the other cities are losing jobs and inhabitants.

близких к упадку. В прошлом году началась программа ревитализации городских центров. Главным образом она касается исследовательских и экспериментальных работ, поскольку еще не сложилось ясное представление о способе решения этой проблемы.

Территория парижской метрополии

Центр парижской метрополии, куда входит город Париж с его 2,2 млн жителей, туристы, а также представители бизнеса и политики, представляет собой точку пересечения глобальных информационных потоков. Здесь вряд ли можно найти пустующие офисы, торговые площади или жилье. Их предложение непрерывно стремится к высочайшей ценовой категории – цены на недвижимость здесь растут гораздо быстрее, чем средняя заработная плата. Как следствие, население со средним достатком обосновывается в городах, находящихся на первом кольце вокруг центра метрополии, что ускоряет развитие этих городов. Долгое время в большинстве прилегающих к центру городов размещались промышленные объекты и жилье для рабочих. В 1960-х и 1970-х годах эти города испытали значительное влияние процесса деиндустриализации. Однако вновь возрастающий интерес среднего класса и сопутствующие инвестиции дают им новые возможности и перспективы.

В то время как соседние города соединяются с центром метрополии при помощи различных видов транспорта (можно пойти пешком, доехать на велосипеде, автобусе, трамвае, метро или машине...), города второго ряда в основном имеют лишь систему пригородных поездов и автомобильного транспорта. Поскольку транспортная связь играет важнейшую роль, эти города имеют лишь два варианта развития: либо они обладают особой исторической, экономической или природной средой, которая позволяет им выделяться среди других городов, либо они рискуют стать оторванными от развития метрополии и превратиться в пристанище незащищенных слоев населения.

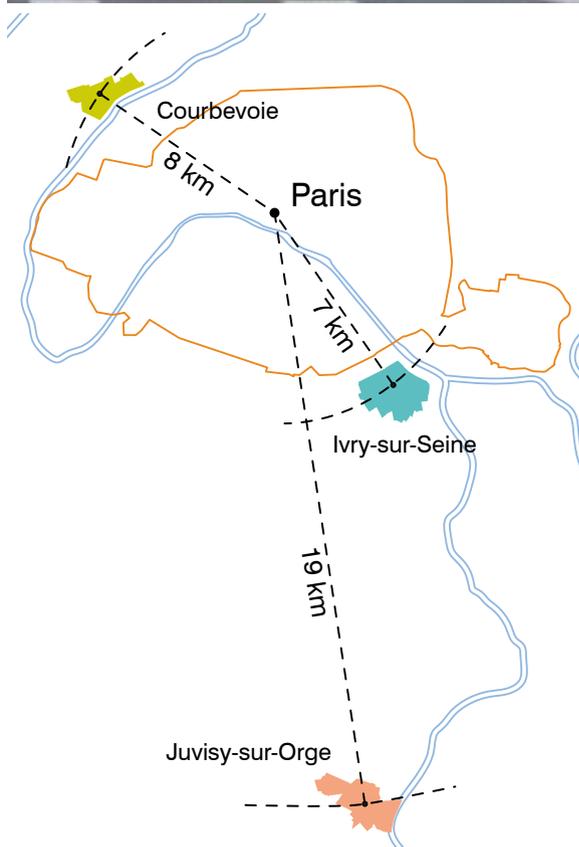
Ниже пойдет речь о трех разных городах парижской метрополии, план развития которых разрабатывался в офисе Rethink последние несколько лет.

Since the 1970s the urban sprawl, enabled by the generalization of the car ownership, increased the size of the cities on a low density. The development of shopping centres in the peripheral areas lured away the customers from the city centres. Shops closed, leaving vacant and unattractive spaces. The peripheral zones began to resemble each other, lacking cultural diversity, which lead to the departure of the young population into the vibrant metropolitan areas. The public authorities sustained this desertification with a short-sighted approach on urban economy and encouraged the development of peripheral zones. They stimulated by real-estate loans and allotting of building land to the construction of mono-functional residential areas to satisfy the wish of the single-family house.

Since the turn of the century the impact of these short-sighted public policies in combination with the global developments become visible in different cities in France. In some city centres up to 20% of all retail surfaces are vacant. As the properties lose value due to the missing attractiveness, many buildings lack maintenance and are difficult to rent or to sell (Razemon, 2016). In addition the peripheral shopping centres are now also facing economic difficul-

< Пустующий магазин в Бельфоре. Автор: Office Rethink, 2018 г. / Vacant shop in Belfort. Author: Office Rethink 2018

< Расположение трех городов парижской метрополии. Автор: Office Rethink, 2018 г. / Location of the three cities in the Paris metropolis. Author: Office Rethink 2018

ties. Their model of consumption has become less attractive for the new generations and the growing e-commerce reduces their market share. And the benefits of the e-commerce go mainly in fiscal paradises without contributing by taxes to revitalize the territories.

Later, slowly and half-heartedly the French government takes into account the decline of these cities and territories. A national program for the revitalisation of the city centres started last year. Mainly for research and experimental interventions, as a clear understanding of how to face this problem is missing.

The Paris metropolitan area

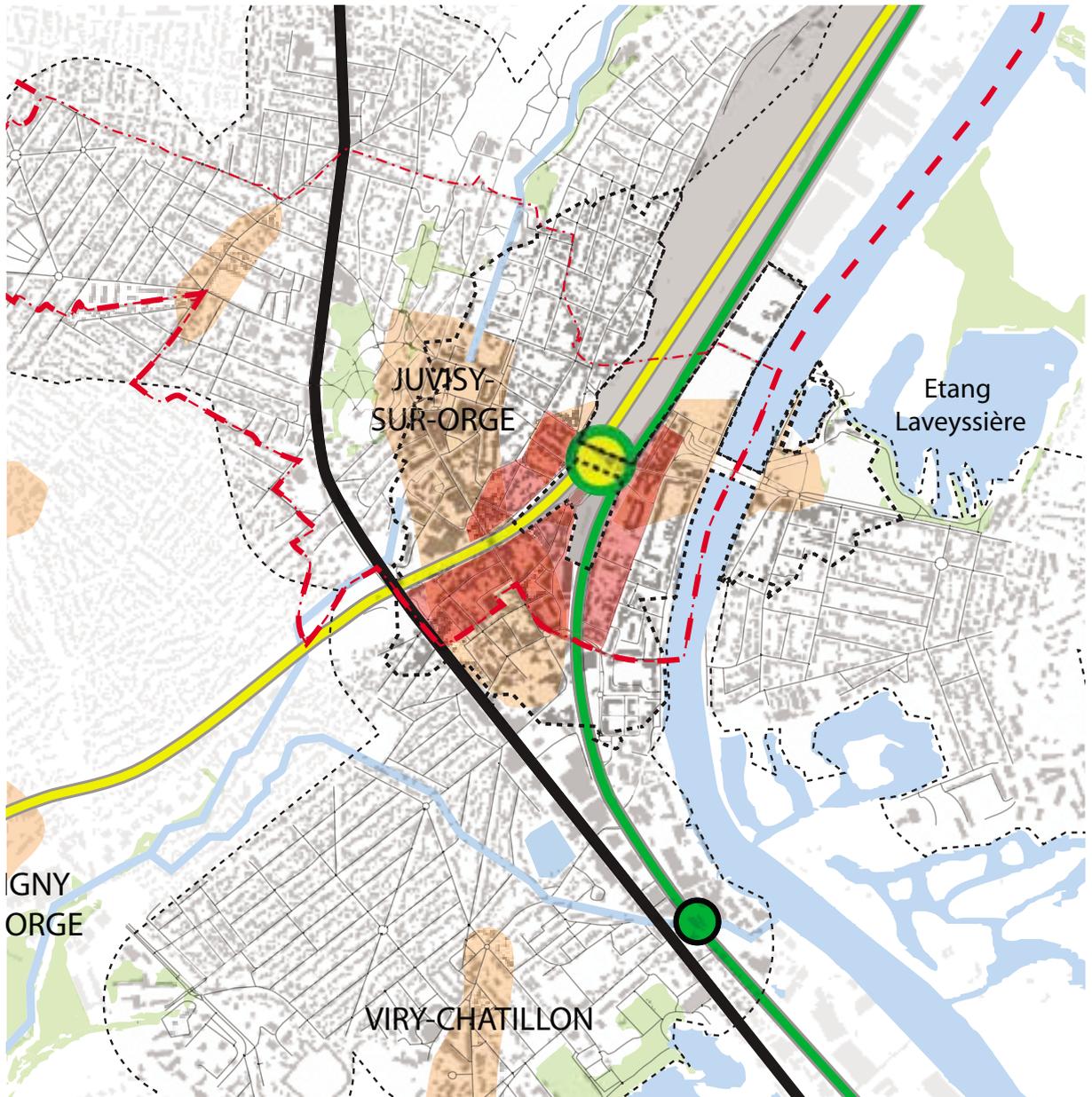
The centre of the Paris metropolitan area, constituted by the city of Paris with its 2.2 million inhabitants, its tourists, business and political centres, represents the intersection of the global exchanges. Vacancy of offices, retail or housing space is rare and the offer is upgraded continuously towards the high-end. Real estate prices are increasing faster than the average salary. In consequence middle-income households are moving in the first ring of cities around the metropolitan centre and accelerate their urban development. For a long period most of these adjacent cities accommodated

industrial facilities and workers housing and had been strongly impacted by the deindustrialisation in 1960s and 1970s. The new and growing interest of the middle class and the including investments offer them new opportunities and challenges.

While the adjacent cities are connected with the metropolitan centre by different transport modes (walking, biking, bus, tramway, metro, car...), the second row cities have mostly only the suburban train system and the car. But as the transport links are essential, either the cities possess a particular historic, economic or natural environment, that let them stand out, or they risk to become disconnected from the metropolitan development and a refuge for the fragile populations of the metropolis.

In the following the article describes three different city centres in the Paris metropolitan area on which the office Rethink had been working in the last years.

> План-руководство по трансформации промышленной территории Люго. Автор: Office Rethink, 2014 г. / Guide plan for the transformation of the industrial area Lugo. Author: Office Rethink 2014

The former city centre of Juvisy-sur-Orge

Juvisy-sur-Orge is a city with 16000 inhabitants and located 19 km south of Paris on the confluence of the small Orge river with the Seine river. One of its characteristics is its important train station, that developed from 1843 onwards into an important railway junction. First orientated towards freight transport, the passenger transport took over after 1945 and is today predominant. Despite the good train connections with the metropolitan area the city of Juvisy is not identified for commerce or business and the residential functions predominate.

The different rail tracks cut through the urban fabric, separating the quarters and bringing noise and disturbance along the tracks. Over time the city centre moved from the train station in the river plain to the more agreeable higher parts of the city, while the Pasteur quarter behind the train station got out of sight. The Pasteur quarter is situated in a triangle between two rail tracks converging at the station and a national road in the south. Cut off in all directions and impacted by the noise and pollution of the train and car traffic, it is unattractive for residential use. In consequence the maintenance of its buildings declined. But a part of the population

in metropolitan areas cannot afford the rent in the centre or its first periphery. As they work irregular hours and in changing locations, they are obliged to stay close to the transport nodes. So they stay in areas like the Pasteur quarter despite the partly unhealthy housing conditions.

The overcrowding of some apartments, the frequent change of the tenants and the lack of maintenance accelerate the degradation of the buildings and have a negative impact on the whole quarter. Shops close or lower the quality of their offer, the social mixture in the schools is reduced, activities and public services partly retreat.

In 2012 the city commissioned our office to develop proposals for the improvement of the Pasteur quarter. The sudden interest in this quarter developed as an important modernization of the train station was planned by the national railway.

Our first step was to gather information and to evaluate the situation, especially concerning the population and the housing stock. We needed to identify the buildings with the most technical and social problems and their landlords, accusable for the non respect of certain housing regulations. Knowing the scale of this main problem gave us first hints about the necessary budget for the

Бывший центр Жювизи-сюр-Орж / The former city centre of Juvisy-sur-Orge

Бывший центр Жювизи-сюр-Орж

Жювизи-сюр-Орж – город с населением 16000 жителей, расположенный в 19 км к югу от Парижа на месте впадения маленькой реки Орж в реку Сена. Достопримечательность города – железнодорожный вокзал, основанный в 1843 году и ставший теперь одним из важнейших транспортных узлов. Поначалу перевозки были в основном грузовыми, но с 1945 года доминирующую роль стал играть пассажирский транспорт. Несмотря на хорошую железнодорожную связь с территорией метрополии, в городе Жювизи сфера торговли и предпринимательства развита слабо, здесь главным образом располагается жилье.

Городскую ткань пронизывают железнодорожные пути, разделяя кварталы и причиняя неудобство местным жителям из-за шума поездов. С течением времени центр города переместился от вокзала в пойме реки к более подходящим возвышенным частям города, а квартал Пастер, который находился за вокзалом, перестал быть центральным. Этот квартал расположен в треугольнике, который образован двумя железнодорожными путями, сходящимися на станции, и автомагистралью на юге. Квартал, отрезанный со всех сторон и страдающий от шума и выбросов железнодорожного и автомобильного транспорта, стал непривлекательным для проживания. Поэтому содержание зданий пошло на спад. Но не все население метрополии может себе позволить снимать дома в самом центре или на первой периферии. Имея ненормированный рабочий день и работа в разных местах, они вынуждены обосновываться вблизи транспортных узлов. Поэтому, несмотря на неблагоприятные жилищные условия, жители выбирают такие районы, как Пастер. Перенаселенность квартир, частая смена жильцов и ненадлежащее содержание зданий усиливают износ домов и негативно сказываются на квартале в целом. Магазины закрываются, снижается качество обслуживания, смешение социальных слоев в школах становится не столь заметным, общественные мероприятия проводятся все реже.

В 2012 году в нашу фирму поступил заказ от города разработать предложение по улучшению квартала Пастер. Неожиданно интерес к кварталу как к части

плана по модернизации вокзала проявило национальное железнодорожное управление.

Сначала нужно было собрать информацию и оценить ситуацию, особенно касающуюся населения и жилого фонда. Мы хотели определить, какие здания имеют больше всего технических и социальных проблем и какие собственники жилья нарушают правила содержания и ремонта жилых домов. Определение масштаба главной проблемы дало нам начальное представление о бюджете, необходимом для ревитализации квартала. Одновременно мы встретились с теми, кто осуществляет хозяйственную деятельность на территории (в частности, с владельцами магазинов), посетили общественные объекты и проанализировали качество городских пространств и пространственные связи с окружающими кварталами. На основе этого анализа мы разработали стратегию и план мероприятий для квартала Пастер. Ниже приведены основные пункты этого плана.

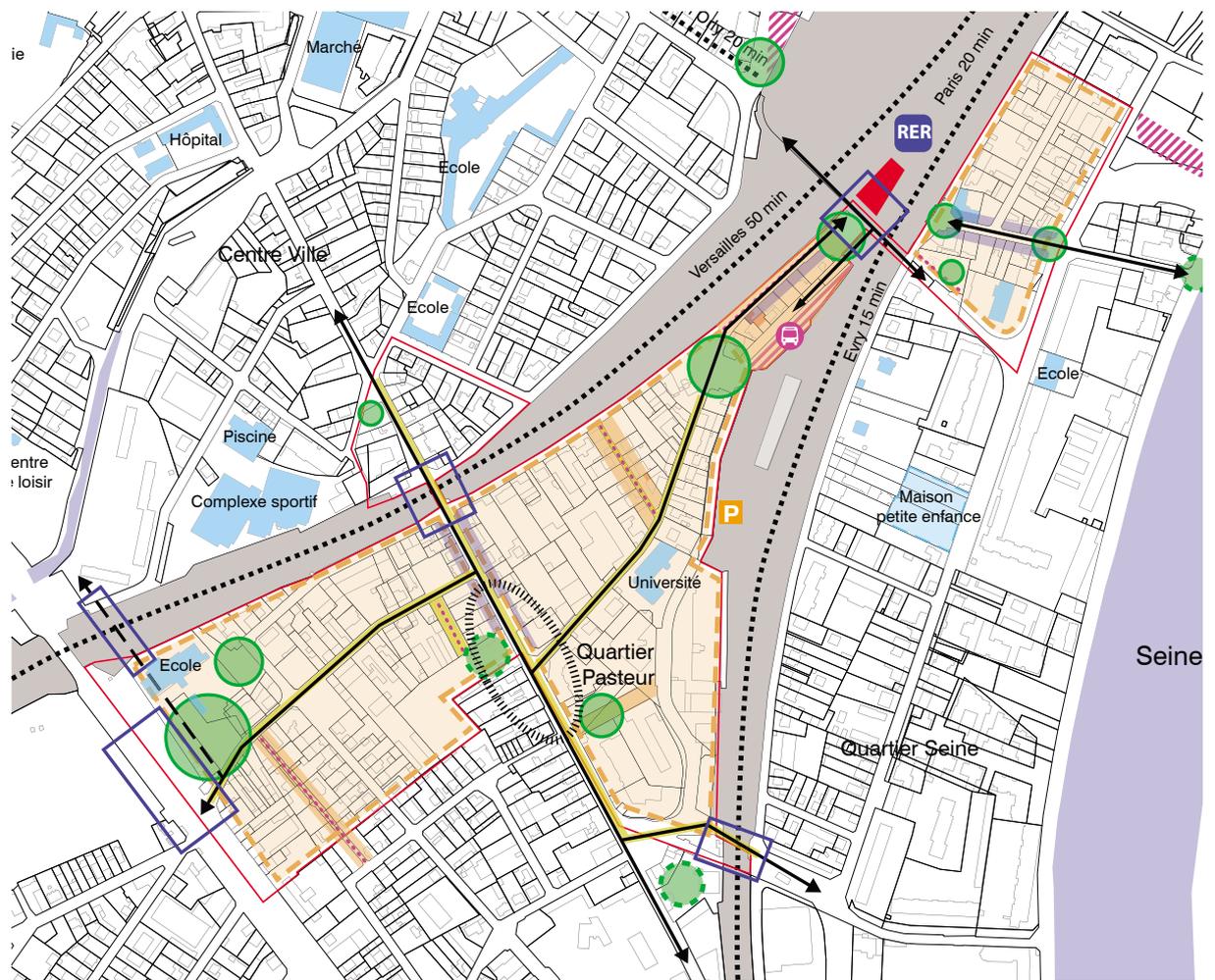
^ Вид сверху на квартал Пастер в Жювизи-сюр-Орж. Автор: Google Earth, 2018 г. / Aerial view of the Pasteur quarter of Juvisy-sur-Orge. Author: Google Earth 2018

revitalization of the area. In parallel we met the economic actors of the area, especially the shop owners, visited the public facilities and analysed the quality of the urban spaces and spatial links with the surrounding quarters. Based on these analysis, we developed a strategy and actions plan for the Pasteur quarter with the following main points:

- Rehabilitation of the most degraded housing by the landlords, or expropriation by mandate and rehabilitation by the public authorities;
- Identification of available plots for new housing construction to relocate tenants from unhealthy housing conditions;
- Identification of some well situated spots for retail, gathering of the existing shops on these locations and adjustment of their offers;
- Redesign of the public spaces to enhance active mobility (walking, biking), reinforce vegetation and create local squares at the identified retail spots;
- Improvement of the noise protection on housing facing the rail tracks and orientation of the apartments to the redesigned, green courtyards;

^ Аварийное жилье в квартале Пастер. Автор: Office Rethink, 2014 г. / Substandard housing in the Pasteur quarter. Author: Office Rethink 2014

^ План-руководство по реабилитации квартала Пастер. Автор: Office Rethink, 2014 г. / Guide plan for the rehabilitation of the Pasteur quarter. Author: Office Rethink 2014

– Improving the connection of the quarter with the new city centre and other interesting areas, like the Seine river banks.

The deterioration of the Pasteur quarter can be seen as an effect of the concentration of activities in the metropolitan centre. It pushes the low-income population further outwards. Working on irregular hours and changing locations they need to stay close to the public transports nodes. Because of their low income and irregular contacts, they encounter difficulties to access on the normal private or social housing market and are obliged to accept unhealthy housing condition with comparably high rents. The Pasteur quarter, due to its urban situation and a missing attention of the public authorities, had become an area for this type of housing market. Unfortunately several historic city centres in the Paris metropolitan area are subject to this housing and social problem. And without support from the central cities their revitalization can hardly be financed by the concerned municipalities.

In 2017 the city of Juvisy-sur-Orge began the urban renewal of the Pasteur quarter on the base of our plan.

^ Общий проект перепланировки квартала Пастер. Автор: Office Rethink, 2014 г. / General intervention scheme for the Pasteur quarter. Author: Office Rethink 2014

– Восстановление находящегося в самом плохом состоянии жилья силами домовладельцев или его принудительное отчуждение и восстановление за счет государства.

– Определение доступных участков для строительства нового жилья, куда можно было бы переселить жильцов, имеющих неблагоприятные условия проживания.

– Определение подходящих площадок для розничной торговли, размещение существующих торговых точек на этих участках и организация торговли.

– Перепланировка общественных пространств для улучшения мобильности пешеходов и велосипедистов, увеличения площади зеленых насаждений и создания местных скверов у торговых точек.

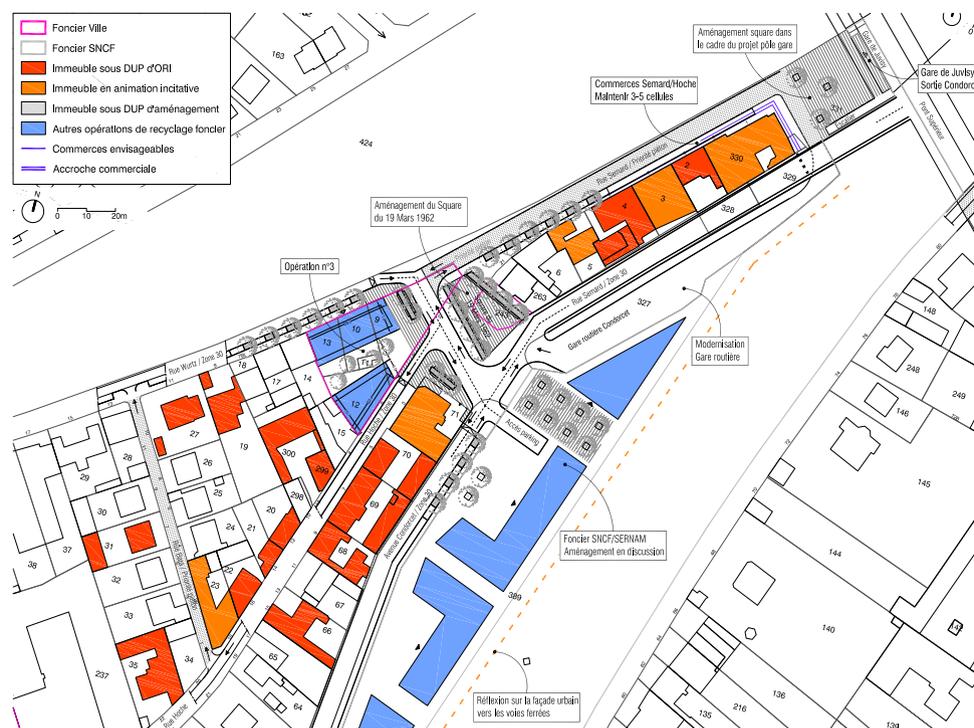
– Улучшение шумовой защиты жилья, которое выходит на железнодорожные пути, и ориентация квартир на вновь созданные зеленые дворы.

– Улучшение соединения квартала с новым центром города и другими интересными местами, такими, как набережные Сены.

Ухудшение состояния квартала Пастер можно рассматривать как результат концентрации основных видов деятельности в центре метрополии. Население с невысоким доходом при этом было вытолкнуто на периферию. Ненормированный рабочий день и частая смена места работы заставляют людей поселиться ближе к узлам общественного транспорта. Невысокий доход и нестабильные социальные связи усложняют доступ к рынку хорошего частного или социального жилья и заставляют их довольствоваться плохими жилищными условиями за относительно высокую плату. Подобные условия сложились и в квартале Пастер в связи с изменившейся градостроительной ситуацией и недостатком внимания со стороны властей. К сожалению, некоторые исторические центры парижской метрополии испытывают подобные жилищные и социальные проблемы. Финансирование восстановления этих территорий вряд ли может быть под силу одним муниципалитетам без поддержки центральных городов.

В 2017 году в городе Жювизи-сюр-Орж начались работы по обновлению квартала Пастер на основе плана, разработанного нашим бюро.

v План размещения жилья в квартале Пастер. Автор: Office Rethink, 2014 г. / Housing intervention plan for the Pasteur quarter. Author: Office Rethink 2014

в Вид с башни квартала Дефанс на Курбевуа. Автор: Office Rethink, 2011 г. / View from à tower of La Défense on Courbevoie. Author: Office Rethink 2011

The modern city centre of Courbevoie

The city of Courbevoie is in a quite different situation. Its 83000 inhabitants are living 8 km west from the centre of Paris. As the international business centre of La Défense is partly situated in Courbevoie, the municipality and the population have a relatively high income and the city can offer a well designed urban environment and diverse public facilities. In consequence real estate prices are with 6422 €/m² average more than twice as high as in Juvisy-sur-Orge with 3175 €/m².

In the 1960s the French government developed the international business centre of La Défense close to Paris on the cities of Courbevoie and Puteaux. As a modern quarter, La Défense had been build with a large pedestrian slab surrounded by office towers and low rise housing estates (Horn, 2014). A tentacle spread until the historic city centre of Courbevoie, resulting in the construction of a large modern building, called the Centre Charras. Planned in 1969 by the well known French architect Henri Pottier, Grand Prix de Rome, its construction replaced a part of the historic city centre and the Charras casern build in the 1750s.

The Centre Charras is a big multifunctional building. A large square base with 5 floors contains a shopping centre, a farmers market, a swimming pool, an ice skating rink and parking space. Several buildings emerge from this block, containing housing, offices and a hotel. Despite the qualities of this modern building, the rupture of scale with the existing urban fabric and its inattentive urban integration create a discontinuity in the city centre. The ambitious project of a modernization of the shopping centre by an investor in 2014, gave the municipality the opportunity to ask our office to study its future position in the city centre and an improved urban integration.

We began to analyze the relationship between the Centre Charras and its environment. What uses are working well, and what could be improved, or replaced? We tried to identify spots, where links between uses inside the Centre Charras and the environment could be created or strengthened. By additions and extension, we tried to create new transitions between the centre and the surrounding buildings. Some of our main proposals are:

< Вид сверху на городской центр Курбеува. Автор Google Earth, 2018 г. / Aerial view of the city-centre of Courbevoie. Author: Google Earth 2018

Современный городской центр Курбеува / The modern city centre of Courbevoie

Современный городской центр Курбеува

Совсем иная ситуация с городом Курбеува. Его 83000 жителей проживают в восьми километрах западнее центра Парижа. Поскольку международный деловой центр Дефанс частично находится в Курбеува, этот город имеет население с относительно высоким доходом, привлекательную городскую среду и разнообразные общественные объекты. Как следствие, цены на недвижимость здесь в среднем составляют 6422 евро за кв. м, что в два раза выше цен в Жювизи-сюр-Орж, где один квадратный метр стоит 3175 евро.

В 1960-х годах правительство Франции построило международный деловой центр Дефанс вблизи Парижа, на территории городов Курбеува и Пюто. Современный квартал Дефанс представляет собой большую пешеходную зону, окруженную офисными башнями и малоэтажными жилыми комплексами (Horn, 2014). Застройка квартала разрослась до исторического центра Курбеува, где было построено большое современное здание – Центр Шарра. Центр, спроектированный в 1969 году известным французским архитектором Анри Потье, лауреатом Большой Римской премии, занял часть исторического центра и место, где находилась казарма Шарра, построенная в 1750-х.

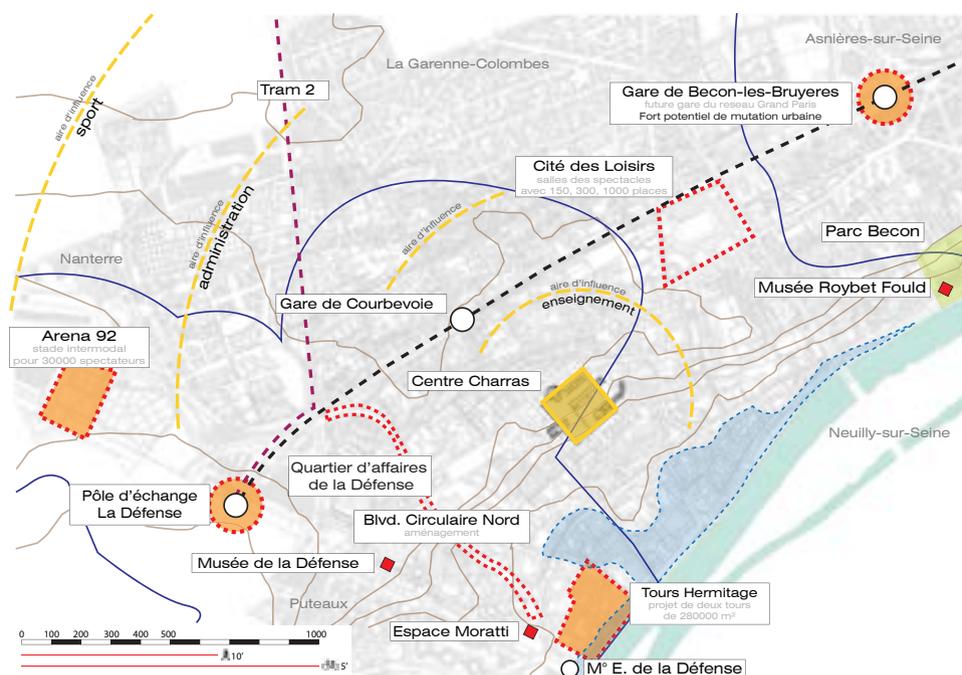
Центр Шарра – большое многофункциональное здание, квадратное в плане. Пять этажей центра размещают в себе торговый центр, фермерский рынок, бассейн, каток и парковку. В этом квартале, по соседству с центром, появилось еще несколько зданий, в которых располагаются жилье, офисы и отель. Несмотря на преимущества этого современного здания, разрыв с существующей тканью города и недостатки интеграции нарушают целостность городского центра. В 2014 году возник масштабный инвестиционный проект модернизации Центра Шарра, благодаря которому муниципалитет смог поручить офису Rethink изучение перспектив и поиск путей улучшения интеграции здания с городской средой.

Мы приступили к анализу связей между Центром Шарра и городской средой. Какие из них работают хорошо, а какие можно улучшить или заменить? Мы попытались определить места для образования новых связей или усиления уже существующих, создать новые пере-

ходы между центром и окружающими зданиями. Ниже мы приводим некоторые наши предложения, возникшие на основе анализа территории:

- Мобильность в центре города нужно ориентировать в сторону общественного транспорта, более медленного транспорта и активного движения, поскольку территория перегружена местным и транзитным транспортом.
- Необходимо создать две главные городские пешеходные дорожки, пересекающие Центр Шарра, чтобы обеспечить связь между разными частями города.
- Смешение различных функций (общественной, частной, спортивной, жилой, офисной) необходимо сохранить и усилить.
- Предложения торгового центра должны быть ориентированы на устойчивое развитие, экологию и отдых.

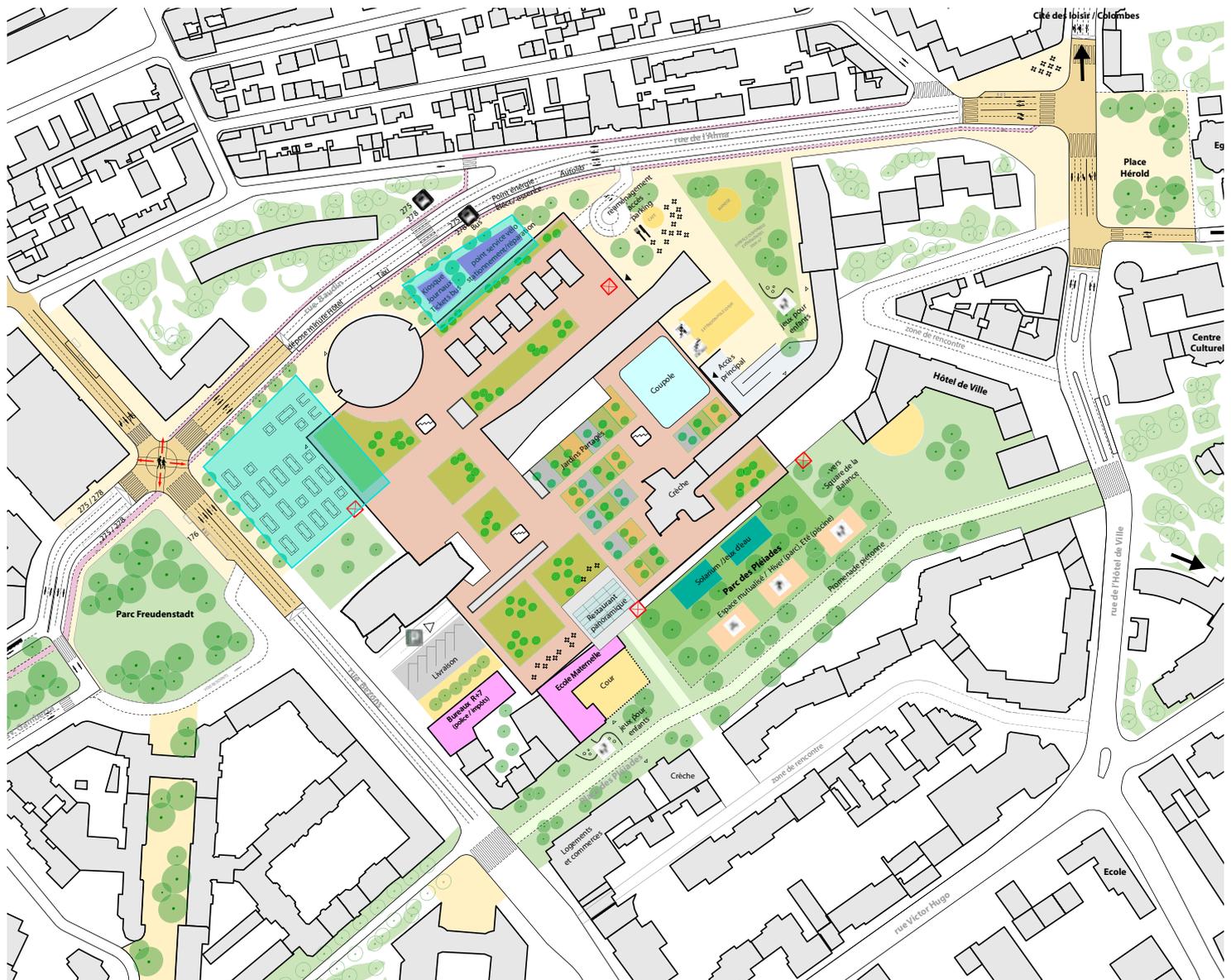
v Анализ городской интеграции Центра Шарра в Курбеува. Автор: Office Rethink, 2012 г. / Analysis of the urban integration of the Centre Charras in Courbevoie. Author: Office Rethink 2012

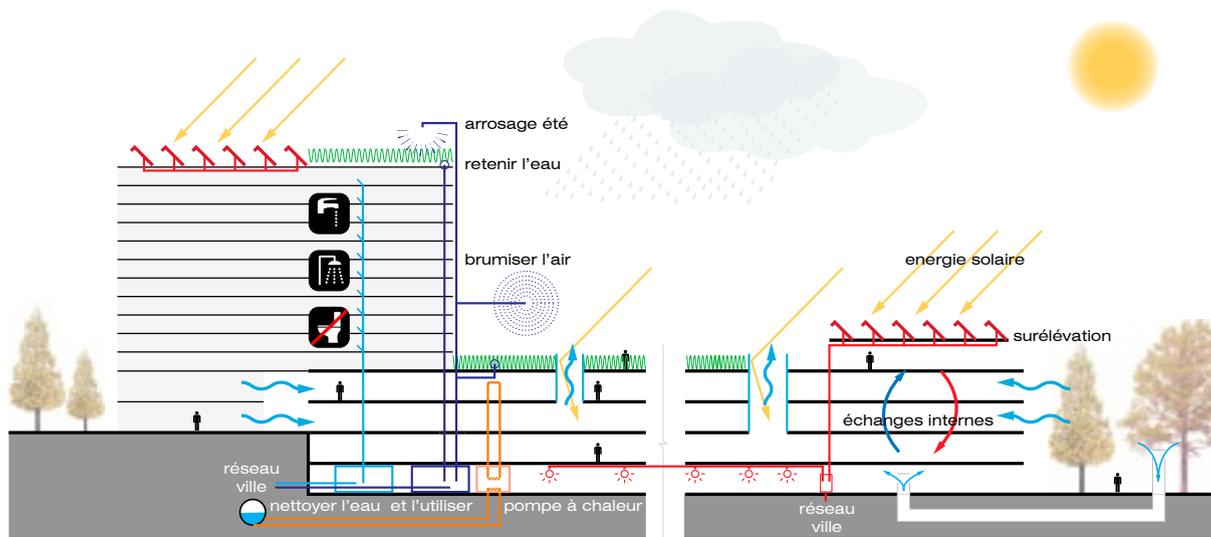

в План-руководство по городской интеграции Центра Шарра. Автор: Office Rethink, 2012 г. / Guide plan for the urban integration of the Centre Charras. Author: Office Rethink 2012

- The mobility in the city centre will be reoriented towards public transport, slower traffic and active mobility, as it is congested by local and transit traffic;
- Two main urban walkways, crossing at the Centre Charras, should be designed to facilitated the connections between the different parts of the city;
- The mixture of functions (public, private, sport, retail, housing, office) will be maintained and strengthened;
- The offer of the shopping centre could be developed under the topic of sustainably, ecology and leisure;
- The centre Charras will become a low energy building with renewable energies and energy exchange between uses. For example, the ice skate rink rejects thermal energy that will be used by the adjacent swimming pool for heating;
- The farmers market will be placed in a new large open hall at the corner of the Centre Charras to function as an urban signal and main entry;
- The ice skate rink will open to an outside square and extend with different sport and leisure activities in the urban space;

- A public park is designed along the south façade of the swimming pool, with outdoor relaxing areas;
  - The large rooftop of the Centre Charras will become accessible for the public, with shared gardens, promenade, rooftop restaurants;
- Contrary to the Pasteur quarter in Juvisy, the city centre of Courbevoie takes advantage of the metropolis. The construction of La Défense changed the economy from industrial activities to predominantly tertiary activities without passing through the harsh period of deindustrialisation. In 1959 the city government changed from a socialist majority to a liberal conservative majority. Probably due to the changing economic situation. Courbevoie is not anymore a destination for the middle class leaving the city of Paris, like the following example of Ivry-sur-Seine. Its real estate prices are already too high.
- But with the new centrality of La Défense and an important transport hub, the former city centre lost its role as centrality and with the construction of the Centre Charras, it lost his historic setting. The challenge for Courbevoie is now to redefine the location, function and shape of its future city centre.

< Стратегия энергопотребления для Центра Шарра.
 Автор: Office Rethink,
 2012 г./Energy strategy for
 the Centre Charras
 Author: Office Rethink 2012

– Центр Шарра станет зданием с низким энергопотреблением, возобновляемыми источниками энергии и обменом энергией между пользователями. Например, не используемая ледовым катком тепловая энергия будет использоваться для нагревания воды в прилегающем к нему бассейне.

– Фермерский рынок будет перенесен в новый открытый зал на углу Центра Шарра и станет выполнять функцию знакового места и главного входа.

– Каток будет выходить на наружную площадь, где будут проходить различные спортивные и увеселительные мероприятия.

– Общественный парк с наружными зонами отдыха планируется разместить вдоль южного фасада плавательного бассейна.

– Большая крыша Центра Шарра станет общественным местом, где можно будет организовать коллективные сады, прогуливаться, посещать кафе.

В отличие от квартала Пастер в Жювизи, городской центр Курбева пользуется преимуществами метрополитанизации. Строительство Дефанса способствовало переходу от экономики производства товаров к развитию сферы услуг, минуя трудности периода деиндустриализации. В 1959 году в городском управлении на смену социалистическому большинству пришли либеральные консерваторы. Скорее всего, причиной этому послужили изменения в экономике. Курбева уже не является пристанищем для среднего класса, уезжающего из Парижа, как, например, Иври-сюр-Сен, о котором речь пойдет ниже. Цены на недвижимость Курбева уже слишком высоки. Но с обретением Дефансом центрального положения и важного транспортного узла, Курбева перестал играть центральную роль, а со строительством Центра Шарра потерял и историческую значимость. Главной задачей Курбева является пересмотр положения, функций и облика своего будущего городского центра.

< Вид на парк вдоль южного фасада. Автор: Office Rethink, 2012 г. / View on the park along the southern facade. Author: Office Rethink 2012

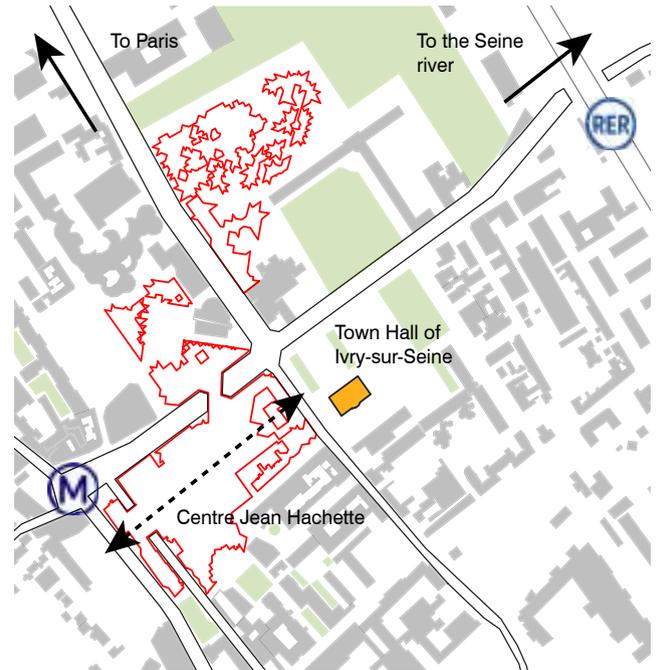
The centre of Ivry-sur-Seine in question

The city of Ivry-sur-Seine is bordering the 13th arrondissement of the city of Paris. In the 20th century Ivry lost twice about 15% of its population, by WW2 and following the deindustrialization with the closing of the industries. But since the turn of the century it is becoming more attractive and counts again about 60000 inhabitants. Less expensive than the city of Paris, it still offers diverse activities and various public transport connections with the metropolitan centre.

With new demand for housing and the vacant or underused plots of the former industrial sites, the city developed an ambitious urban project in the Seine river plain, called Ivry-Confluence. It will become a typical mixed used area, with housing, offices, activities, education and leisure spaces. A preoccupation of the municipal government is to avoid that the newcomers push the existing population further out of the city, like it happens in many cases. So they decided to set up constraints for the developers. For each housing project the first period of acquisition of the apartments is for the inhabitants and employees in Ivry and at a limited sales price. Only the second period is open to the general public. With the control of

Центр Иври-сюр-Сен / The centre of Ivry-sur-Seine

v План городского центра Иври-сюр-Сен. Автор: Office Rethink, 2018 г. / Plan of the city-centre of Ivry-sur-Seine
Author: Office Rethink 2018

^ Градостроительный макет «Иври-Конфлуанс». Автор: Office Rethink, 2010 г. / Model of the urban project Ivry-Confluence. Author: Office Rethink 2010

Обсуждение вопросов, связанных с центром Иври-сюр-Сен

Город Иври-сюр-Сен граничит с 13-м округом Парижа. В XX веке Иври дважды терял около 15% своего населения: во время Второй мировой войны и вследствие деиндустриализации и закрытия промышленных предприятий. Но к началу нового столетия город становится более привлекательным и снова насчитывает около 60000 жителей. Иври не такой дорогой город, как Париж, но его жители могут посещать разнообразные мероприятия и пользоваться различными видами общественного транспорта, связывающими город с центром метрополии.

Когда появился новый спрос на жилье и возникла проблема пустующих или недостаточным образом используемых промышленных зон, власти города разработали масштабный проект застройки долины реки Сены

под названием «Иври-Конфлуанс». Территория получит типичное многофункциональное использование: здесь будут располагаться жилье, офисы, образовательные учреждения и пространства для отдыха и различных видов деятельности. Перед муниципалитетом стоит задача предотвратить вытеснение проживающих здесь людей за пределы города новым потоком жителей, как это происходит во многих случаях. Поэтому было принято решение установить ограничения для девелоперов. В первом этапе приобретения квартир за ограниченную стоимость участвует живущее и работающее в Иври население. И только второй этап открыт для широкого круга лиц. Это касается всех проектов жилищного строительства. Путем контроля цен на новое жилье муниципалитет косвенным образом также не дает расти ценам на вторичное жилье.

^ Вид сверху на центр города Иври-сюр-Сен. Автор: Google Earth, 2018 г. / Subtitle: Aerial view of the city-centre of Ivry-sur-Seine. Author: Google Earth 2018

the sales price of the new housing, the municipality indirectly also restrains the real estate prices of the existing housing.

Ivry, that is governed since 1920 by a communist majority, has a tradition in progressive housing construction. The architects Henri et Robert Chevallier build in the 1950s the Cité Thorez in the city centre. A large red brick building with 14 floors, the first high rise building of Ivry. In the 1970s the architects Jean Renaudie and Renée Gailhoustet build nearby several housing estates based on different geometrical shapes, a pyramidal volume and partly mixed used with offices, retail and cultural functions. Due to the pyramidal form a large part of the apartments possess a planted terrace, creating the aspect of a green hill in the city. But the city centre has lost its attractiveness. The proximity of the city of Paris, a new shopping centre close to the Seine river and the increasing e-commerce have a negative impact on the retail in the Jeanne Hachette building, one of the housing estates by Jean Renaudie.

In this context we organized a two week workshop with 20 interior design students from the FIT university in New York, USA, and the RMIT university in Melbourne, Australia. The city of Ivry asked us to develop proposals for the revitalization of the city centre by

the redesign of the retail area in the Jeanne Hachette building. The students worked on four different areas inside the building with the following objectives and proposals:

- To adapt and to modernize the interior spaces, while respecting the initial architectural design;
- To open and to connect the interior spaces with the surrounding urban environment and to rework the transition spaces;
- The existing art gallery will be extended and integrated into an art centrality with different services and activities to reconnect the local artist communities of Paris and Ivry;
- An adjoining community kitchen, grocery, and garden area aims to bring neighbours and visitors together by diverse activities on nutrition;
- A learning centre combines an arts & craft skills workshop, a resources centre, a lecture space and a collaborative work hub to acquire new skills for the community.

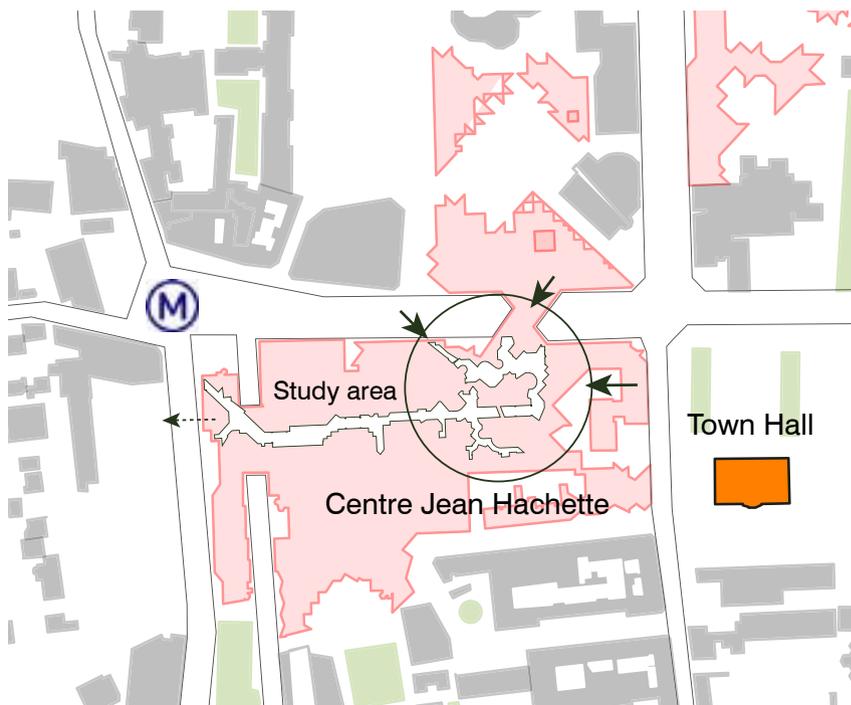
Since a decade the city of Ivry is experiencing a transition period in its urban development. Bordering the city of Paris it has become after a long period of shadowy existence a destination for middle-income households looking for lower real estate prices. But

v План учебной зоны Центра Жанны Ашетт. Автор: Office Rethink, 2018 г. / Plan of the study area in the Centre Jean Hachette Author: Office Rethink 2018

В Иври, где с 1920 года у власти стоит коммунистическое большинство, сохранилась традиция прогрессивного жилищного строительства. В 1950-х архитекторы Анри и Робер Шевалье построили в центре города здание Cité Thorez. Это 14-этажное здание из красного кирпича стало первым высотным зданием Иври. В 1970-х архитекторы Жан Реноди и Рене Гейлусте построили по соседству несколько жилых комплексов разной геометрической формы и смешанного использования, часть пространства которых было отведено под офисы, торговые точки и культурные заведения. Благодаря пирамидальной форме зданий большая часть квартир имеет зеленые террасы, создающие образ зеленого холма в центре города. Но городской центр потерял свою привлекательность. Близость Парижа, новый торговый центр возле реки Сена и распространение интернет-коммерции оказали негативное влияние на состояние торговли в Центре Жанны Ашетт, принадлежащем одному из жилых комплексов по проекту Жана Реноди.

В связи с этим мы организовали двухнедельный воркшоп с участием двадцати студентов факультета дизайна института FIT Нью-Йоркского государственного университета (США) и Мельбурнского университета RMIT (Австралия). Муниципалитет Иври предложил разработать проект ревитализации городского центра путем модернизации торговой зоны Центра Жанны Ашетт. Студенты исследовали четыре различные зоны внутри здания, в результате чего появились следующие предложения:

- адаптация и модернизация внутренних пространств не должна нарушать первоначальный архитектурный проект;
- необходимо открыть внутренние пространства и соединить их с окружающей городской средой, а также пересмотреть пространства переходов;
- существующая картинная галерея будет расширена и интегрирована в художественный центр, осуществляющий различные виды деятельности и объединяющий местные художественные сообщества Парижа и Иври;
- прилегающая общественная кухня, продуктовый магазин и территория сада будут привлекать жителей и гостей путем предоставления разнообразных услуг в сфере питания;

< Вид на Центр Жанны Ашетт по проекту архитектора Жана Реноди. Автор: ARR / View on the Centre Jean Hachette by Jean Renaudie, architect. Author: ARR

the proximity of Paris, the development of new quarters and the metropolisation question the function of its former city centre. Basic goods can be bought on e-commerce and specialized shops as well as cultural activities are more attractive in Paris. Similar as for Courbevoie remains the question, if a city like Ivry should and can have a main city centre? or several city centres with equal importance? or are the urban functions finally spread equally in the urban environment without forming a city centre?

Conclusion

The metropolisation is an ongoing and maybe accelerating process. By the increasing concentration of the economic, political, cultural activities in a few cities, it divides the territories and cities in winners and losers of this process.

Rural areas as well as medium and small-sized cities are threaten to lag behind and to lose their activities. They need to set up networks and collaborations and links with their territory. They have to analyze their history and invent a common future based on their specific strength to be a part of the developments. Alone they do not have the necessary force to stay a centrality of importance.

v Студенческий воркшоп «Проектирование Центра Жанны Ашетт». Автор: Office Rethink, 2018 г. / Student workshop on the Centre Jean Hachette. Author: Office Rethink 2018

Also inside the metropolitan areas the division takes place. Second row cities, like Juvisy-sur-Orge, have difficulties to get a share of the economic development of the metropolitan centre. Instead they become a refuge for fragile populations and their problems. First row cities like Courbevoie and Ivry-sur-Seine manage to benefit from the process, but they are concerned about how to keep their identity and city centre without getting absorbed by the growing metropolitan centre.

Литература/References

Razemon, O. (2016). Comment la France a tué ses villes. Paris: Rue de l'échiquier, ISBN 9782374250380

Florida, R. (2016). New urban crisis. New York: Basic Books, ISBN 9780465079742

Horn, C. (2014). La Défense, a Unique Business District. project baikal, 11 (39-40), 90-97. doi: <http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.39-40.707>

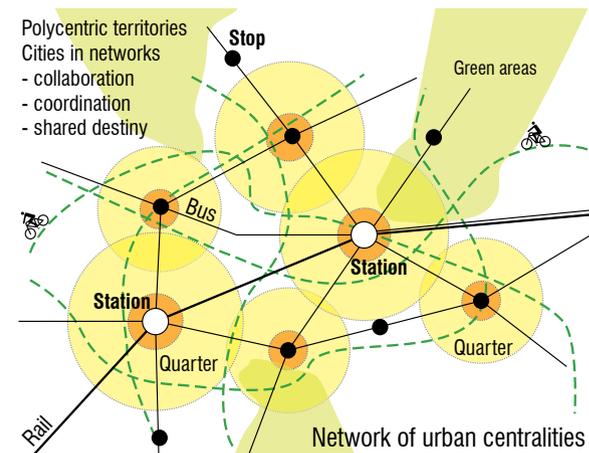
– учебный центр объединит в себе художественные и ремесленные мастерские, центр учебных пособий; лекционный зал и центр коллективной работы, чтобы местное сообщество получало здесь новые навыки и умения.

В течение десятилетия город Иври находится в переходном периоде своего развития. Этот город, граничащий с Парижем и долгое время существовавший в его тени, стал центром притяжения населения со средним доходом, которое ищет новое, более дешевое жилье. Однако близость Парижа, развитие новых кварталов и метрополитанизация поставили под сомнение прежнее функционирование его городского центра. Основные товары можно приобрести через Интернет и в специализированных магазинах, а культурные мероприятия интереснее посещать в самом Париже. Как и в Курбеуа, остается вопрос: должен и может ли такой город, как Иври, иметь свой городской центр? Или должно быть несколько городских центров одинаковой значимости? И распределяются ли равномерно городские функции в городской среде, не сформировав при этом новый городской центр?

Заклучение

Процесс метрополитанизации не прекращается, а скорее всего, набирает свои обороты. Растущая концентрация экономической, политической и культурной деятельности в нескольких городах разделяет территории и города на победителей и проигравших в этом процессе.

Сельским территориям, средним и малым городам грозит отставание в развитии и потеря сфер деятельности. Им необходимо формировать сети и взаимосвязи с территориями. Необходимо проанализировать свое прошлое и придумать общее будущее, основанное на индивидуальных сильных сторонах, способствующих развитию. В одиночку у таких городов недостаточно силы, чтобы стать главным центром. Кроме того, внутри территорий метрополии происходит разделение. Города второго ряда, такие, как Жювизи-сюр-Орж, испытывают трудности, связанные с участием в экономическом развитии центра метрополии. Не получая никаких выгод от этого процесса, они становятся пристанищем для незащищенных слоев населения со всеми их проблемами. Городам первого ряда, подобных Курбеуа и Иври-сюр-Сен, удается пользоваться преимуществами этого процесса, но их главная задача теперь заключается в том, чтобы сохранить собственную идентичность и городской центр, избежав поглощения растущим центром метрополии.

> Рекомендуемое включение городов в единую сеть. Автор: Office Rethink, 2018 г. / Cities should join in networks. Author: Office Rethink 2018

Слово «прекариат» образовано от латинского *precarium* – ненадежный, нестабильный. Творческие профессии всегда отличались слабой защищенностью, а во времена прекариата окончательно теряют какие-либо социальные гарантии. Художника, как известно, обидеть может всякий.

С другой стороны, социологи утверждают, что роль креативного класса растет и будет расти дальше, что присутствие людей творческих профессий – это «гормон роста», необходимый для развития городов.

Как эти противоречивые тенденции скажутся на развитии архитектурной профессии? Многие эксперты – историки и теоретики архитектуры – придерживаются весьма пессимистических взглядов и говорят о гибели профессии, о ее вырождении и так далее. Другие считают, что сегодняшний кризис принесет не только новые вызовы, но и новые возможности для будущих поколений архитекторов.

Кто окажется более прав?

The word “precariat” is derived from the Latin “*precarium*” (unreliable, unstable). Creative professions have always been insecure, and in the era of the precariat they finally lose all social guarantees. As it is said, anyone can hurt an artist’s feelings.

On the other hand, sociologists affirm that the role of the creative class keeps on growing, and the presence of creative professionals is a “growth hormone” necessary for development of cities.

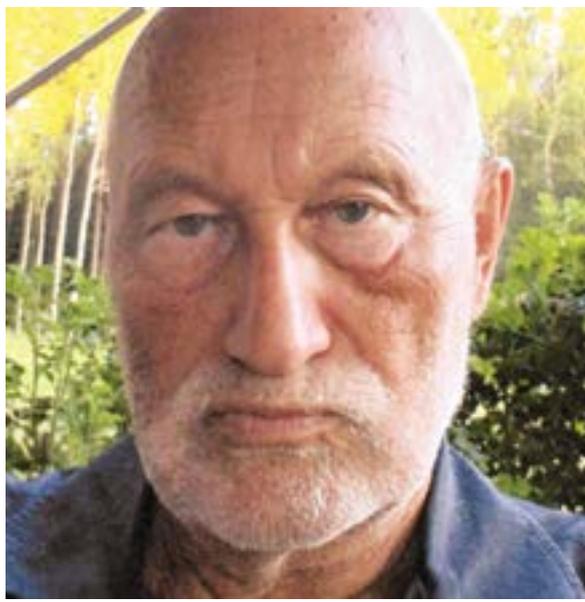
How will these contradictory trends influence the development of the architectural profession? Many historians and theoreticians of architecture are rather pessimistic about it and speak about the degeneration, the death of the profession, and so on. While others think that today’s crisis will bring not only new challenges, but also new opportunities for future generations of architects.

Who will prove to be more right?

креативный класс / the creative class

Константин Лидин

Konstantin Lidin

Книга Кевина Линча «Образ города» положила начало средовому подходу, который был выражением демократических ценностей. В средовом подходе архитектура отдельного сооружения сливалась с городом, теряя свою аристократичность и трансцендентную обособленность. Игра слов «Суд Линча» обозначает демократический суд над аристократической архитектурой. Результат средового подхода – гибель архитектуры. Ключевые слова: Кевин Линч; средовой подход; демократизация архитектуры; утрата аристократической идеальности.

“The Image of the City” by Kevin Lynch gave rise to the environmental approach, which expressed demographic values. In the environmental approach, architecture of a separate structure merged with the city, losing its aristocraticism and transcendental isolation. The word “lynching” is used in wordplay and means a democratic trial of the aristocratic architecture. The environmental approach results in the death of architecture. Keywords: Kevin Lynch; environmental approach; democratization of architecture; loss of aristocratic perfection.

Суд Линча над архитектурой / The Lynching of Architecture

текст
Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

Книга Кевина Линча «Образ города» вышла в 1960-м году, который некоторые (в том числе А. Бадью) считают последним годом современной эры (1860–1960). После этой книги он несколько позже выпустил еще две книги, посвященные разным пространственным и временным масштабам понимания новой городской или урбанизированной среды.

Так начиналось теоретическое осмысление,

казалось бы, нового феномена массовой жилой застройки как своего рода новой органической среды в опыте человеческой жизни.

Средовой подход просуществовал в обособленном виде до конца 80-х годов, когда он постепенно начал срастаться с постмодернизмом. Главный смысл этого подхода можно выразить словами: среда, время и коммуникация.

Этот подход потерял академическую статику понимания архитектуры и полностью (или почти полностью) растворял ее во времени переживания – восприятия, обживания и привыкания.

В средовом понимании архитектура отдельного сооружения сливалась с городом как со средой своего существования, время и пространство которого вытесняли идеальное время и пространство существования изолированного объекта. Архитектура при этом терла свою трансцендентную обособленность и оторванность от мира сего и возвращалась в мир повседневности.

Этот процесс начался еще во времена авангарда, когда Николай Ладовский, основавший группу архитекторов-урбанистов, в своем манифесте присягал на верность городу и обязывал своих адептов мыслить здание только как элемент города в целом.

Позднее городская среда стала новым родом массового зрелища и в концепции «общества спектакля» Ги Дебора превратилась в сценографию ситуационистского события.

Все эти бывшие некогда чрезвычайно модными и актуальными события восходят к общему корню – демократизации архитектуры.

Начало этой демократизации положили еще в конце XIX века Огюст Шуази и Генрих Вельфлин. Первый изобразил восприятие афинского Акрополя в виде своего рода спектакля или фильма, а Вельфлин интерпретировал архитектуру Ренессанса в категориях психологии народов.

Демократизация архитектуры позднее воплотилась в революционном авангарде с такой же силой, как в поэзии, но вместо серии самоубийств убийству (тем более самоубийству) подверглись не отдельные зодчие – как в случаях Маяковского или Есенина, а убийству самой архитектуры.

Игра слов «Суд Линча» в данном случае, при всей своей, быть может, неточности обозначает демократический суд над аристократической архитектурой. В конце концов, средовая концепция в архитектуре была выражением именно демократических ценностей, в связи с чем сосредоточила свое внимание не на идеальных прототипах и их образцах, а на повседневном восприятии и переживании городских ситуаций.

И именно средовой подход, породивший постмодернистскую чувствительность, лишил архитектуру той культурной и аристократической идеальности, без которой архитектура уже неммыслима.

Линча нельзя обвинить в том, что его усилия вели к гибели архитектуры; он делал то, что диктовало время и место. И может быть, этот акт уничтожения архитектуры история прервет и воскресит зодчество, как Господь прервал жертву Авраама.

За последние пять тысяч лет значение архитектуры непрерывно падало. Из древнего культа архитектура сначала превратилась в искусство, а затем в падчерицу и служанку власти. В современных сооружениях не выражается никакой общекультурной мифологии жизни и мира. Не дают должного эффекта обращения ни к социологии, ни к философии. В гипотетической перспективе не исключена возможность возвращения архитектуре ее основополагающих функций, стертых столетиями вербальной культуры. Ключевые слова: недооценка архитектуры; утрата подлинных ценностей архитектуры; десакрализация; демократизация; возвращение архитектуре основополагающих функций. /

For the last five thousand years, the significance of architecture has been constantly decreasing. From the ancient cult, architecture first turned into art, then into a stepdaughter and a servant of the power. The contemporary structures express no common cultural mythology of life and the world. They have no proper effect of reference to sociology or philosophy. Hypothetically, it is possible to return to architecture its fundamental functions erased by the centuries-long verbal culture.

Keywords: undervalued architecture; loss of genuine values of architecture; desacralization; democratization; returning of fundamental functions to architecture.

^ Шарджа. Жилые дома.
Фото Елены Багиной

Недооценка архитектуры / Undervalued Architecture

Разговоры о том, что архитектура в наше время недооценивается – банальная повседневность профессиональной мысли. Союз архитекторов взывает к правительству о повышении внимания к архитектуре, ученые требуют ввести в законодательство законы и кодексы, в соответствии с которыми архитектуре уделялось бы должное внимание. Включение архитектуры в градостроительный кодекс приравнивается к величайшей победе архитектуры.

Но, как мне кажется, все это не что иное, как шумовое сопровождение к забвению архитектуры и утрате ее подлинной ценности.

Было бы легче, если бы невнимание или недооценка архитектуры обнаруживалась лишь в коридорах и кабинетах власти, но, на мой взгляд (который многие сочтут кощунственным и вероломным), архитектура потеряла свой смысл и ценность и в глазах самих архитекторов.

И началось это не с приходом промышленной революции в XIX веке, и не в 1954 году по инициативе Никиты Хрущева, а много раньше.

Не нужно быть Платоном или Ньютоном, чтобы заметить, как в истории западной цивилизации за последние пять тысяч лет роль и значение архитектуры непрерывно падали. Снижалась социальная, культурная и духовная миссия зодчества, которое из древнего культа превратилось в искусство, поначалу став чуть ли не матерью всех искусств, а затем утратило и эту материнскую привилегию, сделавшись падчерицей и служанкой – власти, идеологии, капитала и, наконец, торговой рекламы.

Архитектура в последние сто лет примеряла разные модные платья, превращаясь то в технику, то в науку, то, наконец, в философию и неуклонно тяготея при этом к своего рода магии. Но поскольку сама магия до последнего времени, хоть и вошла в моду, но еще не завоевала себе места на социальном Олимпе, архитектура сохраняет положение какого-то странного персонажа, какого-то инкогнито или маски, смысл которой мало кому понятен, в том числе и самим архитекторам.

Можно сказать без преувеличения, что само слово «архитектор», введенное в оборот в Древнем Риме, несет в себе какую-то авторитетную силу, отчего именно это слово порой используют политические лидеры или каки-

е-то культурные светила, не имеющие прямого отношения ни к строительству, ни к архитектуре.

Слово это осеняет нынешних архитекторов реликтовым излучением или светом неведомой силы, уже едва ли соответствующим нынешним полномочиям и претензиям самих зодчих.

Падение архитектуры отчасти вызвано падением ее покровителей, в числе которых культы древности, империи, феодальная аристократия и христианские религиозные центры – городские соборы и монастыри. В конце XIX – начале XX века эта десакрализация и демократизация архитектуры переживались и как падение, и как перспектива нового необычайного взлета. Архитектура трудящихся масс обещала быть чем-то не менее значительным

текст

**Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport**

< Шарджа. Жилые дома.
Фото Елены Багиной

^ Церковь Св. Лоренца Нюрнберг. Фото Сергея Астапова

^ Церковь Рождества Вифлеем Фото Сергея Астапова

и величественным, чем древнеегипетские и христианские храмы. В первые послереволюционные годы были даже проекты храмов – новых храмов «общения народов». Но что стояло за этим «общением народов», тогда было не совсем ясно. Этому общению народов предшествовала первая мировая война, и вслед за ней разразилась вторая мировая война. По своей монументальности и жертвам эти войны – единственные факты монументализма, сопоставимые с древнейшими храмами, но с противоположным смыслом – они были символами не созидания, а разрушения миров.

В последние относительно мирные годы общение народов приняло формы торговли, кооперации, финансовой монополизации и коммуникативной глобализации. И все эти новые монументальные формы общепланетарной интеграции человечества к традиционной архитектуре имеют косвенное отношение.

Эти формы жизни планеты выразились в архитектуре в промышленных сооружениях вроде автобанов, гигантских дамб, плотин и аэропортов, космодромов, а также в стереотипной застройке мегаполисов.

В них не выражается, как то было в древности и средние века, никакая общекультурная мифология жизни и мира. Это следы иных социальных сил и процессов, и, вопреки надеждам архитектурного авангарда, они не стали новой Архитектурой с большой буквы, сделавшись своего рода функциональным дизайном.

Архитектура второй половины XX века усвоила этот исторический урок и окончательно потеряла претензии на духовное возрождение человечества, сделавшись инструментом политической (особенно в условиях тоталитарных государств) или коммерческой рекламы.

Идеология современной архитектуры, формально освободившейся от покровительства со стороны мифа, церкви и даже политической бюрократии, осталась идейно опустошенной, попала в ряд обслуживающих социальные институты декоративной деятельностью. Одним из симптоматичных следствий этой утраты первородства в архитектуре стали попытки обрести свой смысл в социологии. Социология в целом этих надежд не оправдывает, так как строится на основании научного объяснения, а не проектного предвидения и норматизации. Таким об-

разом, даже те редкие успехи социологического альянса с архитектурой остаются в качестве прикладных знаний в сфере декоративно-индустриального дизайна массового производства.

Марксизм, впитавший гегельянские пророческие интонации, казалось бы, обещал нечто новое, но не оправдал этих надежд, и марксистская социология из проектной дисциплины постепенно превратилась в исследования, опирающиеся скорее на индивидуальное, чем на коллективное поведение.

Характерен в этом отношении западный функционализм и его двойник – советский конструктивизм. Полагая себя жизнестроительными инициативами, эти творческие направления конструировали не жизнь или жизненные миры, а лишь технологическое оборудование для производства и потребления, подчиненное технологическим схемам, приправленное геометрической стерильностью и гигиеной. Этот техницизм пытался освободиться от функциональной схематики, но никаких новых идей не родил и, в конце концов, вернулся к имитации, окрашенной во имя спасения духа легкой иронией. Эта саморония автономии архитектуры, казавшаяся ее победой, все же скорее обозначала последний акт ее исторического поражения.

Попытки поставить архитектуру на собственные ноги предпринимались в сфере тектоники, гармонизации, психологии восприятия, конструктивной логики, новой технологии производства и новой технологии мышления, феноменологии когнитивных процессов и творческой силы подсознания. И все же, сколько бы надежд эти искания не пробуждали, жизнь возвращает архитектуру к суровому минимализму смысловой стерильности.

Категория смысла, возвращаясь сегодня в теорию архитектуры, остается не обеспеченной никакими надежными источниками, если не считать все тех же заимствований извне – из науки, техники и истории мифологии. Но ни академическая наука, ни мифология, ни психоанализ, ни партийные лозунги дела не спасают. Стоит заметить, что еще в девятнадцатом (отчасти и в двадцатом) столетии архитектура, следуя примеру Ренессанса, пыталась обрести эти смыслы в истории. Так

что ни исторические изыскания, ни следовавшая за ними функционалистская программа не дали нужных результатов. Легко понять, что это историческое фиаско не могло особенно поднять дух профессии.

Стоит заметить, что эта утрата веры в себя развертывалась на фоне временно возникавших новых ожиданий – в сферах литературы, театра, техники (в XIX веке), проектировании и социальной инженерии, кино и телевидении (в XX веке). Но когда и эти сферы жизни стали растворяться в кислотной среде деконструктивных философских анализов, эти надежды ушли в прошлое.

На что же надеяться архитектуре в ее ближайшем и отдаленном будущем?

Тут мы вступаем в сферу гипотез и предположений, которые могут оказаться пророческими или пустыми. Повторение лозунгов и идей минувших 200 лет со всеми их пассаеистскими и футуристскими взлетами едва ли стоит принимать за надежную основу, хотя выкидывать их из поля зрения совершенно недопустимо, ибо они могут содержать некоторые важные импульсы, которых мы пока что не сумели разглядеть. В этом смысле, я считаю, что мы все еще не поняли ни архитектурной мысли XIX, ни архитектурной мысли XX века, в том числе и в особенности – архитектурного авангарда начала прошлого века. Судьба архитектурной мысли этих столетий подвергалась то лихорадочным надеждам, то истерической дискредитации и новым, не менее истерическим, переоценкам.

Так что задача нынешнего века прежде всего, может быть, состоит в пересмотре этих экзальтированных оценок и выработке более спокойного взгляда.

Еще сложнее выработать такой спокойный взгляд в диапазоне гораздо большего исторического масштаба и пересмотреть историю архитектуры и ее связь с идеологиями Древнего мира, Средних веков и Века Просвещения и Прогресса.

Все, чем мы пока располагали, было попытками интерпретировать эту историю в свете доминирующей в тот или иной период идеологии – как позитивной, так и критической.

И все эти попытки – сколь высоко они бы ни ставили саму Архитектуру, выработали отношение к ней как к сфере не просто вторичной моделирующей системы, (тут вторичность остается техническим термином семиотики), а как вторичной системы в смысловом отношении, то есть не располагающей первичными инициативами смыслополагания. Таковы и философские интерпретации Ренессанса, и моральные концепции Просвещения, и методологические теории XX века.

Эта унаследованная новым и нашим временем «вторичность» архитектуры, на мой взгляд, ошибочна, и не дает нам возможности увидеть ее действительный исторический и метаисторический смысл.

Здесь не место входить в конкретные программы преодоления этого комплекса архитектурной неполноценности. В задачи этого текста входило только обратить внимание на этот комплекс как на скрытую причину безынициативности современной архитектурной теории и самой архитектуры, охватившей все «прогрессивное человечество».

Какой бы безнадежной нам ни казалась перспектива архитектуры и искусства в начале XXI века, нельзя не учитывать, что мы переживаем переходный период новой глобализации, по своим последствиям еще совершенно не представимой. И многие кажущиеся нам уже достаточно освоенными виды технической коммуникации – не только компьютеры, но и фотография или новая философия – таят в себе пока что не предвидимые повороты и перевороты в ценностях и представлениях. В этой, конечно, туманной и гипотетической перспективе, я не исключаю возможности возвращения архитектуре

ее основополагающих функций, стертых столетиями вербальной культуры. В конечном счете, я верю в способность самой вербальной культуры на ограничение своих возможностей по аналогии с ограничениями возможностей рассудка, продемонстрированных Кантом.

Но речь идет не только о возврате к «вещам», «мирам» или «зрительным» и «чувственным» образам: есть много упущенных архитектурой последних веков сфер, которые могли бы вернуться в ее лоно с новыми смысловыми инициативами.

И тогда архитектуре пришлось бы распрощаться с ее вольной или невольной нынешней недооценкой.

в Шарджа. Жилые дома.
Фото Елены Багиной

Современный этап развития мировой экономики характеризуется как «экономика переживаний». В новом экономическом устройстве наиболее востребованными становятся иррациональные, не поддающиеся алгоритмизации формы труда. Преодоление тенденций к превращению архитектуры в сферу прекариата подразумевает решительное изменение методов и самой идеологии архитектурного образования. В статье приведены данные обследования студентов архитектурного вуза МИТУ–МАСИ. Исследования показали слишком сильную зависимость студентов от модных тенденций, противоречащую индивидуальным предпочтениям самих учащихся. Ключевые слова: архитектура; прекариат; экономика переживаний; высшее образование; креативный класс. /

The current stage of development of the world economy is characterized as the “experience economy”. The new economic structure has a high demand for irrational forms of labour that cannot be algorithmized. To overcome the tendencies towards transformation of architecture into the sphere of precariat, it is necessary to drastically change the methods and the ideology of architectural education. The article provides the data of the survey carried out among the students of Moscow Information and Technological University – Moscow Architecture and Construction Institute. The study has shown an extremely high dependence of students on present-day trends, which contradicts their individual preferences.

Keywords: architecture; precariat; experience economy; higher education; creative class.

Преодоление прекариатства. Архитекторы для экономики переживаний /

ТЕКСТ

Константин Лидин,
Елена Булгакова /
text
Konstantin Lidin
Elena Bulgakova

1. Постановка проблемы. Профессиональная подготовка кадров для новой экономики

Глобальный экономический кризис и тектонические сдвиги в комплексе наук о человеке формируют перед сферой профессионального образования новые вызовы. Экономика устойчивого развития оставляет на долю человека только те виды деятельности, в которых требуется творческий подход. Все функции, которые не имеют креативной составляющей (алгоритмизируемые функции) будут переданы машинам – чуть раньше или чуть позже. Компьютер выполнит любую стандартную работу быстрее, точнее и, главное, – дешевле человека. И только иррациональное остается сферой чисто человеческой, недоступной компьютеризации. Для сохранения занятости и устойчивого развития современных экономик необходимо, чтобы число работающих «иррациональным образом» росло опережающим образом.

К сожалению, сфера профессионального образования не успевает выполнить столь явный и неотложный запрос рынка рабочей силы.

Архитектура является одной из тех областей профессиональной деятельности, где иррациональный компонент выражен весьма ярко [1]. Проблемы профессиональной подготовки, связанные с вызовами современной экономики, отображаются в архитектурном образовании весьма болезненным образом. В западноевропейском и североамериканском регионах большое беспокойство вызывает чрезмерная нагрузка на учащихся архитектурных специальностей. Исследования, проведенные журналом *Architectjournal* в течение нескольких лет, показали, что около трети студентов архитектурных специальностей в Великобритании испытывают трудности с психическим здоровьем, вызванные перегрузками [2]. Физические перегрузки сочетаются с высокой стоимостью образования, так что выплата образовательного кредита для многих молодых архитекторов также превращается в долговременную и тяжелую проблему. Настоячиво обсуждается вопрос: насколько оправдана такая высокая стоимость архитектурного образования?

Большие места российского архитектурного образования в основном связаны с высокой централизацией всей системы образования. Чрезмерная бюрократизация

лишает учебные программы гибкости и снижает их актуальность. Почти непреодолимые барьеры возникают между наукой и практикой архитектурного образования (следствие той же самой бюрократизации). Никак не удается преодолеть сложности перехода к болонской системе, все еще не понятной ни студентам, ни работодателям. Отсюда и общая оторванность архитектурного образования от реальной профессиональной практики.

Проблемы обучения архитекторов, на наш взгляд, тесно связаны со сменой смысла и основных целей профессиональной подготовки кадров для экономик нового типа. Вместо развития иррациональной составляющей личности студента, мы продолжаем концентрироваться на его рациональной, логической компоненте.

2. Методика исследования и данные эксперимента

Обоснование и подробный разбор модели, рассматривающей эмоции и эмоциональное восприятие с точки зрения потоков информации, содержится в наших предыдущих работах [3; 4].

В нашем исследовании эмоциональной сферы студентов-архитекторов мы использовали оригинальные методики, основанные на закономерностях физиологии зрения. Согласно принятому нами определению, эмоции непосредственно связаны с общим психофизиологическим состоянием воспринимающего субъекта. Осью абсцисс пространства эмоций (отражающая интенсивность информационного потока) соответствует параметру общей стеничности состояния воспринимающего субъекта. Минимальные уровни восприятия и переработки информации соответствуют эмоциональным состояниям группы «печаль» – от легкой задумчивости до предельных форм отчаяния. Это астенические состояния заторженности или даже полного прекращения жизненных процессов. Противоположные эмоции группы «интерес» соответствуют возбужденному стеническому состоянию. Процессы поглощения и переработки информации в этих состояниях протекают сильно и быстро, и вместе с ними ускоряются и усиливаются все психофизиологические процессы.

В подавленном (астеническом) состоянии зрение, как и прочие функции организма, находится в подавленном, угнетенном режиме. Особенно заметно подавление

Рисунок 1. Кластер точек осознанных предпочтений, полученных в ходе эксперимента. Каждая точка в пространстве эмоций соответствует эмоциональному содержанию тех картинок, которые данный студент оценил максимальным числом баллов.

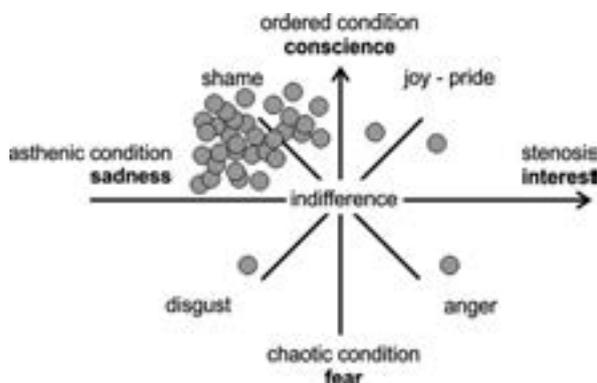
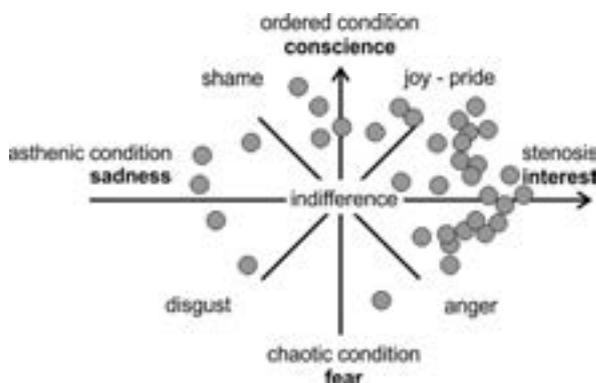

Рисунок 2. Кластер точек бессознательных предпочтений. Каждая точка соответствует эмоциональному содержанию картинок, которые данный студент разглядывал дольше всего.

To Overcome the Precarity. Architects for the Experience Economy

цветового зрения, так как колбочки (cone cells) сетчатки глаза более чувствительны, чем палочки (rod cells). Если смотреть на мир «печальными глазами», то мир выглядит темным, тусклым и бесцветным (черно-белым). Напротив, состояния группы «интерес» делают картину мира светлой, яркой и радужной.

Параметры светлоты (lightness), яркости (brightness) и цветовой насыщенности (saturation), таким образом, могут служить маркерами при анализе эмоционального содержания изображений. Дополнительным маркером может также служить теплохолодность цветовой палитры, так как печаль ассоциативно связана с холодом, а интерес – с теплом.

Связь между эмоциональными состояниями и параметрами изображения по оси «порядок – хаос» несколько сложнее. Она обусловлена характером саккад (saccade) – быстрых движений, которыми глаза «сканируют» изображение. В состояниях группы «страх» движения глаз, как и вся пластика тела, приобретают судорожный, хаотический характер. У испуганного человека «бегают глаза». В результате картина окружающей реальности размывается, становится расплывчатой, теряет ощущение устойчивости и симметричности.

Маркерами эмоционального содержания изображений по оси абсцисс пространства эмоций могут служить такие параметры изображения, как четкость – размытость (sharpen – blur), симметричность изображения и устойчивость его композиции. Устойчивостью называется соотношение верхней и нижней половины изображения по параметру светлоты. Темные тона воспринимаются как более тяжелые, а светлые – как легкие. Впечатление устойчивости производит изображение, в котором «низ» темнее «верха».

На основе приведенных закономерностей восприятия нами были разработаны специализированные программы для анализа эмоционального содержания изображений.

Программы были апробированы на группе студентов специальности «Архитектура» московского вуза МИТУ – МАСИ [5]. Общий массив испытуемых составил около двухсот человек.

Первая программа DesignExpert выявляет эмоциональные предпочтения студента [6]. Нами был использован подход, предложенный К.-Г. Юнгом в его классической

методике ассоциативного тестирования [7]. Студентам предлагалось просмотреть сорок изображений архитектурных объектов (небольшие особняки), однотипных, но обладающих различным эмоциональным содержанием. Каждому изображению предлагалось поставить оценку по принципу «нравится – не нравится». Оценки ставились в условных баллах от –5 (совсем не нравится) до +5 (очень сильно нравится). Область в пространстве эмоций, получившая максимальные оценки, выделялась в качестве области осознанного предпочтения.

Одновременно программа фиксировала время, в течение которого данный студент разглядывал каждую картинку. Область в пространстве эмоций, в которой студент проводил максимальное время, выделялась как область бессознательного предпочтения.

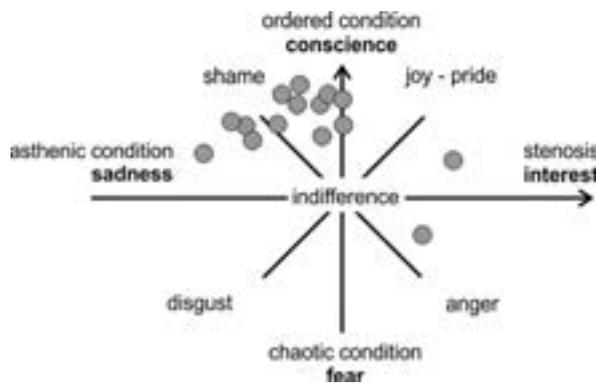
Результаты эксперимента показаны на рисунках 1 и 2.

Разница между сознательными и бессознательными предпочтениями студентов весьма велика. Сознательно студенты выбирают те состояния, которые на данный момент считаются модными и находятся в тренде. Кластер на рисунке 2 выглядит плотным и локальным, что демонстрирует сильную зависимость студентов от общепринятой стилистики. Мода на невзрачную слабость, присущая «поколению Z», выразилась в предпочтении архитектурных объектов минималистического типа – с пониженной цветностью и яркостью, в холодной серо-голубой гамме, с четкими симметричными композиционными решениями.

Кластер точек бессознательных предпочтений выглядит совершенно иначе. Точки разбросаны по всему пространству эмоций – индивидуальные различия студентов проявились гораздо заметнее. Центр тяжести кластера находится в области «интерес» и «радость – гордость». Под маской прохладного уныния молодые архитекторы скрывают гораздо более активное, насыщенное и горячее отношение к жизни и к будущей профессии. На самом деле многие предпочли бы архитектуру яркую, дерзкую, насыщенную по цвету и динамичную по композиции. И главное – гораздо более разнообразную, чем диктует мода.

Второй эксперимент мы провели, используя программу параметрического анализа изображений ImageExpert [8].

Рисунок 3. Результаты анализа эмоционального содержания дипломных проектов

Программа автоматически измеряет параметры изображения, связанные с его эмоциональным содержанием. Для анализа мы взяли восемнадцать дипломные проекты бакалавров специальности «Архитектура» института МИТУ – МАСИ. Результаты анализа показаны на рисунке 3.

В среднем можно сказать, что в работах молодых архитекторов преобладает пониженная цветность и яркость. Основной тон – серый, яркие тона если и присутствуют, то лишь в виде небольших декоративных деталей. Функциональная сторона цвета (цвет как инструмент формирования объема и пространства, социально-психологические функции цвета) практически не используется. В композиционном плане преобладают строго симметричные и устойчивые решения. В целом кластер точек, соответствующих эмоциональным содержаниям дипломных работ, больше похож на кластер рисунка 2, чем 3: он плотный, локальный и расположен в области астенических упорядоченных состояний.

4. Обсуждение, выводы и перспективы

Результаты наших экспериментов позволяют точнее и конкретнее выявить основную проблему подготовки профессиональных кадров для современной экономики. К сожалению, программа обучения даже такой творческой профессии, как архитектор, не включает ни теоретические основы управления эмоциями, ни практические приемы такого управления. Программа однозначно ориентирует студентов на ту область эмоциональных состояний, которая находится в наибольшем тренде именно сейчас, в период его обучения. Индивидуальные особенности и предпочтения студентов при этом учитываются явно недостаточно [9]. Сегодняшняя система обучения выглядит так, как если бы в консерватории всех студентов, независимо от природных данных и даже пола, учили петь только тенором, потому что сегодня в моде теноры.

Мы считаем, что процесс подготовки кадров для современной экономики должен начинаться с определения эмоциональной области индивидуальных предпочтений и ориентаций студента. Нет никакого смысла подавлять какую бы то ни было эмоциональную область индивидуальных предпочтений. Сегодняшний (а тем более – завтрашний) рынок эмоций достаточно широк, чтобы

создать спрос на любые эмоции, если они воплощены в потребительские товары с приемлемым соотношением цены и качества. На начальных этапах следует обучить студента профессиональным навыкам работы именно в той эмоциональной области, которая изначально присутствует данному студенту.

Только затем можно постепенно знакомить учащегося с привлекательностью и преимуществами других эмоциональных областей, постепенно развивая художественные навыки «перевоплощения» и работы в иных, не свойственных лично ему областях пространства эмоций.

Эстетические критерии и само понятие красоты сегодня являются экономической категорией. Красивый архитектурный объект – это объект, гармонично отражающий эмоциональные состояния, востребованные целевой группой потребителей. Данный тезис сегодня вызывает сильное отторжение со стороны традиционно настроенных архитекторов, выдающих в нем унижение профессионального достоинства. Но выбора нет; завтрашний архитектор должен уметь распознавать запрос потребителей его творчества – жильцов и обитателей будущего строения. Необходимо учить молодых архитекторов навыкам «маркетинга эмоций» – того, что сейчас появляется лишь в самых простых формах соучаствующего (партиципативного) проектирования.

Заключение

Затяжной характер глобального кризиса указывает на глубину и принципиальность происходящих перемен. Возникающая на наших глазах экономика нового типа требует столь же глубокой перестройки наших взглядов на цели и методы профессиональной подготовки. Концепции непрерывного пожизненного образования, а также быстрое распространение дистанционного образования в среде интернета – все это реальность уже сегодняшнего дня. Завтра, когда производство вещей еще более автоматизируется, а вслед за ним подвергнется автоматизации и производство услуг, для человека в основном останется сфера производства эмоций. Мы должны быть готовы к этому.

Литература

1. Klingmann, Anna (2007) *Brandscapes: architecture in the experience economy*. Published Cambridge, Mass.; London: MIT
2. Waite R., Braid E. (2016) *Mental health problems exposed by AJ Student Survey 2016*. Architectsjournal site. URL: <https://www.architectsjournal.co.uk/news/mental-health-problems-exposed-by-aj-student-survey-2016/10009173>. article
3. Kalyuzhnova N., Lidin K, Sharafutdinov V. (2012) *The image of Russia as a factor of tourist competitiveness*. Irkutsk: Publishing house of the ISU
4. Lidin, K. et al. (2017). *Information Flows Balance and Price of Real Estate*. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, Volume VIII, Spring, 2 (24): 496–504.
5. Булгакова Е. МИТУ-МАСИ. Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт – архитектурная школа нового типа. Проект Байкал. 2017. Т. 14. № 53. С. 54–57.
6. Мы выражаем благодарность Василию Корешкову, разработавшему программу по нашему алгоритму
7. Jung, Carl Gustav (2014) *Analytical psychology: its theory and practice*; with a foreword by Kevin Lu. London; New York: Routledge Classics
8. Авторы выражают благодарность Юрию и Николаю Герасимовым, разработавшим программу по нашему алгоритму
9. Bulgakova E. A (2013) *Integration of innovative methods of education in the training of architects*. In: *Materials of international scientific-methodological conference: E-learning and distance technologies in education: experience and prospects..* No. 1. P. 10–13

^ Фумихико Маки / Fumihiko Maki

Основной чертой прекариатов считается неустойчивое, лишенное гарантий завтрашнего дня положение. Однако тревожное ощущение неустойчивости и ненадежности существования может быть обусловлено не только социальными причинами. Японский архипелаг по природным условиям – одно из наиболее опасных мест на планете. Страна, где природные силы в любой момент могут напомнить, насколько мы, люди, зависимы от их могучих капризов. В этих условиях сформировалась уникальная культура региона-прекариата. очередной фрагмент книги профессора Георгия Станишева представляет собой интервью с одним из основателей японского метаболизма – Фумихико Маки. Мастер размышляет о послевоенном поколении японцев, о культурных потрясениях шестидесятых годов, о специфическом языке архитектуры, на котором она разговаривает с Природой.

Ключевые слова: архитектура; японский метаболизм; Георги Станишев; Фумихико Маки. /

The main feature of precariats is their unstable status that gives no guarantees of a secure future. However, the uneasy feeling of instability and insecurity of life can be caused not only by social reasons. The Japanese archipelago is a place where natural disasters occur most frequently in the world. It is a country where natural forces at any moment can remind how we the people are dependent on their mighty caprices. In such conditions, the precariat region's unique culture has developed. The next fragment of the book by Georgi Stanishev presents an interview with one of the founders of Japanese Metabolism, Fumihiko Maki. The master reflects about the post-war Japanese generation, the cultural disturbances of the 1960s and the specific language used by architecture to speak with Nature.

Keywords: architecture; Japanese Metabolism; Georgi Stanishev; Fumihiko Maki

«Плавающий» модернизм / “Floating” Modernism

Изменения в культурном и социальном климате в XX–XXI веке накладывали различные идеологические и концептуальные артикуляции на архитектурную профессию. Архитектура модернизма структурно трансформируется из набора концептуальных линий в общее мышление, в коллекцию влиятельных индивидуальностей, вокруг которых группируются сочувствующие архитектурные апологеты. Идеология коллективного сопереживания времени и его горизонтов заменяется мозаикой ориентаций и векторов, поддерживающих некоторые микролокальные или микроглобальные краткосрочные перспективы. Эпоха множества национальных архитектурных школ со значительным уровнем лингвистического разнообразия в модернистской доктрине изменилась с течением времени, и теперь многие архитекторы разных направлений делают практически одно и то же. В процессе перехода между этими двумя историческими моделями «последним коллективным авангардом современной архитектуры», по словам Колхаса, было движение метаболизма в Японии.

В беседе, состоявшейся в Софии в 2012 году, один из основателей метаболистической философии Фумихико Маки поделился своими идеями о роли и влиянии метаболизма, на происходящие изменения и на личные творческие модели, которые делают архитектуру в этих новых условиях.

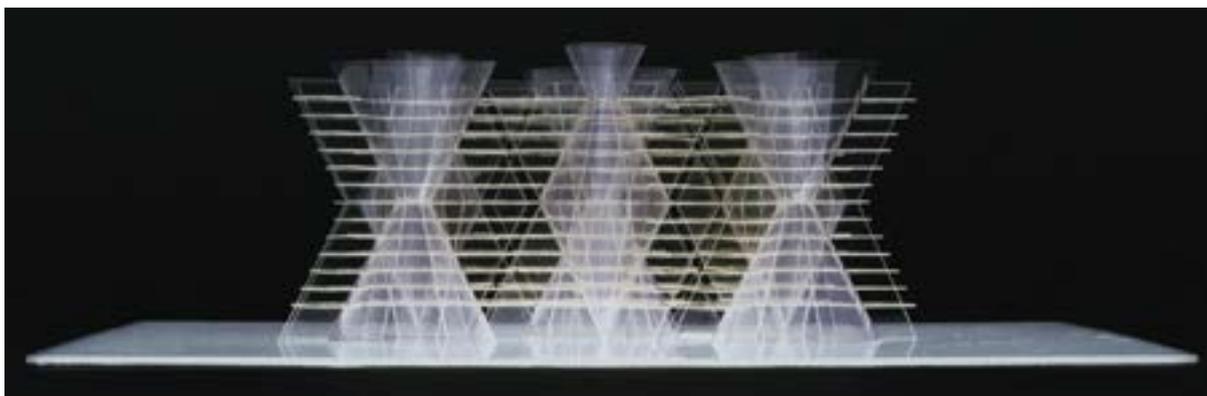
Георгий Станишев

Из того, что вы говорите, возникает впечатление, что вы хотите обсудить три темы: философия метаболизма и его связь с концепцией плавающего модернизма; концепция коллективной формы и ее связь с современными теориями о городе; идея спокойного пространства и языка архитектуры. Начнем с первой темы. Я не знаю, следует ли рассматривать метаболизм как специфическое японское явление и может ли это происходить в другой культуре, где-то еще или в другое время...

Хотя я бы не использовал понятия «японский» или «восточный», чтобы квалифицировать это движение; это продукт определенного времени и места – Японии 1960-х годов. Вторая мировая война закончилась в 1945 году, и всем нам приходилось непросто. К счастью, однако, мы поняли, что будущее может принести нам нечто, ранее не испытанное. Это одно из смутных чувств, которые владели нами в то время. У нас также были наши многолетние архитектурные традиции, и мы думали, что можем сделать что-то для лучшего будущего. Мы больше не питаем иллюзий насчет «светлого завтра», но именно в то время (десять или пятнадцать лет после войны) наши города, наша окружающая среда стали выглядеть такими незавершенными, какими остаются и сейчас.

Наши города все еще были опустошены, но именно из этого разрушения мы извлекали наши надежды. И я подумал – я имею в виду не только людей моего

текст
Георгий Станишев /
text
Georgi Stanishev

> Метаболистическая конструкция Гольджи, 1967 г.
/ The Golgi Structure, 1967

The changes in the cultural and social climate in the 20th-21st centuries imposed different ideological and conceptual articulations on the architectural profession. Modernist architecture is structurally evolving from a set of conceptual lines into a common thinking, a collection of influential individuals surrounded by sympathizing architectural apologists. The ideology of collective experience of time and its horizons is replaced by a mosaic of orientations and vectors supporting some microlocal or microglobal short-term prospects. The epoch of a variety of national architectural schools with a considerable level of linguistic diversity in the modernist doctrine has changed over time, and now many architects from different schools do practically the same. In the course of the transition between these two historical models, "the last moment when architecture was a public rather than a private affair", according to Koolhaas, was Metabolism, the Japanese architectural avant-garde movement.

In the conversation held in Sofia in 2012, one of the founders of the Metabolism philosophy, Fumihiko Maki shared his ideas on the role and the impact of Metabolism on the current changes and personal creative models, which constitute architecture in the new context.

Georgi Stanishev

From what you are saying, it seems that you want to discuss three topics: the philosophy of Metabolism and its connection with the concept of floating modernism; the concept of collective form and its relation to the contemporary urban theories; and the idea of a tranquil space and the language of architecture. Let's start from the first topic. I don't know if Metabolism should be viewed as a specific Japanese phenomenon or it may occur in another culture, at another time or place...

Though I wouldn't use such notions as "Japanese" or "Oriental" to characterize this movement, it is a product

в Спроткомплекс в Фуд-
жисава, 1984 г. / Fujisawa
Municipal Gymnasium, 1984

of a certain time and place, which was Japan in the 1960s. World War II finished in 1945, and it was a hard time for us all. Fortunately, we realized that the future would bring us something we had never experienced before. It was one of our uneasy feelings at that time. We also had long-lived architectural traditions, and we thought we could do something for a better future. Now we don't live in an illusion of a brighter future any more, but at that very time (ten or fifteen years after the war), our cities and environment looked as unaccomplished as they remain until now.

Our cities were still deserted, but we derived our hopes from that desertedness. So I thought that we (I mean my generation as well as older people, like Mr Tange) can propose to our people and the whole architectural community something valuable, brand new and genuine.

I think the emergence of Metabolism was inevitable. But it was also a result of certain conditions at a certain time and place, though the character of the Metabolism manifes-

to was fully antihistorical.

It is often thought that Metabolism can be correlated to some political platforms of postwar Japan. Indeed, Noboru Kawazoe was interested in Marx and even called the idea of Metabolism "Japanese Marxism"... I don't consider this impact to be strong or long-lasting. Maybe Kawazoe... Kurokawa went to Moscow when he was a student, but I don't think he was a Marxist. And I don't think there were any political connotations in the movement during that period.

Metabolism and the present time

But I cannot but agree that Metabolism offers a much more optimistic and collective world than we have today... Even our own group was like a group of like-minded people with common visions of the future... I think that in the 1960s we all felt as if we were on a large ship bound for a common horizon... We all believed in it.

поколения, но и пожилых людей, таких, как мистер Танге, – что мы можем предложить нашим людям и архитектурному сообществу в целом что-то стоящее, что-то совершенно новое и подлинное.

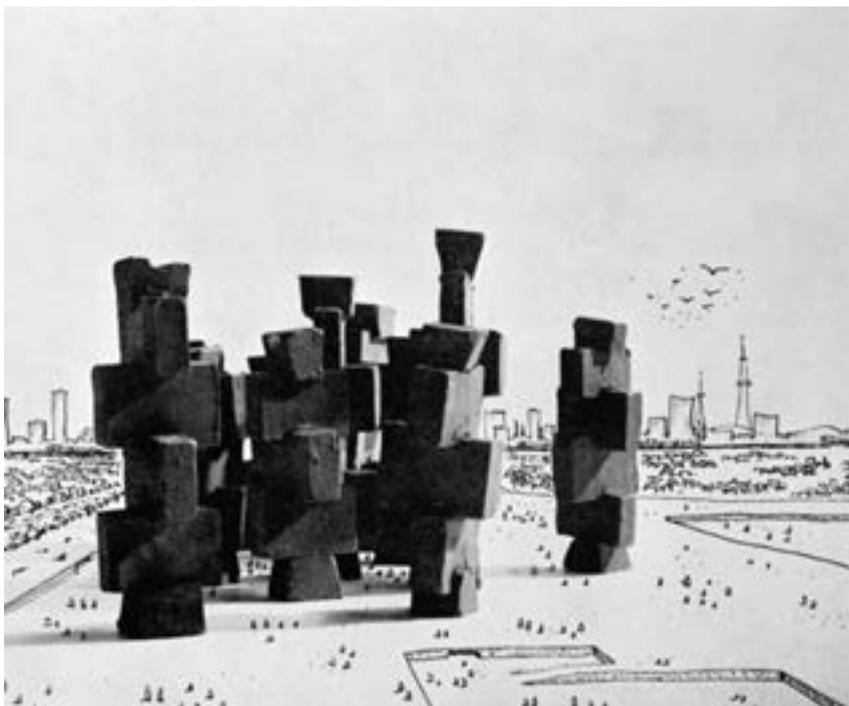
Я считаю, что возникновение метаболизма было неизбежным, но оно же явилось результатом определенных обстоятельств в конкретном времени и месте. Хотя по самой своей природе, манифест метаболизма был полностью антиисторическим.

Есть мнения, что в послевоенный период метаболизм может быть увязан с некоторыми политическими платформами в Японии. Действительно, Нобору Кавазое (1) интересовался Марксом и даже называл идею метаболизма «японским марксизмом»... Я не думаю, что это действительно имело какое-либо сильное или продолжительное влияние. Кавазое, может быть... Курокава поехал в Москву, когда он был студентом, но я не думаю, что он был марксистом. И я не думаю, что в этот период в движении наблюдались какие-то политические коннотации.

Метаболизм и современность

Но я не могу не согласиться с тем, что метаболизм предлагает гораздо более оптимистичный и более коллективистский мир, чем тот, который у нас есть сегодня... Даже наша собственная группа была похожа на группу сомыслителей с общими взглядами на будущее... Я думаю, что в 1960-х годах мы все чувствовали себя на большом корабле, который двигался к общему горизонту... Мы все так считали.

Сегодня модернизм закончился – как это было в его первоначальном контексте, в виде идеологии, манифестов и т. д. И мы живем в обществе, в котором архитекторы больше не путешествуют на одном корабле. Мы брошены в океан, все плавают на поверхности, и все одиноки... Парадокс в том, что сегодня у нас есть несколько способов общения – публикации, информационные сети и т. д. – и все же будет очень сложно (я имею в виду технически) увидеть общую картину или попытаться предпринять совместные действия со стороны архитекторов. Это потому, что архитекторы, как правило, в настоящее время не привязаны, они «плавают», независимо от того,

хотя они или нет, как независимые суда без единого направления. И так, как я уже сказал, модернизм теперь стал универсальным контейнером – как банк для денег; как библиотека, в которой хранятся книги; как супермаркет, где различные виды еды собраны вместе механическим способом... Это похоже на большую миску супа, в которую мы помещаем разные ингредиенты – рыбу, овощи и т. д., но ни один из этих ингредиентов не знает, с какой целью варится суп и какие продукты в нем смешиваются.

В отличие от эпохи 50 лет назад, когда карта архитектуры была четко структурирована и открыто заявлена, сегодня все смешалось, поэтому очень сложно иметь какие-то единые или прочные мнения или идеи для всего...

Возможно, именно поэтому мы испытываем некоторую ностальгию по всему послевоенному периоду, и не толь-

^ Фумихико Маки и Масато Отака. Проект реконструкции терминала Синдзюку, Токио (модель), 1960 г.

Today, modernism in terms of its initial context, ideology and manifestos has come to an end. We are living in a society where architects are no more on the same ship. We are thrown into the ocean; everybody is floating on the surface, all alone... Paradoxically, today we have several means of communication (publications, information networks etc.), but it is still technically very difficult for architects to see a general picture or to take joint actions. It is because now architects are usually not bound, they are "floating", no matter whether they want it or not, like independent vessels having no common direction. So, as I have already said, modernism has become a universal container – like a bank for money; like a library for books; like a supermarket where different kinds of food are mechanically gathered together... It is like a large soup plate where we place different ingredients: fish, vegetables, etc., but neither of these ingredients knows the purpose of the soup and what products are mixed in it.

Unlike 50 years ago, when the map of architecture was strictly structured and openly declared, today everything is mixed up, that is why it is difficult to have any common and solid ideas for this...

Probably, because of it we feel a kind of nostalgia for the whole postwar period, and not only for the Metabolism platform, but also for the British and Italian avant-garde of that time. However, the situation has radically changed since then. After the 1980s, we were no longer onboard that ship. And today, we are still in this unprecedented ocean, having no direction and feeling nostalgia for those times where things were more definite, more optimistic and, certainly, more collectivist than now... Together with Le Corbusier, Mies van der Rohe, Aalto and Wright, we gathered all the passengers on deck to give rise to one big idea... Sometimes there was a consensus, and we decided to unite around a common manifesto, and sometimes we argued. Now, in the absence of the ship, there is neither a unity nor

ко по платформе метаболизма, но и по британскому и итальянскому авангарду того времени. Но с тех пор ситуация радикально изменилась. После 80-х мы больше не плавали на таком корабле. И сегодня мы находимся в этом беспрецедентном океане без направления, и мы чувствуем в себе ностальгию по временам, когда вещи были более определенными, более оптимистичными и, безусловно, более коллективистскими, чем теперь... Вместе с Ле Корбюзье, Мисом ван дер Роэ, Аалто, Райтом мы собирали всех пассажиров на палубе, чтобы породить одну большую идею... Иногда был консенсус, и мы решали объединиться вокруг общего манифеста, а иногда мы спорили. Теперь, когда нет этого корабля, нет ни согласия, ни конфликта, все становится относительным в этом мире, где все разрешено, и люди становятся более циничными. Вот почему сегодня никто не может придумать манифест, как это было в 1960-х годах.

Каковы компоненты, которые отсутствуют в современном обществе, из-за которых невозможно предложить общую перспективу? Видите ли, сегодня мы живем в эпоху какого-то циничного релятивизма (2), в ситуации общего кризиса идентичности.

Я думаю, что в этих условиях важно, чтобы каждый, по крайней мере, принял ответственное решение, как он соотносится с другими – идеями, группами и позициями. В этих условиях ответственность архитектурных историков и критиков заключается в том, чтобы говорить не о зданиях или проектах, а о том, что происходит в более широких масштабах, в том числе о событиях недавнего прошлого. К сожалению, конструктивная критика уже не так сильна, и это очень плохо. Конечно, я уважаю таких архитектурных мыслителей, как Колин Роу (3), Кевин Линч (4), Манфредо Тафури (5) и Кеннет Фрэмpton (6), но людей этого уровня слишком мало... Таких критиков нужно гораздо больше для развития архитектуры, потому что сегодня мы слишком заняты производством, и мы довольно ленивы, чтобы оценить, что мы делаем или что мы уже сделали.

Плавающий модернизм

Релятивистская идея плавающего модернизма гласит, что архитектурная культура развивается в постоянном обмене между различными существующими традициями. Но этот обмен часто очень интуитивен, без серьезных

> Новое здание Медиалaborатории МТИ, (MIT Media Lab Complex), Кембридж, Массачусетс, 2012 / MIT's new Media Lab Complex, Cambridge, Massachusetts, 2012

a conflict. Everything becomes relative in the world where everything is permitted, and people become more cynic. That is why nobody can create a manifesto, as it was in the 1960s.

What are the components missing in the present-day society, without which it is impossible to outline a common prospect? The matter is that we are living in the epoch of cynic relativism, against the background of the overall crisis of identity.

I think that in these circumstances it is important for everybody to make a responsible decision in relation to other ideas, groups and positions. The responsibility of architectural historians and critics involves speaking not only about buildings or projects, but rather about what happens on a larger scale, including the recent events. Unfortunately, constructive criticism is not already so strong, and this is very bad. Of course, I respect such architectural thinkers as Colin Rowe, Kevin Lynch, Manfredo Tafuri and Kenneth

Frampton, but there are too few people of such level... The development of architecture demands much more of such critics, because we are now too busy with production and too lazy to evaluate what we are doing and what we have already done.

Floating modernism

The relativist idea of floating modernism asserts that architectural culture evolves through continuous exchange between different existing traditions. But this exchange is often very intuitional, lacking serious research. In my article "Floating Modernism", I say that now there are conditions for the emergence of new regionalisms. It provides broader opportunities for everyone to draw upon others... But you see, it demands a strong personality and freedom of selection, choice, acceptance or denial... Being conquered by the Ottoman Empire or the Habsburg Empire or someone else, you cannot be independent. Japan,

исследований. В своей статье «Плавающий модернизм» я говорю, что сегодня существуют условия для возникновения новых регионализмов, и это дает широкие возможности, когда каждый человек может свободно черпать у других... Но видите ли, для этого нужна сильная личность и свобода подбора, выбора, принятия или отвержения... Представьте, что вы завоеваны Османской империей, или империей Габсбургов, или кем-либо; тогда вы не можете быть независимыми. Но у Японии был исторический период, когда мы в основном оставались одни, чтобы развиваться самостоятельно, а затем мы смогли воспринимать то, что нам нравится, и отвергать что-то другое. Таким образом, в 1850 году, когда мы открываем свою страну, мы пытаемся получить лучшее из-за границы. Мы не берем все подряд из Англии – мы берем только законы, но не архитектуру. Мы принимаем технологии и лекарства из Германии, искусства и кухню из Франции и т. д. Мы смогли выбирать, и проблема сегодня – где бы мы ни жили – можем ли мы построить свою собственную базу для отбора, когда мы окружены множеством опций? Я думаю, что это очень важно для нашей культуры, и для вас тоже. К счастью, в Японии у нас давняя традиция поглощения влияний, поэтому в течение некоторого времени нам удалось разработать определенный тип модернизма. Тем не менее, я думаю, что сегодня у нас нет сильной собственной идентичности, поэтому мы теряем больше, чем получаем.

Если сегодня невозможно иметь общее видение и общее понимание, каков может быть их эквивалент, который «слепит» индивидуальные человеческие надежды и ожидания в некий Цайтгейст (7), дух времени? То, что мы, в общем, потеряли, – это чувство общего, совместного будущего. Однако я думаю, что во всех этих хаотических движениях сегодня есть общий элемент, и это своего рода новый гуманизм. Но не как гуманизм эпохи Возрождения или гуманный подход скандинавского региона двадцатых, тридцатых и сороковых годов прошлого века – сегодня очень важная идея заключается в том, как иметь дело с человеком в обеих его формах: первый – очень общий взгляд на общий знаменатель всех людей, а другой – на конкретную идею каждого человека, определяемую регионом, культурой, временем и т. д. Баланс между этими двумя аспектами – это гуманитарная надежда, которую я разделяю...

Да, действительно, это похоже на простую дихотомию (8) и во всем мире, и локально... Но эта связь кажется слишком всеобъемлющей, чтобы иметь возможность форматировать что-то вроде направления или тенденции, устанавливать недостающий вектор эволюции. Однако я думаю, это очень важно; по крайней мере, это важно для меня... Задача состоит в том, чтобы понять, как учесть человека в обоих его измерениях в процессах проектирования и строительства и позволить людям жить в наших пространствах – потому что я думаю, что се-

< Медиалаборатория МТИ, интерьер лобби / MIT Media Lab, lobby interior

< Медиалаборатория МТИ, макет / MIT Media Lab, model

however, had a historical period of being alone to develop independently, and then we could accept what we liked and deny something else. Thus, in 1850, when we opened our country, we tried to draw upon the best from abroad. We didn't take everything from Great Britain – only the legislation, but not architecture. We accepted technologies and medication from Germany; arts and cuisine from France, etc. We had a choice. Today, the problem is, wherever we live, whether we can create our own selection basis while being surrounded by numerous options. I think it is crucial for our culture and for you too. Fortunately, Japan has an old tradition to absorb impacts, that is why, over a period of time, we have managed to work out a certain type of modernism. Nevertheless, I think that today our identity is not strong enough, so we lose more than we gain.

If it is now impossible to have a common vision and understanding, then what their equivalent can integrate individual human hopes and expectances into Zeitgeist,

the spirit of the times? What we have lost is a feeling of the common future. However, I think all these chaotic movements now have a common element – a sort of new humanism. But it is not Renaissance humanism or a humane approach of the Scandinavian region of the 1920s, 30s and 40s. A very important idea at the present time is how to deal with a human in the two forms: the first is a general view on the common denominator of all people; and the second is a view on a concrete idea of every human defined by the region, culture, time, etc. The balance between these two aspects is a humanitarian hope that I share...

Indeed, it looks like a simple dichotomy both globally and locally... However, this connection seems too universal to form something like a direction or tendency, to plot a missing vector of evolution. Though I think it is important, at least for me... The task is to understand and consider a human in the two dimensions during design and construction processes and to give the opportunity for people to

> Четвертое здание
Мирового торгового
центра, Нью-Йорк, 2013 г.
/ 4 World Trade Center, New
York, 2013

> Четвертое здание МТЦ.
Фасад / 4 World Trade
Center, façade

годня мы слишком заняты; мы производим, не оставляя себе времени думать. Даже если будущее неизвестно и оказывается, что мы не смогли точно спланировать его, наша цель должна состоять в том, чтобы понять, каковы отношения людей и поведение, возникающее из артефактов, которые мы производим; мне также очень интересно наблюдать особые условия или ситуации, связанные со зданиями, которые я построил. Например, как вы знаете, тридцать лет назад мы построили Hillside Terrace (9), а мой офис находился совсем рядом. Поэтому я всегда мог видеть, как развивается пространство; это глобальный процесс обучения для всех архитекторов.

Коллективная форма

Здесь возникает предположение о том, что мы не можем планировать будущее, но мы можем терпеливо наблюдать, как происходят события, обусловленные их собственными силами, закономерностями и правилами... И если мы не можем прогнозировать и планировать, нам просто нужно создать условия для всего, что должно произойти.

Создание условий для свободы... Это подводит нас к третьей теме. Я думаю, что идея коллективной формы, которую я разработал в 1960-х годах, является значительным достижением, которое резонирует с большинством современных стратегий городского планирования и дизайна. Как я понял эту идею? Я много путешествовал по Южной Европе, по Ближнему Востоку и Азии и во многих городах начал осознавать определенные генетические формы, созданные без преднамеренного желания... Эти формы отражали модели городского роста. Обычно мы думаем, что внесение порядка в город требует абсолютной власти, чтобы навязываться в виде мегаструктуры, но как только я обнаружил эффект коллективной формы, я решил, что порядок может быть укоренен в этом естественном процессе генетического развития, т. е. пространство может быть организовано путем перехода в противоположном направлении. Таким образом, мой путь к метаболизму сформировался не мечтой о мегаструктурах, но он прошел через облик групповых форм и таким образом ввел новый порядок.

live in our spaces, because I think that today we are too busy with production, leaving no time for thinking. Even if the future is unknown and it turns out that we cannot plan it properly, our aim should be to understand the people's relations and behavior arising from the artifacts produced by us. It is also very interesting to observe specific conditions or situations related to the buildings I built. For example, as you know, thirty years ago we built Hillside Terrace. Since my office was very close to it, I could always watch how the space developed. It is a global training process for all architects.

Collective form

Here we may suppose that we cannot plan the future, but we can patiently watch the events driven by their own forces, regularities and rules... And if we cannot forecast or plan, we should just create conditions for everything that will happen.

Эта идея может быть связана с теориями самоорганизации Пригожина, Стенгерс (10), а затем Мануэля де Ланды (11). И это в значительной степени связывает обмен веществ с нашим временем, когда города и здания рассматриваются как развивающиеся системы, раскрывая их способность адаптироваться к постоянно меняющимся обстоятельствам, как к живым органическим системам...

Да, я считаю, что это именно так. И это условие существования свободы, как вы сказали. Здания действительно развиваются, как личности. У меня есть аналогичный опыт наблюдения за тем, как здания развиваются, иногда портятся; затем, если мы достаточно чувствительны, нам нужно выяснить, где нам нужно внести коррективы. Я думаю, что эти наблюдения – как время приносит перемены и как адаптируются к ним здания – заставляют нас, архитекторов, чувствовать себя очень скромными. Но сегодня я не столько защищаю тезис о саморазвитии, сколько использую его на практике, а иногда пытаюсь его объяснить.

Я думаю, что эта забота о человеке в архитектуре очень важна и должна разделяться большим количеством людей. Коллективная форма урбанизма всегда является неким результатом эволюционного процесса, результатом адаптации системы к внешним обстоятельствам. Эти квазиорганические системы чувствительны, даже если они применяются локально... Как и при акупунктуре, весь организм города реагирует на локальное архитектурное решение. Каковы силы, которые регулируют коллективные формы в пространстве и делают коллективную форму настолько заметной? Я отвечаю на ваш вопрос двумя способами: один относится к Hillside Terraces, а другой – к коллективной форме в целом. В Hillside Terrace рост происходил без генерального плана. Этот объект рос в течение двадцати пяти лет – сначала я работал над небольшой частью проекта, через несколько лет клиент попросил меня пройти второй этап и так далее.

Поиск несовершенства

Было ли это задумано с самого начала? Вначале, к сожалению, у нашего клиента не было достаточного капитала, чтобы все осознать за один раз. В значительной степени все происходило случайно, но в этом я нашел смысл.

Creating conditions for freedom... It leads us to the third subject. I think that the collective form theory worked out by me in the 1960s is a significant achievement resonating with most of the contemporary town planning and design strategies. How did I understand this idea? I travelled a lot around South Europe, the Near East and Asia; and in many cities, I started to comprehend certain genetic forms created unintentionally... Those forms reflected the models of urban growth. We usually think that bringing order to the city demands an absolute power to impose it as a megastructure. But as soon as I noticed an effect of collective form, I decided that the order can be rooted in this natural process of genetic development, that is space can be organized by reverse transition. Thus, my way to Metabolism was not based on the dream of megastructures, but, running through the idea of group forms, it introduced a new order.

На протяжении всего процесса на каждом этапе у меня была возможность очень внимательно наблюдать за процессом разработки и думать, что будет лучшим решением для второго, третьего этапа и т. д. Затем я начал думать, что, как только ситуация меняется со временем, жилье, которое мы строим, должно отражать меняющийся контекст: для каждой фазы необходимо разработать другую типологию домов, отражающую меняющийся образ жизни в Токио в течение этих двадцати пяти лет. Но с самого начала все случайно и непредсказуемо.

Теперь, чтобы вернуться к более общему ответу на ваш вопрос о силах, которые управляют городской текстурой. Здесь я могу сказать, что у нас нет коллективной формы другого вида, чем тот, который программируется местом, клиентом и т. д. Но в то же время меня всегда интересовало пространство между объектами. Если у нас есть два объекта, пространство между ними столь же важно,

в Общественный политический центр «Аненберг», Университет Пенсильвании, 2011 / Annenberg Public Policy Center, University of Pennsylvania, 2011

This idea can be related to the self-organization theories of Prigogine, Stengers, and then Manuel de Landa. This closely links Metabolism with our times, considering cities and buildings as evolving systems and revealing their ability to adapt to constantly changing conditions as to living organic systems...

Yes, I think so. And it is a condition for freedom, as you say. Buildings really evolve, like personalities. Similarly, I watch buildings evolve and sometimes get out of order, and then, if we are sensitive enough, we should figure out where to make adjustments. I think that these observations of how time brings changes and how buildings adapt to them make us architects feel ourselves very modest. But today, I don't support the thesis on self-development so much as I use it in practice, sometimes trying to explain it.

I think this concern for a human is very important and should be shared more broadly in architecture. The collective form of urbanism is always a result of the evolutionary

process, of the adaptation of the system to external conditions. These quasi-organic systems are sensitive, even if locally used... Like in acupuncture, the whole organism of the city responds to the local architectural solution. What are the forces that regulate collective forms in the space and make a collective form so noticeable? I will answer your question in two ways: one is related to Hillside Terrace, and the other – to the collective form as a whole. The growth of Hillside Terrace occurred without a master plan. Its growth lasted twenty-five years: first I worked on a small part of the project; and after several years the client asked me to perform the second stage, etc.

Searching for imperfection

Was it planned from the beginning? Initially, our client didn't have enough funds to realize everything at a time. It mostly happened accidentally, but I found it reasonable. Throughout the process, at every stage, I had

^ Офисное здание на площади Астор, Нью-Йорк, 2012 г. / The office building in Astor Place, New York, 2012

^ Эскизы Маки, представляющие композиционные, мега- и коллективные формы. Проект „Хиллсайд Террас“, Токио, строился в течение 30 лет с постепенной достройкой, следующей логике создания коллективной формы / Maki's sketches presenting compositional mega- and collective forms. Hillside Terrace, Tokyo was built over 30 years with gradual addition, following the logic of creation of collective form

как и сами артефакты. У пространства есть своего рода заряд.

Иногда это пустое пространство может влиять на формирование объектов, возможно также и обратное. Можно считать, что это рецепт для векторного процесса, который вы задавали. Массивные архитектурные пространства и пустые пространства, а также напряженность между ними... Но когда вы спрашиваете, есть ли в пространстве и времени вектор, определяющий коллективную форму, я не могу ответить, потому что у меня должен быть набор конкретных обстоятельств, на которых можно выделить определенные векторы, управляющие формообразованием. Вообще говоря, власть – это желание перемен. Слова «генетическая форма» и «изменение» являются ключевыми для метаболизма. Формирование вектора может включать любые обстоятельства, которые влияют на рост городской структуры. Вы видите, наш город никогда не будет идеальным, потому что мы, люди, постоянно меняемся. Один мой друг сказал однажды: город всегда будет несовершенным. Я склонен согласиться с ним.

Поэтому вы правы, несовершенство – это в какой-то мере движущая сила развития городского организма... В какой-то мере – да, иначе не было бы никаких комментариев или протестов – в этом смысле я принимаю несовершенство. Когда я был молод, у меня было другое отношение: я думал, что когда-нибудь смогу создать что-то более совершенное.

Совершенное несовершенство... Согласимся, что с возрастом человек становится немного циничным и теряет веру в совершенство. В последнее время у нас есть много проектов за рубежом – в Сингапуре, на Тайване, в США и Европе, но вы понимаете, что архитектура должна быть связана с определенным временем, местом и обстоятельствами. Естественно возникает вопрос: как нам удается формировать проекты, хотя условия настолько разные? И здесь я хочу сказать что-то очень простое, но важное... Я стараюсь создавать пространства, которые нравятся людям. Я думаю, что это моя самая важная миссия. Если людям не нравится то, что я сделал, мне нужно подумать, где я ошибаюсь.

Причина, по которой мне всегда интересно наблюдать и ценить то, что мы создали, – это то, что я хочу посмо-

an opportunity to watch the elaboration very attentively and think about the best solution for the second, the third and other stages. Then I started to think that, as the situation changes over time, the dwelling built by us should reflect the changing context. Each stage demands working out a new typology of houses, which would reflect the style of life in Tokyo changing over these twenty-five years. However, from the beginning, everything was accidental and unpredictable.

To come back to a more general answer to your question about the forces controlling the urban fabric, I can say that we have no other type of collective form than the one programmed by the place, the client etc. At the same time, I have always been interested in the space between objects. If we have two objects, the space between them is as important as the artifacts. The space has a sort of charge.

Sometimes this empty space may influence the formation of objects, and the converse is also possible. We can

assume it to be a formula for the vector process specified by you. Massive architectural spaces and empty spaces, as well as tensions between them... But when you ask me if there is a vector in space and time that determines the collective form, I have no answer, because I need a combination of concrete circumstances to distinguish certain vectors that define form making. In general, power is a desire for changes. "Genetic form" and "change" are the key words for Metabolism. Formation of the vector may imply any circumstances that influence the growth of urban structure. You see, our city will never be ideal, because we the people are constantly changing. A friend of mine once said, "The city will always be imperfect". I tend to agree with him.

You are right, imperfection is to some extent a driving force of development of the urban organism... Yes, to some extent, because otherwise there would be neither comments nor protests. I accept imperfection in this sense.

треть, как работает пространство, и посмотреть, действительно ли оно работает как архитектурный объект. В Массачусетском технологическом институте мы создали медиа-лабораторию, чье 25-летие отмечалось в прошлом году. Многие исследователи говорили о своей работе и условиях, в которых они работают. Все признавали, что с момента их работы в новом здании их научная работа еще больше стимулировалась самим пространством. Я не могу описать, насколько я счастлив... Они не уточняли, насколько прекрасно это выглядит, насколько там красиво или какие материалы там использованы, но само это пространство стимулирует их в повседневной жизни. Я получил истинное профессиональное удовлетворение. Я слышал другие признания – о здании крематория, которое я разработал, – и я слышал, как люди говорили, что будут счастливы умереть в этом месте!

Мы всегда должны думать, как угодить людям, как доставить им удовольствие. Витрувий сформулировал три основные ценности в архитектуре – удобство, прочность, красота (12). Третий принцип – *venustas*, или красота, как переводилось в университетах, позже интерпретировался другим ученым не как красота, а как удовольствие, наслаждение. В настоящее время многие ученые воспринимают именно эту интерпретацию, поскольку красота подчиняется времени, культуре и даже личному вкусу, а удовольствие – это нечто более фундаментальное, присущее как людям, так и животным. Если ваш проект, ваше пространство может предложить людям разные виды удовольствия, вы можете считать себя счастливым архитектором.

Поэтому можно сказать, что одна из важных миссий архитектора состоит в том, чтобы обеспечить удовольствие через пространство, которое он создает...

Краткая биография

Фумихико Маки родился в Токио в 1928 году. Получил степень бакалавра архитектуры в Токийском университете и степень магистра в Соединенных Штатах, в Академии искусств Кранбрук в Мичигане и в Школе дизайна Гарвардского университета. Прежде чем вернуться в Токио в 1965 году, чтобы открыть свою собственную компанию, Маки работал в офисах SOM, Sert Jackson и Associates

< Хиллсайд Террас с птичьего полета / A bird's-eye view of Hillside Terrace

в Хиллсайд Террас, уличный интерьер / Hillside Terrace, street interior

When I was young, I had another opinion – I thought one day I would create something more perfect.

A perfect imperfection... As people grow, they become more cynic and cease to believe in perfection. Lately we have many projects abroad – in Singapore, Taiwan, the USA and Europe, but, you know, architecture should be connected with a certain time, place and circumstances. Naturally, this brings up the question how we can elaborate projects in different contexts. I want to say one very simple but very important thing... I try to create spaces that people like. I think it is my primary mission. If people don't like what I do, I should figure out where I mistake.

The reason why I am always interested in watching and valuing what we create is my desire to see how the space works and whether it works as an architectural object. We created a media laboratory at Massachusetts Technical Institute. Last year the laboratory celebrated its 25th anniversary. Many researchers spoke about their work and

working conditions. Everybody admitted that, since they started to work in the new building, their scientific work has been more stimulated by the space. I cannot describe how happy I am... They didn't specify how beautiful it was and what materials were used, but the space itself stimulates their everyday life. It was a true professional satisfaction. I heard some other praises about the crematorium building designed by me. I heard people say that they would be happy to die in that place!

We should always think how to please people. Vitruvius formulated three basic values in architecture: strength, utility and beauty. The third principle, *venustas* (translated by universities as beauty) was later interpreted by another scientist not as beauty but as delight. At the present time, many scientists accept the latter interpretation, because beauty is subject to time, culture and even personal taste, while delight is something more fundamental, inherent to both people and animals. If your project, your space can of-

и в дизайнерском офисе Вашингтонского университета в Сент-Луисе.

С 1950 по 1965 год он работал и преподавал в Соединенных Штатах. Он вернулся в Японию и основал свой собственный Makі Associates в Токио. С 1969 по 1992 год он возглавлял жилищное строительство Hillside Terras в Токио. В 2003 году было завершено строительство штаб-квартиры телевидения Асахи, затем в Тайбэе, Тайване и многих других городах Японии и во всем мире, включая новейшие и знаменитые: здание 4 – часть Всемирного торгового центра Манхэттена (2013 год), Фонд Ага

Хан в Торонто (2014 год) и Skyline на Бульваре в Орхаре в Сингапуре (2015 год), Музей Бихар в Патне (Индия), Vuona Vista One-North и Singapore Media Corp. в Сингапуре, культурный центр Sea World в Шэньчжэне (Китай), здание консолидации Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке и блок 20–02 в Бейруте. В Соединенных Штатах он преподает архитектуру и городской дизайн в Гарварде и Вашингтонском университете.

Вернувшись в Японию, он стал профессором Токийского университета. Он интенсивно преподает и читает лекции в Японии, США и Европе. Его работы в составе

> Музей исламской культуры Фонда Ага Хана, Торонто, 2014 г. / Aga Khan Museum of Islamic Art in Toronto, 2014

fer a variety of delights to people, you can consider yourself a happy architect.

Thus, I can say that one of the most important missions of architects is to bring delight through the space created by them...

Short biography

Fumihiko Maki was born in Tokyo in 1928. He took a Bachelor of Architecture degree at the University of Tokyo and a Master's degree at Cranbrook Academy of Art, Michigan and at the Graduate School of Design, Harvard University, the USA. Before returning to Tokyo in 1965 to open his own company, Maki had worked for SOM, Sert, Jackson and Associates, and a design office at Washington University in St. Louis.

From 1950 to 1965, he worked and taught in the United States. He returned to Japan to establish his own firm, Maki Associates in Tokyo. From 1969 to 1992, he headed the

коллектива авторов были опубликованы в издании MIT Press в издательстве «Nurturing Dreams». Маки получил множество высших профессиональных наград, включая премию Вольфа из Израиля (1988), медаль за архитектуру Томаса Джефферсона (1990), золото UIA Medal (1993), премия Арнольда Бруннера из Американской академии искусств и литературы и Praemium Imperiale от Японской ассоциации искусств (1999). Гарвардский университет наградил его в 1993 году премией принца Уэльского за градостроительство. Фумихико Маки является лауреатом ежегодной премии 2014 года IAA, организатора Международного триеннале архитектуры в Софии (2015).

Премия Притцкера была присуждена Маки в 1993 году. В 2011 году Американский институт архитекторов наградил его высшей наградой – Золотой медалью.

1. Нобору Кавазое (1926–2015) – японский архитектурный критик, который играет большую роль в восприятии японской архитектуры на Западе. Член Kavadzoe группы метаболистов и ее бессменный пресс-секретарь. С 1953 по 1957 год он был редактором журнала «Архитектура Японии», первого журнала для архитекторов, который выходит на английском языке с 1956 года

2. Релятивизм не является самостоятельным учением, а скорее системой взглядов, объединенных позиций, в которые связаны такие категории, как знания, мораль и поведение в зависимости от чего-то еще (например, от культуры, исторического момента и языка). Согласно релятивизму, истина и мораль относительны и должны рассматриваться только с точки зрения исторического контекста и господствующих принципов и норм. Согласно такой разновидности релятивизма, как культурный релятивизм, разные культуры определяют и интерпретируют различные явления по-разному, и поэтому в перспективе ни одна культура не может быть использована для понимания и оценки других культур. Моральный релятивизм утверждает мысль, что понимание добра и зла является предметом общественного договора и согласия, и, следовательно, не имеет общего значения

3. Колин Роу (1920–1999) – американский историк, критик и теоретик архитектуры; преподавал в Кембридже, Корнелле и других университетах. В 1995 г. удостоен золотой медали RIBA

4. Кевин Эндрю Линч (1918–1984) – американский урбанист и автор. Он известен своими работами по сенсорным формам городской среды и является одним из первых сторонников психического отображения. Его самые влиятельные книги – «Образ города» (1960) и «В какое время это место?» (1972)

work on the Hillside Terrace complex in Tokyo. In 2003, he accomplished the TV Asahi headquarters, then in Taipei, Taiwan and many other buildings in Japan and worldwide, including the newest and the most famous ones: 4 World Trade Center in Manhattan (2013), the Aga Khan Museum in Toronto (2014) and the Skyline at Orchard Boulevard in Singapore (2015); the Bihar Museum in Patna, India, Buona Vista, One-North and Singapore Mediacorp. in Singapore, the Sea World Culture and Arts Center in Shenzhen, China, the United Nations Consolidation Building in New York and Beirut's Block 20-02. He is teaching architecture and urban design at Harvard and Washington Universities.

After returning to Japan, he becomes a professor at Tokyo University. He is actively lecturing in Japan, the USA and Europe. Being part of teams of authors, he published his works in "Nurturing Dreams" with the publisher MIT Press. Maki has received a lot of high professional awards, including Wolf Prize (Israel, 1988), Thomas Jefferson Medal

5. Манфред Тафури (1935–1994), итальянский архитектор, историк, теоретик, критик и исследователь, считается самым замечательным мыслителем в области архитектурной истории, теории и философии во второй половине двадцатого века

6. Кеннет Фрамpton (1930) – британско-американский архитектор, критик, историк и профессор Колумбийского университета в Нью Йорке. Изучал архитектуру в школе искусств «Гилфорд» и в Архитектурной ассоциации (AA) в Лондоне. Преподавал в Королевском колледже искусств (1961–1964), Ассоциации Архитектуры (AA) (1961–1963), в Принстоне (1966–1971), в школе «Бартлетт» (подразделение Университетского колледжа в Лондоне (с 1980 г.), в Колумбийском университете (с 1972 г.) и сотрудничал с Институтом архитектуры и урбанистики в Нью Йорке

7. Zeitgeist (нем.) – дух времени

8. Дихотомии – так в логике обозначается расщепление общего понятия на два противоречивых вида понятий, одно из которых отрицает другое

9. «Hillside Terrace» представляет собой жилой комплекс. Разработан в качестве коллективной формы жизни, строился в семь этапов с 1969 года в соответствии с меняющимися обстоятельствами в Токио. Много различных стратегий дизайнера были использованы для создания уникальной атмосферы комплекса, отвечая на тонкие топографические изменения, пространственные природные обстоятельства, чтобы создать конкретные общественные места. Успех проекта обусловлен пространственными архитектурными решениями

в Крематорий «Кадзе-но-Ока». Внутренний двор. Токио, 1996 г. / Kaze-No-Oka Crematorium, inner courtyard, Tokyo, 1996

in Architecture (1990), the International Union of Architects Gold Medal (1993), Arnold W. Brunner Memorial Prize awarded by the American Academy of Arts and Letters and Praemium Imperiale awarded by the Japan Art Association (1999). In 1993, Harvard University awarded him with the Prince of Wales Prize in Urban Design. In 2014, Fumihiko Maki received the "Annual Prize" from the IAA, the organizer of the World Triennial of Architecture in Sofia (2015).

The Pritzker Prize was awarded to Maki in 1993. In 2011, the American Institute of Architects gave him the Gold Medal, the highest award.

и целенаправленным развитием общества посредством многих формальных и неформальных мероприятий в сочетании с архитектурным совершенством. Все это делает «Hillside Terrace» уникальной частью ландшафта Токио

10. Илья Пригожин и Изабель Стенгерс – авторы книги «Порядок из хаоса» (Order out of Chaos, University of Michigan: Bantam Books, 1984). Илья Пригожин – лауреат Нобелевской премии за 1977 г. за работы по термодинамике неравновесных систем

11. Мануэль де Ланда (1952) – мексиканский писатель, художник и философ, профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке, где он живет с 1975 года; его работы относятся к теории Жюль Делеза и Феликса Гваттари и их связи с теорией возникновения порядка из хаоса спонтанных взаимодействий, более конкретно – в приложениях к искусству, экономике, архитектуре и современной науке, в том числе теории хаоса. Его основное исследование под названием «Морфогенез» – появление непостоянных структур в материальных потоках, которые определяют наш естественный и материальный мир – вызвало большой интерес в различных дисциплинах и областях знаний

12. Utilitas, firmitas, venustas (лат.) – удобство, прочность, красота

1. Noboru Kawazoe (1926-2015) was a Japanese architectural critic, who played a significant role for perception of Japanese architecture in the West. He was a member and a press secretary of the Metabolism Group. From 1953 to 1957, he was an editor of a Japanese architectural magazine, the first magazine for architects published in English since 1956

2. Relativism was not an independent theory, but rather a system of joint viewpoints embracing such categories as knowledge, morals and behaviours, depending on something else (for example, culture, historical moment or language). According to relativism, truth and morality are relative and should be considered only from the point of view of the historical context and prevailing principles and norms. According to such type of relativism as cultural relativism, different cultures define and interpret different phenomena in a different way. Thus, eventually, none of the cultures can be used to comprehend and evaluate other cultures. Moral relativism affirms that the idea of good and evil is a subject of common agreement and therefore has no general meaning

3. Colin Rowe (1920-1999) was an American architectural historian, critic and theoretician. He taught at Cambridge, Cornell and other universities. In 1995, he was awarded the RIBA Gold Medal

4. Kevin Andrew Lynch (1918-1984) was an American urban planner and author. He is known for his work on the perceptual forms of urban environment and was one of the early proponents of mental mapping.

His most influential books are The Image of the City (1960) and What Time Is this Place? (1972)

5. Manfredo Tafuri (1935-1994) was an Italian architect, historian, theoretician, critic and researcher. He is considered the most prominent architectural historian, theoretician and philosopher of the second half of the XX century

6. Kenneth Frampton (born 1930) is a British-American architect, critic, historian and professor at Columbia University, New York. He studied architecture at Guildford School of Art and the Architectural Association (AA) School of Architecture, London. He taught at the Royal College of Art (1961-1964), the Architectural Association (AA) (1961-1963), Princeton University (1966-1971), the Bartlett School of Architecture, London (since 1980), Columbia University (since 1972) and was a fellow of the Institute for Architecture and Urban Studies in New York

7. Zeitgeist (Germ.) – the spirit of the times

8. Dichotomies are defined by the logic as a split of a general concept into two controversial and mutually exclusive concepts

9. Hillside Terrance is a residential complex. It is elaborated as a collective form of living. It was built in seven phases since 1969, in compliance with the changing conditions in Tokyo. The unique atmosphere of the complex was created with the help of various design strategies responding to subtle topographic changes and spacious natural conditions to create concrete public spaces. The project was a success due to spacious architectural solutions and purposeful development of the community with the help of many formal and informal events together with architectural perfection. This makes Hillside Terrance a unique part of the Tokyo landscape

10. Ilya Prigogine and Isabelle Stengers are the authors of "Order out of Chaos" (University of Michigan: Bantam Books, 1984). In 1977, Ilya Prigogine received the Nobel Prize for his contribution to non-equilibrium thermodynamics

11. Manuel de Landa (born 1952) is a Mexican writer, artist and philosopher, professor at Columbia University, New York, where he has lived since 1975. His works focus on the theories of Gilles Deleuze and Felix Guattari and their relation to the theory of the emergence of order out of chaos of spontaneous interactions, particularly, as applied to arts, economics, architecture and contemporary science, including chaos theory. His principal research called Morphogenesis (emergence of unsteady structures in material flows, which define our natural and material world) aroused keen interest among different branches and fields of knowledge

12. Utilitas, firmitas, venustas (Lat.) – utility, strength and beauty

авторы / authors

Авксентюк Владимир Петрович – заслуженный архитектор Российской Федерации, лауреат премии Ленинского комсомола, лауреат Государственной премии России (Новосибирск)

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Багнетов Тимофей Александрович – директор по продажам и маркетингу «Декотек Инжиниринг» (Москва)

Блянкинштейн Ольга Николаевна – кандидат архитектуры, доцент, зав. кафедрой основ архитектурного проектирования Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета (Красноярск)

Боков Андрей Владимирович – народный архитектор России, доктор архитектуры, академик РААСН, президент МААМ (Москва)

Булгакова Елена Александровна – кандидат архитектуры, зав. кафедрой архитектуры МИТУ-МАСИ (Москва)

Григорьева Анна Сергеевна – переводчик АНО «Востоксибакадем-центр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – заслуженный архитектор России, член-корреспондент РААСН, вице-президент Союза архитекторов России

Дьякова Татьяна Федоровна – член Союза архитекторов России, Главный архитектор мастерской ЗАО «Творческая мастерская П. И. Анисифорова» (Барнаул)

Зайцев Евгений Павлович – член правления Алтайской организации СА России, член оргкомитета ЗВС – 2018 (Барнаул)

Зыков Сергей Николаевич – председатель правления Кемеровской региональной организации СА России

Казакова Валентина Игоревна – архитектор, Сибирская лаборатория урбанистики (Иркутск)

Кондратьева Инна Анатольевна – заместитель главного архитектора Иркутской области

Кузьмин Александр Викторович – академик, президент Российской академии архитектуры и строительных наук

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии

Малафеев Виктор – архитектор, дизайнер (Барнаул)

Оголь Ольга Анатольевна – архитектор (Кемерово)

Привалов Максим Евгеньевич – экономист, социолог-урбанист (Москва)

Разумовский Михаил Феликсович – архитектор, урбанист, сотрудник бюро «Рождественка» (Москва)

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член СМА, член Союза дизайнеров России (Латвия)

Салмин Леонид Юрьевич – кандидат искусствоведения, дизайнер, архитектор, профессор кафедры графического дизайна Уральского архитектурно-художественного университета (Екатеринбург)

Смирнова Ольга Федоровна – главный архитектор ландшафтной фирмы «Сады Семирамиды», член правления Красноярской организации СА России

Станишев, Георги – архитектор, теоретик и критик архитектуры (Болгария)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Байкальского государственного университета, сотрудник Центра независимых социальных исследований (Иркутск), член Союза журналистов России

Хорн, Кристиан – архитектор, градостроитель (Франция)

Хувен, Франк ван дер – доктор философских наук, доцент кафедры градостроительного проектирования, директор по науке факультета архитектуры и строительства Дельфтского технического университета (Нидерланды)

Черников Артём Витальевич – архитектор, урбанист, преподаватель (Москва)

Vladimir Avksentyuk – honored architect of the RF, laureate of the Leninsky Komsomol Award, laureate of the State Award of the RF (Novosibirsk)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Timofei Bagnetov – marketing director, “Dekotech Engineering” (Moscow)

Olga Blyankinstein – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, head of the Department of Fundamentals of Architectural Design at Institute of Architecture and Design of Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Andrey Bokov – national architect of Russia, Doctor of Architecture, academician of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), president of IAAM (Moscow)

Elena Bulgakova – Ph.D. in Architecture, head of the Architecture Department at Moscow Information and Technological University – Moscow Architecture and Construction Institute (Moscow)

Anna Grigorieva – translator, ANO Vostoksibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – honored architect of the RF, corresponding member of the RAACS, vice president of the Union of Architects of Russia (UAR), member of IAAM

Tatyana Dyakova – member of the UAR, chief architect of ZAO “P. I. Anisiforov’s Creative Studio” (Barnaul)

Evgeny Zaitsev – member of the Board of the Altai Organization of the UAR, member of the organizing committee of “Zodchestvo in Siberia 2018” (Barnaul)

Sergey Zykov – chairman of the Board of the Kemerovo Regional Organization of the UAR

Valentina Kazakova – architect, Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Inna Kondratyeva – deputy chief architect of the Irkutsk region

Alexander Kuzmin – academician, president of the RAACS

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology

Victor Malafeev – architect, designer (Barnaul)

Olga Ogol – architect (Kemerovo)

Maxim Privalov – economist, sociologist-urbanist (Moscow)

Mikhail Razumovsky – architect, urbanist, “Rozhdestvenka” architectural bureau (Moscow)

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the Union of Moscow Architects, member of the Union of Designers of Russia (Latvia)

Leonid Salmin – Ph.D. in Art History, designer, architect, professor of the Department of Graphical Design at Ural State University of Architecture and Art (Yekaterinburg)

Olga Smirnova – chief architect of “Semiramida Gardens” Landscape Company, member of the Board of the Krasnoyarsk Organization of UAR (Krasnoyarsk)

Georgi Stanishev – architect, architecture critic (Bulgaria)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at BSUEL, member of the Center for Independent Social Research (Irkutsk), member of the Union of Journalists of Russia

Christian Horn – architect, urban planner, office Rethink (France)

Frank van der Hoeven – Ph.D., Associate Professor & Director of Research at TU Delft, Faculty of Architecture and the Built Environment (Netherlands)

Artem Chernikov – architect, urbanist, teacher (Moscow)

projectbaikal.com